С.Е.ТОЛЫБЕКОВ

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЗАХОВ В XVII-XIX ВЕКАХ

АЛМА-АТА 1959

С. Е. ТОЛЫБЕКОВ

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЗАХОВ В XVII-XIX ВЕКАХ

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Алма-Ата — 1959

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава первая. О специфических особенностях основных средств производства кочевого скотоводства и оседлого земледелия 7
Глава вторая. Скот как объект частной собственности и средство эксплуатации человека человеком в кочевом скотоводческом обществе 86
Глава третья. О некоторых особенностях экономической и политической жизни кочевых народов. 140
Глава четвертая. Социально-экономическое и внешнеполитическое положение казахских жузов, обусловившее в 30-х годах XVIII века их добровольное присоединение к России 192
Глава пятая. Процесс присоединения казахских жузов к России в XVIII—XIX вв. и прогрессивные изменения в земельных отношениях у кочевников 255
Глава шестая. Общественно-экономический строй казахов XVII—XVIII вв. и основные признаки консервативности кочевого общества 375

Сергали Есбембетович Толыбеков
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЗАХОВ В XVII—XIX ВЕКАХ

Редактор *Ф. В. Жизневский.* Худож. оформление *С. Веревкина.*
Худ. редактор *П. Дубров.* Техн. редактор *В. Ойстрах.*
Корректор *Э. Тимошенко.*

Сдано в набор 11/XI 1958г. Подписано к печати 17/IV 1959 г. УГ 07103
Формат $84\times108^{1}/_{32} - 14 = 22{,}9$. п. л. (2,519 уч.-изд. л.)
Изд № 237. Тираж 10000 экз. Цена 8 руб.
Казгосиздат, г. Алма-Ата, ул. Панфилова, 143.

Типография № 2. Главиздата Министерства культуры КазССР.
г. Алма-Ата, Карла Маркса, 63.
Заказ № 1067.

ВВЕДЕНИЕ

Создание научной истории народного хозяйства дореволюционного Казахстана является важнейшей задачей советской экономической науки. Научные проблемы экономического строя и классовой структуры кочевого общества казахов все еще остаются до конца неразрешенными. Слабая изученность экономической жизни кочевого скотоводческого общества, его специфики и невыясненность многих сторон социально-экономических отношений в кочевом ауле казахов препятствуют правильному подходу к разрешению многих проблем, связанных с историей народа.

Изучаемый нами период — XVII — XIX века — период господства патриархально-феодальных отношений в казахском обществе, то есть таких переходных отношений, где существовало сложное переплетение и взаимопроникновение старых отживающих свой век общественных явлений с новыми. Это создает особую трудность в понимании процессов общественной жизни данного общества.

Марксизм дал единственно верную научную теорию общественного развития, в основу которой в качестве главного и определяющего момента положено изучение способа производства материальных благ, обусловливающего все стороны общественно-политической жизни людей.

Это основополагающее теоретическое положение марксистско-ленинской науки нами и было положено в основу исследования общественно-экономического строя Казахстана в XVII — XIX вв., что дало возможность, на наш взгляд, правильно подойти к изучению кочевого общества казахов этого периода, вскрыть специфику

условий его материального производства, влиявших на весь ход исторического развития народа.

Главное внимание в работе уделено вопросам общественного производства.

Марксизм-ленинизм учит, что производство вообще — чистая абстракция, оно всегда существует в виде определенной отрасли производства, как, например, кочевое скотоводство, оседлое земледелие с развитым животноводством, фабрично-заводская промышленность, или в виде их сочетания. А преобладание каждого из этих видов материального производства так или иначе выражает уровень общественно-экономического развития.

Маркс писал: «Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества»[1]. Поэтому правильная характеристика социально-экономической природы материального производства казахских кочевников является основным критерием правильной оценки уровня исторического развития этого общества. Без этого нельзя и невозможно правильно охарактеризовать ни одно явление в конкретной жизни общества. Материальное производство в условиях кочевого общества казахов XVII—XIX вв., как и в условиях любого общества, выступало как конкретное выражение трудовой деятельности людей, форма и содержание которой определялись уровнем развития производительных сил и экономической структурой данного общества.

Решающее значение этого положения неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. Он указывал, что только сведение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало Марксу «твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом. А понятно само собой, что без такого воззрения не может быть и общественной науки»[2].

---

[1] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1951, стр. 11.

[2] *Ленин В. И.* Соч., т. 1, стр. 123.

Задача автора настоящей работы заключается прежде всего в том, чтобы, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, поставить и осветить основные вопросы общественно-экономического строя кочевого скотоводческого хозяйства казахов в XVII — XIX веках путем анализа и обобщения конкретных фактов из истории казахского народа, а также разбора их в сопоставлении с материалами, характеризующими кочевое хозяйство различных стран и исторических эпох, начиная с древнейших времен. В задачу работы входит также рассмотрение основных вопросов, связанных с таким грандиозным историческим событием, как добровольное присоединение казахских жузов[1] к России и его прогрессивного значения в дальнейшей исторической судьбе казахского народа.

В работе дается теоретический разбор специфики основных средств производства кочевого скотоводческого и оседлого земледельческого хозяйств; разбираются вопросы об основе патриархально-феодальной эксплуатации при кочевом скотоводческом хозяйстве казахов, об особенностях развития материальной и духовной культуры у кочевых скотоводческих и оседлых земледельческих народов и об экономической основе казахского кочевого ханства в XVII—XVIII веках.

Автор ставит перед собой задачу вскрыть внутренние и внешнеполитические причины, обусловившие добровольное присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII столетия. Прослеживаются на конкретных фактах процесс присоединения казахских жузов к России, прогрессивные изменения кочевого хозяйства и земельных отношений у кочевников, появление ранее неизвестных, новых типов хозяйства.

В конце XIX и начале XX веков в Казахстане существовало три резко отличавшихся друг от друга типа хозяйств: кочевой, полукочевой и оседлый.

В работе, наряду с разбором экономики, организации хозяйства и землепользования каждого из этих типов хозяйств, рассматриваются классовая структура, сущность и формы эксплуатации в казахском ауле. Рассмот-

[1] Казахское слово «жуз» означает сотню. Весь казахский народ в XVII—XVIII вв. разделялся на три сотни (три жуза): старшую, среднюю и младшую, названные в русской литературе «ордами».

рено содержание патриархально-феодальных отношений, господствовавших в кочевом обществе казахов.

В ходе исследования автору удалось выявить и сформулировать пять основных признаков застойности кочевого скотоводства по сравнению с оседлым земледелием.

Значительное место отведено разбору и критике ошибочных положений теории «кочевого феодализма».

Сделать это мы должны были по следующим причинам.

Сторонники ошибочных положений теории «кочевого феодализма» отождествляют раннефеодальные (патриархально-феодальные) отношения с развитыми феодальными, преувеличивают роль и значение кочевого ханства казахов XV — XVIII вв., рассматривают его как типичную феодальную монархию с характерным для нее сословно-монопольным крупным феодальным землевладением; они преувеличивают значение относящихся к XVIII и началу XIX вв. межплеменных и межродовых грабительских набегов казахской военщины — батыров — и грабительских, полуворовских набегов на соседние народы, в том числе на пограничное русское население, расценивая их как типичную феодальную войну; сторонники этой теории проводили и проводят линию идеализации и восхваления всякого рода антинародных восстаний архиреакционных казахских султанов и батыров, направленных против оседлого образа жизни и добровольного присоединения казахского народа к России, рассматривая их как народную, национально-освободительную борьбу казахов за свою независимость. Все это привело сторонников этой ошибочной теории к фактическому отрицанию прогрессивного значения оседания казахского народа, происшедшего в результате добровольного присоединения к России.

В работе доказывается, что раннефеодальные, патриархально-феодальные отношения еще не есть развитые феодальные отношения, что между ними имели место существенные различия, которые выражали различный уровень развития производительных сил и производственных отношений.

Глава первая

О СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА И ОСЕДЛОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Классики марксизма-ленинизма определили, что труд — первое и основное условие человеческого существования, независимо от исторических форм общественно-производственных отношений. Труд есть целесообразная деятельность человека, направленная на создание предметов, пригодных для удовлетворения потребностей людей в рамках той или другой общественной формы. В широком смысле труд есть процесс присвоения людьми предметов природы, где субъектом является общество, люди, объектом — внешний мир, природа, а арсеналом всех предметов природы, следовательно, всех средств труда — земля. К. Маркс отмечает, что первоначально земля, снабжающая человека пищей, готовыми средствами жизни, существует без всякого воздействия со стороны человека *как всеобщий предмет его труда.* «Все предметы,— писал К. Маркс,— которые труду остается лишь вырвать из их непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда. Например, рыба, которую ловят, отделяют от ее жизненной стихии — воды,— дерево, которое рубят в первобытном лесу, руда, которую извлекают из недр земли»[1].

Земля является всеобщим средством труда, всеобщим и всеобъемлющим вместилищем, гигантской универсальной лабораторией, где совершаются многосложные действия законов природы. Она — колыбель и могила всей живой природы. По словам Ф. Энгельса, мы нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей[2].

---

[1] *Маркс К.* Капитал, т. I, 1952, стр. 185.
[2] *Энгельс Ф.* Диалектика природы, М., 1955, стр. 141.

Земля есть первоначальная всеобщая кормилица всего животного царства, включая людей. Земля, так или иначе, выступает в качестве всеобщих естественных условий всякой производственной деятельности человека, всеобщего средства труда. Но это всеобщее средство труда, без которого немыслимо никакое производство, играло и играет самую различную роль в процессе общественного производства, в зависимости от уровня развития производительных сил и своеобразия каждой отрасли труда. Она не могла играть одинаковую роль в условиях существования различных видов материального производства, каковыми являются охота, рыболовство, первобытное мотыжное земледелие, еще не отделившееся от первобытного пастушества, кочевое скотоводство, пашенное земледелие, высокоразвитое многоотраслевое сельское хозяйство, ремесло и фабрично-заводская промышленность. При таких различных условиях и различном уровне развития материального производства, не говоря о земле в целом, не могли быть одинаково полезными для производства различные предметы природы, добываемые из земли.

Известно, что каждый предмет природы, который может быть полезным для людей, характеризуется совокупностью многих свойств и поэтому он может быть полезным людям своими различными сторонами. А открыть эти различные стороны, то есть найти многообразные способы употребления тех или других вещей, Маркс считал делом исторического развития[1]. Это дает нам право рассматривать всю историю общественного развития одновременно как историю развития материального производства, как историю постепенного открытия людьми в предметах природы до того неизвестных способов их использования и потребления, как историю постепенного познания объективного мира, законов природы, следовательно, как историю последовательного открытия людьми «тайны» природы и возрастания власти человека над стихийной силой ее. «Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней»[2]. Об этом же говорит новый факт — открытие атомной энер-

---

[1] *Маркс К.* Капитал, т. I, 1952, стр. 41—42.
[2] *Ленин В. И.* Соч., т. 14, стр. 268.

гии, который не может не привести человечество к новой технической революции, к новому промышленному перевороту. Научная мысль в СССР неустанно работает над тем, чтобы эта могучая энергия, намного усиливающая власть человека над природой, была широко использована для целей развития общественного производства.

Человеку давно известна способность воды превращаться в пар. Но это ее свойство стало полезным обществу только тогда, когда им воспользовались для того, чтобы двигать паровую машину. Промышленное использование пара было крупным шагом в истории общества, в результате широкого применения которого намного повысилась производительность общественного труда. Другим примером могут служить полноводные реки. Было время, когда люди ограничивались употреблением воды рек только для питья, потом реки стали использовать для рыболовства, водопоя скота, затем при помощи ирригационных сооружений для искусственного орошения полей; постепенно река стала служить водным путем для лодок и позднее — пароходов, еще позднее силу реки стали использовать для получения электрической энергии. Каждый способ использования реки и пара отражает известный уровень общественного развития. Без соответствующих достижений в области развития техники, орудий труда невозможно было бы и мечтать об использовании в производстве упругости пара и двигательной силы воды. «Для эксплуатации двигательной силы воды необходимо водяное колесо, для эксплуатации упругости пара — паровая машина»[1].

Точно так же тот или иной способ использования людьми для производственных целей земли, точнее, ее полезных свойств, как-то: дикой флоры и фауны, естественного плодородия почвы, полезных ископаемых и т. д.— определяются прежде всего наличными орудиями труда и производственными навыками людей.

Люди в процессе общественного производства вступают между собой в определенные отношения. В зависимости от характера средств производства эти общественные отношения, в которые вступают производители друг с другом, эти условия, при которых они обмениваются

[1] *Маркс К.* Капитал, т. I, 1952, стр. 392.

своими работами и участвуют в совокупном производстве, будут, конечно, различны. Значит определенный уровень развития общества и основной вид его материального производства определяли характер отношений людей к природе, к земле. Об этом говорят основные способы использования людьми земли на всем протяжении человеческой истории.

На заре развития человечества земля служила естественной кладовой готовых плодов диких растений, присвоение которых обеспечивало существование людей. Дальше она со своими горами, лесами и водоемами, где водились дикие животные и рыбы, становится ареной для регулярной охоты и рыболовства. С периода приручения людьми диких животных и на протяжении всего существования кочевого скотоводства как самостоятельного вида общественного производства она служила естественным пастбищем для домашних животных; при полукочевом и оседлом экстенсивном скотоводстве земля служит не только естественным пастбищем, но и становится естественным сенокосом, а при земледельческом хозяйстве она уже выступает как обработанные поля, фруктовые сады, виноградники, искусственные луга и сеяное пастбище. Для ремесла и промышленности земля служит источником всевозможных полезных ископаемых, без которых не может серьезно развиваться никакая промышленность, и, наконец, производственной площадью и ареной труда для многотысячной армии рабочих на крупных заводах и фабриках, как при капитализме, так и при социализме. Во всем этом отражается процесс развития производительных сил общества и процесс роста власти человека над природой. Этот факт подчеркивал Ф. Энгельс, когда писал: «Самый труд становился от поколения к поколению более разнообразным, более совершенным, более многосторонним. К охоте и скотоводству прибавилось земледелие, затем прядение и ткачество, обработка металлов, гончарное ремесло, судоходство»[1].

Каждый шаг в развитии материального производства общества открывал в земле все новые и новые источники средств производства, которые постепенно использовались людьми в качестве материально-производственной базы для создания ранее неизвестных отраслей произ-

[1] *Энгельс Ф.* Диалектика природы, М., 1955, стр. 138.

водства. А каждая из этих вновь появившихся отраслей производства имела присущее ей средство труда или основное средство производства. Например, кочевое скотоводство, характеризовавшееся разведением домашних животных и уходом за ними, резко отличается по своим средствам труда от земледелия, связанного с обработкой и использованием производительной силы плодородия почвы. Это значит, что они отличаются друг от друга прежде всего по своим орудиям, объектам и результатам труда, по своей технологии. А технология производства показывает «активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений»[1].

Главное технологическое отличие кочевого скотоводства от пашенного земледелия состояло именно в том, что в первом труд прилагался к животным (разведение и уход за ними), во-втором — к земле. Дикотравное пастбище с водными источниками или снежным покровом, которым питались животные, выступало в качестве лишь природного условия производства. Труд скотовода в основном направлен на разведение и преобразование животных с целью использования их в качестве орудий своего труда в производстве нужных ему продуктов. В процессе длительного развития своего труда скотоводы постепенно открывали то одно, то другое полезное свойство выращиваемых ими животных, тем самым увеличивая источники средств существования. Поэтому при рассмотрении вопроса об историческом развитии скотоводства не следует упускать из виду, что многие полезные свойства и продукты, доставляемые людям современными домашними животными, появились в результате длительного развития.[2]

---

[1] *Маркс К.* Капитал, т. I, 1952, стр. 378 (89 сноска).

[2] «Овцы разводятся в настоящее время у цивилизованных наций главным образом ради шерсти, потому что этот продукт, в различной обработке, получил громадное и разностороннее значение для нашей жизни. Но, спрашивается, мог ли такое значение снятых с животного волос предвидеть тот темный древнейший человек, который впервые стал делать попытки одомашнить овцу? Древнейший полудикий наш предок мог стараться держать при себе овцу ради мяса, ради шкуры, но не ради шерсти в собственном смысле слова. Обычай снимания шерсти животного мог укорениться только тогда,

Известно, что в условиях развитого сельского хозяйства быки и лошади использовались на различных земледельческих перевозочных работах и для верховой езды. Стадо рогатого скота служило для производства молока, мяса, кожи, навоза для удобрения и топлива. Овцеводство имело различные направления в зависимости от конкретных природных и экономических условий. В основном оно давало шерсть, кожу, мясо, сало и отчасти молоко.[1] История развития скотоводства показывает, что только в результате повышения культуры ведения хозяйства у оседлых земледельцев и роста производительности их труда стало возможным содержание большого поголовья скота на ограниченной площади земли и повышение его продуктивности. Это было достигнуто путем создания искусственной кормовой базы и улучшения пород животных. Человек своим трудом неустанно изменял природу, в частности, естественные дикотравные пастбища заменил искусственными выгонами, посевами и заготовкой сена, силоса, зерновых кормов, корнеплодов, худшие породы животных — лучшими, что привело к значительному повышению продуктивности животноводства.[2]

Некоторые продукты и отдельные полезные свойства животных еще в недавнем прошлом и в условиях кочевого скотоводства вовсе не существовали или были ничтожными по сравнению с эксплуатируемой площадью и с на-

---

когда для человека сделалось выгодным оставлять животное живым после снятия с него шерсти» (Кащенко Н. О. Научные очерки Томского края. Сб. публичных лекций. Томск, 1898, стр. 107).

[1] «Современные направления в овцеводстве (шерстно-мясное, мясо-сальное, смушковое и молочное) свидетельствуют о том, каких результатов может добиться человек, приспособляя породу к своим экономическим требованиям» (Боголюбский С. Н. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I. М.— Л., 1940, стр. 16).

[2] «Увеличение количества скота и улучшение земли должны идти рука об руку, одно никогда не могло сильно обгонять другое. Без некоторого увеличения количества скота вряд ли возможно сколько-нибудь заметное улучшение земли, но не может быть и сколько-нибудь значительного увеличения количества скота без предварительного улучшения земли, ибо в противном случае земля не могла бы прокормить его. Эти естественные препятствия для введения лучшей системы могут быть устранены лишь в результате продолжительного труда и бережливости» (Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I. М.— Л., 1935, стр. 197).

личным поголовьем скота.[1] При кочевом скотоводстве животные не могли достичь той продуктивности и разнообразия полезных свойств, какие характерны для животноводства в условиях оседлого земледелия. Овца и верблюд у кочевников в степи и пустыне были основными и универсально полезными животными. Например, верблюд служил как вьючное животное при перекочевках, использовался для верховой езды, был основной тягловой силой для караванной торговли, кроме того, он давал молоко, мясо, шерсть и кожу для потребления. Многие из этих полезных свойств домашних животных были открыты людьми в результате длительного процесса труда и накопления опыта рядом поколений людей в течение веков. Об этом говорит такой факт. До недавнего прошлого одних и тех же животных в различных частях света одни народы использовали исключительно как рабочий скот, другие как мясной, а третьи как молочный скот.

Кочевники, стоявшие по сравнению с первобытно-охотничьим обществом на более высоком уровне развития, могли получать, хотя и в незначительном количестве, различные продукты от одного и того же вида скота. Однако они не могли разводить наиболее ценные виды и породы животных. Разведение их возможно только в условиях оседлого земледелия. В связи с переходом от первобытной оседлой и полукочевой жизни людей к полному кочевому образу жизни произошло изменение состава стада. Прежде всего из него выпадала свинья как животное, неспособное к значительным передвижениям. По этой же причине постепенно выбывал крупный рогатый скот. Основными видами стад кочевников стали овцы, козы, верблюды и лощади. Эти виды животных оказались наиболее пригодными для кочевого образа жизни в суровых условиях пустынь, полупустынь и сухо-

[1] «Многие из этих выгод, вроде, например, удобрения полей скотским навозом, малокультурным народам совершенно неизвестны. Другие они извлекают в неизмеримо меньшей степени, чем мы. Мы имеем теперь дело уже с культурными породами домашних животных, облагороженными многовековым или даже многотысячелетним подбором и уходом, и только вследствие этого нам одно животное может дать иногда больше благ, чем наш предок извлекал из целого стада» (Максимов А. Н. Скотоводство малокультурных народов.— Ученые записки института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, т. II. М., 1927, стр. 10).

степных территорий. Все стада и табуны у кочевников круглый год находились на подножном корму и в кочевом передвижении, совершаемом с целью смены естественных пастбищ. У таких кочевников основным средством производства служили стада и табуны.

Под основным средством производства марксизм-ленинизм понимает средства труда, точнее орудия труда, а не элементы предмета труда или сырья. А естественное пастбище служило не больше, чем одним из элементов предмета труда, то есть сырого материала, без которого кочевое скотоводство, разумеется, существовать не могло.

Совершенно иная роль подвергающейся обработке земли в условиях оседлого земледельческого хозяйства. Здесь роль земли двоякая: в одном случае она один из элементов предмета труда или сырого материала, причем таким предметом труда являются и засеваемые семена,[1] в другом случае она выступает как средство труда земледельца. Маркс писал: «Земля является сырым материалом для земледельца, залежи угля — для углепромышленника, вода — для рыбака, и даже лес — для охотника»[2]. Как видно, Маркс этими словами подчеркивал только одну сторону функционирования плодородной почвы как части предмета труда, имея в виду возделывание впервые девственной почвы[3] и процесс затраты труда земледельцем при пахоте и посеве. Известно, что вспашкой почвы и посевом семян процесс производства не завершается и не в этом заключается конечная цель производственной деятельности человека. Вместе с завершением посева, например, зерновых культур, процесс труда, как правило, временно прерывается, если не принимать во внимание периодическое орошение там, где оно применяется, но процесс производства продолжается в виде вегетационного периода растений, когда сама обработанная земля функционирует как один из

---

[1] «В земледелии, например, и т. д. одна часть какого-либо продукта (например пшеницы) образует жизненные средства, тогда как другая часть (опять-таки пшеницы) в своем натуральном виде (как *семена*, например) вновь вступает в процесс воспроизводства в виде сырья» (Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма, М., 1947, стр. 142).

[2] *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II, М., 1957, стр. 9.

[3] *Маркс К.* Капитал, т. I, 1952, стр. 188.

решающих элементов целого комплекса средств труда земледельца. «Здесь, в земледелии, с самого начала дано в широких размерах содействие сил природы, увеличение рабочей силы человека путем применения и эксплуатации автоматически действующих сил природы»[1]. Земледелие в данном случае использует в качестве орудия своего труда автоматически действующую силу биохимических свойств почвы для выращивания зеленых растений и получения урожая.

Это полностью соответствует научному определению средств труда. «Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые рабочий помещает между собою и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью заставить их действовать в качестве орудия его власти»[2]. На этом бесспорном положении основывается общеизвестный факт, что земля является средством труда земледелия в широком смысле этого слова.[3]

Такую же двоякую роль в процессе производства играет скот в условиях кочевого скотоводства. С точки зрения затрат труда на пастьбу и водопой скота пасущееся стадо можно рассматривать как один из элементов предмета труда; таким же элементом труда кочевника-пастуха является и естественное пастбище. Но этим функционирование стада и табуна в процессе производства кочевника не ограничивается. Все производственное или продуктивное поголовье скота, включая верховых лошадей и вьючных верблюдов, было для кочевника основным средством труда, которое он ставил между собой и естественным пастбищем. В данном случае скот служил только проводником воздействия человека на природу, на естественное пастбище. Пастух при пастьбе

[1] *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. I, М., 1954, стр. 15.

[2] *Маркс К.* Капитал, т. I, 1952, стр. 186.

[3] «Для земледельца земля — почва служит в известном смысле и орудием, и материалом производства; ее можно уподобить орудию, потому что ее качествами определяется в некоторой мере производительность труда, а так как вместе с тем частицы почвы входят непосредственно в культивируемые растения, то она доставляет, таким образом, и материал для производства» (Скворцов А. И. Основы экономики земледелия. Л., 1925, стр. 19—20).

своих стад и табунов ставит перед собою определенную цель, чтобы пастбищная трава была превращена в результате поедания ее животными в молоко, шерсть, мясо, кожу, навоз и т. д. По словам Ф. Энгельса, солнечная энергия фиксируется в животном организме постольку, поскольку обычно быстро увядающие, отмирающие и разлагающиеся растения «планомерно превращаются в животный белок, жир, кожу, кости и пр. ... человек, таким образом, ухитряется соединить естественные функции потребляющего энергию животного и накапливающего энергию растения»[1]. Кочевой скотовод пользовался биолого-физиологическими свойствами организма скота для того, чтобы в соответствии со своей целью заставить его действовать в качестве орудия своей производственной деятельности[2]. В. И. Ленин писал: «Чтобы покорить их, человек вставляет между ними (предметами природы — С. Т.) другие предметы природы, обращает таким образом природу против самой природы, и изобретает для этой цели орудия»[3]. Таким же орудием и вместе с тем частью объекта труда у кочевого скотовода был живой скот: табуны лошадей, стада верблюдов, овец и коз.[4]

Основное отличие земледелия от кочевого скотоводства заключалось прежде всего в том, что оно означало в буквальном смысле этого слова «делание земли», то есть изменение почвы, приспособление ее к условиям земледельческого производства. Земледелец оказывал определенным приемом механическое воздействие на почву с целью создания благоприятных условий, необходимых для жизни растений. Он пашет, сеет, удобряет, орошает поля для получения урожая. Земля здесь при-

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. XXIV, стр. 603—604.

[2] «Разум столь же хитер, сколь могущественен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, заставляя предметы воздействовать соответственно их природе друг на друга и подвергаться взаимной обработке, причем она непосредственно не вмешивается в этот процесс, все же осуществляет лишь свою цель». Гегель. (См. Маркс К. Капитал, т. I, 1952, стр. 186, 2 сноска).

[3] *Ленин В. И.* Философские тетради, Л., 1947, стр. 223.

[4] «В силу физиологических своих особенностей верблюд является наиболее ценным в пустынных, полупустынных и сухостепных районах как животное более других приспособленное к тяжелым природным условиям. *Он наиболее совершенная машина по переработке грубой и скудной растительности этих районов в полезную и ценную для человека продукцию»* (подчеркнуто нами — *С. Т.*). (Иванов П.В. Верблюд и его изучение. Кзыл-Орда, 1926, стр. 9—10).

сваивается непосредственно; земледелец воспроизводит все ее ценные и необходимые качества для земледельческого хозяйства, чего нет при кочевом скотоводстве. Культурную почву, высокое ее плодородие постепенно создавал человек — земледелец — в процессе общественного производства. Чтобы управлять процессами, совершающимися в таинственных лабораториях природы, земледельцу необходимо было обладать множеством сложных знаний.

Земледелие с первых же шагов своего возникновения и развития было связано с оседлостью, строительством постоянных жилищ и их дальнейшим улучшением, с появлением ремесла как самостоятельной отрасли производства, занятого прежде всего изготовлением земледельческих орудий, а также производством различных строительных материалов, дававших возможность людям сооружать большие прочные здания. Возникновение населенных пунктов с постоянными постройками, городов и развитие ремесла было возможно только в условиях оседлого земледельческого[1], а не кочевого скотоводческого хозяйства.

В процессе обработки земли люди сумели поставить себе на службу не только плодородие почвы, но постепенно и другие богатства недр земли. На тех же землях, где были постоянные пастбища кочевников, богатства их недр оставались тысячелетиями под спудом.

Оседлость, земледелие и рост ремесла служили теми основными условиями, которые со временем дали возможность людям научиться не только целесообразно использовать полезные свойства верхнего слоя земли, но и извлекать минеральные богатства ее недр, в том числе руды, из которых постепенно начали добывать металлы и изготовлять металлические орудия производства.

Только в результате дальнейшего развития земледелия могло произойти отделение от него ремесла. Отде-

---

[1] «Развитие ремесла, рост городов, образование Киевского государства относятся к IX в. Само собой понятно, что эти процессы были основаны на экономическом подъеме страны, основанном в свою очередь на развитии и усовершенствовании земледелия». (Довженок В. И. К истории земледелия у восточных славян в первом тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, сб. I. М., 1952, стр. 154).

лившееся от земледелия ремесло было прямым предком современной промышленности, которую с ее многочисленными отраслями мы вправе рассматривать как настоящее детище земледелия; с точки зрения основного процесса прогрессивного развития общества промышленность оказывала, в свою очередь, обратное благотворное воздействие на развитие земледелия[1].

Значит, только на базе роста и развития земледелия происходил процесс общественного разделения труда; каждый раз оно знаменовало собой появление новой производительной силы общества; происходил процесс отделения от земледелия все большего и большего числа отраслей промышленности. Процесс развития общественного разделения труда в том и состоит, что «одна за другой отрасль промышленности, один за другим вид обработки сырого продукта *отрываются* от земледелия и становятся самостоятельными».[2] Развертывалась все шире и шире разработка минеральных ресурсов, таившихся веками в недрах земли; дальнейшее развитие получила промышленность, производящая средства производства для всех отраслей народного хозяйства. Это произошло только тогда, когда общество далеко ушло в своем развитии от рутинного кочевого скотоводческого хозяйства.

В земледелии особенно большое значение имеют те средства труда, которые неразрывно связаны с землей. Это такие средства труда, которые, по выражению Маркса, «локально прикреплены, пустили свои корни в землю», вследствие чего они играют «особую роль в экономии наций».[3] К числу таких средств труда относятся: земельные улучшения, производственные здания, гидротехнические сооружения, дорожно-мостовые устройства, древесина и кустарниковые насаждения. Подобных средств производства у кочевников история не знает.

Бесспорно, что производственное значение того или другого предмета природы определяется характером

---

[1] «И если плодородие земли породило обрабатывающую промышленность, то развитие этой промышленности, в свою очередь, отражается на земле и еще повышает ее плодородие». (Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I. М., 1935, стр. 345).

[2] *Ленин В. И.* Соч., т. 2, стр. 206.

[3] *Маркс К.* Капитал, т. II, 1951, стр. 158—159.

объективно существующего производства, которое может быть либо кочевым скотоводством, либо оседлым земледелием, либо городской промышленностью.

При чисто кочевом скотоводстве, когда кочевание происходило круглый год, основным орудием и одним из элементов предмета труда выступал живой скот.

Вопреки всему этому И. Я. Златкин пишет: «Бесспорно, что рабочий скот является средством производства. Но является ли средством производства продуктивное стадо, то есть коровы, овцы и т. д.? С. Е. Толыбеков считает, что «рабочий скот и мелкий инвентарь вместе с пасущимся на естественном пастбище основным производственным поголовьем скота тоже являются элементами средства производства». Но что в таком случае относится к продуктам труда, в чем цель производства? С. Е. Толыбеков на этот вопрос не отвечает. Представление о том, что скот у кочевников является одновременно основным средством производства и целью производства, неминуемо ведет к наделению скота некими особыми, сверхъестественными «социальными» качествами»[1]. Читая подобные рассуждения И. Я. Златкина, нельзя не удивляться тому, почему он не хочет согласиться с тем известным положением Маркса о том, что является ли полезная вещь природы, находящаяся в процессе производства «сырым материалом, средством труда или продуктом, это всецело зависит от ее определенной функции в процессе труда, от того места, которое она занимает в нем, и с переменой этого места изменяются ее определения»[2]. Например, корова при ее откармливании земледельцем на убой является подвергающимся обработке сырым материалом и в то же время она является средством труда для производства молока и навоза. Точно также стада и табуны скота, дающие приплод, молоко, шерсть и навоз на топливо, являются средствами труда скотовода-кочевника. Все продукты труда, вступающие в новый процесс труда, утрачивают характер продуктов и функционируют как материальные факторы живого труда, то есть все они функционируют как средства производства. Различные элементы средств

[1] *Златкин И. Я.* К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов.— Вопросы истории, 1955, № 4, стр. 76.

[2] *Маркс К.* Капитал, т. I, 1952, стр. 189.

производства в каждом отдельном процессе производства выполняют различные функции независимо от того, являются они продуктом прошлого труда или нет. Классифицируя функции элементов средств производства, Маркс делит их на средства труда (орудия) и предметы труда (сырье), вещественным содержанием последних, как правило, определяется материальное содержание продукта труда; а целью любого процесса производства всегда было и остается получение продукта. Нет никаких оснований сомневаться в том, что продуктом труда кочевников был скот. Причем скот здесь являлся целью производства не потому, что он скот, а потому, что он основное средство и основной продукт такого специфического производства как кочевое скотоводство. Поэтому И. Я. Златкин напрасно поспешил приписать нам «скотский мистицизм».

В кочевом скотоводстве человек использовал продукты прежнего труда для производства новых продуктов, как и во всех отраслях производства. Это давно известная истина. Об этом Маркс писал: «Продукты сельского хозяйства... входят как средства своего собственного производства в тот процесс производства, продуктами которого они являются. Это имеет место также и у машин. Машина производит машину. Уголь помогает поднимать уголь из шахты, уголь перевозит уголь и т. д.»[1].

Кочевник-скотовод тратил свой труд на производство и воспроизводство своих стад и табунов. Благодаря целенаправленной деятельности человека скот производил скот.

Спрашивается, на чем основано приведенное выше утверждение М. Я. Златкина? Разве кочевой скотовод, затрачивавший весь свой труд, опыт и знание на разведение животных, не ставил перед собой ясную цель еще больше увеличить количество и повысить качество своих стад? Разве он не стремился получить от имеющегося маточного поголовья побольше полноценного молодняка и вырастить его? Разве он не удовлетворял и не стремился еще полнее удовлетворить свою потребность продуктами этого производства? Безусловно, да. Нельзя себе представить труд без цели, такого труда вообще не

[1] *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II. М., 1957, стр. 54.

бывает. Скот для кочевого скотоводства служил одновременно основным средством производства и целью производства. Поэтому никак нельзя признать правильным такое высказывание: «В условиях кочевого общества скот, несомненно, является важнейшим источником существования, но это еще не означает, что скот является основным средством производства, единственным средством существования»[1]. Скот был именно основным (мы не говорим «единственным») средством существования в кочевом обществе. В реальной жизни кочевников затраты труда на содержание своих стад и табунов имели целью сохранить их как средство производства и предмет индивидуального потребления. Производственное поголовье скота у кочевников было одновременно и основным средством производства, и одним из элементов труда, наряду с пастбищем.

Нельзя отождествлять производственное поголовье скота с его продуктами. Нельзя не видеть разницы между коровой и надоенным от нее молоком, между тонкорунной овцой и настриженной шерстью, между целым состоянием кочевых скотоводов — пасущимся стадом овец и тушами и кожами забитых по мере надобности на мясо валухов. Стада овец и табуны лошадей остаются средствами производства у кочевых скотоводов до тех пор, пока они остаются в процессе производства, то есть до тех пор, пока они пасутся. Пастьба и поение скота человеком есть процесс производительного потребления пастбищной травы, воды и скота, а потребление продуктов скота является индивидуальным потреблением. Производительное потребление тем отличается от индивидуального потребления, что в последнем продукты потребляются как жизненные средства живого индивидуума, в первом — как жизненные средства труда — рабочей силы, проявляющейся в деятельности. Поэтому продукт индивидуального потребления есть сам потребитель, результат же производительного потребления — продукт, отличный от потребителя[2]. Значит, в результате индивидуального потребления кочевыми скотоводами воспроизводились сами кочевники как

[1] *Турсунбаев А. Б.* [Выступление]. В кн.: Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 100.

[2] *Маркс К.* Капитал, т. I. 1952, стр. 190.

субъективные факторы производства, а в результате производительного потребления воспроизводились их табуны и стада как объективные факторы производства. Только при помощи этих табунов и стад вместе с мелким инвентарем они могли производительно использовать естественные пастбища. Таким образом, «человеку приходится пользоваться дикой растительностью при посредстве животных, как бы охотиться за растениями с помощью животных, которые и перерабатывают последние в нужные человеку продукты, то есть человек переходит к пастбищному животноводству»[1].

Живое орудие производства — скот — имеет свой срок службы, как и всякое орудие производства. Кочевой скотовод хорошо знал продолжительность жизни каждого вида скота. Средняя продолжительность жизни овцы и козы равна 6—7 годам, лошади — 18—19, верблюда — 20—25 годам. Каждая из этих особей животных, утратившая свое производственное значение, выходила из производственного процесса, шла на убой и поступала в область индивидуального потребления.

Каждый кочевой скотовод стремился обеспечить расширенное воспроизводство своих стад и табунов. Постоянно обновляя состав стад и табунов здоровым и пригодным для производства поголовьем, скотовод стремился пополнить их с превышением над отходом за счет нового приплода. Казахские кочевники, как и все другие, никогда не били на мясо здоровое маточное поголовье и производителей. Летом на мясо обычно били слабых и хромых годовалых баранов, дефективные экземпляры молодняка текущего года, а осенью — старых, неспособных к плодоношению и неспособных выдержать предстоящие зимние холода, животных; отсюда казахская пословица: «Необходимо уничтожать к ноябрю весь старый и бракованный скот»[2]. Верно, что «казахи»[3] колют из годовалых и двухгодовалых овец на мясо тех, которые не подают надежды вынести суровую зиму. Большею же частью на зиму закалываются старые

---

[1] *Кажанов Н.* Сельское хозяйство Туркестана. В кн.: Типы хозяйства Туркестана. Ташкент, 1924, стр. 2.

[2] Қараша қауыс кәрі құртанды тауыс.

[3] Во всех дореволюционных литературных и архивных источниках слово «киргиз» заменено словом «казах».

бараны»[1]. Такой веками применявшийся рациональный метод использования неполноценной части стад широко применялся и в конце XIX и начале XX вв. даже среди полукочевых скотоводов. Об этом Абай Кунанбаев писал:

«Ноябрь — преддверие зимы, пора в аул, пора!
На летних пастбищах гремят холодные ветра.
. . . . . .
Уж если бай пока что бьет свой самый худший скот,
То где ж бедняк себе еды и топлива найдет?
Коль даст богатый полмешка сухого кизяка —
Благодари скорей его, семью его и род»[2].

Точно также «тунгус только в случае крайности решится заколоть здорового домашнего оленя для еды»[3]. Живущие на Белом Ниле скотоводы — динка — никогда не бьют на мясо быков и коров, «употребляют в пищу только мясо павших от болезни или несчастного случая животных»[4]. «Когда арабы, застигнутые голодом в пустыне, бывают вынуждены зарезать и съесть верблюда, то они никак не распорядятся таким образом с самым лучшим и с самым крепким верблюдом»[5]. Баккирские кочевники Судана, как все кочевники, «заботятся об увеличении своих немногочисленных стад и скот режут по праздникам и в торжественных случаях в первую очередь старых и покалеченных животных»[6]. Не ясно ли, как глубоко не прав И. Я. Златкин, когда он ставит знак равенства между целым стадом, находящимся в процессе производства, и той его частью, которая идет в индивидуальное потребление. Производственное поголовье скота может превратиться из средства производства в средство непосредственного потребления только тогда, когда его предназначают для этого. С этой целью

---

[1] *Костенко Л. Ф.* Туркестанский край, т. III. Спб., 1880, стр. 92.
[2] *Абай Кунанбаев.* Стихотворения, поэмы, проза. М., 1954, стр. 92.
[3] *Максимов А. Н.* Скотоводство малокультурных народов.— Ученые записки института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, т. II. М., 1927, стр. 6.
[4] Там же, стр. 8.
[5] *Писарев Д. И.* Избранные философские и общественно-политические статьи. Л., 1949, стр. 316.
[6] Народы Африки. М., 1954, стр. 236.

животных забивают на мясо, превращают в солонину, копченость, колбасы, консервы и т. п.

Кочевые скотоводы — казахи — вплоть до недавнего прошлого заготовляли мясо, забивая часть стада на мясо в начале ноября впрок на зиму, пока скот был упитанный; такой акт казахи называли «согум сою».

Ошибка И. Я. Златкина состоит в том, что он слова «продуктивное стадо» понимает как «продукт» потребления, вроде соленого мяса в бочке, зерна в амбаре или картофеля в хранилище, молока в кувшине.

Известно, что зерно и картофель, хранящиеся в амбаре, совершенно не находятся в процессе производства, а потому они в таком виде не составляют никакого элемента средств производства. Зерно и картофель могут функционировать как часть предмета труда, если они будут посеяны или подвергаться промышленной переработке. И. Я. Златкин, отождествив стада и табуны кочевников с хранящимся в амбаре зерном и картофелем, говорит: «Но ведь пшеница, картофель, виноград и любой другой продукт земледельческого труда также может быть превращен и превращается в средства труда, будучи направлен как сырье в промышленность или оставлен на семена»[1]. В данном случае он, во-первых, неверно полагает, что промышленной переработке якобы подвергаются только продукты земледелия, такой переработке подвергаются и продукты животноводства, в этом нет никакой специфики; во-вторых, не видит различия между средством труда и предметом труда, между орудием труда и сырьем. Поэтому он перерабатываемые продукты земледелия называет «средствами труда», тогда как они являются только предметом труда, только сырьем.

Основным признаком кочевого скотоводства является его экстенсивность, которая выражается прежде всего в круглогодичном содержании скота на дикотравном естественном пастбище, тогда как в условиях оседлого земледельческого хозяйства скот обеспечивается в основном культурной, искусственно созданной кормовой базой. Только с развитием земледелия и выращиванием

[1] *Златкин И. Я.* О феодальной поземельной собственности у кочевых народов. Стенограмма доклада в институте Востоковедения АН СССР, 22 декабря 1952 г.

кормовых растений появляется культурное и высокопродуктивное животноводство. В таких условиях производства обработанная земля — почва — с целью кормодобывания приобретает для животноводства почти такое же значение, какое она имеет для растениеводства. Если уровень культуры земледелия определяется способом обработки и характером выращиваемых растений и применяемых орудий труда, то уровень культуры животноводства определяется способом добывания кормов и кормления скота, продуктивностью разводимых пород. Высококультурное животноводство предполагает устойчивую и высококачественную кормовую базу, рациональное кормление, систематическую и целесообразную племенную работу, правильное выращивание молодняка, умелое доение и стрижку животных.

Повышение продуктивности скота, если это касается молочной коровы, означает, что корова должна давать больше молока и лучшего качества, здоровый приплод; если это касается тонкорунной овцы, то она должна давать больше и лучшего качества шерсти и хороший приплод. Точно так же повышение продуктивности земледелия означает получение большего количества продуктов с единицы земельной площади. Развитие животноводства при всех условиях означает расширенное воспроизводство стад и табунов при постоянном качественном улучшении их. Это имеет полную аналогию с расширением посевных площадей, засеваемых сортовыми семенами, наряду с улучшением способов их обработки. Качественное улучшение стад и табунов в кочевом скотоводстве происходило настолько медленно, что оно было почти незаметно сотни лет. Совсем не то в оседлом интенсивном животноводстве, существующем как одна из отраслей оседлого земледельческого хозяйства.

К образцам воспроизводимых кочевниками животных можно отнести породы простых, доживших до наших дней, низкорослых, но выносливых монгольских и казахских лошадей, грубошерстных курдючных овец, вьючных двугорбых и в незначительном количестве одногорбых верблюдов и их гибридов. Но в целом кочевое скотоводство не располагало возможностями для резкого качественного улучшения своих стад и табунов и выведения новых лучших пород скота, которые могли бы резко повысить продуктивность животноводства.

Одна из особенностей процесса производства в кочевом обществе заключалась в том, что стада овец и верблюдов и табуны лошадей постоянно находились в процессе производства как его основные средства и источники продуктов личного потребления. О том, что это именно было так, говорит вся история кочевников с древнейших времен.

В шестидесятых годах II в. до нашей эры китаец Чжун-хин Юе сообщает о хуннах, что они «обыкновенно питаются мясом скота, пьют его молоко, одеваются его кожами, скот питается травою, пьет воду, смотря по временам переходят с места на место»[1]. В первом веке до нашей эры о кочевниках ухуанцах-татарах сообщается, что они «искусны в конной стрельбе из лука; занимаются ловлею зверей и птиц. Переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде; постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс; одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... От старейшины до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляет друг друга в услужение»[2]. Последние слова говорят о том, что в этом обществе еще не оформились классовые производственные отношения.

В V веке нашей эры о кочевниках Хойху — предках уйгуров — сообщается, что «они переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Одеваются кожами, питаются мясом. Рогатый и прочий домашний скот одинаков с жужжаньским; только телеги у них на высоких колесах со множеством спиц»[3]. Наличие в стадах указанных кочевников крупного рогатого скота и употребление телеги говорит о сравнительно небольшом радиусе кочевого передвижения и первобытном характере этого скотоводства.

Племя Байгу «рассеянно кочевало по северную сторону Великой песчаной степи, занимая около тысячи ли пространства... Сия страна богата травами, произво-

---

[1] *Бичурин П. Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 58.
[2] Там же, стр. 142—143.
[3] Там же, стр. 216.

дит хороших лошадей»[1]. В VII веке нашей эры племя Гулигань «кочевало по северную сторону Байкала... Страна производила превосходных лошадей, которые с головы походили на верблюда, сильны, рослы; в день могли пробегать по нескольку сот ли»[2]. Об усуньцах, обитавших в районе Семиречья во II веке до нашей эры, сообщается, что они «не занимаются ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывают с места на место, смотря по приволью в траве и воде. В обыкновениях сходствуют с хуннами. В их владении много лошадей, и богатые содержат от 4 000 до 5 000 голов»[3].

О жизни усуньцев говорится в песне о китайской царевне Си-гюнь, выданной замуж за старого усуньского Гуньме в 107 году до нашей эры.

«Выдали меня родственники
В дальнюю сторону;
Отдали в чужое царство
За усуньского царя.
Живет в круглой хижине,
Обтянутой войлоками;
Питается мясом,
Пьет молоко.
Как вспомню об отчизне,—
Сердце занывает.
Желала бы диким гусем быть,
Чтоб возвратиться на родину»[4].

Для усуньцев, как для всяких кочевников, основным средством производства и источником средств существования были стада и табуны.

О жизни кочевников среднеазиатских степей в X веке нашей эры сообщается в книге «Худуд Ал-Алем» («Граница мира»): «Зимой и летом кочуют в поисках пастбищ; их доход — от коневодства, разведения рогатого скота, овцеводства и немного от охоты»[5]. Китайский

---

[1] *Бичурин П. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 343—344.

[2] Там же, стр. 348.

[3] Там же, т. 2, стр. 190.

[4] Там же, т. 2. стр. 192.

[5] Автор книги «Худуд Ал-Алем» («Граница мира») неизвестен, она написана в конце X в., рукопись издана с введением акад. В. В. Бартольда Академией наук СССР в 1930 г., стр. 36.

ученый Чан Чунь, живший в конце XII и начале XIII вв., в своей книге «Си ю цзи» («Описание путешествия на запад») о кочевых монголах сообщает: «Обычные занятия их суть скотоводство и звероловство. Одеваются в кожаное и меховое платье, питаются мясом и молоком... Народ этот не знает письменности; договариваются только на словах и заключают контракты нарезыванием меток на дереве»[1].

Мало чем отличались от этих кочевников прежних времен по характеру своей производственной деятельности и образу жизни кочевники Сыр-Дарьинской области Туркестанского края даже в конце XIX века. «Для кочевника-казаха гурты скота составляют и предмет первой необходимости, и богатство, вместе с их гибелью гибнет и он, или же делается нищим. Скот дает ему все необходимое; молоком и мясом он питается, употребляя самое ограниченное количества хлеба в виде проса и муки; кожа и шерсть идут на приготовление одежды и жилища (юрты)»[2].

Заметим, что скот не перестает играть роль одного из важных средств производства и в условиях оседлого земледельческого хозяйства.

В. И. Ленин дойную корову называл «машиной, дающей молоко»[3]. Это ленинское определение, данное дойной корове в высокоразвитом капиталистическом молочном хозяйстве, как машине, вырабатывающей молоко, имеет глубокий смысл. В нем подчеркивается, что дойная корова даже в таком интенсивном хозяйстве выступала как основное средство для производства молока, а не как продукт для непосредственного индивидуального потребления, как полагают некоторые авторы.

Правильность ленинской мысли подтверждается и повседневной практикой мастеров социалистического животноводства. Например, зоотехник А. Н. Козлов говорит: «Мы считаем, что кормить стельную корову надо более обильно. Стельная корова — что станок, который подготовляется к работе. Что значит работать на неподготовленном станке, иметь неполадки, простои

---

[1] Цит. по работе В. Н. Федчина. Китайский путешественник XIII в. Чан Чунь. В сб.: Из истории науки и техники Китая, М., 1955, стр. 177.

[2] *Смирнов Е.* Сыр-Дарьинская область. Спб., 1887, стр. 149.

[3] *Ленин В. И.* Соч., т. 3, стр. 227.

и т. д. На стельную корову мы смотрим как на станок, который необходимо отремонтировать, необходимо подготовить как к раздою, так и к получению хорошего и здорового приплода»[1].

Сравнительное изучение процесса труда и технологии производства кочевого скотоводства и оседлого земледелия показывает, что производственное или продуктивное стадо для кочевого скотоводства было тем же, что и обрабатываемая почва для земледельца. Кормление и выращивание скота кочевником имело для него такое же значение, как обработка, удобрение и орошение почвы для земледельца. Это характерно не только для кочевого скотоводства, но в известной мере и для высокоинтенсивного молочного хозяйства.

Глубоко знавший специфику животноводства, как отрасли сельского хозяйства и животных как средства труда, академик В. Р. Вильямс правильно определил продуктивных животных как живые машины, необходимые для рациональной организации социалистического земледелия. «Живыми машинами, которые способны переделать солому, мякину в другую форму органического вещества, служат животные. Поэтому, если мы хотим повышать производительность сельскохозяйственного труда, мы должны сделать животноводство совершенно неразрывным элементом нашего сельскохозяйственного производства. Животноводство — второй цех сельскохозяйственного производства. Животные как раз та живая машина, которая нам необходима»[2]. Если животноводство выступает вторым важным цехом сложного многоотраслевого социалистического сельскохозяйственного производства, вторым после растениеводства, то в условиях примитивного кочевого хозяйства оно выступает как «одноцеховое» производство.

Две стороны единого процесса воспроизводства — производство и потребление — в условиях натурального кочевого хозяйства выступали без всяких опосредствующих и осложняющих понимание моментов, что объясняет-

---

[1] *Козлов А. И.*, зоотехник молочно-мясного совхоза «Торсово» Ленинградской области. (Стеногр. отчет совещания передовиков животноводства с руководителями партии и правительства. М., 1936, стр. 168).

[2] *Вильямс В. Р.* Основы земледелия. М., 1947, стр. 10.

ся примитивной простотой кочевого общества как естественно-исторического организма.

Дальнейшим развитием ошибки И. Я. Златкина является «теория», рассматривающая взаимосвязь земли и скота при кочевом скотоводстве как отношения «старшего и младшего партнеров». Автор этой «теории» А. Еренов утверждает, что при кочевом скотоводстве «он (скот—С. Т.) также является средством производства и выполняет роль, как бы младшего партнера»[1]. Что он под «младшим патнером» понимает: то ли орудие труда, то ли предмет труда, то ли продукты производства — остается неясным. Марксистско-ленинская политическая экономия не руководствуется классификацией факторов процесса производства на «старших и младших партнеров». Такая странная классификация средств производства вносит только путаницу в экономическую теорию марксизма-ленинизма. Марксистско-ленинская политическая экономия учит, что производительные силы общества складываются из субъективного фактора или работающего человека и объективных факторов или средств производства. В свою очередь средства производства распадаются на средства или орудия труда и предметы или объекты труда. Такое деление средств производства, как отмечено выше в другой связи, вытекает из специфической функции, выпадающей на долю каждого из этих элементов средств производства в процессе труда. Эта специфичность производительной функции различных элементов средств производства и есть то качественное различие, которое существует между орудиями труда и предметами труда в любом процессе производства.

В теории же «старших и младших партнеров» А. Еренова ничего подобного нет. В ней стирается грань между орудием труда и предметом труда.

Состояние и уровень развития орудий труда и искусство их использования характеризуют состояние и уровень развития культуры данного вида материального производства, существующий уровень развития производительных сил общества. Величайшее значение

[1] Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 84.

орудий труда в жизни общества заключается именно в том, что всякое изменение, всякий прогресс в орудиях труда неизбежно приводит к изменению, прогрессу производительных сил общества, чего нельзя сказать о предмете труда. Поэтому предмет труда или сырье по отношению к орудию труда выступает не в качестве какого-то ему подобного «старшего партнера», а в качестве материалов природы, существенно отличающихся по своей функции в процессе производства от орудия труда.

Автор, рассматривающий элементы средств производства кочевого скотоводства под углом зрения «старших и младших партнеров», считает веским доказательством того, что земля является «старшим партнером», факт, что без земли, без пастбищ не может существовать кочевое скотоводство. Отсюда он заключает, что «старшим партнером», или основным средством производства кочевников, является естественное пастбище, точнее, дикорастущая на этом пастбище трава. Поэтому он восклицает: «Вот оказывается как велика роль пастбищ! Стоит только земле покрыться глубоким снегом или льдом, примерно на 10—20 дней, вчерашний бай, имевший до 10—15 тыс. голов скота, может превратиться в середняка или даже в бедняка. Если скот окажется на несколько дней лишенным земных благ, он теряет свое значение, перестает быть средством производства, следовательно, скот существует как продукт земли, существование скота становится в полную зависимость от земли, от ее травостоя»[1].

Следует отметить, что невозможность существования кочевого скотоводства как процесса производства без естественного травостоя дикой земли не может служить доказательством того, что эта дикая земля была основным средством производства кочевого скотоводства. Роль основного средства производства вовсе не определяется только тем, что без него не может происходить процесс производства. Производство, например, стада не может осуществляться без воздуха, но из этого не следует, что воздух есть основное средство производства.

---

[1] *Еренов А.* [Выступление]. Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 84.

Роль основного средства производства или средства труда определяется той особой производственной функцией, которая проявляется в самом процессе труда.

Известно, что все факторы производительных сил общества — целесообразная деятельность человека, средство труда и предмет труда — выступают как неразрывные моменты процесса труда. Самые прекрасные машины и другие орудия производства в любой отрасли промышленности не могут быть производительно использованы без сырья, подвергающегося обработке. Но отсюда вовсе не следует, что основным средством производства, например, в промышленности является сырье.

Аналогично с этим никакие первоклассные орудия земледелия и никакая прекрасно обработанная плодородная почва не дадут никаких продуктов земледелия, если не были посеяны доброкачественные семена, являющиеся сырьем в земледелии. Но отсюда не следует, что семена в земледелии являются основным средством производства или «старшим партнером».

Точно так же невозможность существования кочевого скотоводства без естественного пастбища не может служить доказательством того, что естественное пастбище диких пустынь и степей было средством труда или основным средством производства кочевого скотовода.

Когда автор «теории партнеров» говорит, что «стоит только земле покрыться глубоким снегом или льдом, примерно на 10—20 дней, вчерашний бай, имевший 10—15 тыс. голов скота, может превратиться в середняка или в бедняка», видимо, он имеет в виду время от времени повторяющиеся стихийные бедствия —джут[1],— когда в результате неблагоприятно сложившихся метеорологических условий кочевое скотоводство терпело большой урон.

Особая подверженность кочевого скотоводства отрицательному влиянию стихийных сил природы объясняется не тем, что скот был «младшим партнером» по отношению к дикой земле с ее естественным травостоем, а тем, что кочевое скотоводство отличалось особой примитивностью и спецификой своего

[1] О периодически повторяющемся стихийном бедствии кочевого скотоводства — джуте — будет сказано ниже.

основного средства и главного продукта производства — живого скота, что делало крайне неустойчивой материально-техническую базу общественного производства кочевников.

Стихийным бедствием для кочевого скотоводства был не только «глубокий снег»[1], но и дикие хищники, и эпизоотия домашних животных. Например, весною 1763 года «у казахов, кочевавших при Сыр-Дарье, открылась на скоте такая сильная моровая язва, что у многих не осталось ни одной скотины. Казахи мужчины и женщины умирали с голоду». «Казахи эти были те, которые прошлою зимой 1762 года откочевали из Средней и Малой орд к Сыр-Дарье и в пустовавшую каракалпакскую землицу»[2].

Точно так же у охотников и рыболовов Крайнего Севера собаки до недавнего прошлого выполняли почти те же самые функции в процессе производственной деятельности людей, что и верблюды и лошади у кочевых скотоводов. «В 1821 году сильное поветрие истребило большую часть собак на берегах Индигирки, так что у одного юкагирского семейства из 20 собак остались только два щенка и те слепые, которые также должны бы погибнуть, если бы хозяйка юрты не решила вскормить их своею грудью, наравне с собственным ребенком. Таким образом, два щенка сделались впоследствии родоначальниками многочисленного поколения. В 1822 году большая часть колымских жителей потеряли от поветрия своих собак и были тем приведены в самое бедственное положение. Они принуждены были таскать на себе дрова, а также собранную в разных местах добычу рыбной ловли. Работа была затруднительна и медленна, так что время, удобное для птичьей и звериной ловли было пропущено. Всеобщий ужасный голод

---

[1] «Скот пропадает или под влиянием бурана, как это бывает с лошадьми, или гибнет от медленной голодной смерти. Застигнутый в степи бураном, табун лошадей мчится по ветру, попадая или в ямы, овраги и наносы снега, где частью гибнет, а частью калечится, или же в озера, где сразу также гибнет, раз проломится лед. Так, нередко, в течение суток, дня или нескольких часов, пропадают целые табуны». (Материалы по киргизскому землепользованию Кокчетавского уезда. Воронеж, 1898, стр. 111).

[2] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр хана (1748—1765 гг.), т. I. Уфа, 1853, стр. 204—205.

сделался от того следствием недостатка собак, которых, по краткости лета и недостатку травяного покрова заменить лошадьми невозможно»[1]. Это яркий пример того, как в связи с потерей собак, основного средства труда, упомянутые жители Крайнего Севера не могли добиться реальных результатов в своем производстве, то есть своевременно не могли запастись средствами существования — рыбой и мясом диких животных. Наступила длительная северная зима, рыба ушла на большую глубину под толстый покров льда, дикие животные — в далекие малоснежные районы лесотундры и северную тайгу, а жители в царстве холода ледяной пустыни погибли с голоду.

И в данном случае нельзя сказать, что земля, рыболовные водоемы и летние пастбища диких оленей были основным средством производства рыболовов и охотников, хотя вне земли немыслимо существование ни рыболовства, ни охоты. Земля в данном случае выступает как косвенный объект труда человека постольку, поскольку она имеет в своих водоемах рыбу и в тундре — диких животных. Таким же косвенным, опосредствованным через скот объектом труда пастуха — кочевого скотовода — был естественный травостой пустынь и степей.

Маркс ставил функционирование земли в условиях земледелия как средства труда в зависимость от других средств труда и уровня культуры самого субъективного фактора производства — человека. Он писал: «Сама земля есть средство труда, но функционирование ее как средства труда в земледелии, в свою очередь, предполагает целый ряд других средств труда и сравнительно высокое развитие рабочей силы»[2]. Маркс здесь говорит о том, что земля становится средством труда в земледелии не потому, что люди присваивают ее готовые плоды, а потому, что они обрабатывают ее для производства и воспроизводства сельскохозяйственных растений путем применения целого ряда других средств труда. Только при таком условии земля начинает функционировать как средство труда земледельца. Применение при пашенном земледелии для обработки земли целого ряда средств

[1] *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948, стр. 148.

[2] *Маркс К.* Капитал, т. I. 1952, стр. 186.

труда, в значительно большем количестве, чем при кочевом скотоводстве, показывает, что чем выше уровень развития производительных сил общества, тем шире комплекс вещей, составляющих средства труда.

Например, средство труда у охотников, применяющих в процессе своего труда примитивные ловушки из плетеных прутьев или веревок, составляет просто вещь, а не комплекс вещей. Такое же положение со средством труда у рыбака, применяющего удочку, и у земледельца, обрабатывающего землю первобытной мотыгой или лопатой.

Кочевой скотовод имеет некоторый комплекс вещей, играющих роль средства труда, в отличие от первобытных охотников, рыболовов и мотыжных земледельцев. Средством труда у кочевого скотовода являются стада и табуны, при помощи которых присваиваются людьми естественный травостой и вода, функционирующие только как элементы предметов труда. Кроме основного средства труда, кочевые скотоводы имеют еще мелкий инвентарь, используемый для организации водопоя и ночлега около своих переносных жилищ для некоторых видов животных в зимнее время. Но, несмотря на все это, здесь нет того комплекса вещей, действующих как средство труда, который имеет место при пашенном земледелии.

На самом деле при пашенном земледелии в комплекс вещей, служащих средствами труда, входят: соха или плуг, рабочий скот, борона, удобрения и сама почва (она же и предмет труда), а предметом труда являются засеваемые семена. При дальнейшей интенсификации земледелия круг комплексирующихся вещей как средств труда еще больше расширяется.[1] Это положение в одинаковой мере относится к другим отраслям производства. Поэтому нельзя признать правильным утверждение о том, что «земля является основным средством производства не только в земледельческом и оседлом животноводческом

[1] Живший во втором веке до нашей эры (234—149 гг.) древнеримский политический деятель и писатель Катон перечисляет большой комплекс вещей, необходимых для обработки земли, кроме земли. Сюда относятся: рабочий скот (волы и ослы), плуги, борона, телеги, лопаты, мотыги, грабли, косы, серпы, топоры, ножи и т. д. (Марк Порций Катон. Земледелие. М.—Л., 1950, стр. 15—16).

хозяйстве, но и в кочевом хозяйстве»[1]. Ошибочность такого утверждения И. Я. Златкина заключается, во-первых, в том, что он отождествляет две различные отрасли материального производства, по-разному использующие предметы природы, преобладание каждой из которых в истории человечества было показателем определенного уровня развития производительных сил общества; во-вторых, искусственно отождествив кочевое скотоводство с оседлым земледелием, он тем самым отождествляет элементы различных средств производства и различную технологию этих двух различных сфер материального производства; в-третьих, он неверно полагает, что использование естественного дикотравного пастбища кочевниками для пастьбы скота якобы тоже самое, что и обработка почвы при земледелии. При этом совершенно упускается из виду тот факт, что при кочевом скотоводстве нет земледелия, а существует только примитивное землепользование без всякой обработки земли[2].

И. Я. Златкин не считается с тем фактом, что на всем протяжении истории земледелия (за исключением переложной системы) человеку приходилось применять особые, специальные мероприятия, связанные с затратами огромного количества труда, целью которых было воссоздание условий природного плодородия почвы и достижение все более эффективного использования земли. Совокупность агротехнических мероприятий и составляет наиболее существенное в системе земледелия. Важнейшей и первоочередной задачей земледельца всегда было систематическое воспроизводство способности земли служить средством земледелия, то есть воспроизводство условий плодородия почвы было неотделимо от ее использования в процессе производства как средства труда. При правильном обращении с землей происходило ее качественное улучшение. Несмотря на всевозможные зигзаги и отклонения от этого правила в истории, в конечном счете общество оставляло следующим поколениям вовлеченную в оборот возделывания

---

[1] *Златкин И. Я.* К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов.— Вопросы истории, 1955, № 4, стр. 75.

[2] «Самой первобытной формой использования территории является пастбищная система или дикое травяное хозяйство». (Прянишников П. Н. Частное земледелие. М., 1931, стр. XVI).

землю улучшенной. Следовательно, главное отличие использования земли у земледельцев от кочевников состояло именно в том, что оно было направлено на обработку, улучшение и искусственное облагораживание почвы — земли; последняя тем самым превращалась в важнейшее средство земледелия, величайшее, ничем незаменимое национальное богатство страны.

Специфика землепользования у кочевников всегда отличалась тем, что оно не было направлено на улучшение и искусственное облагораживание используемой для хозяйственной цели территории.

Маркс, говоря, что многие средства труда подвергались предварительной обработке и использовались людьми еще в глубокой древности, писал: «Вообще, когда процесс труда достиг хотя бы некоторого развития, он нуждается уже в подвергшихся обработке средствах труда. В пещерах древнейшего человека мы находим каменные орудия и каменное оружие. Наряду с обработанным камнем, деревом, костями и раковинами главную роль, как средство труда на первых ступенях человеческой истории, играют прирученные, следовательно уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные»[1].

Измененные посредством труда и выращенные человеком животные могли представлять собою на первых порах охотничью борзую собаку (тазы), ловчую птицу (беркут) и верховую лошадь охотника, или же стадо верблюдов, овец, коз и табуны лошадей. Если борзая собака, ловчая птица и верховая лошадь были средствами труда охотников, то стадо верблюдов, овец, коз и табуны лошадей были средствами труда кочевых скотоводов. При этом существовала качественная разница между выращенной человеком борзой собакой и дикой козой (джейраном): первая служила орудием труда, а вторая — предметом труда охотника. При удачной охоте убитая коза из предмета труда превращается в продукт труда и идет на питание охотника и на корм собаки.

На Крайнем Севере в качестве средства труда широко используются одомашненные и специально обученные олени для охоты на диких оленей. «Нужда — лучший наставник людей. Она заставила юкагиров и

[1] *Маркс К.* Капитал, т. I, 1952, стр. 186.

соседних им народов по недостатку других родов промышленности обратить все умственные способности на ловлю зверей и обучение необходимых для охоты собак, манщиков и пр.»[1]. Собаки у них использовались не столько в качестве непосредственного орудия ловли диких зверей, сколько транспортного животного для запряжки в сани — нарты.

Манщиками называли домашних оленей, приученных отвлекать диких оленей от стада и подводить их на расстояние выстрела к своему хозяину или заводить в капкан. Хороший манщик ценился дорого, так как обучение его требовало большого труда и терпения. «Манщик — самец или важенка — должен по окраске походить на дикого оленя. Когда охотник замечает стадо диких оленей, он пускает манщика против ветра к ним. Манщик все время находится на привязи у охотника, который при помощи ремня, заставляет его останавливаться, ложиться, направляться в ту или другую сторону. Хороший охотник с искусно дрессированным манщиком может убить много оленей из стада, раньше, чем остальные дикие олени это обнаруживают. В этих случаях при охоте обычно употребляют не ружья, а луки»[2]. Таким образом, если у таких охотников дикий олень был объектом труда, то одомашненный, измененный трудом олень-манщик был основным орудием труда, основным средством производства. Только труд человека создал качественное отличие оленя-манщика от дикого оленя. Это конкретный пример того, как человек создавал живые орудия труда и целесообразно использовал их в процессе производства.

Существует старинное казахское сказание, подчеркивающее коренную разницу между средством и продуктом труда охотника, охотившегося на диких лошадей — куланов. Сказание повествует, что охотник казах верхом на лошади убил шестьдесят куланов, но зато окончательно загнал своего коня. Тогда он с большим огорчением сказал: «Проклятие предкам охотников, шестьдесят куланов

---

[1] *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820—1824 гг.). М., 1948, стр. 225.

[2] *Золотарева А. М.* и *Левин М. Г.* К вопросу о древности и происхождении оленеводства. В кн.: Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I. М.—Л., 1940, стр. 179.

не заменят одного коня»[1]. О громадном производственном значении лошади для охотников и кочевых скотоводов говорит другая казахская пословица: «Умирает не тот, кого ругают, а тот, кто потеряет свою лошадь»[2].

О том, что куланы еще в середине XVIII в. водились в казахской степи в большом количестве, сообщает П. И. Рычков: «Куланы бывают больше на Заяицкой (т. е. Зауральской — С. Т.) степи около реки Сарысу, а иногда и по Эмбе... [Куланы] ходят великими табунами, так что по тысяче и больше случается. Казахи, стреляя их, употребляют себе в пищу»[3].

В условиях неосвоенной дикой казахской пустыни и степей «искусно дрессированные ловчие птицы, быстрая казахская борзая (тазы) и выносливый конь были постоянными спутниками казаха охотника»[4]. Дрессированные ловчие птицы — беркуты (кран буркут) и казахские борзые собаки (жуйрик тазы), способные ловить лисиц, джейранов, сайгаков и волков, а также выносливые скакуны (жуйрик ат) очень дорого ценились в степи. За них иногда давали несколько десятков лошадей или сотни баранов. Не было редкостью среди казахских кочевников еще в XIX веке, когда такие беркуты, борзые и скакуны служили настоящим средством обогащения для своих хозяев.

Из сказанного ясно, что борзая собака, ловчая птица, выносливый конь и стада домашних животных были средствами труда людей, а что касается дикой козы, кулана и дикорастущей пастбищной травы, то они относились к категории готовых плодов природы, для присвоения которых требовались соответствующие средства труда.

Такой очевидной разницы между домашними и дикими животными, к сожалению, не замечают некоторые авторы. Например, С. Зиманов и А. Еренов утверждают, что «скот является продуктом земли»[5]. Это неверно.

---

[1] Алпыс құлан ат болмайды атасына нәлет аншының.

[2] Атана нәлеттен кісі өлмейді, атынан айрылған өледі.

[3] Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неуструева. М., 1949, стр. 91.

[4] Казахстан, общая физико-географическая характеристика. М.—Л., 1950, стр. 347.

[5] Труды Алма-Атинского юридического института, т. I. Алма-Ата, 1955, стр. 49.

Маркс писал, что животные, «которых обыкновенно считают продуктами природы, в действительности являются продуктами труда не только прошлого года, но в своих современных формах и продуктами водоизменений, совершавшихся на протяжении многих поколений под контролем человека, при посредстве человеческого труда»[1].

При всей своей примитивности и отсталости кочевое скотоводческое хозяйство казахов имело дело с домашними животными, окультуренными и облагороженными тысячелетним трудом человека. Продуктом земли или просто продуктом природы можно называть только лишь диких животных.

Животное становится орудием труда только тогда, когда оно находится под воздействием человека. Измененные посредством труда, выращенные человеком домашние животные с экономической точки зрения ничем не отличаются от обработанного камня, почвы, металла и т. д.

Маркс пишет: «Внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни, следовательно плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, дерево, металлы, уголь и т. д. При зачатках культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях — второй род естественного богатства»[2].

К числу внешних природных условий или естественному богатству, достающемуся людям в виде средств жизни, Марксом отнесена прежде всего почва с ее естественным плодородием, с ее естественным растительным покровом. Растительный покров целинной почвы всегда использовался кочевниками как пастбище для скота. Богатая естественным травостоем почва сама по себе еще не является средством труда, она — готовый дар природы. С этим не согласен И. Я. Златкин. «К какого же рода естественным факторам следует отнести пастбище? — пишет он.— Конечно, ко второму. Само по себе пастбище не дает человеку непосредственно готовых средств жизни, оно дает их животным, которые перего-

[1] *Маркс К.* Капитал, т. I. 1952, стр. 188.
[2] Там же, стр. 515—516.

няются человеком на пастбище для кормления с тем, чтобы впоследствии эти животные снабдили его необходимыми средствами жизни»[1].

Если такое назначение пастбища дает основание отнести его ко второму роду естественного богатства, то на этом же основании тогда надо отнести к этому же роду естественного богатства и естественное плодородие почвы, так как никакое естественное плодородие почвы, как и естественный травостой, не дают еще человеку непосредственно готовых средств жизни. В действительности естественный травостой и естественное плодородие почвы являются природными богатствами, относящимися к одной категории. Известно, почва есть такой поверхностный слой земной коры, где образуется плодородие. Плодородная почва обладает способностью обеспечивать растения во все время их развития всеми необходимыми веществами. А травостой естественного пастбища целиком определяется плодородием и обеспеченностью влагой почвы. На совершенно неплодородной почве трава вообще не растет. Следовательно, дикая трава есть одно из проявлений силы естественного плодородия почвы. Поэтому невозможно противопоставить дикую траву естественному плодородию почвы, на которой она растет, или оторвать их друг от друга, пока почва остается в своем естественном состоянии.

Кочевник присваивал дар природы — естественный травостой пастбища — путем пастьбы скота. Такая производственная деятельность кочевого скотовода ничем по своему существу не отличалась от производственной деятельности земледельца, который присваивал тоже дар природы — естественное плодородие целинной почвы путем обработки ее орудиями земледельческого труда и посева семян. С этой точки зрения нет никакой принципиальной разницы между естественным плодородием почвы и ее естественным травостоем. Ни одно из отнесенных Марксом к первому роду естественных богатств, как-то: «плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п.» — не является непосредственно готовыми средствами для индивидуального потребления. Люди получают непосредственные жизненные средства от по-

[1] *Златкин И. Я.* К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов.— Вопросы истории, 1955, № 4, стр. 75.

лезного свойства почвы — ее плодородия — только в результате распашки и обработки этой почвы. А плодородие девственной почвы без обработки ничего не могло дать кочевникам, кроме естественного травостоя. Это в 1834 году было верно отмечено В. Перовским: «Места в степи, представляющие для нас ничем незаменимые выгоды, для казахов особенной цены не имеют: пахотная земля для них совершенно бесполезна, речки текут, так сказать, еще без цели и ожидают плотин, мельниц и других заведений промышленности»[1].

Дикая трава не есть результат труда человека.

Маркс писал: «Естественные силы, как пар, вода и т. д., применяемые к производительным процессам, тоже ничего не стоят. Но как человеку для дыхания необходимы легкие, так он нуждается в «создании человеческой руки» для того, чтобы производительно потреблять естественные силы»[2].

В кочевом скотоводческом хозяйстве таким созданием «человеческой руки» были производственные стада и табуны лошадей, как в земледелии орудия земледелия.

Для того, чтобы овладеть любыми природными богатствами, человек должен трудиться, а чтобы трудиться, он должен иметь орудия труда. Только в результате своего труда он мог освоить то или другое природное богатство. Для примера можно взять изобилующий рыбами водоем. Чтобы превратить рыбное богатство водоема в непосредственные средства жизни, прежде всего требуется, чтобы рыбаки вооружились соответствующими орудиями труда и организовали лов. Например, американские индейцы в одних местах били рыбу из лука, глушили ее, кидали в воду ядовитые корни и плоды, в других местах, кроме луков, стрел, копий, употреблялись гарпунная стрела с бамбуковым поплавком (на крупную рыбу и водяных черепах), острога, сети и верши. Рыбной ловлей занимались с лодок, сделанных из коры или долбленых однодревок. Реже практиковалась ловля рыбы с берегов. Широко распространен был коллективный лов. Орудия лова считались общей собственностью каждого селения. Рыболовецкие угодья, как и охотничья территория, также принадле-

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 312, св. 189, л. 7.

[2] *Маркс К.* Капитал, т. I. 1952, стр. 392.

жали селению. Добыча, полученная на коллективной охоте или на рыбной ловле, распределялась вождем.[1] Таким путем пойманная рыба, безусловно, есть средство жизни, идущее непосредственно в индивидуальное потребление. А непойманную, плавающую в реках, озерах и морях рыбу нужно рассматривать как средство жизни лишь в возможности.[2] Например, сибирские полноводные реки, впадающие в Северный Ледовитый океан, и многочисленные северные озера изобилуют рыбным богатством. Все население Крайнего Севера и его транспортные собаки еще в XIX веке в основном питались рыбой. Если рыболовство было неудачно из-за недостатка необходимых орудий лова или по другой причине, то тогда население, несмотря на изобилие рыбы в водах, обрекалось на голодную смерть. В материалах экспедиции Ф. П. Врангеля о жителях рек Колымы и Большого и Малого Анюев сказано: «Нельзя без сострадания смотреть на народ, существование которого зависит единственно от случая. Здешние юкагиры так бедны, что не могут приобрести себе неводов и сетей для рыбной ловли»[3]. В зиму 1821 года «несчастные жители принимались за пищу только однажды в 48 часов! Некогда здоровый, сильный народ теперь едва таскался и был похож более на мертвецов, нежели на людей»[4]. Н. Г. Чернышевский имел в виду именно такие народы, когда писал: «Еще много таких племен, которые живут исключительно или почти исключительно за счет диких животных, продуктами охоты и рыболовства... Часто подвергаются они большим лишениям»[5]. И только потому, что общество жило исключительно охотой, оно не в состоянии было воспроизводить объект своего труда — диких животных. Аналогично с этим кочевое скотоводческое общество тоже не в состоянии было воспроизводить

[1] Индейцы Америки. Этнографический сборник. М., 1955, стр. 231.

[2] «Представляется парадоксальным называть, например, рыбу, которая еще не поймана, средством производства (в смысле объекта труда — С. Т.) для рыболовства. Но до сих пор еще не изобретено искусство ловить рыбу в водах, в которых ее нет». (Маркс К. Капитал, т. I. 1952, стр. 188, 6 сноска).

[3] *Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948, стр. 273—274.

[4] Там же, стр. 291.

[5] *Чернышевский Н. Г.* Избранные экономические произведения, т. III, ч. I. М., 1948, стр. 20.

один из основных элементов предмета труда скотовода — пастбищной травы.

Еще в глубокой древности естественное плодородие почвы использовалось земледельцами, а естественный растительный покров пастбища — скотоводами. В обоих случаях происходило использование, истребление и истощение людьми естественных богатств. Наиболее древним и широко распространенным способом ведения примитивного земледелия была переложная система, при которой в связи с истощением плодородия обработанных участков земли люди оставляли их, занимая под земледелие все новые и новые никем незанятые участки целинной земли. Такая своеобразная «полукочевая» система земледелия была возможна только до тех пор, пока налицо были большие просторы свободных земель, то есть еще не было частной собственности на землю. В дальнейшем процессе развития общества росли его производительные силы, усовершенствовались орудия и методы труда, увеличивалась плотность населения, сокращались и исчерпывались запасы свободных земель, что не могло не сопровождаться интенсификацией земледелия[1].

Рост интенсивности земледелия выражался в увеличении производительной силы единицы земельной площади. Старая примитивная система земледелия постепенно заменялась новыми и более прогрессивными системами, переложная система земледелия, отражавшая крайне низкий уровень развития производительных сил общества, постепенно изживала себя. При переложной системе ограничивался рост плотности населения, хотя в меньшей степени, чем при кочевом скотоводстве и охоте. Тем самым весьма ограничивались возможности общественного разделения труда, развития ремесел, роста городов и городского населения.

Система дикотравного пастбищного скотоводства по своей примитивности имела некоторое сходство с переложной системой земледелия. Верно заметив это сходство, И. Я. Златкин пишет: «Не имеем ли мы некоторых

[1] «Если бы на известном пространстве земли не сосредоточилось значительное число людей, то никогда не могла бы развиться промышленность. Грубый труд полудикого пахаря лежит в основании всех чудес европейской цивилизации». (Писарев Д. И. Избранные философские и общественно-политические статьи. М., 1949, стр. 212).

оснований для сравнения труда, связанного с перекочевкой, с трудом древнего земледельца при переложном или подсечном земледелии? Нам кажется несомненным, что одним из стимулов периодических перекочевок являлась необходимость восстановления кормовой производительности данного пастбища»[1]. Однако, увидев это некоторое сходство землепользования при переложной системе земледелия с землепользованием при кочевом скотоводстве, он квалифицирует его как полное тождество, совершенно игнорируя глубокое технологическое различие, которое существовало между этими двумя отраслями производства.

И. Я. Златкин таким путем хотел доказать существование у кочевых скотоводов сословно-монопольного феодального землевладения, которого в действительности не было. Он не думает о том, что примитивное переложное земледелие не было связано с частной собственностью на землю. Право захвата земель такими земледельцами ничем не ограничивалось, кроме обычаев, господствовавших в обществе с родоплеменным устройством. Такому уровню развития общества больше соответствовали поселения «отдельными дворами-поселками или первобытными однодворными деревнями и селами, какие мы видим еще и сейчас кое-где в лесистых частях самых различных стран света у малоразвитых земледельческих племен и какие наблюдались когда-то и у греко-италических, кельтических, германских и славянских племен в доисторический и в первоначальный исторический период их развития, как об этом свидетельствуют некоторые писатели классической древности и раннего средневековья»[2]. Что касается кочевого скотоводческого хозяйства, то оно всегда было связано с вольно-захватной формой землепользования на всем пространстве кочевания.

Кочевое скотоводство, долго существовавшее в степях и пустынях Азии, Африки и на равнинах Восточной Европы, было крайне примитивным хозяйством. Кочевник совершенно не обрабатывал землю и не производил

---

[1] *Златкин И. Я.* К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов.— Вопросы истории, 1955, № 4, стр. 75.

[2] *Тахтаров К. М.* Сравнительная история человеческого общества и общественных форм, т. 2. Л., 1924, стр. 18.

никаких пастбищных трав. Он не был в состоянии производить и воспроизводить объект своего труда — пастбищную траву. Вся жизнь кочевников проходила почти в беспрерывном передвижении с места на место, а окружавшие их пустыня и сухая степь оставались без всякого изменения тысячелетиями. В этом малозаметном воздействии человека на окружавшую природу и состояла общность и отличительная черта отношения к природе всех кочевников различных исторических эпох.

Первым условием развития земледелия была оседлость, привязанность людей к определенному и ограниченному по размерам участку земли и относительная устойчивость его землепользования по сравнению с кочевым скотоводством. Жизнь оседлого земледельца заставляла создавать нечто новое, чего земля без приложения человеческого труда не давала. Земледелие привело к существенно новым отношениям между человеком и природой. Земледелец должен был искать новые источники материальных благ в земле, которые на первых порах еще были скрыты от человеческих глаз. Человек, занимаясь земледелием, установил господство над жизнью почвы и растений путем познания их законов воспроизводства. Он постепенно открывал лучшие приемы обработки почвы и способы быстрейшего восстановления ее плодородия. Занимаясь земледелием, человек своей целесообразной деятельностью изменял природу, придавал почве такие полезные свойства, каких данный участок земли от природы не имел, создавал искусственное плодородие. Производительные силы, приобретенные почвою благодаря человеческой деятельности, «совершенно также становятся первоначальными силами почвы, как и те, какие ей придали происходящие в природе процессы»[1].

Поэтому плодородие обрабатываемой почвы перестает быть «простым продуктом природы», оно становится результатом человеческого труда. Таким образом, производительность труда в земледелии, в конечном счете, надолго определяется не естественным, а, главным образом, искусственно созданным плодородием, которое реализуется в процессе производства и получает опре-

[1] *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитал»), ч. II. М., 1957, стр. 239.

деленное экономическое значение, чего нет и не может быть в условиях кочевого скотоводства.

В древнейшей истории земледелия изобретение земледельцем самого примитивного плуга и запряжка в него быка было для своего времени событием равнозначным изобретению в XIX веке паровой машины. С плугом в Месопотамии были знакомы примерно семь тысяч лет тому назад. Надо полагать, что это новое орудие труда постепенно распространялось или изобреталось среди многочисленных земледельческих народов Востока, заменяя мотыгу и лопату. Неизбежным результатом улучшения орудий земледелия было улучшение способов обработки и применение искусственного орошения земли, которые привели к количественному увеличению и качественному улучшению выращиваемых культурных растений. «Переворот, совершившийся как в материальном, так и духовном мире человеческого общества, благодаря открытию применения плуга, является одним из тех переворотов, которые наиболее глубоко захватили жизнь народностей и натолкнули последние на совершенно новые пути. Итак, та форма обработки почвы, которая в наши теперешние времена сделалась символом консервативности духа, была в известную эпоху событием революционного характера»[1].

Следующим крупным шагом в развитии земледельческой культуры была борьба с истощением плодородия почвы. Земледельцы, встретившись с явлениями утраты плодородия почвы и не располагая запасом свободных земель для распашки, вынуждены были затрачивать труд на восстановление, поддержание и повышение плодородия почвы.

Поддержание и восстановление плодородия почвы для получения устойчивых урожаев всегда было основной задачей земледелия. Но эта задача на разных этапах развития человеческого общества разрешалась разными способами и приемами в соответствии с уровнем развития науки и техники. Это показатель того, как при земледелии в жизнь почвы разумно и властно вмешивается человек. Обрабатывая и удобряя почву, осушая болота, орошая пустыни, человек переделывает почву и приспособляет ее для своих нужд. История знает не-

[1] *Реклю Э.* Человек и земля, т. I. Спб., 1906, стр. 409.

мало примеров, как посредством труда люди бесплодную пустыню превращали в цветущие оазисы. У всех земледельческих народов удобрение почвы стало одним из основных видов сельскохозяйственных работ. Прав был Д. И. Писарев, когда писал: «Всякому деревенскому свинопасу известно, что земля родит хлеб хорошо тогда, когда ее удобряют; а удобрение есть тот же сырой продукт, прошедший через желудки людей и животных и возвращающийся в землю»[1]. В силу специфики технологии своего производства такие работы, как возделывание земли, никак не могли найти место в производственной деятельности кочевого скотовода или охотника.

Все это показывает, что история развития земледелия в смысле всемирно-исторического прогресса, как правило, выступает как история непрерывного развития земледельческих орудий труда, накопления культуры земледелия, применения различных способов обработки и воспроизводства плодородия почвы. Поэтому, безусловно верно, что «плодородие вовсе не в такой степени является естественным качеством почвы, как это может показаться: оно тесно связано с современными общественными отношениями»[2].

«Улучшения, применяемые к земле, требуют, чтобы их воспроизводили и поддерживали; они служат лишь известное время и в этом отношении подобны всем другим улучшениям, которыми пользуются для превращения материи в средство производства»[3]. Значит, непосредственная затрата труда людьми на обработку земли и искусственное улучшение качества почвы превращает почву в предмет и средство труда и воспроизводит ее плодородие. Дикую землю и землю, улучшенную трудом человека, отождествлять нельзя. Средством труда в земледелии, как правило, является не дикая земля, а обрабатываемая и окультуренная почва. Например, казахские степи, в средние века называвшиеся Дешт-и-Кипчак, то есть степи кипчаков, на протяжении тысячелетий служили только сезонными дикими пастбищами для стад и табунов кочевников, передвигавшихся в различных направлениях. Кочевники не могли вос-

[1] *Писарев Д. И.* Избранные философские и общественно-политические статьи. Л., 1949, стр. 244.

[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 4, 1955, стр. 175.

[3] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 4, 1955, стр. 176—177.

пользоваться высоким плодородием черноземной и каштановой почвы ковыльной степи как средством труда, ввиду отсутствия у них земледелия. Только в условиях земледельческого хозяйства люди научились превращать землю в средство труда путем затраты сил и средств для ее обработки и облагораживания. Выдающимся примером этого является освоение целинных земель в наши дни в Казахстане. Здесь затрачена масса живого и овеществленного труда не только для присвоения естественного плодородия почвы, но также и для сохранения и воспроизводства его путем использования всех новейших достижений агротехнической науки, путем введения самой прогрессивной системы земледелия. В результате такой целесообразной затраты огромных сил и средств почва, при естественных условиях могущая произвести только жалкие колючки, начала давать миллиарды пудов хлеба.

Маркс писал: «...Часть средств труда с самого начала производится в такой неподвижной, связанной с местом форме как, например, земельные улучшения, фабричные здания, доменные печи, каналы, железные дороги и т. д. Постоянная прикрепленность средств труда к процессу производства, в котором они должны функционировать, обусловливается здесь вместе с тем физическим способом их существования. С другой стороны, средства труда могут физически постоянно перемещаться передвигаться и, несмотря на то, постоянно находиться в процессе производства как, напр., локомотив, судно, рабочий скот и т. д.»[1]. Такими постоянно перемещающими средствами труда в кочевом обществе были стада овец и табуны лошадей.

Марксистско-ленинская политическая экономия учит нас, что всякий процесс производства есть процесс целесообразного изменения людьми предметов природы, есть процесс присвоения их. Эти измененные трудом человека предметы природы становятся вещами, удовлетворяющими какую-либо человеческую потребность, независимо от того, удовлетворяет ли эта вещь человеческую потребность непосредственно, как предмет индивидуального потребления, или как средство производства.

[1] *Маркс К.* Капитал, т. II. 1951, стр. 158.

Но конкретная форма вещей и их полезные свойства в конечном счете определяются:

1) целесообразной деятельностью человека в процессе труда;

2) своеобразием и материальным содержанием объекта труда или сырого материала, который в обработанном виде может служить вещественным содержанием готового продукта;

3) своеобразием средства труда, которое может быть применено для изготовления только определенных предметов.

При завершении каждого периода производства человек получает результат своего труда в виде готового продукта. Свойства вещи, которую выработал человек, в основном определяются спецификой процесса производства с присущей ему технологией, являющейся конкретным выражением обмена веществ между человеком и природой. Если таким процессом производства было кочевое скотоводство, то результатом труда будет живой скот и его продукты; если таким процессом производства было растениеводство, то результатом труда будет зерно, овощи, фрукты, кормовые культуры и т. п.; если таким процессом производства было ткачество, то результатом труда будет ткань.

Каждая отрасль производства дает возможность человеку познать прежде всего особенные свойства функционирующих в ней средств производства. Каждая отрасль производства, снабжая человека особыми средствами производства, уже предопределяет своеобразные приемы человеческого труда. Каждая отрасль производства развивает у человека своеобразные навыки, сноровку в процессе труда и дает возможность больше и глубже понимать явления, связанные с данным процессом производства.

В каждой отрасли производства развиваются, в технико-экономическом смысле, особый способ производства и особые производительные силы — как субъективные, так и объективные. Например, земледелец понимает, когда и как нужно пахать свое поле, когда и какими семенами надо посеять тот или другой участок земли при данных почвенно-климатических условиях. Кочевым скотоводам известны тончайшие способы пастьбы и поения каждого вида домашних животных,

им известны многие физиолого-биологические свойства домашних животных; им известны, проявляющиеся в то или иное время года свойства основных пастбищных трав, идущих в корм животным; им известно, на какое расстояние, с какой скоростью может скакать лошадь определенного возраста, пола и упитанности при определенной температуре воздуха, при том или другом рельефе местности и т. д. А ткач знает физические свойства своей пряжи и применяемых орудий труда.

Исходя именно из этих положений необходимо рассматривать кочевое скотоводство и оседлое земледелие как совершенно разные отрасли материального производства. Различные отрасли материального производства отличаются друг от друга не столько тем, что производится, сколько тем, как и в каком роде используется всеобщее средство труда — земля. Это означает, что определенным видом материального производства определяется то или другое отношение человека к природе, к земле. Чем примитивнее было общественное производство, тем больше люди находились во власти окружающих природных условий, тем больше их хозяйственная деятельность определялась этими условиями.

Природные условия являются общим фоном, на котором развертывается производственная деятельность людей. Человечество в процессе своего развития все больше и больше приспосабливало природные условия к новым нуждам производства. При этом люди добивались тем больших результатов своего труда, чем больше они понимали особенности окружающих их природных условий производства и чем больше умели целесообразно их использовать.

Казахи, занимавшиеся веками кочевым скотоводством, хорошо знали природные особенности обширной территории своего кочевого передвижения. Основательно изучивший казахское хозяйство в конце XIX и начале XX вв. Ф. Щербина сообщает, что «казах — превосходный ботаник; у него существует довольно сложная и разнообразная номенклатура для обозначения разного рода растений и широкое знакомство с кормовым значением каждого растения для разных видов скота и в разные времена года... Казахи вообще умеют превосходно пользоваться не только разными видами растений, но и различными частями степи. Сами ка-

захские кочевники и соединенная с ними общая совместная жизнь отдельных аулов, приспособлены к наилучшему использованию степей»[1]. Казахский кочевой скотовод был не только ботаником, но и географом своей территории. «Народы-кочевники были тонкими наблюдателями и прекрасными знатоками природы. Они давали название каждой форме рельефа и ландшафта. Поэтому, чтобы ознакомиться с тем, как выглядят различные типы пустынь, пожалуй проще всего пояснить, что обозначают некоторые понятия неписанного народного географического словаря, все шире и шире внедряющегося сейчас в науку»[2].

Кочевое скотоводство и оседлое земледелие, как различные сферы материального производства, как различные сферы труда, имели различные орудия и средства производства. Оперируя разными орудиями и средствами производства и разной технологией производства, они по-разному использовали землю и получали различные продукты. Все это и определяло специфику каждой из этих сфер материального производства.

Если оседлые земледельческие народы разных частей света и различных исторических эпох вносили свой вклад в общественную культуру изобретением новых орудий земледелия, новых способов обработки и орошения земли, выведением новых высокоурожайных видов и сортов сельскохозяйственных растений, а также открытием способов употребления строительных материалов и сооружением ценнейших памятников зодчества, изобретением способов добывания и обработки металлов, то кочевые скотоводческие народы разводили и воспроизводили определенные виды животных, приспособленных к данным природным условиям и к условиям кочевой жизни. Все виды и породы животных кочевниками, обитавшими на определенной территории с присущими ей почвенно-климатическими условиями, были выведены и воспроизведены в течение жизни многих поколений. Эти виды и породы животных были относительно продуктивными и наиболее приспособленными к местным условиям. Кочевое скотоводство с древнейших времен могло полу-

---

[1] *Щербина Ф.* Киргизская народность в местах крестьянских поселений. Спб., 1905, стр. 26—27, 28.

[2] *Федорович Б. А.* Лик пустыни. М., 1954, стр. 37.

чить свое наивысшее развитие только в степных просторах в сочетании с полупустынной и пустынной зоной, а не в лесу и не в горах.[1]

Громадные степные, полупустынные и пустынные пространства Казахстана в определенную часть года представляют собою как бы беспредельный зеленый океан. В качественном отношении территория Казахстана делится на ковыльную степь с плодородной черноземной почвой, с достаточными атмосферными осадками и на сухую песчано-солончаковую такырную полупустыню и пустыню, покрытую в основном полынью, колючками и отчасти песчаными злаками. Равнина последнего типа охватывает обширное пространство, куда входит вся центральная часть, юго-восток, юго-запад и почти весь юг территории Казахстана. Вся эта территория пригодна для пастьбы овец, коз, верблюдов и отчасти лошадей. Только в этой зоне могло развиваться и существовать кочевое скотоводство в его самой высокоразвитой форме.

«Кочевое племя пастухов или скотоводов, жившее на равнинах земли, нуждалось в таком же количестве земли, какое было бы необходимо для охоты на тех же, но диких животных»[2]. Тем не менее кочевое скотоводство по сравнению с охотой было большим прогрессом. При нем общество стало более обеспеченным, чем при охоте. Это показывает, что кочевое скотоводство на определенной ступени развития общества и при определенных природных условиях имело преимущества хотя бы потому, что при этом эксплуатировались и давали выгоду людям такие местности, где земледельческая культура была совершенно невозможна.

Кочевой образ жизни, требующий постоянных передвижений на новые места с целью обеспечения пастбищем стад и табунов, исключает всякую возможность для кочевника оставаться на одном и том же месте сколько-нибудь продолжительное время. Поэтому обработка земли, также как и более или менее сложная отрасль

[1] Ф. Энгельс, касаясь древних германцев, писал: «Они далеко не такие номады, как современные азиатские кочевые народы. Кочевому быту место в степи, а германцы жили в первобытном лесу. Но они были также далеки и от стадии оседлых крестьян». (Энгельс Ф. К истории древних германцев. М., 1938, стр. 17).

[2] *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956, стр. 60.

добывающей промышленности, не совмещается с кочевым образом жизни подобно тому, как не совмещаются с ним устройство больших, неподвижных, постоянных жилищ; следовательно, с ним не совмещается более активное воздействие человека на природу. Незначительное воздействие кочевников на землю проявлялось только в эпизодическом рытье колодцев в безводных местах для питья и водопоя скота.

В силу того, что условием успешного ведения экстенсивного пастбищного скотоводства является «необходимость в известное время года часто переменять пастбище, то все остальные удобства, какие могла бы доставить казаху оседлость, с выгодами которой, впрочем, он еще и не успел ознакомиться, были, разумеется, тотчас же принесены в жертву крайней надобности кочевать. Без скота существование казаха стало немыслимым»[1].

В характере землепользования кочевое скотоводческое хозяйство не имеет ничего похожего на земледелие. Способ ведения хозяйства, основанный только на простой утилизации дикорастущих трав, делал хозяйство кочевника примитивным; оно периодически теряло громадное количество поголовья скота в результате массового падежа при неблагоприятно сложившихся зимних условиях и от эпизоотии («джут» и «индет»).

«Джут» (по-калмыцки — «зут») был одним из страшных стихийных бедствий, присущих отсталому кочевому скотоводству. Он повторялся через определенные промежутки времени. При каждом джуте кочевники теряли массу своего скота. Джут мог быть следствием неблагоприятно сложившихся метеорологических условий. Этими основными условиями принято считать следующие: 1) многоснежная против обычной в данной местности зима, сопровождающаяся длительными буранами и большими холодами. Обычно такой зиме предшествовало засушливое лето, необеспечившее достаточной нажировки идущих в зиму животных; 2) наступление оттепели или выпадение дождя на снег, что вызывало гололедицу; 3) затяжная и холодная весна, приводившая к гибели истощенных от зимних холодов и голодания

[1] *Красовский М.* Область сибирских киргизов, ч. I. Спб., 1868, стр. 391.

животных; 4) выгорание пастбищных трав (в жарких странах).

Стихийное бедствие джут был постоянным спутником кочевого скотоводства с древнейших времен.

Джут был хорошо знаком также и казахским кочевникам[1]. Периодически повторяющиеся джуты были различной разрушительной силы. Бывали джуты частичные, местные и джуты крупные, опустошительные и всеобщие для всех казахских степей и пустынь. При каждом большом джуте громадная масса кочевников лишалась скота и превращалась в обездоленных людей. «Как проклинали они судьбы за то, что, лишив их скота, джут не унес и их самих, а обрек на медленную голодную смерть... Такие джуты уносили и тысячи человеческих жизней... Могло ли при таких условиях развиваться хозяйство в пустынях? Мог ли человек чувствовать себя властелином природы?»[2]

Если крупные всеобщие джуты повторялись периодически, примерно через каждые 6—7, а иногда через 10—11 лет, то частичные местные джуты происходили почти ежегодно. Кочевник всегда оставался под коварной властью внешних сил природы.

Кочевник, занимавшийся исключительно пастбищным скотоводством, не прилагавший труда для обработки земли и возделывания кормовых трав, мог вести только пассивную борьбу со стихийными явлениями природы. Она сводилась в основном в перекочевке с места на место. Изучивший жизнь казахов Среднего жуза в 30-х годах XIX века С. Б. Броневский замечает, что «если случится в ауле какое несчастье, например, необыкно-

---

[1] По данным П. В. Иванова наиболее памятные «джуты» в XIX и начале XX вв., захватывавшие частично или полностью нынешнюю территорию Казахстана, происходили в годы: 1826/27, 1829/30, 1838/39, 1844/45, 1848/49, 1853/54, 1873/74, 1875/76, 1879/80, 1888/89, 1891/92, 1897/98, 1902/3, 1907/8, 1911/12, 1916/17, 1918/19, 1920/21 1924/25, 1926/27, 1927/28. В Тургайской области, по данным губернских отчетов, в 1879/80 г. из общего числа 3 662 737 голов всех видов животных погибло от джута 1 528 679, или 42% всего наличного состава; в 1891/92 г. из общего числа 3 355 743 головы погибло 36% (см. работу А. И. Добросмыслова «Скотоводство в Тургайской области», стр. 29, 37); по данным Аничкова И., от джута 1891/92 г. кочевники многих волостей Казалинского уезда потеряли до 95% всего поголовья скота. (Аничков И. Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899, стр. 150—169).

[2] *Федорович Б. А.* Лик пустыни. М., 1954, стр. 26.

венная смертность и упадок скота, то они, почитая это место нечистым, оставляют его и ищут другое»[1]. В особо трудных зимних условиях, если скотоводам в данной местности грозил джут, они, не считаясь ни с каким морозом, ни с каким бураном и туманом, кочевали до тех пор, пока обессилевший от истощения скот мог передвигаться. Это тоже было формой борьбы с природой. Но такую борьбу кочевников с природой ни в коем случае нельзя сравнить с созидательной работой земледельца, постепенно покорявшего природу.

Природа оставалась для кочевого скотовода неумолимой. Она периодически уничтожала годами выращенные стада и табуны. Прекрасно знавший хозяйственную жизнь казахских кочевников Л. К. Чермак писал, что у них «борьба с природою, подчинение себе ее сил почти отсутствует, что все благосостояние кочевника зависит почти исключительно от благоприятно или неблагоприятно сложившихся условий погоды: хорошая осень, мягкая малоснежная зима без буранов и гололедицы — и кочевник процветает, но случилась сильная гололедица или выпадает такой глубокий снег, что подножный корм сделается недоступным — и кочевник оказывается совершенно бессильным в борьбе с бедою,— скот падает массами, и вчерашний богач делается бедняком»[2]. Таким разорившимся кочевникам не требовались теперь обильно выросшие после джута сочные травы и ставшее могилой их состояния место зимовки, так как они уже не имели орудий труда, то есть стад и табунов для хозяйственного использования этих трав и этого участка земли ни летом, ни зимою. Вместе с гибелью стад и табунов бывший богач — владелец многочисленных табунов и стад — терял и свое общественное положение, он уже не был баем. Отсюда, старинная казахская пословица: «Для гибели бая достаточно одного джута, а для гибели батыра — одной стрелы»[3].

Экспедиция Ф. Щербины об уровне развития хозяйственной жизни у казахов, ведших в конце XIX века полный кочевой образ жизни, писала: «Примитивно в

[1] *Броневский С. Б.* О киргиз-кайсаках Средней Орды.— Отечественные записки, ч. 43. Спб., 1830, стр. 75.

[2] *Чермак Л. К.* Оседлые киргизы-земледельцы на реке Чу.— Записки Западно-Сиб. отд. ИРГО, кн. XXVII. Омск, 1900, стр. 22.

[3] Бай бір жұттық, батыр бір оқтық.

этом хозяйстве все: и отношение к природе, и уход за стадами, и содержание пастухов, и добывание продуктов скотоводства, и самое потребление их. Благодаря именно этой примитивности казахское хозяйство и является крайне шатким и неустойчивым. Малейшая случайность — и хозяйство скотовода сразу уже быстро падает и подрывается вконец. Особенно губительным образом действуют на скотоводческое хозяйство неблагоприятные зимы... По мнению казахов, из десяти зим только шесть бывает хороших, строго говоря, джуты представляют собой своего рода косвенную оценку пастушеского хозяйства и степени культурности самого хозяина»[1]. Эта характеристика верна. Надо признать, что в своих основных чертах всякое кочевое скотоводство, существовавшее в условиях пустынь и сухих степей, включая кочевое скотоводство казахов в XV — XVIII вв., было таким же.

И. Я. Златкин и его сторонники считают, что если кочевники эпизодически копали колодцы в пустыне и степи и организовывали таким образом попутный водопой скоту, то это означает обработку земли, в результате чего последняя выступает якобы как основное средство производства. Он пишет: «Искусственное добывание воды является серьезной тратой человеческого труда, необходимого для воспроизводства пастбищных угодий как средства производства»[2]. Такое утверждение является неверным. Организация кочевниками эпизодического водопоя скота из колодцев никогда не была производством и воспроизводством пастбищных трав.

Если стать на точку зрения И. Я. Златкина, считающего, что всякая затрата труда человеком на вырытие ям с целью получения воды является обработкой земли и воспроизводством пастбищ, то тогда, пожалуй, с таким же успехом можно считать обработкой земли устройство всяких окопов или ям охотниками для ловли диких животных.

Дальнейшее логическое развитие мнения И. Я. Злат-

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область, Кокчетавский уезд. Воронеж, т. I. 1898, стр. 111—112.

[2] Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 93.

кина по поводу колодцев кочевников требует также признания затраты труда рыбаков, делающих проруби в ледяном пространстве водоема для ловли рыбы тоже обработкой земли, так как в понятие земли с экономической точки зрения входит и вода. Однако вряд ли возможно серьезно говорить об этом. Тем более нельзя серьезно говорить о водопользовании кочевниками из колодцев как производстве и воспроизводстве пастбищных угодий, ибо в таком случае следовало бы признать кочевое скотоводство самым высококультурным, высокопродуктивным хозяйством. Кстати, И. Я. Златкину следовало бы знать, что в общем балансе водоснабжения в условиях кочевого скотоводства казахов колодцы имели удельный вес не более 20 — 25%.

«Поение животных во время перекочевок производится казахами, смотря по местности, из рек, озер, болот, из оврагов, котловин, в которые собирается весенняя вода, или же из вырытых колодцев»[1]. В зимнее время, когда на земле был снежный покров, кочевники вовсе не поили скот.

Если признать мнение И. Я. Златкина правильным, то тогда можно утверждать: так как паровоз постоянно потребляет воду, то основным средством производства на железнодорожном транспорте является водокачка; если металлургические, машиностроительные и другие заводы в процессе производства потребляют массу воды, то основным средством производства во всей фабрично-заводской промышленности является вода. Действительно, железнодорожный транспорт, заводы и фабрики без воды работать не могут. Но это не может служить даже в какой-то отдаленной степени основанием для заключения, что основными средствами производства на железнодорожном транспорте и в фабрично-заводской промышленности являются водокачки.

Колодцы для кочевников приобретали более или менее серьезное хозяйственное значение только в какой-то определенной зоне обширной территории кочеваний, и то в определенное время года. Колодцы были одним из эпизодически используемых элементов предмета труда или одним из вспомогательных материалов, необходи-

[1] Сибирский торгово-промышленный календарь на 1899 год. Томск, 1899, стр. 236.

мых для ведения кочевого скотоводства, но не основным средством труда.

При полном кочевом образе жизни в степях Казахстана колодцы за отдельными лицами не закреплялись и они никак не могли служить объектом частной собственности, следовательно, они не могли быть орудием эксплуатации человека человеком.

Колодцы в Казахстане по глубине можно было разделить на три группы: к первой группе относились неглубокие колодцы — «таиз», — глубина которых колебалась от одного до четырех метров; ко второй группе — глубокие колодцы — «терен» — с глубиной от пяти до десяти метров, а к третьей группе — колодцы типа «шинграу», глубиной больше десяти метров, иногда достигающей 40 — 60 метров. Последним типом колодцев пользовалась ничтожная часть кочевого казахского населения, которая кочевала не на большие расстояния и обитала в летнее время в таких безводных пустынях, как Кызыл-Кумы, Устюрт и Мангышлак. Лишь немногие кочевники, и то в редких случаях, для разового водопоя пользовались «шинграу», например, при запоздалом весеннем или же преждевременном осеннем кочевании. Как правило, признаком «шинграу» является укрепление его стенок деревом (саксаулом) или камнем.

В конце XIX и начале XX вв. в Мангышлакском уезде все колодцы по принадлежности можно разделить на три категории: «одни, большей частью устроенные недавно, составляют собственность отдельных лиц, которыми они вырыты и устроены или куплены, другие, устроенные в более давние времена, принадлежат поколениям и аулам, третьи, очень давние, считаются принадлежностью всех казахов и туркменов Мангышлакского уезда... Колодцы, как общие для туземцев уезда, аульных обществ и поколений, так и принадлежащие отдельным лицам, расположены очень смешанно, так что почти все группы поят из колодцев разных волостей и аулов»[1]. Этот документ, составленный в конце XIX века, показывает, как по мере перехода кочевников к полукочевому типу хозяйства даже без сенокошения и хлебопашества, как по мере изме-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 40, Мангышлакское уездное управление, оп. 2, доп. дело 13, лл. 99—100. Переписка по разного рода заявлениям и жалобам киргизов, 1892 г.

нения характера кочевания и образа жизни изменялась форма собственности на колодцы у кочевых скотоводов казахов и туркменов Мангышлакского уезда. Но вместе с тем видно, что никакого запрета в использовании воды, даже колодцев, принадлежавшим отдельным лицам, не было. В вышеприведенном документе говорится, что у мангышлакских казахов существовал установленный обычаем такой порядок, по которому право пользования колодцами, составляющими частную собственность отдельных лиц, принадлежит прежде всего их владельцам, затем его родственникам по степени их родства и потом уже всем посторонним жителям Мангышлакского уезда и другим кочевникам. «Если к таким колодцам прикочует постороннее лицо в то время, когда около них находится со стадами владелец, то если воды окажется достаточное количество для водопоя стад, принадлежащих обоим, прикочевавший невладелец может тоже остаться у колодцев, в противном же случае он только один раз напоит свои стада и потом должен откочевать в другое место. Если владелец прикочует к своим колодцам в то время, когда около них находится со стадами постороннее лицо, то последнее может оставаться у колодцев только в том случае, если воды в них будет достаточно для стад обоих кочевников, в противном же случае, он должен напоить свои стада, немедленно перекочевать в другое место»[1]. Как видно, даже колодцы, которые считались частной собственностью отдельных лиц, не охранялись от посторонних. Если воды в колодце хватало, то из них могли поить свой скот и не собственники колодца совершенно бесплатно. Следовательно, опутанные еще патриархальщиной элементы частной собственности на колодцы у мангышлакских казахов и туркменов частично появились только в конце XIX века[2].

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 40, Мангышлакское уездное управление, оп. 2, доп. дело 13, лл. 99—100. Переписка по разного рода заявлениям и жалобам киргизов, 1892 г.

[2] Экспедиция АН СССР в 1926 году установила: «На мелкие колодцы права собственности не существует, шинграу принадлежит отдельным аулам, родовым группам и даже отдельным лицам. Преимущественное право пользования сохраняется в первую очередь за строителем, его родичами, за родом, и затем только пользуются посторонние лица. Так как очень много *шинграу* существует уже несколько поколений, а на некоторых сохранились даже еще метки туркменских родов, то фактически и *шинграу* являются если не

Казахские обитатели пустыни Кызыл-Кумы в конце XIX и начале XX в. имели колодцы в песках, как правило, ближе к гористой местности, которая начинается с юга песчаного пространства, или же на северо-востоке, поближе к р. Сыр-Дарье. Эти кызыл-кумские скотоводы разводили преимущественно каракулевых овец, одногорбых верблюдов и в небольшом количестве коз; других видов скота у них не было, за исключением верховых коней, насчитываемых только единицами и то у зажиточного слоя населения. Там абсолютно не было условий для коневодства и разведения крупного рогатого скота, не говоря уже о земледелии.

Кызыл-кумские скотоводы имели торговые связи с Бухарой и хивинскими городами, где, помимо сбыта скота и продуктов скотоводства, беднейшая часть населения постоянно занималась сбытом саксаульного угля.

У кызыл-кумских казахов, привязанных к колодцам в пустыне, не было никаких сенокосных и пахотных угодий, кроме песчаного пространства, используемого как пастбище для скота. Никаких ограничений в использовании пастбищ не существовало.

Колодцы в Кызыл-Кумах, да и Кара-Кумах (Туркмения), не были оазисами, вокруг которых люди выращивали бы полезные для них, а также для животных, полезные зеленые растения. Поэтому, появление таких колодцев в пустынях нельзя рассматривать как занятие земледелием в широком смысле этого слова. Эти колодцы служили только источником воды для утоления жажды людей и животных. Они для жителей имели примерно такое же значение, как снежные хижины для охотников и рыболовов Крайнего Севера, которые спасались в них от жуткого холода и бурана.

Незнание жизни кочевников порою приводит к таким нелепым утверждениям, вроде: «Богатые скотоводы, обеспеченные верблюдами, пастухами и глубокими

вполне общественной собственностью, то собственностью чрезвычайно широкого круга лиц. Все преимущество лиц или родов, вырывших колодцы, заключается в очереди водопоя: хозяин колодца имеет преимущественное обычное право поить свой скот в жаркое время в первую очередь, также — все граждане того же рода; в остальное время колодцами пользуются все желающие в порядке живой очереди». (Материалы комиссии экспедиционных исследований, вып. 13. Серия Казахстанская. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Л., 1928, стр. 65—66).

колодцами, могли кочевать на большие расстояния»[1]. Во-первых, выходит, что верблюды и глубокие колодцы передвигались вместе по всему длинному кочевому пути богатых скотоводов; во-вторых, следует указать, что наличие глубоких колодцев не способствовало удлинению кочевого пути; в-третьих, глубокие колодцы никогда не облегчали труд кочевников и не способствовали их обогащению. Не случайно кочевники всячески избегали рытья глубоких колодцев. Этот важный момент хорошо понимал мурза Тевкелев, который был одним из активных участников акта принятия казахами Младшего жуза подданства России в начале 30-х годов XVIII столетия. Он писал: «Где они (казахи — С. Т.) зимуют, летом в тех местах текущих рек нет, только колодезь, множество имеющегося у них скота из оных колодцев удовольствовать не могут»[2].

Жители песчаных пустынь, имевшие глубокие колодцы, влачили почти жалкое существование, были совершенно подавлены трудностями жизни, трудностями борьбы с природой.

По нашим личным наблюдениям, вокруг глубоких колодцев в Кызыл-Кумской пустыне скудный растительный покров песков быстро уничтожался окончательно. Территория месторасположения таких колодцев представляла собой сыпучие пески, тянувшиеся во все стороны на десятки километров. С каждым годом пастбище от колодцев все больше и больше отдалялось, что делало невозможным для стад летом ежедневно бывать на пастбищах и возвращаться на водопой. Это приводило к тому, что кызыл-кумские казахи летом верблюдов поили лишь через 2—3 дня, а овец через день. Мангышлакские и кызыл-кумские казахи считали нежелательным увеличение количества колодцев в этих пустынях на близком расстоянии друг от друга. По этому поводу образно говорит пословица: «Чем больше мулл — тем хуже народу, чем больше колодцев — тем хуже земля». В кызыл-кумской и кара-кумской пустынях летом от недостатка кормов, воды и от нестерпимой жары скот истощался и погибал.

---

[1] *Аполлова Н. Г.* Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948, стр. 37.

[2] Сб. указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1734, г., т. I, составленный А. И. Добросмысловым. Оренбург, 1900, стр. 100.

Жителям становилось легче лишь с наступлением осени и зимы. Такие условия жизни вынуждали кызыл-кумцев запасаться зимою снегом на весну самым первобытным способом. Для этого они вырывали огромные ямы с северной стороны песчаных бугорков, имеющих растительный покров, устилали и обкладывали стены и основание этих ям травой и кустарниками, а потом наполняли снегом. Сверху тоже покрывали травой, кустарниками и засыпали землей. Таким запасом «воды» они могли прожить в течение весенних месяцев. А потом уже были вынуждены перекочевывать в места нахождения так называемых «глубоких колодцев», где жизнь для широкой трудовой массы населения скорее была земным «адом», чем жизнью. Но пока стояла жара, население не могло никуда откочевывать.

Примерно таким же способом использовали атмосферные осадки — путем устройства так называемых «каков» — кара-кумские туркмены. «В песчаной пустыне атмосферные осадки быстро просачиваются сквозь толщу песков. На такырах влага некоторое время остается на поверхности, пока не испарится. Для сохранения пресных такырных вод в течение более длительного времени на такырах роют ямы — «каки». «Каковой» водой поят скот»[1].

Никакой частной земельной собственности на пастбища у кызыл-кумских и кара-кумских скотоводов не было. Количество наличного скота у каждого скотовладельца как бы механически определяло размеры землепользования на всем пастбищном пространстве. Чем больше было у него скота, тем больше он извлекал для себя выгоды от земли. Это было свойственно всем кочевым скотоводам.

Не то было у земледельческих народов.

Характерной особенностью землепользования, существовавшего у оседлых земледельцев, в отличие от кочевых скотоводов, является его продолжительный и постоянный характер, что объясняется прочным освоением и окультуриванием ограниченного участка земли человеком; оставить этот участок означало бы для него полную потерю затраченного труда. Следовательно, возрастающая затрата труда на возделывание земли была основ-

[1] *Фрейкин З. Г.* Туркменская ССР. (Экономико-географическая характеристика). М., 1954, стр. 40.

ным условием, привязывающим человека к данному участку земли и поднимающим ее хозяйственную ценность.

В условиях пустынь трудом многих поколений земледельцев путем искусственного орошения создавались тучные плодородные земли: фруктовые сады, виноградники, обширные поля хлопчатника, риса, огородно-бахчевых и других ценнейших культур. В результате покорения рек и пустынь создались, например, оазисы плодородной Ферганы на реке Сыр-Дарья, Хорезма в низовьях Аму-Дарьи, Самарканда и Бухары на реке Зеравшан и Мерва на реке Мургаб; древние китайцы сделались замечательнейшими земледельцами в долинах рек Янцзы-цзян, Хуанхэ, Ляохэ и др., процветал Египет в дельте реки Нил; орошаемые оазисы Инда и Ганга, Месопотамия и др. были древнейшими очагами земледелия. Об огромном значении в развитии общества подчинения сил природы людьми Маркс писал: «Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость использовать ее или подчинить ее при помощи сооружений крупнейшего масштаба, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности. Примером может послужить регулирование воды в Египте, Ломбардии, Голландии и т. д. или в Индии, Персии и т. д., где орошение искусственными каналами не только доставляет почве необходимую для растений воду, но в то же время приносит вместе с илом минеральное удобрение с гор. Тайна хозяйственного расцвета Испании и Сицилии при господстве арабов заключалась в искусственном орошении»[1]. Без оседлости и земледелия люди никак не могли этого сделать.

Оседлые земледельцы были способны на такие подвиги именно потому, что они затрачивали труд на поднятие хозяйственной ценности определенного участка земли ограниченной площади[2], не «плавая», как кочевники по волнам безбрежного «океана» пустынь и степей.

---

[1] *Маркс К.* Капитал, т. I. 1952, стр. 517.

[2] «Самый прогресс естественных знаний и неровное их распределение, будучи отчасти причинами, служат отчасти следствиями состояния, в каком находится производство и распределение богатств». (Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения, т. III, ч. I. М., 1948, стр. 35).

Кочевники же использовали для своего производства готовые плоды природы. Когда трава съедена скотом под самый корень, полностью истощился снежный покров или высохла талая вода, тогда кочевники искали новые места с нетронутой или мало тронутой травой и с доступным для стад и табунов водопоем. Такая производственная деятельность человека создавала целую систему пастбищно-кочевого скотоводства. При этом радиус кочевого передвижения, или длина кочевого пути, в течение года определялись уровнем развития производительных сил кочевого общества и окружавшими его природными условиями. Для такой установившейся системы кочевого хозяйства с характерной для него рутиной регулярные странствования с одного пастбища на другое по существу и были основными переменами в производственной жизни кочевников степей и пустынь. Они не могли прикрепиться к земле, которая как бы бежала из-под их ног.

В силу специфики технологии своего производства кочевники не могли для хозяйственных целей использовать постоянно один и тот же участок земли, имеющий ограниченную площадь. Беспрерывное кочевание было необходимостью, диктуемой специфической природою самого основного средства производства у кочевых скотоводов — стад и табунов. Поэтому кочевникам земля давала тем больше пользы, чем меньше они задерживались со своими стадами и табунами на одном месте. Казахи говорили: «При частой кочевке скот жиреет, а на стоянке баба жиреет»[1].

Кочевник путем увеличения количества кочевок расширял площадь использования естественных пастбищ, обеспечивал улучшение нагула животных, добивался увеличения удоя молока, нормального роста шерсти и быстрого развития молодняка, одним словом — повышения продуктивности животных и расширения воспроизводства поголовья скота. Следовательно, увеличение количества кочеваний или удлинение кочевого пути при нормальных условиях жизни настоящих кочевников было единственно возможным способом интенсификации кочевого хозяйства. Отсюда вытекала необходимость громадной площади естественного пастбища даже для сравнительно небольшого количества кочевых хозяйств.

[1] Көше берсе, мал семіз, көшпесе қатын семіз.

В таких условиях, чем большим количеством стад и табунов располагало хозяйство, тем больше и дальше, по сравнению с малоскотными хозяйствами, ему приходилось кочевать. Небольшое количество скота могло быть удовлетворено растительностью с относительно небольшой площади земли. Поэтому маломощные или малоскотные хозяйства совершали наименьшее количество кочеваний и имели самый короткий кочевой путь в году. Казахи хорошо знали, что всякое неразумное сокращение количества кочеваний в любое время года означало голодание скота. Удлинение срока пребывания аула на одном месте, особенно зимою, всегда пагубно отражалось на животных. Об этих моментах в кочевой жизни говорит казахская поговорка: «Пострадавший от джута хвалит свой журт»[1]. Она осуждала хозяина, потерявшего свои стада и табуны из-за нежелания его совершать частые кочевания, как этого требовало кочевое хозяйство. Значит, система кочевого хозяйства могла существовать только там, где был большой простор для кочевого передвижения и крайне низкая плотность населения.

Н. Г. Чернышевский верно отметил, что «количество человеческой пищи, производимое землею, даже при самой плохой системе земледелия, чрезвычайно превосходит массу пищи, получаемой в чисто кочевом состоянии, так что непременным результатом перехода (к оседлости) бывает огромное увеличение населения»[2]. О кочевом хозяйстве казахов в XIX веке Т. И. Тихонов писал: «Даже самые хищнические формы земледелия позволяют все же извлекать с единицы поверхности земли более дохода, чем существующие формы казахского скотоводства»[3]. Хорошо знавший экономику экстенсивного пастбищного скотоводства казахов в XIX веке Ч. Ч. Валиханов высказал ту же самую мысль, что и Чернышевский, говоря, что совершенно невозможно извлекать наибольшую пользу с меньшей площади земли, пока скотоводство будет в казахской степи единственным средством существования[4].

---

[1] «Жұрт» — место стоянки аула. «Жұтаған жұртын мақтайды».

[2] *Чернышевский Н. Г.* Избранные экономические произведения, т. III, ч. I. М., 1948, стр. 22.

[3] *Тихонов Т. И.* Хозяйственный быт киргизов степного края.— Тургайские ведомости, 1901, 10 марта.

[4] *Валиханов Ч.* Полное собрание сочинений.— Записки им. русск. геогр. об-ва, т. XXIX. Спб., 1904, стр. 323.

Кочевники постоянно находились в процессе передвижения на большой территории, извлекая ничтожную и непропорциональную ее величине выгоду; они должны были иметь большие запасы свободных земель, дававших простор для ведения примитивного хозяйства. Именно эта примитивность исключала оседлый образ жизни и возможность приложения труда людей к земле для получения большего количества продуктов с небольшой площади земли.

Как известно, повышение производительности общественного труда тесно связано с плотностью населения на определенной площади земли. Труд оседлого земледельца требует меньше земельной площади на единицу продукции по сравнению с экстенсивным скотоводством кочевника и уже поэтому, казалось бы, неизбежно должен вытеснять последнее на известной ступени уплотненности населения данной страны. Но сама его плотность является функцией роста производительности общественного труда. «И если бы эта производительность из расчета на единицу продукции эквивалентной питательности,— скажем, на 1 000 усвояемых нами калорий — была в кочевом скотоводстве больше, чем в земледелии, то у наших предков не оказалось бы никаких экономических стимулов для вытеснения первого вторым. Первичным и решающим фактором в этом деле являются, стало быть лишь сравнительные темпы роста производительности данных отраслей труда. В земледелии эти темпы оказались выше, чем в кочевом скотоводстве, и поэтому оно постепенно вытесняло последнее».[1]

Это понимал и султан Сейдалин, который писал: «Занятие казахов скотоводством и кочевая жизнь их для поддержания последнего, является не прихотью народа, а делом самым ответственным, и эта жизнь со своим пастушеством не уступит места оседлости с земледельчеством до тех пор, пока естественным приращением казахского населения не почувствуется крайняя теснота, вместо прежнего простора в степи»[2]. Кочевое скотоводство могло существовать только там, где была ничтож-

[1] *Струмилин С.* К истории земледельческого труда в России.— Вопросы экономики, 1949, № 2, стр. 48.

[2] *Сейдалин Султан 2-й.* О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая.— Записки Оренб. отд. ИРГО, вып. I, Казань, 1870, стр. 237.

ная плотность населения и достаточный простор свободной земли; последняя от кратковременной эксплуатации ее как пастбища не доводилась до крайнего истощения и сохраняла способность восстанавливать свой естественный растительный покров без затраты человеческого труда.

Такой дикотравный характер кочевого скотоводства подчеркивается в словах Маркса: «Например, монголы при опустошении России действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием»[1]. Надо полагать, что Маркс в данном случае под словами «способ производства» монголов прежде всего подразумевает организацию производства, то есть его технико-экономическую сторону.

Существо организации кочевого скотоводства сводилось к круглогодичному содержанию стад и табунов на подножном корму в необитаемых пространствах пустынь и степей. Естественный растительный покров составлял их основное природное богатство. В этом заключается разгадка тайны, почему именно в этих местах получило свое развитие и тысячелетиями сохранялось отсталое кочевое скотоводство как особая сфера материального производства.

В отличие от кочевого скотоводства сама технология земледелия способствовала тому, что земледельцы переделывали свойства почвы в желательном для себя направлении. С древнейших времен в районах орошаемого земледелия в Средней Азии вдоль оросительных каналов высаживали древесные насаждения, с величайшим искусством выравнивали поливные поля для лучшего распределения оросительной воды. Для мелиорации песчаных почв здесь издревне применяли землистые глинистые удобрения, а для улучшения тяжелых бесструктурных глинистых почв — «такыров» — использовали песок. В результате бесплодные «такыры» или песчаные почвы превращались в плодородные. О таком же преобразующем характере труда земледельцев, вложенного в землю, говорит пример древних земледельцев Египта. Там обработка земли, занесенной илом, была настолько интенсивна, что первоначальная флора стра-

[1] *Маркс К.* К критике политической экономии. Л., 1952, стр. 210.

ны оказалась совершенно измененной. Растения, произраставшие на узкой полосе наноса до того, как человек завладел этой страною, почти совершенно исчезли, как это признается и ботаниками, работавшими над флорой Египта; лишь первоначальная флора возвышенного плато пустынь сохраняла неизменившейся свою физиономию. Далее, факты говорят о весьма раннем, исчисляемом многими веками до нашего времени, начале в Китае крупных гидромелиоративных работ по оздоровлению страны и превращению девственной почвы в культурные земли.

В противовес земледельцам кочевой скотовод весь свой ум, весь жизненный опыт и все знания в области производства направлял на то, чтобы его стадо досыта наедалось пастбищной травой. В этом состояла главная задача пастуха, основным «инструментом» мастерства которого было пасущееся стадо.

Наукой и практикой доказано, что с ростом плотности населения на определенной территории, даже самая богатая естественным плодородием почва, используемая с большой нагрузкой только как пастбище, обесценивалась скотом. Пасущийся из года в год скот вытравлял исключительно полезную растительность — злаки, бобовые, вообще то, что требуется для поддержания его организма. В период цветения и обсеменения необходимых ему кормов, скот, идя по степи массами, выедает начисто корма, не трогая в то же время негодной для него растительности. Ранней весной, в дождь и при влажной почве он втаптывал слабые растения кормовых трав, оставляя мало поврежденными разного рода, почти не имеющие хозяйственного значения, растения в виде бурьянов. В засухи, когда растительный покров почвы был скудный, опять-таки страдали от скота в большей степени полезные травы.[1]

Чрезмерная эксплуатация земли при кочевом скотоводстве всегда приводила к уничтожению лесов и расти-

---

[1] Например сообщалось, что в южных волостях Темирского уезда «беспрерывной, усиленной пастьбой скота типец уничтожен почти совершенно — на пространстве целых верст встречаются несколько кустиков — ковыль же вытравлен настолько, что от него остались съеденные до земли корни прежде могучих кустов». (Материалы по киргизскому землепользованию Темирского уезда. Оренбург, 1910, стр. 217).

тельного покрова пустынь и полупустынь, превращая их в сыпучие пески[1]. Одним из многочисленных примеров в этом отношении может служить Внутренняя Букеевская орда, ограниченная со всех сторон военными линиями с расположенными внутри Орды частными земельными участками и солончаками. «Скот из года в год огромными массами «топтался» на одних и тех же пастбищах. В результате эти пастбища, расположенные вплотную к пескам, истощались, вытаптывались и превращались в песчаные степи. Все современники и исследователи Внутренней Орды свидетельствуют о том, что количество песков в Орде к началу второй половины XIX века значительно увеличилось. Там, где раньше были прекрасные пастбища, через 20—25 лет образовалась безжизненная песчанная степь. Через несколько лет пески уже вплотную подошли к Ставке и стали засыпать ее немудреные строения»[2].

Этот факт прежде всего говорит о том, что пастбищно-кочевую систему скотоводства, которая господствовала у казахов в XV—XVIII вв., возможно было вести только на необъятных просторах степей, где какая-то часть в течение всего года оставалась необитаемой. Такая необъятность территории давала кочевникам свободу передвижения на большом пространстве земли с целью наилучшего обеспечения скота кормом во всякое время года. В этом была главная особенность хозяйственной жизни всех более развитых кочевых народов и в этом же заключалась их отсталость. Отмечено, что «в старые времена, когда казахов было значительно меньше, скотоводство выдерживало все невзгоды кочевого хозяйства, пополняя своим приростом как процент падежа, так

---

[1] «Пустыня Кызыл-Кумы использовалась еще неравномернее, чем Кара-Кумы. Больше всего испорчены земли южных Кызыл-Кумов. Можно и сейчас насчитать тут 700—800 видов растений, но на значительных пространствах пастбища сильно обеднены»... Или же в Иране: «Овцы и козы, как бритвой, обрили все склоны гор. Не осталось на них росших прежде деревьев и кустов, редкой стала трава. И с каждым дождем все сильнее размываются бесчисленные рытвины и овраги, превращаясь в ущелье. Горы, даривше прежде воду, топливо и пастбища, превратились в грозных врагов, заносящих поля каменным саваном». (Федорович Б. А. Лик пустыни. М., 1954, стр. 288, 303).

[2] *Шахматов В. Ф.* Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946, стр. 57.

продажи и потребления. За последние же годы казахское население стало увеличиваться, скотоводство же благодаря прежнему крайне некультурному способу ведения хозяйства не только уменьшается, но и вырождается»[1].

Другое положение в земледелии.

Огромное различие производительного использования земли, которое существовало между кочевым скотоводством и оседлым земледелием, можно понять из образно выраженной мысли Маркса: «Труд есть отец богатства», как говорит Вильям Петти, земля его мать»[2] и из народной пословицы казахских кочевников, которая гласит: «Земля — мать, скот ее дитя»[3]. Как видно, казахская пословица лишена смысла, какой имеет вышеупомянутое изречение Вильяма Петти, приведенное Марксом. Она констатирует тот факт, что «земля кормит скот» или «скот кормится растением земли», что судьба кочевого скотоводства в конечном счете почти целиком зависит от дикой природы никем необработанной земли. Отсюда и понятно, почему в ней ничего не сказано насчет созидательного труда человека, прилагаемого к земле.

Казахская пословица гласит: «Где земля богата, там и народ богат»[4]. Но под богатством земли казахи подразумевали богатые травой и водой естественные пастбища. Следовательно, и здесь указывается на полную зависимость основного богатства кочевников — скота — от дикой природы — естественных пастбищ. Это показатель того, что «при естественно возникших орудиях производства, индивиды подчиняются природе»[5].

Если такова была роль необработанной земли при кочевом скотоводстве, то в условиях оседлого земледелия земля переставала быть матерью-кормилицей, как только прекращалась ее обработка. Маркс писал: «...Разве крестьянин, которому не хватает самых необходимых вещей для обработки его трех десятин, окажется в лучшем положении, когда количество его десятин удесятерится?[6] Об этом же писал и В. И. Ленин:

---

[1] ЦГИА Каз ССР, ф. 40, оп. I, д. 934, св. 52, л. 8.
[2] *Маркс К.* Капитал, т. I, 1952, стр. 50.
[3] Жер — анасы, мал баласы.
[4] Жері байдың, елі бай.
[5] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 3, стр. 65.
[6] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. XXVII, стр. 684.

«У массы рогожников земледелие падает, и они бросают землю; «пустырей» около $^1/_3$ озимого и $^1/_2$ ярового поля. Но для «зажиточных мужиков» «земля уже не злая мачеха, а мать-кормилица»: достаточно скота, есть удобрение, арендуют землю, стараются исключить свои полосы из передела и лучше ухаживают за ними»[1].

Земля при кочевом скотоводстве использовалась в своем естественном состоянии как всякая полезная вещь природы. «Так бывает, когда, ее полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственная почва, естественные луга, дикорастущий лес и т. д.»[2]. Это ясное указание Маркса, ставящее рядом «естественные луга», то есть естественные пастбища, с таким же даром природы — воздухом, взялся опровергнуть И. Я. Златкин. Он пишет: «В. Ф. Шахматов и С. Е. Толыбеков пытаются убедить нас, что земля у кочевников не только не является основным средством производства, но она выполняет пассивную роль естественного внешнего фактора, чего-то вроде воздуха, которым дышат живые существа»[3].

По всем данным у казахов в XV—XVIII вв. хозяйство велось посредством круглогодичного кочевания. Такой тип хозяйства, как пережиток когда-то господствовавшей формы кочевого хозяйства, существовал у многочисленных родоплеменных групп адайцев, табынцев, шектинцев, шомекейцев, кетинцев и др. еще в предреволюционном Казахстане. В 1912 году один из лучших знатоков Степного края Л. К. Чермак писал: «Хозяйство первого типа — вечные кочевники. Порядок их жизни в течение года таков: ранней весной, как только начнет оживать природа, они поднимаются со всеми своими стадами и домашним скарбом, и идут к северу, сначала небольшими группками объединенными в одно — несколько хозяйств, а затем соединяются в большие родовые группы. В разгаре лета они приходят на летовку, где проводят месяц — полтора, а затем идут обратно, вслед за осенью. После того как пройдут дожди, выжженные солнцем пустыни юга оживают и скот находит

[1] *Ленин В. И.* Соч., т. 3, стр. 324.

[2] *Маркс К.* Капитал, т. I, 1952, стр. 47.

[3] Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 92.

себе на них пропитание. Когда наступит зима и снег покроет землю, то привычный скот кочевника — овцы, лошади,— достает себе корм из-под снега, который только в исключительно редких случаях ложится здесь толстым слоем. Верблюды довольствуются кустиками различных солончаковых флор, торчащими поверх снега и отвергаемые прочим скотом. Во время зимы кочевник также меняет свои стоянки, по мере истощения пастбищ, как и летом... Конечно ни о каких границах пастбища здесь и речи нет»[1].

Но с этим не согласен Л. П. Потапов. Он считает, «если в период зарождения кочевого скотоводства еще можно было осваивать новые, никем не занятые территории, то позднее, во всяком случае к первым векам до н. э., таких территорий в Центральной Азии и в полосе степей от Алтая до Крыма и Дуная было не так-то уж много, ибо кочевое скотоводство повсюду получило большое распространение»[2], «монопольное распоряжение кочевьями, пастбищами и другими землями вело фактически к частной собственности кочевой знати на эти земли»[3]. Эти слова Л. П. Потапова можно понять в том смысле, что появление частного землевладения среди азиатских кочевников относится к глубокой древности, то есть к первым векам н. э. В действительности возникновение и существование кочевого скотоводства еще не говорят о возникновении и распространении частного землевладения среди кочевников.

Одним из стимулов к оседанию кочевников является рост населения и появление земельной «тесноты». Оседлый же образ жизни предполагает земледелие и постепенное возникновение частного землевладения, тогда как кочевое скотоводство могло существовать только на «необитаемом», по словам Маркса, пространстве, где не было никакого частного землевладения.

Л. П. Потапов возрождает «теорию» вечного феодализма на Востоке. Если согласиться с утверждением о возникновении частной земельной собственности у средне-

---

[1] *Чермак Л. К.* Киргизское хозяйство в Степном крае. В кн.: Петропавловск-Спасский завод (в экономическом отношении). Спб., 1912, стр. 225.

[2] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.—Вопросы истории, 1954, № 6, стр. 80.

[3] Там же, стр. 81.

азиатских кочевников от Алтая до Крыма и Дуная еще в первых веках до н. э., то мы подавно должны признать существование ее в этот период у древних кельтов, германцев и славян. Такое понимание сущности экономической жизни древнего кочевого и некочевого обществ исторической наукой давно отвергнуто.

Об отсутствии частной собственности на землю в условиях патриархально-феодального земледельческого общества, каким было общество германцев на рубеже V—VI вв. Ф. Энгельс писал: «При редком населении всегда оставалось достаточно свободных пустошей, так что всякие споры из-за земли были излишни»[1].

На наличие огромных просторов еще свободных и никем не занятых земель в Сибири, Казахстане и на юге России в XIX в. указывал Ленин: «В начале пореформенной эпохи в 60-х годах южные и восточные окраины Евр. России были в значительной степени незаселенной территорией, на которую направлялся громадный приток переселенцев из центральной земледельческой России»[2]. Далее В. И. Ленин, сравнивая аграрные отношения в Центральной России и в Сибири, писал: «Дело в том, что в Сибири нет именно тех условий, которые создали это правило, нет обязательного и «уравнительного» надела, нет сложившейся частной собственности на землю. Зажиточный крестьянин не покупает и не арендует земли, а захватывает ее (так было, по крайней мере, до сих пор)»[3].

Если не было сложившейся частной собственности на землю в конце XIX века в таком земледельческом и лесном крае, как Сибирь, то вполне закономерно, что ее не было на огромных, ни за кем не закрепленных степных, пустынных и полупустынных просторах в условиях племенно-феодального общества и военно-кочевого образа жизни казахов в XV—XVIII вв. Эти пространства использовались кочевниками в самой широкой общинной форме, сообразно требованиям их производства — кочевого скотоводства.

Ошибочность концепции об извечной частной собственности на землю у кочевников находит свое выра-

---

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Л., 1953, стр. 146.

[2] *Ленин В. И.* Соч., т. 3, стр. 494.

[3] Там же, стр. 97.

жение также в мнении об извечной одинаковости уровня развития общественно-экономической жизни кочевых скотоводов и оседлых земледельцев. В. С. Батраков утверждает, что «характер производственных отношений для всех частей восточного общества был общий. Иными словами, для кочевой и оседлой частей восточного общества было характерно единство общественного способа производства, который определял социально-экономическую физиономию данного общества в его целом, на той или иной ступени исторического развития»[1].

Такая позиция целиком противоречит историческим фактам. Нельзя рассматривать весь Восток как единое целое.

Мы отвергаем мысль о том, что на всем Востоке, то есть у всех народов Азии, северо-восточной Африки и юго-восточной Европы было одно монолитное, так называемое «восточное» общество, где характер производственных отношений был общим у всех народов Востока. Нельзя сказать, что «на той или иной ступени исторического развития» у египтян и бурятов, вавилонцев и курдов, иранцев и казахов, согдианцев и саков, гуннов и китайцев, монголов и индейцев, якутов и армян, палестинцев и киргизов, арабов и коряков, таджиков и туркменов был один общий для всех общественно-экономический строй.

Видимо, такая странная «теория» имеет целью обосновать наличие «высокой» культуры у древних и средневековых кочевников, которые якобы несли с собою на запад культуру и прогресс. Поэтому В. С. Батраков говорит, что кочевые народы «прошли стадию развитого феодализма, как и оседлые народы и в тот же исторический период, то есть, начиная с X—XI вв.»[2]. Если согласиться с таким утверждением В. С. Батракова, то остается признать, что все азиатские и отчасти африканские кочевники прошли стадию феодализма еще в X—XI вв., а раз они уже прошли стадию развитого феодализма, затем, надо полагать, они вступили в стадию «кочевого капитализма». В таком случае и казахские племенные

---

[1] Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 79.

[2] Там же.

союзы кочевников, возникшие в XV, следует характеризовать уже как «кочевой капитализм».

Обосновывая свою мысль о развитии кочевого феодализма, В. С. Батраков пишет: «Когда же Россия стала на путь капиталистического развития, в кочевых районах, вошедших в ее состав и превратившихся в источники сырья и рынки сбыта ее капиталистической промышленности, стало развиваться товарное производство и нарождаться капиталистические отношения, вследствие чего прежние отношения, характерные для развитого феодализма, стали разрушаться и сменяться новыми отношениями» (то есть капиталистическими — С. Т.)[1]. Следовательно, с точки зрения В. С. Батракова, нечего говорить о патриархально-феодальных отношениях в кочевых районах, вошедших в состав России, если в этих районах был настолько развитый феодализм, что он уже стал разрушаться и сменяться капитализмом. Если это так, то вполне логично сказать, что после победы Великой Октябрьской революции кочевые народы, вошедшие ранее в состав России, переходили прямо от капитализма к социализму, а не от докапиталистических отношений к социалистическим, минуя стадию капитализма, как это считается в марксистской науке.

Ленинизм учит, что кочевые скотоводческие народы, подобные казахскому, к моменту Великой Октябрьской социалистической революции еще не дошли до стадии капиталистического развития, но такие народы с помощью рабочего класса передовых стран могут перейти к «советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»[2], что полностью подтверждается практикой социалистического строительства в СССР.

В. И. Ленин говорил, что трудящиеся таких отсталых стран, как Туркестан и др., «находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле»[3]. Ленинское слово «полуфеодальное» мы понимаем, применительно к Казахстану, как «патриархально-феодальное».

---

[1] Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 79.

[2] *Ленин В. И.* Соч., т. 31, стр. 219.

[3] Там же, стр. 218.

Один из защитников «теории» извечной одинаковости уровня развития кочевого скотоводческого и оседлого земледельческого общества И. Я. Златкин говорит, что «различия между кочевым животноводством и оседлым земледелием не так глубоки. Животноводство и растениеводство — две главные отрасли сельскохозяйственного производства, каждая из которых имеет в своей основе определенное, целенаправленное использование земли, в одном случае для разведения домашних животных, в другом — для выращивания полезных растений»[1].

Подобное суждение о сельскохозяйственном производстве возможно допустить лишь в том случае, если речь идет об органически связанных между собою скотоводстве и земледелии в условиях оседло-земледельческого общества, после того, когда произошло полное отделение города от деревни. Но это суждение является безусловно ошибочным тогда, когда речь идет о кочевом скотоводстве, которое еще не достигло такого уровня развития.

Сельское хозяйство не существует извечно. Оно возникает на сравнительно высоком уровне развития общества, в котором произошло отделение города от деревни.

Кочевники потому и называются кочевниками, что у них еще нет оседлых селений с жителями, занимающимися животноводством и земледелием в самом широком смысле этого слова, точно так же у них еще нет городов с жителями, занимающимися ремеслом и торговлей; поэтому у них не было ни сельского, ни городского хозяйства, а было только кочевое скотоводческое хозяйство. Животноводство и растениеводство становятся составными частями сельского хозяйства только тогда, когда уже нет кочевого скотоводства. Кочевое скотоводство, о котором идет речь, исторически и логически предшествует сельскому хозяйству.

Без оседлого земледелия сельскохозяйственное производство возникнуть и развиваться не могло. Поэтому, когда И. Я. Златкин расценивает кочевое скотоводство как сельское хозяйство, он тем самым рассматривает само сельское хозяйство не исторически, а как производство вообще, вне времени и пространства.

Филологи не без основания объясняют происхожде-

[1] *Златкин И. Я.* К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов.—Вопросы истории, 1955, № 4, стр. 74.

ние самого слова «селение» от слова «заселенное место», то есть место, где поселились люди. Селиться — значит устраивать себе постоянное жилье на необжитом месте.

Исторические документы говорят, что процесс заселения в древней Руси шел с VI по IX вв. в виде образования «сел, дворов, дворищ, печищ»[1]. Следовательно, появление селений и населенных пунктов предполагало уж наличие оседлого образа жизни. Развитие ремесел и торговли привело к появлению и росту городов. Произошло отделение городов от деревни. «У народов с оседлым земледелием,— эта оседлость уже большой прогресс,— где земледелие преобладает, как в античном и феодальном обществе, сама промышленность, ее организация и соответствующие ей формы собственности имеют в большей или меньшей степени землевладельческий характер; (общество) или целиком зависит от земледелия, как у древних римлян, или, как в средние века, переносит принципы организации земледелия в города и городские отношения»[2].

В таких обществах скотоводство не могло существовать подобно кочевому скотоводству, отдельно от земледелия, оно выступало как одна из отраслей сельского хозяйства, являясь уже оседлым скотоводством. Это дает нам возможность понять, почему скотоводство, в зависимости от уровня развития производительных сил, играло различную роль в жизни общества и могло выступать в разное время и в разных странах в форме кочевого, полукочевого и оседлого. Кочевое скотоводство как самое примитивное из этих трех видов было преобладающим видом производства в обществе, находящемся, как правило, на патриархально-феодальной стадии развития. Эту стадию общество могло пройти тем быстрее, чем быстрее происходил процесс оседания кочевников. Без этого условия кочевое скотоводческое общество могло бы существовать веками в форме патриархально-феодальной.

Что касается оседлого скотоводства, то оно, как было сказано, являлось одной из отраслей земледелия, одной из отраслей сельского хозяйства во всех общественно-

[1] *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР, т. I, М., 1947, стр. 81—82.

[2] *Маркс К.* К критике политической экономии. Л., 1952, стр. 220—221.

экономических формациях, где уже имелось общественное разделение труда в виде отделения города от деревни, городского ремесла от сельского хозяйства. «С созданием города появилось и новое деление — между городом и деревней. Это произошло не сразу — в течение веков большинство горожан владели землей за стенами города и обрабатывали ее. Прибавочный продукт, образовавшийся благодаря большей эффективности земледелия, поступал в город»[1]. Поэтому кочевое скотоводство нельзя путать со скотоводством оседлых земледельцев, тем более со скотоводством в капиталистическом обществе. Капитализм постепенно подчинял себе сельское хозяйство и превращал продукты производства всех его отраслей в товары. «В той мере, в какой земледелие становится просто одной из отраслей предпринимательства и капиталистическое производство водворяется в деревне; в той мере, в какой земледелие производит на рынок... пшеница, сено, скот, всякого рода семена и т. д. *продаются* как товары»[2].

В капиталистическом обществе с характерной для него противоположностью между городом и деревней, экономической основой которой была эксплуатация деревни городом, экспроприация крестьянства и разорение большинства деревенского населения всем ходом развития промышленности, торговли, кредитной системы, сельское хозяйство становится весьма сложным, охватывающим разные отрасли растениеводства и животноводства.

В. И. Ленин, рассматривая вопрос о прогрессивном развитии капитализма в пореформенной России, сопоставляя отличительные черты экстенсивного сельского хозяйства с интенсивным, где скотоводство играло подчиненную роль по отношению к зерновому хозяйству, писал: «Если при зерновой системе хозяйства и при экстенсивном земледелии этот прогресс может выразиться в простом расширении посева и сокращении числа рабочих, количества скота и пр. на единицу посева, то при скотоводственной или технической системе хозяйства, при переходе к интенсивному земледелию, тот же прогресс может выразиться, например, в посеве корне-

[1] *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956, стр. 65.

[2] *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), ч. II. М., 1957, стр. 50—51.

плодов, требующих большего количества рабочих на единицу посева, или в заведении молочного скота, в посеве кормовых трав и пр. и пр.»[1].

Таким образом, в развитом феодальном и капиталистическом обществах, где сельское хозяйство приобретает многоотраслевой характер, основной отраслью его, как правило, остается растениеводство. В этих условиях скотоводство выступает как одна из отраслей земледелия, следовательно, сельского хозяйства. Значит, само сельское хозяйство имеет историю своего возникновения и развития. Отсюда следует вывод, что между кочевым скотоводством и оседлым земледелием, между кочевым скотоводством и оседлым скотоводством, являющимся составной частью земледелия, существовало качественное различие, определявшееся уровнем развития производительных сил общества.

И. Я. Златкин же пишет: «Чем же отличается оседлое животноводство от кочевого животноводства? Разве не тем, что в одном случае производитель имеет дело с большей, в другом — с меньшей земельной площадью, используемой в качестве кормовых угодий, в одном случае с меньшим, в другом — с большим количеством механических орудий труда, используемых для обеспечения животных кормами? С точки зрения народнохозяйственной и социальной мы вправе рассматривать обе эти системы как нечто однотипное, различающееся между собою количественно, но не качественно»[1]. В этом вся суть вопроса, в этом вся суть различного подхода к его пониманию.

Переход от кочевого скотоводства к оседлому нельзя понимать как чисто механический акт, как акт, не вызывающий никаких изменений в социально-экономических отношениях людей.

Известно, что уровень развития хозяйства, его отсталость или прогрессивность, меньшая или большая степень интенсивности, всегда находили свое выражение в величине используемой земельной площади.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что количество земли, которое занимает данное хозяйство, если эта зем-

[1] *Ленин В. И.* Соч., т. 3, стр. 53.

[2] Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 92.

ля не обрабатывается, не дает никакого представления о размерах хозяйства и об объеме производимой им продукции. Правильность этого положения подтверждается всей историей развития человечества. Прогрессивное развитие производительных сил общества и повышение культурного уровня людей закономерно приводили к неуклонному увеличению количества продукции, получаемой с единицы площади земли. Особенностью более интенсивного хозяйства всегда было то, что, занимая небольшую площадь земли, давая большое количество продукции, оно превращалось в крупное по размерам производство с высокоразвитой культурой. Вся история земледелия, включая оседлое скотоводство, показывает, что процесс развития шел по линии интенсификации земледелия. При интенсивном хозяйстве на определенном участке земли все больше концентрировалось средств производства и труда, что позволяло получать с единицы земельной площади все большее и большее количество продуктов. Поэтому кочевое и оседлое скотоводство нужно рассматривать с учетом исторического пути их развития, а не как неизменные и раз навсегда данные типы хозяйства. Исторический же путь развития кочевого общества с неизбежностью вел к полукочевому и к оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству. Он шел по линии перехода от старого, отсталого к новому, передовому, от малопроизводительного к высокопроизводительному использованию земли, от незнания тайн природы к постепенному познанию их, от рабского подчинения человека стихийным силам природы к покорению и сознательному использованию их.

И. Я. Златкин не находит разницы между «кочевым помещиком» и оседлым феодалом. Он считает, что кочующий феодал отличался от оседлого феодала только тем, что первый являлся собственником сотен и тысяч квадратных километров, а второй — сотен и тысяч гектаров; первый со своими крепостными передвигался по определенной территории, а второй жил оседло. Характер экономических связей, существовавших между оседлым феодалом и его крепостными, ничем существенным не отличался от характера связей, существовавших между кочевым помещиком и его крепостными. В данном случае И. Я. Златкин полностью исключает разницу в

уровне развития производительных сил кочевого и оседлого обществ.

Качественное различие между патриархально-феодальным кочевым скотоводческим обществом и феодальным оседлым земледельческим обществом обусловливается именно различным уровнем развития производительных сил. Кочевой или оседлый образ жизни людей различается не только уровнем развития материального производства, но и потенциальными возможностями его дальнейшего развития. «Говоря о средствах производства, ты тем самым говоришь об обществе и о том именно обществе, которое определяется (mibectimmt) этими средствами производства»[1]. Сторонники теории «кочевого феодализма Б. Я. Владимирцева игнорируют именно это одно из основных положений марксизма-ленинизма.

Для существования кочевого хозяйства всегда была необходима обширная территория и необитаемое пространство. Люди кочевали в течение одного года на огромные расстояния, превращая всю свою жизнь в беспрерывное кочевое передвижение с места на место не потому, что они любили такую вечную «прогулку», а потому, что это было экономической необходимостью, обусловленной спецификой основного средства производства. Кочевое скотоводство, базировавшееся исключительно на утилизации дикотравного пастбища, не могло иначе существовать. Кочевание было первым показателем отсталости и примитивности кочевого скотоводства как определенного вида материального производства.

Эти кочевники на громадной территории занимались, не имея условий для обработки земли, только снятием с нее «сливок» путем использования готового растительного и снежного покрова почвы, не давая ей ничего. Оседлое же скотоводство всегда было составной частью земледелия и представляло собой, по сравнению с кочевым, качественно другой вид скотоводства.

Оседлое скотоводство в условиях земледелия играло различную роль. Скот служил тягловой силой хлебопашцам, давал навоз для удобрения полей, мясо, молоко для питания людей и сырье для ремесла. Какая из этих полезных сторон скота выступала на первое место,—

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. I, (VI). М., 1933, стр. 262.

опять-таки определялось общим уровнем развития культуры земледелия, производительных сил общества в целом.

В условиях оседлого земледельческого хозяйства количество скота и размеры посева, кормление скота и удобрение полей, уход за скотом и обработка почвы взаимно обусловливают друг друга. После буржуазно-демократической революции в Германии Ф. Энгельс, отмечая освобождение крестьян от крепостной зависимости и уничтожение у них общинного землепользования, писал, что «без общинного пользования угодьями мелкий крестьянин не может содержать скота; без скота нет навоза; без навоза невозможно рациональное земледелие»[1]. В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» приводит данные, говорящие о большом значении навоза для полеводства.

«... У зажиточных крестьян скоп навоза от 1 головы крупного скота *почти вдвое выше,* чем у несостоятельных (391 пуд на 1 голову при 7,4 штуках скота на 1 двор против 208 пудов на 1 голову при 2,8 шт. скота на 1 двор. И этот вывод получился при группировке по наделу, которая ослабляет действительную глубину разложения). Происходит это от того, что беднота вынуждена употреблять солому и навоз на топливо, продавать его и пр. «Нормальный» скоп навоза от 1 головы скота (400 пудов) достигается, следовательно, лишь у крестьянской буржуазии»[2]. Недостаток навоза для удобрения полей был одним из показателей маломощности крестьянского хозяйства. Это еще раз подтверждает правильность того, что оседлое скотоводство имеет подчиненное по отношению к полеводству значение и является в сущности его «вторым цехом». При феодальной и капиталистической системах хозяйства отсталость маломощного мелкого земледелия проявлялась прежде всего в том, что оно не имело возможности осуществить хорошей обработки земли, применять удобрения, засевать землю высокосортными семенами и обеспечить хороший уход за скотом с нормальным его кормлением.

Рост культуры сельскохозяйственного производства выражался в качественном улучшении пород животных и растений. Старые виды растений и породы животных,

[1] *Энгельс Ф.* К истории древних германцев. М., 1938, стр. 128.
[2] *Ленин В. И.* Соч., т. 3, стр. 88 (сноска).

созданные естественным подбором, заменяются «облагороженными», новыми, которые созданы искусственным подбором. Растения и животные становятся более нежными, более требовательными[1], но зато более продуктивными. Развитие капитализма и рост городского населения во многих странах мира вызвали на капиталистическом рынке огромный спрос на продукцию животноводства. Этот спрос служил стимулом для дальнейшей интенсификации полеводства и животноводства. Необходимо было введение новой научной системы земледелия, которая предусматривала замену старой системы севооборота новой, создание искусственной более эффективной кормовой базы для скота и замену старых малопродуктивных пород скота высокопродуктивными.

В то же время в капиталистическом сельском хозяйстве продолжают существовать два крайних вида оседлого скотоводства: с одной стороны, экстенсивное, малопродуктивное пастбищно-нагульное мясное скотоводство, с другой,— интенсивное, высокопродуктивное молочное скотоводство, между которыми существует целый ряд промежуточных видов оседлого скотоводства различной степени интенсивности. В. И. Ленин, имея в виду Россию, указывал, что пастбищно-нагульное мясное скотоводство требует больше земельной площади, по сравнению с самым экстенсивным полеводством, интенсивное скотоводство, наоборот, требует меньше земельной площади, по сравнению с самым интенсивным полеводством.

Применение удобрений и улучшения других условий капиталистического земледелия неминуемо вели «к уменьшению площади хозяйств, которые, например, в Европе мельче, чем в Америке. Переход от полеводственной системы хозяйства к скотоводственной опять-таки требует уменьшения площади хозяйства: в Англии в 1880 г. средний размер скотоводственных хозяйств был 52,3 акра, а полеводственных, зерновых хозяйств 74,2 акра. Поэтому совершающийся в Англии переход от земледелия к скотоводству *должен* порождать тенденцию к уменьшению площади хозяйства»[2]. Уменьшение же земельной площади хозяйства во всех этих случаях сопровождалось обыкновенно ростом затрат труда на

[1] *Ленин В. И.* Соч., т. 4, стр. 133.
[2] Там же, стр. 117.

определенном участке земли и увеличением количества продуктов с единицы земельной площади.

В 90-х годах XIX века в России капитализм в сельском хозяйстве сделал значительные успехи. Оседлое скотоводство в разных районах России приобретает различное назначение. В. И. Ленин установил, что скотоводство в Прибалтийских, Северных и отчасти в Рязанской, Орловской, Тульской, Нижегородской губерниях приобретает молочный характер. В других областях России скотоводство имеет другое назначение. Например, на крайнем юге и юго-востоке утвердилась самая экстенсивная форма скотоводства, именно нагульное мясное скотоводство. Севернее рогатый скот получает значение рабочей силы. Наконец, в средней черноземной полосе он становился «машиной», производящей навозное удобрение[1]. Из сказанного вытекает, что между кочевым и оседлым скотоводством существует не простое количественное различие в размерах используемых ими земель, а большое качественное социально-экономическое различие.

Таким образом, стада и табуны кочевников и обработанные поля земледельцев служили различными средствами и объектами труда в двух самостоятельно существовавших в истории видах материального производства — кочевом скотоводстве и оседлом земледелии. Кочевое скотоводство и оседлое земледелие как различные сферы материального производства, отличавшиеся присущими каждой из них различными основными средствами и продуктами производства, обусловливали разный образ жизни людей. Люди при том или другом образе жизни по-разному использовали землю, следовательно, оказывали различное воздействие на природу и по-разному изменяли ее и себя.

---

[1] *Ленин В. И.* Соч., т. 3, стр. 222 (сноска).

Глава вторая

СКОТ КАК ОБЪЕКТ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И СРЕДСТВО ЭКСПЛУАТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКОМ В КОЧЕВОМ СКОТОВОДЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Марксизм-ленинизм установил, что в истории человечества, как выражение значительного развития производительных сил общества, первое крупное общественное разделение труда, произошло тогда, когда скотоводство отделилось от земледелия. На место общества, занимавшегося одновременно как мотыжным земледелием, так и первобытным пастушеством, возникли два новых: оседлое земледельческое и кочевое скотоводческое. Эти два общества отличались друг от друга, как уже рассмотрено, не только основными средствами производства, спецификой процесса труда и образом жизни людей, но и объектами частной собственности. Вместе с первым крупным общественным разделением труда возникло и первое деление общества на классы — на рабовладельцев и рабов. Классовая дифференциация населения и эксплуатация человека человеком могли возникнуть только на основе частной собственности на основные средства производства как у кочевых скотоводов, так и у оседлых земледельцев.

По всем данным кочевое скотоводческое общество в своем развитии не могло идти дальше переходной стадии, то есть дальше полурабовладельческой, полуфеодальной стадии. Патриархальное рабство и родоплеменное устройство являются атрибутами классического кочевого общества. Кочевое общество было способно веками сохранять, консервировать и даже реставрировать во многим случаях все отсталые формы общественных отношений до тех пор, пока не произошло коренное изменение в области его материального производства, пока кочевое скотоводство не сменилось оседлым земледелием или по крайней мере полукочевым скотоводче-

ско-земледельческим хозяйством, способным еще выше поднять уровень развития производительных сил общества. Сам процесс оседания кочевников на протяжении всей истории человечества был глубоко прогрессивным и революционным процессом, который создавал большую возможность для развития производительных сил общества. Процесс оседания кочевников означал возникновение нового и разрушение старого вида материального производства, возникновение новых элементов производительных сил общества, нового общественного разделения труда, новой формы и объектов собственности в качестве средств производства, одним словом — полный переворот в социально-экономических отношениях, в образе жизни людей.

Такой процесс развития человечество пережило в различных частях света и в разные времена по-разному в зависимости от специфически сложившихся социально-экономических и почвенно-климатических условий.

Переходное полурабовладельческое или полуфеодальное кочевое, античное рабовладельческое и феодальное общества представляют собою различные стадии развития производительных сил. Определенному уровню развития производительных сил в том или другом из названных обществ соответствовали свои социально-экономические отношения. Полурабовладельческая или полуфеодальная стадия развития как переходная стадия была характерна для низшей ступени развития как кочевого, так и оседлого примитивного земледельческого общества, где еще не было частной сословно-монопольной собственности на землю. Такое общество в основном характеризовалось натуральным хозяйством при почти полном отсутствии общественного разделения труда. Не то было в античном рабовладельческом обществе, оно характеризовалось уже развитым земледелием и городским ремеслом; решающее общественно-экономическое значение в нем имело частное землевладение наряду со значительным развитием общественного разделения труда и товарно-меновых отношений. По словам Ф. Энгельса, в древней Греции вместе с товарным производством появилась обработка земли отдельными лицами за собственный счет, а вскоре затем и земельная собственность отдельных лиц. С дальнейшим развитием промышленности и торговых сношений все полнее развивалось раз-

деление труда между различными отраслями производства: земледелием, ремеслом, а в ремесле — между бесчисленными разновидностями его, а также торговлей, судоходством и т. д.[1]

Сословно-монопольное землевладение, развитое земледелие и городское ремесло характеризуют также феодальное общество. Западно-европейское «феодальное развитие начинается на гораздо более широкой территории, подготовленной римскими завоеваниями и связанным с ними вначале распространением земледелия»[2].

Если взять полурабовладельческое или полуфеодальное развитое кочевое общество, то там решающее экономическое значение имело частное скотовладение, базировавшееся на общинном землевладении. Следовательно, экономическим условием развития имущественного неравенства и эксплуатации человека человеком в оседлом полуфеодальном и феодальном обществах было наряду с частной собственностью на движимое имущество появление частной собственности на землю как на главное средство труда земледельца. А экономическим условием имущественного неравенства и эксплуатации человека человеком при кочевом скотоводстве было появление частной собственности на стада и табуны наряду с другим движимым имуществом. «Обыкновенно мы видим на ранней ступени развития выделение из массы населения земледельческой аристократии, а в обществах пастушеских — скотовладельческой, и затем выделение несвободных элементов, кадры которых формируются отчасти из состава данного общества, отчасти из военнопленных»[3].

Существенное различие в темпах прогрессивного развития этих двух самостоятельно существовавших в истории отраслей материального производства состояло именно в том, что частная собственность на землю мелких землевладельцев послужила одной из основных предпосылок появления крупной рабовладельческой и сословно-монопольной феодальной земельной собственности, тогда как частная собственность мелких кочевых скотоводов на скот могло служить предпосылкой возник-

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Л., 1953, стр. 116.

[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 3, стр. 22.

[3] *Хвостов М. М.* История древнего Востока. М.— Л., 1927, стр. 10.

новения только полуфеодального кочевого скотовладения, не связанного еще с частной земельной собственностью. Этим обстоятельством объясняется то, что в кочевом скотоводческом обществе казахов не могли получить достаточного развития феодальные отношения, пока не произошло его оседание в связи с добровольным присоединением к России.

Не говоря уже о различном уровне и различных потенциальных возможностях развития обществ, в основе которых лежат различные виды материального производства, следует отметить, что уровень развития феодализма даже в условиях оседлого земледелия не был везде одинаковым. Маркс указывал, что «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.— может обнаружить в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»[1]. Такое указание Маркса приобретает еще большее значение при сравнительном выявлении специфики кочевого скотоводческого и оседлого земледельческого обществ.

Правильное разрешение научной проблемы, касающейся общественно-экономического строя такого кочевого общества, как казахское в XV—XVIII вв., возможно только на основе глубокого изучения и обобщения конкретных фактов относительно форм землевладения и скотовладения, следовательно, форм собственности на землю, стада и табуны, специфики организации производства, специфики организации труда в условиях кочевого скотоводства как определенной сферы материального производства, а также выявления и анализа форм и сущности эксплуатации человека человеком, которая существовала в процессе этого производства. Всякий конкретный вид производства «предполагает *общение* (verkehr) индивидов между собой. Форма этого общения, в свою очередь, обусловливается производством»[2].

Факты говорят, что развитое и основанное на классовом делении кочевое скотоводческое общество было

[1] *Маркс К.* Капитал, т. III, 1951, стр. 804.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 3, 1955, стр. 19.

одной из ранних стадий зарождавшегося феодализма, когда еще переплетались между собой элементы патриархально-рабовладельческих и патриархально-феодальных отношений. Например, в условиях общественно-производственной жизни казахского кочевого общества XV—XVIII вв. не было феодального землевладения, по этой же причине не было крепостничества, а эксплуатация патриархальных рабов и полузависимых, закабаленных крупными скотовладельцами-баями бедных скотоводов — малай и консы — осуществлялась исключительно на основе частной собственности на стада и табуны. Маркс писал, что «кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как *все их имущество* находится в подвижной, следовательно непосредственно отчужденной форме...»[1] (подчеркнуто мною — С. Т.). Это указание Маркса следует понимать, во-первых, в том смысле, что у кочевых народов все имущество находилось в подвижной, непосредственно отчуждаемой форме в виде живого скота, скот воплощал в себе и средство производства и средство потребления, имущественное неравенство и классовое расслоение среди кочевников могли возникнуть только на почве частной собственности на стада и табуны; во-вторых, использование скота в качестве всеобщего эквивалента показывает уже существование у кочевников меновых отношений, возникших на основе первого крупного общественного разделения труда и укрепления частной собственности на основные средства производства, следовательно,— классовых отношений. Эта мысль Маркса верно отражает реальную жизнь развитого кочевого скотоводческого общества, где имущественное положение людей действительно определялось количеством скота, находящимся в частной собственности отдельных лиц. В этом обществе только скот мог выступать в качестве основного средства эксплуатации человека человеком.

Одним из величайших открытий марксистско-ленинской науки является установление взаимной обусловленности частной собственности на средства производства, независимо от ее натуральной формы и физических свойств, и эксплуатации человека человеком. На основе такого открытия было установлено, что там, где

[1] *Маркс К.* Капитал, т. I, 1952, стр. 96.

господствует частная собственность на средства производства, там с неизбежностью устанавливается классовое расслоение общества. В таком обществе большая доля общественного богатства находится в руках меньшинства — класса эксплуататоров,— тогда как на долю абсолютного большинства — эксплуатируемых — выпадает гораздо меньшая его доля. С этого времени начинается эпоха, по словам Ф. Энгельса, когда всякий прогресс в положении одних в то же время означал и относительный регресс в положении других, когда благосостояние и развитие одних осуществляется ценой страданий и подавления развития других.

Этот закон действовал и в полуфеодальном кочевом скотоводческом обществе. Наличие частной собственности в виде стад и табунов у кочевников вызывало в различной форме и степени зависимость от ее владельцев материально необеспеченного или мало обеспеченного слоя населения. Стада и табуны в руках крупных скотовладельцев служили основным орудием эксплуатации массы кочевников. Не подлежит сомнению, что «богатый пастух или скотовладелец, уважаемый за свое богатство, за большое количество людей, зависящих от него в средствах существования, за благородство своего происхождения, незапамятную древность своей блестящей фамилии, естественно, имеет власть над всеми младшими пастухами или скотовладельцами своей орды или племени. Он может командовать соединенной силой большего количества людей, чем они. Его военная мощь больше, чем у кого-либо из них. Во время войны они все скорее склонны собраться под его знаменем, чем под знаменем кого-либо другого; его происхождение и богатство, естественно, представляют ему своего рода исполнительную власть»[1].

Имущественное неравенство и социальное положение общественных групп в кочевом обществе, подобно казахскому в XV—XVIII вв., весь контраст в общественно-экономической жизни населения, выражающийся в противоречии между богатством и нищетой, правами и обязанностями, господством и подчинением — все это в конечном счете определялось размером частного скотовладения.

---

[1] *Смит Адам.* Исследование о природе и причинах богатства народов, т. II. М., 1935, стр. 252.

Частное скотовладение возникло как результат развития производительных сил кочевого общества. По словам Энгельса, приручение домашних животных и разведение стад создали неслыханные до того источники богатства и породили совершенно новые общественные отношения.

Кочевое скотоводческое общество имело свои специфические особенности развития, обусловленные своеобразием его материального производства и образа жизни людей. Сам объективный ход развития кочевого скотоводческого и оседлого земледельческого обществ отвергает всякие стремления «унифицировать» общественные явления, возникшие в разных условиях исторического развития.

Некоторые исследователи считают, что без частной сословно-монопольной земельной собственности в условиях кочевого общества не могут иметь место классовые отношения. Классовые отношения, экономическую и политическую зависимость одной социальной группы от другой в кочевом обществе с родоплеменным устройством они подгоняют под общие теоретические положения, которые применимы исключительно лишь к оседлому земледельческому обществу. Они «искусственно» прикрепляют кочевников к земле, чтобы доказать наличие крепостнической формы зависимости в кочевом обществе.

Характерно в этом отношении высказывание И. Я. Златкина. Он говорит: «Классики марксизма-ленинизма давным давно установили, а конкретная история всех стран и народов неопровержимо подтвердила, что содержанием процесса феодализации является узурпация феодализирующейся знатью земли, превращение земли в монопольную собственность класса феодалов, а массы непосредственных производителей — в класс зависимых, крепостных. Таково научное марксистско-ленинское понимание процесса становления и развития феодального способа производства»[1]. Сказанное в свое время Марксом о Михайловском можно целиком отнести к автору этого отрывка. Маркс писал: «Ему непремен-

[1] Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 93.

но нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются»[1].

Такая схема, осужденная Марксом, полностью расходится с реальной жизнью племенно-феодального, военно-кочевого скотоводческого общества. В реальной жизни тысячные табуны и стада кочевников, находившиеся в частной собственности отдельных лиц, играли роль основного средства производства и основного орудия эксплуатации человека человеком там, где не было никакой феодальной сословно-монопольной собственности на землю. В таком обществе абсолютное большинство кочевников было политически неполноправным и в различной форме и степени находилось так или иначе в экономической и политической зависимости от эксплуататорской верхушки общества — крупных скотовладельцев.

Богатство в виде стад и табунов, находящееся в частной собственности отдельных семейств, было материальной основой силы и могущества отдельных лиц и целых социальных групп в кочевом скотоводческом обществе. Каждый представитель эксплуататорской верхушки преследовал свои классовые интересы, чтобы укрепить свое влияние и власть над народной массой в тех пределах, которые были возможны в данных условиях общественного производства. Совокупность всех социально-экономических условий кочевого общества создала определенную форму отношений и связей прежде всего между представителями эксплуататорской верхушки и эксплуатируемой массой, а также между разными группами господствующего класса, с целью защиты и приумножения своего богатства. «В особенности богатые люди неизбежно заинтересованы в поддержании того порядка вещей, который один может укрепить за ними обладание их преимуществами»[2].

Классовый характер сплочения в форме политической, экономической и бытовой связи между более и менее

---

[1] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Л., 1951, стр. 222.

[2] *Смит Адам.* Исследование о природе и причинах богатства народов, т. II, М., 1935, стр. 252—253.

крупными скотовладельцами был широко распространен среди казахских кочевников. Об этом говорят и казахские пословицы: «Бай дает баю, река впадает в реку, а жалкой ямочке нет ничего»[1]; «Если богата родня матери и богата жены, как ты бог (кудай) можешь сделать меня бедным?»[2]

В кочевом обществе зависимость большинства трудового народа от незначительного меньшинства крупнейших скотовладельцев проявлялась в самой различной форме и степени. Например, степень зависимости патриархального раба (кул) несколько отличалась от степени зависимости паупера-кочевника (малай), как бы постоянно прикрепленного к стадам и табунам скотовладельца; степень зависимости малаев также отличалась от полузависимости кочевых бедняков (жарлы), которые эпизодически получали от крупного скотовладельца так называемую родовую помощь как бедные родственники или помощь в качестве консы как одноаульцы; общественное положение свободных общинников (шаруа), обеспеченных и непользовавшихся материальной «помощью» богатых, отличалось от общественного положения бедных родственников и консы.

Взаимоотношения между крупнейшими и крупными скотовладельцами строились как бы в иерархической форме. Крупные скотовладельцы находились под политическим и экономическим влиянием крупнейшего или самого воинственного скотовладельца, несмотря на то, что все они были представителями одной социальной группы. Такая соподчиненность диктовалась своеобразием организации производства, внутренними социальными, политическими условиями и образом жизни кочевого населения.

Каждому из этих крупных скотовладельцев было понятно, что он может сохранить свое положение как эксплуататор и владелец больших табунов и стад и вести успешную борьбу в первую очередь против непосредственно эксплуатируемой им группы бедноты и патриархальных рабов в своем кочевом хозяйстве только находясь под покровительством сильнейшего. Сила и могущество скотовладельца, как правило, были прямо пропорциональны размерам его стад и табунов, количест-

[1] Бай байға құяды, сай сайға құяды, шұқанаққа дымда жоқ.
[2] Нағашым бай, қайным бай, пағып жарлы қыласың құдайым-ай?

ву боеспособных членов семьи, числу рабов, малаев и консы, находящихся в зависимости от него. Мелкие собственники или рядовые кочевники, не получившие от крупных скотовладельцев материальной помощи, как представители данного рода или племени, находились в политической зависимости от них.

Однако все это нельзя понимать упрощенно вроде того, что якобы всюду и везде в качестве верховного военного вождя у кочевников выбирался самый богатый скотовладелец из числа представителей патриархально-феодальной верхушки общества.

Немаловажное значение для усиления авторитета крупного скотовладельца и его экономического влияния на массу кочевников имели периодически устраиваемые пиршества и система гостеприимства.

Пиршества устраивали в виде поминок умершим — ас,— свадебных и иных торжеств — той — и щедрых угощений — конак-асы. Пиршества и угощения очень высоко ценились массой почти вечно голодных кочевников[1], которые широко распространяли славу о таком щедром бае, бие, батыре и султане далеко за пределами данного рода и племени. Каждый голодный кочевник, который время от времени угощался досыта крупным скотовладельцем, не мог не считать себя своеобразным его должником. Что это именно было так, говорит казахская пословица: «Одно сытое угощение для бедняка — наполовину обогащение»[2]. Другая казахская пословица говорит о том, что трудовая масса кочевников почти всегда находилась в полуголодном состоянии: «Если ты каждый день будешь сытый, то разоришься, а если в неделю один раз не наешься, то умрешь»[3].

Такой низкий жизненный уровень массы мелких кочевых и полукочевых казахских скотоводов XIX века описан экспедицией Ф. Щербины.

«Самый факт недоедания, существования впроголодь в среде бедных казахов, имеющих очень мало скота, так

---

[1] «На праздниках (асах) всегда можно встретить несколько удальцов, хвастающих перед собранием и всех удивляющих своею прожорливостью, но гораздо более таких проголодавшихся скупцов, которые втихомолку приняв неимоверное количество мясной пищи, платятся потом за это здоровьем». (Красовский М. Область сибирских киргизов, ч. I. Спб., 1868, стр. 399).

[2] Жарлының бір тойғаны шала байығаны.

[3] Күнде тойсаң бүлерсің, аптада бір тоймасаң өлерсің.

же не подлежит сомнению. По рассказам, очень многие казахи продовольствуются мясными продуктами более или менее удовлетворительно только в первые месяцы зимы, а затем, по мере того, как истощается заготовленное впрок мясо, мясная порция все уменьшается и уменьшается, бедное население к весне также тощает и худеет, как казахский скот, и бывают, будто бы, случаи, когда бедняки, чтобы ослабить действие голода, туго затягиваются поясами. Вообще благодаря тому обстоятельству, что одну часть года население продовольствуется жидкими молочными продуктами, другую — твердыми мясными, с одной стороны, и малой порцией растительной пищи, с другой,— казах бывает то крайне не умерен в пище и буквально-таки объедается, то не доедает и живет впроголодь. В этом отношении пищевая норма меняется по временам года и при различных обстоятельствах даже у казахов среднего состояния и зажиточных. С чисто экономической точки зрения казах ведет свое несложное примитивное хозяйство только затем, чтобы есть. Другие потребности — потребности в жилищах и обстановке, в рабочем инвентаре, потребности духовного и нравственного характера, слабо развиты и очень скромно удовлетворяются, наряду с превалирующею потребностью в пище»[1].

Военно-походный образ жизни, подвергавший кочевника бесконечным приключениям, лишениям от голода, холода и зноя заставлял его всегда помнить добро человека, который накормил его при голоде, согрел при холоде и напоил при жажде. Оказывать уважение, почет и помощь человеку, который дал пищу, считалось в кочевом обществе самым высоким достоинством.

Такой способ привлечения людей под свое влияние путем пиршеств и гостеприимства существовал почти у всех народов, стоявших на переходной, полуфеодальной (патриархально-феодальной) стадии развития, а не только у казахов в XV—XVIII вв. Метод создания опоры себе в массах народа путем богатого угощения у казахов был весьма действенным. Чем обильнее и богаче было угощение, чем большим был беспрерывный

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей, т. I. Воронеж, 1898, стр. 155—156.

поток гостей, тем больше увеличивалось количество людей, которые становились приверженцами и оруженосцами в борьбе данного скотовладельца с другими. Каждый, кто побывал у богача на таких приемах, в какой-то степени чувствовал себя обязанным ему.

Если после такого хлеба-соли кто-либо совершал в отношении хозяина неблаговидные поступки, то на такого человека со всей силой обрушивалось общественное мнение. Казахская пословица говорит: «Если отдашь свою пищу друзьям, то друзья поласкают твою голову, если отдашь свою пищу собакам, то они растерзают твою голову»[1]. Эта пословица служила настоящим нравоучением, защищавшим интересы крупных скотовладельцев. Такой способ усиления своего влияния на массу кочевников в свое время умело использовал каждый казахский крупный скотовладелец.

Казахские султаны и бии, отличавшиеся тонкостью своей политики, богатым гостеприимством, нередко склоняли на свою сторону даже своих ярых противников. Щедрое угощение — «сыйлык» — в их руках превращалось в своеобразное орудие воздействия. В народе говорили: «Того, кто ударит тебя камнем, ты ударь его пищей»[2]. Смысл и социальное значение подобных угощений еще яснее раскрывает другая казахская пословица, которая гласит: «Собака, которую ударят жирной костью, никогда не пищит»[3]. В данном случае под словом «собака» богачи подразумевали простой народ, который они подчиняли своему влиянию путем угощения, кормежкой. Это была своеобразная тактика патриархально-феодальной верхушки, направленная на обман, или подкуп противника. В народе говорили так: «Когда придут в твою юрту, то не высказывай своей обиды, хотя бы она была величиною с юрту»[4].

Пиршествами и гостеприимством широко пользовались казахские султаны и бии. Например, в 20-х годах XIX века о султане Арынгазы Абулгазизове в низовьях реки Сыр-Дарьи сообщалось, что в «орде же котлы его с гостеприимною пищею отверсты каждому. Он щедр

---

[1] Доска берсең асынды достар сүйер басынды, итке берсең асынды иттер тартар басынды.

[2] Таспен ұрғанды аспен ұр.

[3] Сүйекпен ұрған ит қыңсыламайды.

[4] Үйіңе келгенде үйдей өкпеңді айтпа.

(мырза), чтобы показать презрение к скупости (саран), по характеристике казахов, от последнего до самого хана»[1]. Так поступали все казахские ханы и султаны.

В 1865 году И. Завалишин писал: «Богатый казах всегда окружен при съездах не только большим почетом, но и клиентами, как водилось в древнем мире и доселе водится у таких библейских народов. Толпа всадников окружает его, и каждый из самолюбия счел бы для себя унижением, отправляясь из аула, не иметь при себе нескольких конных. Этим тщеславием пользуются, разумеется, бедняки, стараясь попасть в число сопровождающих богача, который и кормит их на свой счет. Впрочем, в казахском быту гостеприимство — первенствующая добродетель... у богачей есть всегда наготове такие кибитки и при них особая прислуга. Иногда бывает так, что гость, приехавший ночью, напившись и наевшись, уезжает на рассвете не повидавшись с хозяином»[2].

Пережитки этого старого метода укрепления своего экономического и политического влияния на массу населения путем гостеприимства — кормежки — продолжали существовать в различной форме в различных частях дореволюционного Казахстана. Например, в 1906 году М. Чорманов о казахах Павлодарского уезда писал: «Казахи щеголяют друг перед другом своим гостеприимством. Казахи, принимающие всех, считаются мырзами (благодетельными)»[3].

В начале XX века среди кочевников Казалинского уезда Сыр-Дарьинской области в племени Шомекей жил певец Корганбай из рода Ак-Балхи. О гостеприимном бае того же рода Кирбасе он говорил: «Неисчерпаемо богатство у Кирбаса, как большое озеро, наш народ угощается у него, как стада и табуны на водопое».

Основные аулы крупных баев бывшего Казалинского, Перовского и Иргизского уездов почти на весь летний сезон, в течение не менее трех месяцев, оставались на одном месте. Каждый из них имел при себе большое количество табунных лошадей, небольшое стадо отбор-

---

[1] Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.), т. IV, М.—Л., 1940, стр. 378.

[2] *Завалишин И.* Описание Западной Сибири, т. III. Сибирско-Киргизская степь. М., 1867, стр. 119—120.

[3] *Чорманов М.* Заметка о киргизах Павлодарского уезда.— Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО, кн. XXXII. Омск, 1906, стр. 25.

ных ягнят и двухлетних баранов в количестве 50—60 голов для повседневного угощения многочисленных своих гостей. Для особо почетных гостей резали жирного жеребенка. У казахов лучшим деликатесом считалась жеребятина.

У каждого такого бая на джайлау было не менее трех юрт. В одной жила семья бая, вторая была предназначена специально для приема гостей. Эти юрты отличались большой кубатурой (полезная площадь составляла около 30 кв. метров), покрывались совершенно белыми кошмами, внутри и снаружи украшались коврами и широкими ковровыми тесмами, а сам остов юрты был сделан массивно и раскрашен масляными красками синего, бордового и белого цвета. А третья была обыкновенная простая юрта, которая использовалась как кухня.

Хорошо знавший хозяйство и быт этих казахов А. И. Добросмыслов писал: «Кибитка составляет важную часть движимого имущества казаха. У богатых людей их бывает несколько (2—6); но они охотнее расходуются на украшение одной кибитки, чем на снаряжение многих. Знатный казах щеголяет своей кибиткой, устраивая ее со всевозможной роскошью из дорогого войлока, с разными внутренними украшениями, состоящими из ценных ковров и шелковых искусно сшитых и вышитых занавесей, которыми он в праздничные дни украшает внутренность своего жилища»[1].

Иное положение было в юрте бедняка. «Среди очень бедных казахов бывают случаи, что одну кибитку разделяет несколько семейств; при обилии детей у казахов это создает невообразимую тесноту, особенно зимою; летом большинство предпочитает спать на открытом воздухе, и ночью вокруг кибитки можно видеть свертки различной величины из войлока и ковров, которые при ближайшем рассмотрении выдают свою истинную натуру»[2].

Казахские баи конца XIX и начала XX веков во многом сохраняли традиции полуфеодальных скотовладельцев XVIII века, о которых писали еще Паллас и

---

[1] *Добросмыслов А. И.* Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 336—337.

[2] *Карутц Р.* Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. Спб., 1910, стр. 110—111.

Георги[1]. Для обслуживания гостей баи держали по нескольку проворных молодых джигитов. Они заготавливали топливо, носили воду, доили кобылиц, разбалтывали кумыс в огромных черных «сабах», ставили самовары, резали баранов, иногда — жеребят, варили мясо, наливали воду из чайника на руки гостям и хозяевам перед и после еды, подавали полотенце для вытирания рук, разливали чай, подавали кумыс, мясо, смотрели за конями и седлали коней особо важных гостей. Положение этих людей было почти рабским.

Повседневное гостеприимство отличается от пиршеств, устраиваемых, главным образом, летом.

Крупные пиршества наряду с изобильным угощением огромной массы народа жирным мясом, хмельным кумысом и крепким чаем в течение нескольких дней сопровождались раздачей больших призов или подарков (байги) победителям на конских скачках, борцам, певцам-импровизаторам и сказителям былин. Описание и восхваление подобных пиршеств, относящихся к XV—XVIII вв., можно найти в устной казахской народной поэзии, в частности в лирико-эпической поэме «Бозжигит», в лирической поэме «Кыз-Жибек», в эпической поэме «Желькильдек».

В 1855 году Г. Колмагоров писал: «Есть очень много казахов, которые проживают на тысячу, две, три и даже более баранов в год, и в каждой волости найдется хозяев до 100 таких, у которых по нескольку тысяч голов разного скота. Казахи эти хладнокровно ставят в призы при байгах тысячи баранов, ходят ежедневно в фанзовых сорочках, канфовых халатах, в бархатных шитых шелками шальварах, имеют сбрую и оружие, украшенное золотом и каменьями; жены и дочери их не менее блистают драгоценными нарядами из кашемировых и дорогих китайских тканей, обшитых золотом и жемчугом, и живут летом не в кошемных юртах, а в палатках из дорогих тканей, окружая себя во всех потребностях жизни азиатской роскошью»[2].

Об аналогичных фактах пишет С. Шарипов: «На уро-

[1] *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. I. Спб., 1773, стр. 568; *Георги И. Г.* Описание всех обитавших в Российском государстве народов, ч. II. Спб., 1799, стр. 131.

[2] *Колмогоров Г.* О промышленности и торговле в киргизских степях сибирского ведомства.— Вестник ИРГО, Спб., 1855, стр. 24.

чище — Ердень-Куле — в 1860 году устроены поминки Ерденю Сандыбаеву. Выставлены были для гостей 500 юрт, зарезано на угощение 160 лошадей и 200 баранов. Приглашено население Акмолинской, Сыр-Дарьинской, Тургайской областей. Устроены бега с призом: первой лошади — сто лошадей, второй — 50 лошадей, третьей — 30 лошадей, четвертой — 25 лошадей; 5, 6, 7, 8 и 9-й — по 20 лошадей, 10, 11, 12, 13, 14 и 15 лошадям — по 7 лошадей, остальным пяти лошадям — по 5 лошадей, 24 песенникам — 25 лошадей, то есть всех расходов 620 лошадей и 200 баранов. Таким порядком Ерденя три раза поминали и потратили всего 1860 лошадей и 600 баранов»[1].

А. И. Добросмыслов на основании данных М. И. Преображенского сообщает, что в 1855 году казахом Аракарагайской волости Байсенгиром Кенебаевым были устроены поминки по его отцу. «На этих поминках было из Тургайской и Сыр-Дарьинской областей более пяти тысяч человек; съедено было около 500 голов разного скота, в том числе более 150 лошадей; первый приз состоял из 40 лошадей и множества разных вещей — ковров, одеял, халатов и т. п. Если прибавить к этому остальные восемь призов, подарки распорядителям, угощение и другие расходы и перевести все это на деньги, то выйдет очень порядочная сумма»[2].

Говоря об этих фактах, А. И. Добросмыслов замечает: «В настоящее время байги устраиваются очень редко и уже далеко не в таких грандиозных размерах, как прежде, и, вероятно, скоро, по крайней мере, в Тургайской области, перейдут в область преданий»[3].

О жизни казахов летом на летовке (джайлау) в Семиречье в начале XX века отмечается: «Кумыс и молоко здесь в изобилии, нет недостатка и в мясе. И то там, то здесь в горах вы видите дымки костров; это — «той». С участием муллы и с многочисленными языческими обрядами казашки варят в десятках казанов, врытых в косогор, мясо множества убитых лошадей и баранов; заготовляют громадные «сабы» (кожаные мешки) в де-

---

[1] *Шарипов С.* Баганалинцы.— Советская Киргизия, 1924, № 2—3, стр. 153.

[2] *Добросмыслов А. И.* Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 123.

[3] Там же, стр. 127.

сятки ведер кумыса; расставляют для гостей юрты и палатки. На богатых тоях приготовления занимают несколько дней; съежаются сотни родственников, которые и пируют чуть не неделями. Вообще к джайлау приурочиваются «тои», связанные со свадьбами, и «ас», связанные с поминками»[1].

Все эти факты говорят о том, что пиршества и гостеприимство среди казахских кочевников служили одним из орудий для создания определенной формы личной зависимости известного слоя населения от крупных скотовладельцев.

Все формы зависимости, взятые вместе, в кочевом обществе давали то, о чем говорили Адам Смит в отношении тюрко-монгольских вождей: «Татарский вождь на прирост своих стад и табунов может содержать тысячи людей, не может употреблять своего дохода на что-либо другое, кроме содержания этих тысяч людей. Низкая ступень развития его общества не доставляет ему каких-либо промышленных продуктов или драгоценностей и предметов роскоши, на которые он мог бы обменять часть собственных сырых продуктов, которых производится во много раз больше, чем нужно для его собственного потребления. Тысячи людей, которых он таким образом содержит, всецело зависят от него в средствах к своему существованию, должны повиноваться его приказам на войне и подчиняться его юрисдикции в мирное время. Он непременно является и их полководцем, и их судьей, и его власть есть необходимое следствие превосходства его благосостояния»[2].

О решающем экономическом и политическом значении частного скотовладения в кочевом обществе сообщают китайские, арабские и другие источники. В 682 году н. э. о хане кочевников Гудулу племени Тугю сказано: «Гудулу ограбил девять родов и мало-помалу очень разбогател лошадьми: почему объявил себя ханом»[3]. У арабских кочевников, как пишет об этом

---

[1] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области. Лепсинский уезд. Спб., 1911, стр. 335.

[2] *Смит Адам.* Исследование о природе и причинах богатства народов, т. II, М., 1935, стр. 250.

[3] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 266.

П. Цветков, все богатство состояло из скота.[1] Единственным видом богатства доисламских арабов-бедуинов, как и всех кочевых скотоводов, были стада и табуны, а эксплуатация человека человеком в основном выступала в форме патриархального рабства.

Таким образом, основным богатством, основным объектом частной собственности, следовательно, орудием полурабской и полуфеодальной эксплуатации человека человеком во всех кочевых скотовладельческих обществах служили стада овец, верблюдов и табуны лошадей.

Что касается феодальной эксплуатации при оседлом земледелии, то она осуществлялась непосредственно на основе частной собственности на землю. В. И. Ленин в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» дал классическую характеристику сущности феодального землевладения в России. Он писал: «Земля разделена была между крупными землевладельцами, помещиками, ...помещики наделяли крестьян этой землей для того, чтобы эксплуатировать их, так что земля была как бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика; она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика»[2]. Таким фондом в XV—XVIII вв. для эксплуатации патриархальных рабов и несения беднейшими казахскими кочевниками полуфеодальных повинностей в пользу султанов, баев, биев и батыров в кочевом скотоводческом обществе было частное скотовладение. Следовательно, частная собственность на скот и общинная форма землевладения создали те экономические условия, которые всецело определяли специфику эксплуатации в условиях кочевого скотоводческого хозяйства.

Различие экономических условий полуфеодального кочевого и оседлого феодального обществ было связано главным образом с различием в формах собственности на средства производства, обусловленным двумя разными видами общественного производства. Различные виды материального производства характеризовались и различными формами земельной собственности, показы-

---

[1] *Цветков П.* Исламизм, т. I. Ашхабад, стр. 24—25.

[2] *Ленин В. И.* Соч., т. 1, стр. 172.

вавшими разную степень развития производительных сил общества.

Марксизм установил, что само юридическое представление о частной земельной собственности означает не больше того, что частный «земельный собственник может поступать с землей подобно тому, как всякий владелец товара — со своим товаром»[1]. При феодальном землевладении земельные собственники землю могли передавать по наследству, выделять в «надел» крепостным крестьянам, позднее — закладывать, сдавать в аренду и даже продавать. Эти факты являлись конкретной формой реализации права частной собственности на землю. В этом фактически и состоит существо понятия «распоряжения» землей.

Отношение отдельных лиц к земле как к своей частной собственности породило у них определенную форму производственных отношений и соответствующее им право. Существо таких экономических и правовых отношений сводилось к тому, что землевладельцы в силу права частного собственника на землю стали использовать ее не только как всеобщее средство труда, не только как необходимое естественное условие производства, без которого невозможно никакое производство, а как орудие эксплуатации чужого труда. В. И. Ленин указывает, что частное землевладение есть монополия и на основании этой монополии землевладелец требует платы за пользование этой землей[2]. Поэтому частная собственность на землю при феодализме выступала как основа феодальной эксплуатации крепостных крестьян феодалом.

Что касается земельных отношений при полуфеодальном кочевом хозяйстве подобно казахскому в XV—XVIII вв., то здесь существовало другое положение. Несмотря на то, что здесь необходимым естественным условием кочевого скотоводства была дикая земля, естественное пастбище, владение землей имело широкую общинную форму (в пределах целого кочевого ханства или соседних ханств известной народности, состоявшей из многочисленных племен и родов), при частной собственности на стада и табуны. Такой дуализм формы собственности на средства производства породил дуализм

[1] *Маркс К.* Капитал, т. III, 1951, стр. 629.
[2] *Ленин В. И.* Соч., т. 5, стр. 109.

самой формы общества, которое было полуфеодальным, то есть патриархально-феодальным. Этим объяснялось появление у казахских кочевых скотоводов не феодальных землевладений, а полуфеодальных скотовладений. Кочевые скотоводы использовали землю лишь как природное условие своего производства, она еще не перешла в частную собственность отдельных скотоводов. В кочевом скотоводческом обществе не было такого положения, когда земля противостояла кочевому скотоводу как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике. Поэтому в кочевом скотоводческом обществе люди могли свободно дарить, выделять в «надел» бедным полузависимым скотоводам, закладывать и продавать не землю, а лишь свой скот.

Земледельческие общины во всех феодальных государствах прошли длинный путь своего развития до превращения их из свободных в крепостные. Для земледельческих общин в период зарождения феодальных отношений, то есть на патриархально-феодальной стадии развития, было характерным сочетание в ней общинного владения землей с частной собственностью каждого земледельца — общинника на свой дом и двор. Пользование пахотными землями происходило в форме периодических уравнительных переделов между общинниками.

В конце I века н. э. «в показаниях Тацита находит себе подтверждение и тезис Цезаря о господстве у древних германцев общинного земледелия: Тацит заявляет, что у них «земля занимается всеми вместе поочередно по числу работников (cultorum) и затем они делят ее между собой по достоинству», причем «раздел облегчается обширностью земельной площади: «они каждый год меняют пашню и (все-таки) еще остается (свободное) поле»[1]. По данным Цезаря и Тацита, земли, которые германцы обрабатывали, давались им только на один год, по истечении которого они снова становились общественной собственностью. Наследственную собственность составляли только дом и участок земли в ограде около дома. Эта частная собственность и принадлежала лицам мужского пола.

---

[1] *Полянский Ф. Я.* Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954, стр. 28.

На более поздней стадии развития появляется частная собственность на пахотную землю при коллективной собственности на неподеленные угодья. Община приобрела, таким образом, новую, двойственную природу, в ней существовала как общинная, так и частная собственность. Такая частная собственность на землю зарождалась в недрах общины — марки — в виде аллода, который прошел различные стадии своего развития. Если вначале аллод существовал в форме ограниченного права наследования пахотного надела в пределах «большой семьи», то с течением времени он стал превращаться в свободно отчуждаемую собственность малой индивидуальной семьи.

Как отмечает А. И. Неусыхин, это превращение произошло в результате дальнейших изменений в структуре самой общины и роста ее внутреннего расслоения, а также в результате развития процессов, разлагавших общину извне[1]. Таким образом, аллод постепенно превратился в объект частной собственности малой семьи, которая могла быть передаваема по наследству и могла быть отчуждаема, в то время как лес, пастбища, пустоши и прочее оставались еще общей собственностью. Эта двойственность («дуализм») общины создавала своеобразные условия для дальнейшей классовой дифференциации внутри ее, для укрепления и расширения частного землевладения[2]. «Аллодом создана была не только возможность, но и необходимость превращения первоначального равенства земельных владений в его противоположность. С момента установления аллода германцев на бывшей римской территории он стал тем, чем уже давно была лежавшая рядом с ним римская земельная собственность,— товаром»[3].

Появление частной поземельной собственности было одним из выражений развития производительных сил у древних германцев. Оно могло иметь место только на основе прочного оседания населения и развития земледелия. По словам Энгельса, если германцы эпохи Цезаря

---

[1] *Неусыхин А. И.* Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII—XI веках. Сб. Средние века, вып. IV, 1953, стр. 11.

[2] См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XXVII (Черновые наброски письма Маркса В. И. Засулич), а также новые исследования А. И. Неусыхина в сб. Средние века, вып. IV, 1953 и вып. VI, 1955.

[3] *Энгельс Ф.* К истории древних германцев. М., 1938, стр. 63.

частью только еще осели на землю, частью отыскивали места постоянного поселения, *то во времена Тацита они имели уже позади себя целое столетие оседлой жизни; в соответствии с этим несомненным является прогресс в производстве средств существования.* Они жили в бревенчатых домах, хотя одежда их еще примитивна (грубый шерстяной плащ, звериная шкура и отчасти полотняное белье), пищу их составляли молоко, мясо, дикие плоды и овсяная каша[1]. Таким образом, несомненный прогресс в общественном производстве древних германцев Энгельс видел в оседлом образе жизни, следовательно, в земледелии. Это относится и к историческому прошлому России, Советской исторической наукой опровергнута аргументация буржуазных историков, доказавших, что основными занятиями славян вплоть до VIII—IX вв. были скотоводство и охота, и показано главенствующее значение земледелия в жизни народа. «Ни охота, ни скотоводство не могли служить и не служили экономической базой для развития внутренних сил, приведших к образованию Русского государства. Скотоводство и охота не могли служить базой для развития ремесла и роста городов, которые играли значительную роль в хозяйстве страны уже в IX в.»[2]. Двойственная природа («дуализм») характерна не только для сельской общины, но и для кочевой скотоводческой общины, где, как отмечено выше, общинная форма владения и пользования землей сочетались с частной собственностью на скот, юрту и другое движимое имущество. Такая форма кочевой общины была обусловлена технико-экономическими особенностями кочевого скотоводства, породившими определенные социально-экономические условия. Она не могла достичь, минуя оседлость, зрелой стадии феодализма, то есть крепостничества. Переход к пашенному земледелию являлся крупнейшим техническим сдвигом, имевшим и крупнейшие общественно-экономические последствия. На его основе дальше развился феодальный уклад хозяйства. И, конечно, такой переход происходил не на базе охоты и кочевого скотоводства, а

---

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Л., 1953, стр. 147.

[2] *Корнеев А.* К истории земледелия в России.— Вопросы экономики, 1949, № 7, стр. 84—85.

на основе длительного земледелия как главной отрасли хозяйства.

Марксизм-ленинизм рассматривает появление частной собственности на средства производства и наследование их как две стороны единого процесса. Частная собственность предполагала наследование и моногамную семью; наследование и моногамная семья в своем возникновении предполагали наличие частной собственности. «Моногамия возникла вследствие сосредоточения больших богатств в одних руках, именно — в руках мужчины, и из потребности передать эти богатства по наследству детям этого мужчины, а не другого»[1]. «И частная собственность, и наследство — категории таких общественных порядков, когда сложились уже обособленные, мелкие семьи (моногамные) и стал развиваться обмен»[2]. Это же положение находило свое отражение и в наследственном праве кочевых казахских скотоводов в XVIII и в начале XIX веков.

Большие размеры частного скотовладения давали возможность баям, биям, батырам и султанам иметь побольше жен, держать значительное количество патриархальных рабов, иметь более богатые предметы кочевой юрты, верховой езды, лишнее количество одежды. Этим, собственно, и исчерпывался весь перечень богатства крупных казахских скотовладельцев, передаваемого по наследству. Казахские скотовладельцы в XV—XVIII веках не могли передавать по наследству землю, так как не было оседлости и не было частной собственности на пастбище, следовательно, феодального землевладения. Само слово «наследство» по-казахски называется «енши» (доля в имуществе, от слова «ен» — зарубка на ушах животных; по этим зарубкам или меткам устанавливалось, кому принадлежал тот или другой скот). В жизни казахских кочевников раздел имущества или наследства родителями между детьми означал раздел стад и табунов, то есть раздел «енши». Это ясно показывает, что главным видом богатства и объектом частной собственности у казахских кочевников был скот. В обыденной жизни казахов до недавнего

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Л., 1953, стр. 76.

[2] *Ленин В. И.* Соч., т. 1, стр. 136.

прошлого о человеке, у которого не было баранов, говорили, что у него нет «ен»[1].

Николай Рычков свидетельствует: «Обязанностью наследника является показать народу принадлежавшие покойнику ценнейшие вещи. Тут должен при этом стоять на показе любимый конь покойного в самом полном, лучшем своем уборе, покрытый черной попоной. На других лошадях раскладываются лучшие платья умершего, его военное снаряжение, богатые ковры и кибитки. Все эти вещи по порядку одна за другой привязываются к натянутой веревке, а рядом стоят жены умершего, утопающие в слезах, равно и его рабы и рабыни. Замысел всей этой церемонии заключается в том, чтобы показать собравшемуся люду, как много имущества сумел приобрести за свой век умерший, и этим вселить в уме народа высокое о нем мнение»[2]. Из сказанного следует, что в 70-х годах XVIII века частная собственность на скот, рабов, рабынь и целую группу жен (полурабынь), передаваемая по наследству, полностью отражала сущность социально-экономических отношений полуфеодального, патриархально-феодального кочевого общества казахов. Такое положение находило также свое отражение в казахских похоронных причитаниях — «жоктау жыры», в которых восхваляли умершего бая, бия, батыра или султана за то, что он был богат, что он всегда принимал гостей, гостям резал самых жирных баранов, что в его юрте готовили пищу большой массе людей, что он имел много стад и табунов и не раз угонял чужие табуны лошадей и т. д.[3]. В свадебной песне «Бет-Ашар» невестку знакомили со свекром и говорили, что он хозяин стад белых баранов, хозяин табунов белых лошадей, он самый старший среди нас, поэтому ему первый поклон[4].

О родителе главного героя эпоса «Шора-батыр» Нарикбае сказано: «Нарикбай обладал бесчисленными ста-

---

[1] *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 43, 45.

[2] *Рычков Н.* Дневные записи путешествия в Киргиз-Кайсацкой степи в 1771 г. Спб., 1722, стр. 29.

[3] *Радлов В. В.* Образы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Джунгарской степи, ч. III, Киргизское наречие. Спб., 1870, стр. 19.

[4] Там же, стр. 11.

дами... Скот его пасли 40 юртовладельцев, таминцев, которые постоянно кочевали с ним и были его верными слугами... Нарикбай оставил Казань, вместе со своими 40 юртовладельцами и табунами обосновался около города Ак-Кала»[1]. О родителе главного героя другого эпоса «Ер-Саин» Бозмнае говорится, что он своим богатством изумлял всех, пастьбой его бесчисленных табунов были заняты девяносто рабов. Он своим богатством приобрел себе положение хана и каждое его слово стало законом для народа[2]. В 40-х годах XIX века один из попечителей среди прилинейных казахов Александрийский, верно отмечая особое социально-экономическое значение скотовладения в жизни казахов того времени, писал: «Есть у Джагалбайлинцев людей известных, но их значение слишком односторонне потому, что зависит не от достоинства собственных их голов, а от количества голов ихнего скота»[3].

Все эти факты говорят о том, что только скот представлял реальное богатство кочевого общества, только скот олицетворял собою единство средств производства и предметов личного употребления. Общественное положение человека в таком обществе определялось прежде всего количеством принадлежавшего ему скота. Известно также, что в средневековый период истории у монгольских кочевников в пределах одного и того же племени зимние и летние пастбища были общими для всех, богатство определялось не количеством десятин земли, а числом голов скота[4].

«Благосостояние монгола, как и других кочевников, определяется числом голов скота»[5]. «Главное богатство монгола — его стадо овец, коз, верблюдов, коров, лошадей, количество которых, конечно, сильно колебалось от сотен и тысяч голов у князей и богачей до десятков у середняков и единиц у бедняков. Самые бедные совсем не имели своего скота и пасли стада

---

[1] *Орлов А. С.* Казахский героический эпос. М.—Л., 1945, стр. 87.

[2] Батырлар жыры, т. I, Алма-Ата, 1939, стр. 347.

[1] Материалы по казахскому обычному праву, сб. I. Алма-Ата, 1948, стр. 95.

[4] *Реклю Э.* Человек и земля, т. I, Спб., 1906, стр. 36.

[5] *Певцов М. В.* Путешествие по Китаю и Монголии, М., 1951, стр. 117.

богачей»[1]. Точно так же «как только казахская семья не в состоянии удовлетворить свои потребности процентами с капитала, т. е. приплодом скота, приходится расходовать самый капитал, т. е. стада. При таком положении дел казах в несколько лет из обеспеченного хозяина превращается в бедняка (джатак), которому за неимением стад становится ненужным и кочевание. Когда казах лишается своего стада, в его кибитку является самая страшная нужда»[2]. Бесспорно, что для кочевых хозяйств экономическое ослабление, обеднение выражалось в уменьшении количества скота на семью, для оседлых — в усилении малоземелья.

Данные о туркменах X—XVI вв. и якутах XVII века показывают, что в X и последующие века у туркменских кочевых «скотоводов нет непосредственного отношения к земле, т. е. к пастбищу, а имеется опосредствованное отношение через коллектив (через род и племя),... собственность на землю, вернее на пастбище, здесь может быть или патриархальной при первобытно-общинных отношениях, или патриархально-феодальной (полупатриархальной, полуфеодальной) при формах полупатриархальной-полуфеодальной эксплуатации, основой которой она и является. Итак, туркменское общество X и ряда последующих веков оставалось по форме родоплеменным. *Собственность на скот и рабов создала такую уже глубокую социальную дифференциацию, что у туркмен в X в. имелись богачи, владевшие, как упоминалось выше, 10 тысячами лошадей и 100 тысячами овец и баранов*»[3] (подчеркнуто нами — *С. Т.*).

У оседлых и довольно прочно привязанных к земле скотоводах-якутах XVII века, занимавшихся сенокошением и находившихся в других природно-экономических условиях, чем туркмены, так же существовало общинное право на пастбище. Однако фактически пастбищами пользовались и порой их просто захватывали те, кто имел скот, т. е. богачи — тойоны. «Основной хо-

---

[1] *Обручев В. А.* От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. М., 1956, стр. 19.

[2] Очерк киргизских степей в ветеринарно-санитарном отношении. Спб., 1890. стр. 20.

[3] *Якубовский А. Б.* Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 60.

зяйственной ячейкой у якутов той эпохи была отдельная семья. Скот — главное богатство якутов — также, как и всякое хозяйственное и домашнее имущество, составлял частную собственность отдельных семей. Родные братья, по крайней мере женатые, имели свой скот и имущество и жили врозь. У отца и сыновей тоже было разделенное имущество»[1]. Родовой строй якутов в XVII веке находился на стадии полного распада. К этому времени якутское общество делилось на три основных социальных слоя. «По терминологии русских документов XVII века это были: 1) «князцы», 2) «улусные мужики» и 3) «холопи». Каждое из этих обозначений соответствовало определенному понятию в якутской социальной терминологии: «князцами» русские называли тойонов, «холопями» — рабов — кулутов; какому якутскому термину соответствовало выражение «улусские мужики», сказать трудно, но, по-видимому, этот наиболее многочисленный общественный слой состоял из свободных общинников. Между этими основными общественными классами не было резких граней. Наиболее отчетливо характеризуется нисший класс — рабы или «холопи»; это и понятно, ибо деление на свободных и рабов — первая, древнейшая историческая форма деления общества на классы»[2]. «Будучи крупными скотовладельцами и рабовладельцами якутские тойоны XVII века выступают перед нами в то же время как главы родов, точнее, как главы больших семейно-родственных групп, патриархальных семей. Эта группа родственников и зависимых людей тойонов была орудием его влияния и власти»[3].

Эти данные говорят о том, что в XVII—XVIII веках якуты были оседлыми скотоводами, но уровень их общественного развития в этот период был примерно одинаковым с тем, которым характеризовалось полуфеодальное кочевое общество казахов в XV—XVIII веках. Об этом прежде всего свидетельствует существование трех основных социальных слоев как у якутов, так и у казахов.

Например, якутские тойоны XVII века имели почти одинаковую социальную природу с казахской полуфео-

[1] *Бахрушин С. В.* и *Токарев С. А.* Якутия в XVII веке (очерки). Якутск, 1953, стр. 112.
[2] Там же, стр. 125.
[3] Там же, стр. 136.

дальной верхушкой XV—XVIII веков в лице султанов, биев, батыров и баев.

Совершенно другое положение существовало в развитом феодальном обществе, основанном на крупном землевладении. Там основным видом богатства была земля. Размеры землевладения определяли богатство и знатность помещиков. Их богатство было устойчивым, надежным, не то, что богатство кочевников. Они по наследству передавали земельные владения с прикрепленными к ним крепостными крестьянами. Земельные владения феодала могли включать: лесные участки, озера и реки, поливные луга, обрабатываемые плодородные поля, сады, виноградники, ирригационные сооружения, искусственные водоемы, живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь и хозяйственные постройки. Кроме того, по наследству передавались замки, дворцы, большие дома и пр.

Сопоставление двух видов богатства, передававшегося по наследству, а именно, земельных владений с прикрепленными к ним крестьянами, с одной стороны, и стад баранов, верблюдов и табунов лошадей с пастухами-рабами или полурабами, с другой, дает возможность видеть, каковы характерные черты социальной природы феодала-землевладельца и полуфеодала-скотовладельца. В данном случае землевладелец и скотовладелец были обычной персонификацией различных видов общественного богатства.

Отсутствие при полуфеодальном кочевом скотоводстве монопольных прав отдельных лиц «в распоряжении определенными частями земного шара как исключительными сферами их личной воли, с устранением всех других», породило самую широкую, общинную форму землевладения. Общественное производство кочевого общества казахов вплоть до XIX столетия базировалось, с одной стороны, на общем владении пастбищной территорией, с другой,— на том, что семья, имеющая в частной собственности скот, выступала как основная хозяйственная единица общества. При таком дуализме экономической основы кочевого общества основным орудием эксплуатации человека человеком могла служить только частная собственность на скот. Именно в этом заключалось существенное отличие полуфеодаль-

ного кочевого общества от феодально-крепостнического оседлого. Непонимание этих существенных отличий привело некоторых исследователей к полному отождествлению этих двух обществ и к изобретению одной «универсальной» основы эксплуатации человека человеком. Объективно ошибка их состоит в том, что они при всех условиях материального производства эксплуатацию человека человеком связывают только с определенным предметом природы — землей, а не с формой собственности на средства производства и не с объектом частной собственности, следовательно, не с производственными отношениями людей. Например, С. Зиманов и А. Еренов пишут: «Скот является продуктом земли и его бытие немыслимо без последней. Пастбища, водопойные источники, охотничьи угодья составляли основу всего общественного производства в феодальном Казахстане»[1].

В этом априорном заявлении «феодализм» для Казахстана преподносится не как историческая категория, связанная с определенной формой собственности на средства производства, следовательно, не как совокупность общественно-производственных отношений. Не случайно, что эти авторы основное средство производства кочевых скотоводов — скот — объявляют просто «продуктом земли» (?). В таком случае выходит, что не форма собственности на средства производства определяет форму общества, форму эксплуатации человека человеком, а сама природа — земля.

Такую натуралистическую точку зрения высказывают не только С. Зиманов и А. Еренов, она характерна почти для всех последователей ошибок так называемой теории «кочевого феодализма». Горячо защищая эту позицию в своей заключительной речи на ташкентской сессии, А. Л. Сидоров говорил: «Подавляющее большинство товарищей — участников настоящей сессии в прениях показали, что они твердо держатся маркситско-ленинского понимания феодализма и признают основой феодального способа производства землю, четко характеризуют основные классовые противоречия феодального

[1] *Зиманов С.* и *Еренов А.* О характере феодальной собственности на землю в Казахстане.— Труды Алма-Атинского юридического института, т. I. Алма-Ата, 1955, стр. 49.

общества»[1]. Так А. Л. Сидоров и «подавляющее большинство» без всяких доказательств все признаки зрелого феодализма переносят на переходное, полуфеодальное кочевое общество.

Весьма сомнительно, чтобы А. Л. Сидоров и «подавляющее большинство» в теоретическом отношении твердо держались «классического понимания» (как выразился на сессии А. Л. Сидоров) марксизма-ленинизма. А. Л. Сидоров и «подавляющее большинство» допускают грубую ошибку, когда заявляют, что «основой феодального способа производства является земля», а не собственность на землю.

Отождествление формы собственности на предметы природы с самими предметами природы неизбежно порождает физиократическую ошибку, которая выводит все из земли, из природы, а не из общества, не из общественно-производственных отношений. Поэтому даже не «классическое» понимание, основ марксизма-ленинизма, которое по нескромности А. Л. Сидоров приписывает себе и своим сторонникам, а то, которое существует у советских ученых, требует признать, что не использованием земли и других предметов природы для производственных целей различаются экономические эпохи, а тем, как используются и в чьей собственности они находятся. А. Л. Сидоров и «подавляющее большинство» никак не могут опровергнуть тот общеизвестный факт, что форма землевладения и способы землепользования изменяются в зависимости от изменившихся социально-экономических условий. У А. Л. Сидорова и «подавляющего большинства» нет исторического подхода при определении формы и характера землевладения и землепользования. Они рассматривают землю как вечную и неизменную первооснову человеческого общества, превращая тем самым ее в какой-то абсолют. Если земля была таким абсолютом, то тогда «некоторые местности имели бы совсем иной вид, чем теперь; римская Кампанья, Сицилия и Палестина оставались бы во всем блеске их былого процветания»[2].

---

[1] Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 571—572.

[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 4, стр. 177.

А. Л. Сидоров и «подавляющее большинство», видимо, не согласны с тем фактом, что люди в зависимости от уровня развития производительных сил общества переделывали природу, землю на протяжении всей своей истории. Примером этого могут служить результаты труда оседлых земледельческих народов древней Месопотамии, Египта, Китая, Йемена и др., которые совершенно изменили природу земной поверхности, создав на месте пустыни цветущие оазисы.

Такой беспрерывный процесс совершается в Советском Союзе и на наших глазах. Например, Голодная степь оставалась веками голодной, несмотря на то, что сама земля всегда была по своему природному качеству высокоплодородной, что позволило назвать ее щедрой степью (мырза шуль). Только советские люди, активные творцы новой жизни, вооруженные передовой техникой, начали орошать и осваивать эту мертвую безводную пустыню и превращать ее в край высококультурного социалистического земледелия и изобилия [1].

Итак, не сама земля является основой феодального способа производства, а форма собственности на землю.

Известно, что экономической основой капитализма является частная собственность на средства производства при широком общественном разделении труда; при этом средствами производства служат самые различные предметы природы в самых различных отраслях производства. Следовательно, каждый из этих предметов природы, как основное средство той или другой отрасли производства и, как объект частной собственности, может стать средством эксплуатации человека человеком, экономической категорией, капиталом, независимо от его натуральной формы и «вещественных свойств».

На самом деле, роль того или другого предмета природы в процессе производства зависит от специфики данной отрасли производства, от характера данной сферы труда. Например, основным средством труда у кузнеца является молот и наковальня; у сапожника — нож,

---

[1] См. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об орошении и освоении целинных земель Голодной степи в Узбекской ССР и Казахской ССР для увеличения производства хлопка.— Правда, 1956, 11 августа.

колодка; у мельника — мельница; у железнодорожника — рельсы и паровозы; у земледельца — земля и орудия ее обработки, а у кочевого скотовода — стада и табуны. При определенных социально-экономических условиях в каждой из этих отраслей производства может происходить эксплуатация человека человеком, как прямое следствие частной собственности на основное средство производства. Следовательно, различие натуральной формы или вещественных свойств предметов природы (скот или земля), используемых в качестве средств труда (скот — при кочевом скотоводстве, земля — в земледелии), не может играть решающей роли для определения сущности полуфеодальной или феодальной эксплуатации на различных этапах исторического развития феодализма.

Средства производства, имеющие важное значение в общественной жизни и находящиеся в частной собственности отдельных лиц, становятся средствами эксплуатации не благодаря их естественным свойствам, а благодаря той их общественно-экономической роли, которую они играют в жизни общества. Известно, что никакие предметы (скот, земля, машина) сами по себе не могут быть экономическими категориями, то есть абстрактным выражением производственных отношений людей, если они не выступают объектом определенной формы собственности в сфере материального производства. Маркс писал: «Машина также мало является экономической категорией, как и бык, который тащит плуг. Современное *применение* машин есть одно из отношений нашего современного экономического строя, но способ эксплуатации машин — это совсем не то, что сами машины»[1]. Маркс здесь говорит о способе эксплуатации машин не в технико-экономическом смысле, а в социально-экономическом. Собственность есть общественно-производственное отношение между людьми по поводу средств и продуктов производства, а не между людьми и предметами природы. Именно поэтому не приходится сомневаться в том, что при соответствующих социально-экономических условиях скот, как всякое другое средство производства, может выступить орудием эксплуатации

[1] Переписка Маркса К. и Энгельса Ф. с русскими политическими деятелями. М., 1951, стр. 14.

человека человеком. В. И. Ленин писал: «Пока остается частная собственность на средства производства (напр., на земледельческие орудия и скот, если даже частная собственность на землю отменена) и свободная торговля, до тех пор остается экономическая основа капитализма»[1]. Следовательно, скот, земля и машина в одинаковой мере в соответствующих социально-экономических условиях могут выступать объектами частной собственности как средства производства и стать средствами эксплуатации человека человеком, служить основой общественно-производственных отношений людей.

Маркс, говоря о производственных отношениях, писал, что «люди, развивая свои производительные силы, т. е. живя, развивают определенное отношения друг к другу и что характер этих отношений неизбежно меняется вместе с преобразованием и ростом этих производительных сил... *экономические категории* суть лишь *абстракции* этих действительных отношений и являются истинами лишь постольку, поскольку существуют эти отношения»[2]. Значит, наши оппоненты «классически» понимающие марксизм-ленинизм, не понимают, что экономическая значимость и характер применения отдельных предметов природы людьми в качестве тех или иных средств производства определяются уровнем развития производительных сил общества и существующим экономическим строем.

Именно этот экономический момент подчеркивался Марксом, когда он писал об использовании земли и указывал, что даже юридическая власть землевладельцев «употреблять части земного шара и злоупотреблять ими, еще ничего не решает. *Употребление всецело зависит от экономических условий, независимых от воли этих лиц*»[1] (подчеркнуто нами.— С. Т.). Уже было указано, что экономические условия полуфеодального кочевого общества существенно отличались от экономических условий феодально-крепостнического, оседло-земледельческого общества, так как они определялись различным уровнем развития производительных сил, следовательно, различными формами собственности на

---

[1] *Ленин В. И.* Соч., т. 31, стр. 367.

[2] Переписка Маркса К. и Энгельса Ф. с русскими политическими деятелями. М., 1951, стр. 15.

[3] *Маркс К.* Капитал, т. III, 1951, стр. 629.

землю, которая была необходимым элементом средств производства при обоих видах материального производства.

Как только кочевые скотоводы начинают переходить к полукочевому и оседлому образу жизни, одновременно занимаясь сенокошением и хлебопашеством, скотоводство постепенно начинает терять свою былую самостоятельность, превращается в одну из отраслей земледелия.

Одним из условий появления частной собственности на землю наряду с общественным разделением труда была возрастающая затрата труда земледельцем на обработку земли. Об этом Г. В. Плеханов писал: «Приусадебные земли, подвергающиеся наиболее старательной обработке, раньше других переходит в подворно-наследственное владение, между тем, как дольше других в общинной собственности остаются выгоны и пустоши, требующие разве лишь огораживания для охраны пасущегося на них скота. Между этими двумя крайностями другие общинные угодья располагаются в порядке возрастающей или убывающей сложности их обработки»[1]. Памятники древненемецкого обычного права свидетельствуют о том, что крестьянин терял свои права на поле, если он долго не возделывал его, так как «всякая культурная земля принадлежит преимущественно тому, кто ее оживил»[2]. Следовательно, затрата труда на обработку земли играла немаловажную роль в прикреплении человека к земле.

Возрастающая затрата труда индивидуальным земледельцем на одном определенном участке земли, повышение производительности его труда и развитие общественного разделения труда обусловили появление частной собственности на землю. Это привело в дальнейшем к появлению свободно отчуждаемой частной земельной собственности свободных общинников в виде аллода или другой формы, которая, как правило, предшествовала появлению феодального землевладения.

«Итак, с того момента, как возник аллод,— писал Энгельс,— свободно отчуждаемая земельная собственность, земельная собственность как товар, возникнове-

---

[1] *Плеханов Г. В.* Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. Л., 1939, стр. 243.

[2] *Цветков П.* Исламизм, т. III. Ашхабад, 1912, стр, 420.

ние крупного землевладения стало лишь вопросом времени»[1]. Это указание Энгельса подтверждается исследованиями многих советских историков[2].

О такой же закономерности говорят факты из истории перехода казахского народа к полукочевому и оседлому скотоводческо-земледельческому хозяйству. Статистики Переселенческого управления в начале XX века о характере землепользования оседлых и отчасти полукочевых казахов Тургайской и Уральской областей писали: «Можно наблюдать переход от полной свободы в пользовании пашнями «без порядка» до достаточно определенной регламентации как мест для распашки и летней пастьбы скота, так и сроков пользования. Здесь же выясняется отчасти и роль затрат и вложенного труда: право на пустоши, залежи остается в одних местах, очевидно с более плотными и трудными для разработки почвами, за первым хозяином, поднявшим целину, в других — пустоши, где они не имеют ценности по многоземелью или мягким почвам, поступают в общее достояние. Роль труда, как правового фактора, наиболее ярко представлена в отношениях казахов в тех случаях, когда труд приложен к созданию самих угодий, пригодных для какого-либо хозяйственного использования пашни, покоса, пастбища»[3]. Чем больше труда человек вкладывает в землю, тем сильнее он старается закрепить свое право на нее. Например, человек, разводящий виноградник, знает, что только через 5—6 лет после его закладки, он может рассчитывать на оплату своего тяжелого труда продуктами с этого виноградника. Поэтому, приступая к работе, он должен быть уверен в том, что виноградник останется в его руках на долгие годы. Пахарь, возделывающий пашню из-под леса, также должен быть уверен в том, что обработанная им земля, пока она будет при-

[1] *Энгельс Ф.* К истории древних германцев. М., 1938, стр. 63.

[2] Имеются в виду работы: А. И. Неусыхин. К вопросу о первом этапе возникновения феодально-зависимого крестьянства как класса. В кн.: Средние века. Сб., вып. VI, 1955; М. Н. Соколова. Свободная община и процесс закрепления крестьян в Кенте и Уэссексе в VII-X веках (там же); М. А. Павлушкова. Крестьянская община в Венгрии в XI-XIII веках (там же); А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края в XV—XVI вв. М.— Л., 1954; К. Н. Тарновский. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян.— Вопросы истории, 1954, № 4 и др.

[3] Очерк работ Тургайско-Уральской переселенческой организации. Оренбург, 1890, стр. 25.

носить урожай, останется в его руках. Это верно было отмечено Н. И. Гродековым: «Устройство арыков, усадеб, строений и садов превращает землю в частную собственность»[1].

Ничего подобного не было и не могло быть при чисто кочевом образе жизни. У казахов-кочевников «совершенно отсутствует само представление о земельной собственности, принадлежащей аулу, роду или орде. В силу этого обстоятельства, орды и роды в прежние времена очень часто перемещали свои кочевые пути иногда на очень далекие расстояния»[2]. При этом аулы каждой родовой группы не потому кочевали одними и теми же путями и зимовали по соседству, что эти пути и зимние пастбища были когда-либо и кем-либо указаны, разграничены и закреплены, а потому что каждый аул придерживался тех кочевых путей и остановок, где он мог скорее встретить своих ближайших родственников; близость и общение с последними обеспечивали каждому казаху защиту в случае какой-либо опасности и помощь в нужде[3]. В проекте преобразования судебной части о казахах Сибирского ведомства, составленном в 1863 году, сказано: «Народ этот происхождения азиатского, не имеет научного образования и постоянной оседлости: кочует со своими стадами лошадей и рогатого скота, которые составляют все их богатства. Настоящий образ жизни сих инородцев не допускает у них недвижимой собственности»[4].

В Казахстане, наряду с пережитками старого обычного права кочевников, отрицавшего всякое право частной собственности на землю, с 1868 года был введен новый земельный закон царского правительства, по которому отрицалось право частной собственности на землю кочевых и полукочевых казахов, иначе говоря, юридически оформлялась полная неустойчивость в землевладении казахских трудящихся. Отрицательное значение этой неустойчивости было отмечено В. А. Васильевым в

---

[1] *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт, т. I. Ташкент, 1899, стр. 102.

[2] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей, Тургайская область, Кустанайский уезд, т. V. Воронеж, 1903, стр. 83.

[3] Там же, стр. 23.

[4] ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. I, д. 807, св. 93, л. 46.

отношении Семиреченской области: «Отсутствие прочности владения землей является, конечно, одной из причин, тормозящих прогресс сельского хозяйства в области: невозможны серьезные улучшения, если владелец ее не уверен, что воспользуется плодами своих трудов и затрат»[1].

Появление частной собственности на землю в Венгрии в XI—XIII веках также было связано с возрастанием количества труда, вложенного общинником в землю. «Выделение аллода явилось следствием достижения такого уровня развития производительных сил, при котором производитель вкладывал в землю значительное количество труда и поэтому перестал быть заинтересованным в ежегодных уравнительных переделах пахотной земли»[2].

Вначале в частное владение отдельных семейств переходили только приусадебный участок и пашня, то есть земли уже обработанные и измененные трудом человека. А все остальные угодья, которые использовались в своем естественном состоянии, в том числе пастбища, еще долго оставались в общинном владении. Энгельс, рассматривая процесс оседания древних германцев времени Тацита, пишет: «Находившиеся до того в общем владении пашни и луга стали подвергаться разделу по уже известному способу между возникшими теперь отдельными домохозяйствами, сначала на время, позднее — раз навсегда, *тогда как леса, выгоны и воды оставались общими.* Для России такой ход развития представляется исторически вполне доказанным»[3] (подчеркнуто нами — С. Т.).

Для нас является несомненным, что в условиях патриархально-рабовладельческого или патриархально-феодального общества у древних кельтов и германцев, уже перешедших к оседлому образу жизни, после падения Римской империи, общинное владение лесами, выгонами и водами имело преемственную связь с общинным

---

[1] *Васильев В. А.* Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915, стр. 87.

[2] *Павлушкова М. А.* Крестьянская община в Венгрии в XI—XIII веках. В кн.: Средние века, вып. VI, 1955, стр. 62.

[3] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Л., 1953, стр. 146.

землевладением, характерным для кочевого скотоводческого хозяйства. Кочевники под словом «землепользование» понимали только использование естественных пастбищ, воды и лесов. «Необходимо различать разные виды земельных угодий: охотничьи, рыболовные, пастбищные, сенокосные. Конечно, формы собственности на эти разные виды угодий не могли быть одинаковы и не могли одинаково развиваться»[1]. Кочевые скотоводы не знали и не могли знать никаких других видов угодий, кроме пастбищных. Как говорят многочисленные факты, касающиеся всех народов, совершавших переход от кочевого образа жизни к оседлому, на первых порах в общинном владении у них оставалось все то, что было в общем владении кочевников.

Особое экономическое значение скота в жизни людей могло быть заменено другим средством производства лишь на основе замены кочевого скотоводства другим видом материального производства (земледелием, городским ремеслом, фабрично-заводской промышленностью). После первого крупного общественного разделения труда весь последующий период прогрессивного развития общества оседлых земледельцев характеризуется дальнейшим развитием форм собственности на средства производства, ростом общественного разделения труда и ростом классовой дифференциации.

Всякое производство как присвоение предметов природы всегда обусловлено объектом присвоения и уровнем развития производительных сил общества. Изменение общественного строя, переворот в отношениях собственности являлись необходимым следствием создания новых производительных сил, которые перестали соответствовать старым отношениям собственности. Форма собственности на средства производства и общественная форма производства взаимно обусловливают друг друга. Поэтому форма собственности на средства производства имеет исторически преходящий характер.

Как сообщает В. И. Авдиев, в Ново-Вавилонском рабовладельческом государстве скот нередко сдавался в аренду как средство эксплуатации чужого труда, хотя общество не было кочевым. Там на страже интересов

---

[1] *Бахрушин С. В.* и *Токарев С. А.* Якутия в XVII веке (очерки). Якутск, 1953, стр. 102.

скотовладельцев стояло рабовладельческое государство. «Богатые владельцы стад обычно сдавали скот в аренду, сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что арендная плата, как правило, взималась натурой»[1]. Если такое положение имело место в рабовладельческом обществе с развитым городским ремеслом и многоотраслевым орошаемым земледелием, где основными отраслями производства были хлебопашество, садоводство и виноградарство, то совершенно бесспорно, что в условиях кочевого скотоводства основным средством эксплуатации человека человеком могла быть частная собственность на скот.

Относительно высокий по сравнению с кочевым обществом уровень развития производительных сил рабовладельческого общества и значительное развитие общественного разделения труда вызвали оживленную торговлю в Ново-Вавилонском царстве. «Торговля проникает во все поры общества, становится широко разветвленной и разнообразной. Продают не только зерно, скот, шерсть, различные продукты сельского хозяйства, сырье и ремесленные изделия, но также всякого рода недвижимость, поля, сады, строения и часто рабов»[2]. Такого рода товаров, как зерно, различных продуктов сельского хозяйства, ремесленных изделий, полей, садов, строений не было в условиях полуфеодального кочевого общества казахов XV—XVIII вв.

Надо полагать, что для казахов при чисто кочевом образе жизни скот имел не меньшее экономическое значение, чем для оседлых рабовладельцев в Ново-Вавилонском царстве. Об экономическом значении скота в жизни казахских кочевников в 1514 году казахский хан Касым говорил Моголистанскому хану Султан-Саиду: «Мы жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей; главное наше богатство состоит в лошадях; мясо и кожа их служат нам лучшею пищею и одеждою (в Кашгарском переводе: мясо их служит нам лучшею пищею); а приятнейший напиток для нас — молоко их и то, что из него приготовляется (то есть как и сказано в Кашгарском переводе — кумыз); в землях наших нет ни садов, ни зданий; полюбоваться скотом, который па-

[1] *Авдиев В. И.* История древнего Востока. Л., 1953, стр. 484.

[2] Там же, стр. 484.

сется — вот цель наших прогулок; поедем же в табун, поглядим на лошадей, и кстати проведем несколько времени вместе в приятном сообществе»[1]. В этот период и позже отдельные казахи имели до 10 000 голов овец, до 5 000 голов лошадей и соответственное количество стад верблюдов.

Но такие колоссальные стада и табуны доставляли громадные средства потребления, а размеры потребления хозяина ограничивались «объемом его желудка». При всем своем хорошем аппетите богатый казах все же не мог вместе со своей семьей потребить все мясо годичного приплода своих стад, не мог выпить всего молока, которое могли доставить эти табуны и стада, а для езды и перевозки имущества ему служило небольшое число лошадей и верблюдов, составлявшее небольшой процент всего конского табуна и верблюжьего стада. О богатых казахских скотовладельцах начала XIX века А. И. Левшин сообщает, что они, кроме тщеславия, от своего богатства извлекают незначительную пользу. «Однажды спросил я одного владельца 8 000 лошадей,— пишет А. И. Левшин,— почему он не продает ежегодно по некоторой части табунов своих. Он отвечал мне: «Для чего стану я продавать мое удовольствие? Деньги мне не нужны; я должен запереть их в сундук, где никто не увидит их. Но теперь, когда табуны мои ходят по степям, всякий смотрит на них, всякий знает, что они мои, всякий говорит, что я богат»[2]. Сарычев отмечает, что «у тунгусов богатство измеряется числом оленей и что большое стадо, достигающее у особенно богатых до 2 000 голов, доставляет своему владельцу особый почет»[3]. Такое богатство, находящееся в частной собственности, не могло не служить орудием эксплуатации человека человеком.

Каждому, кто знаком с жизнью и бытом кочевых скотоводов, известно, что огромные стада и табуны крупных полуфеодалов обслуживались большой армией кочевой бедноты, которая за это получала средства, необходимые для существования. Она находилась в полной эко-

---

[1] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II. Спб., 1864, стр. 165—166.

[2] Ученые записки Института истории АН СССР, т. II. М., 1927, стр. 7.

[3] Там же, стр. 6.

номической и политической зависимости от скотовладельцев. Великий казахский поэт Абай говорил: «Бай думает всех закормить, всех запоить, всех принудить караулить его скот от воров и волков, уберечь от стужи. Много пройдет времени, пока он все это устроит, а устроив, он все завершит одним хвалебством и бахвальством»[1].

О том, что частная собственность на скот порождала полуфеодальную эксплуатацию, говорят многочисленные факты. М. М. Броднев пишет: «Богатый оленевод отдавал малооленному ненцу необученных быков на 5—6 месяцев. Обучив и поработав на них немного, бедняк возвращал владельцу обученных оленей, а если он их задерживал на длительное время, то платил за них арендную плату пушниной. Эта форма эксплуатации являлась пережитком родовых отношений, когда бескорыстная помощь сородичу в любой беде была совершенно естественна, но богатый оленевод, выручая из тяжелого положения малооленного, стал на этом наживаться»[2]. Об аналогичном факте И. С. Гурвич пишет: «Отношения зависимости и эксплуатации среди оленекских и анабарских якутов складывались не на основе владения охотничьими угодьями, а на основе частной собственности на оленей, так как охота и рыболовство, требующие частых перекочевок в бассейнах рек Оленека и Анабары, базируются на оленеводстве. Слабо обеспеченные оленями хозяйства неизбежно попадали в зависимость к владельцам стад и жестоко эксплуатировались. Однако все формы эксплуатации выступали под оболочкой родственной и родовой «помощи»[3].

Н. П. Никульшин отмечает, что родовой строй у эвенков в XV и начале XVIII века уже разлагался, как о том свидетельствуют появление имущественного неравенства внутри рода и возникновение патриархального рабства внутри некоторых больших семей. Упоминается, что бед-

---

[1] *Абай Кунанбаев.* Стихотворения, поэмы, проза. М., 1954, стр. 334—335.

[2] *Броднев М. М.* От родового строя к социализму (по материалам Ямало-Ненецкого округа).— Советская этнография, 1950, № 1, стр. 99.

[3] *Гурвич И. С.* Социалистическое переустройство хозяйства и быта якутов бассейна Оленека и Анабары.— Советская этнография, 1950, № I, стр. 107.

ные и безоленные эвенки по нужде даже продавали своих детей в рабство, как это было у казахов в конце XVIII и начале XIX веков. У эвенков «наличие обедневших и потерявших свои оленные стада сородичей давало возможность крупным оленеводам эксплуатировать их труд при пастьбе оленей»[1]. Примерно такое же положение у эвенков существовало в первые годы после революции. Например, в 1931—1932 гг. «кулацкие хозяйства, составлявшие 8,3% всех хозяйств, имели 73,5% всего оленного поголовья, в то время как беднякам — 59,5% всех хозяйств — принадлежало только 11,4% поголовья... Социальное расслоение эвенков базировалось, следовательно, в основном на имущественном неравенстве в оленеводстве»[2]. Олень был основным средством передвижения в тайге и тундре и почти единственным источником получения всех средств существования. «Поэтому кулак, владея огромными стадами оленей, тем самым держал в экономической зависимости от себя бедняков, вынужденных получать у него на любых условиях оленей»[3]. Эксплуатация протекала в форме совместного выпаса оленей, обычая взаимопомощи и т. д. Бедняк работал, главным образом, за одежду и пищу и после нескольких лет работы получал несколько оленей, а иногда не получал ничего.

У эвенков и в первые годы революции «частная собственность на землю еще не сложилась. Охотничьи, рыболовные и пастбищные угодья находились преимущественно в общем пользовании»[4]. И здесь эксплуатация человека человеком могла происходить лишь на основе частной собственности на скот. У эвенков «плата за труд носила еще форму «подарков», дачи оленей в долг или широкого гостеприимства и угощения оленьим мясом»[5].

По данным Г. П. Башарина, частная собственность на скот служила основой полуфеодальной эксплуата-

---

[1] *Никульшин Н. П.* Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939, стр. 14—15.

[2] Там же, стр. 16. Слова «кулацкие хозяйства» автором употребляются, видимо, в значении эксплуататорских хозяйств.

[3] Там же, стр. 16.

[4] Там же, стр. 18.

[5] Там же, стр. 50.

ции не только среди кочевых скотоводов, но и среди оседлых якутских скотоводов. «Одной из форм содержания тойонского скота в чужих хозяйствах был хасаас. Непосредственный производитель брал известное количество коров на период с начала мая по 1 октября с обязательством пасти и доить с тем, чтобы осенью доставить владельцу скота определенное количество масла (обычно около пуда) и замороженной простокваши (как правило, около 10 пудов). Эти молочные продукты и называются по-якутски хасаас — скопление, сбереженное... Здесь имела место патриархально-феодальная форма эксплуатации. Тойоны доверяли содержание своего скота обычно своим «близким», и бедняки вынуждены были прибегать к «помощи» своих благодетельных родственников... Прикрепление якутских крестьян к наслежной общине в то же время означало прикрепление непосредственных производителей к тойонам, к их скоту»[1].

Однако остается непонятным, почему Г. П. Башарин резко возражает против нашего основного тезиса о том, что при полном кочевом образе жизни казахских скотоводов при отсутствии частной собственности на землю основным объектом частной собственности были стада и табуны, и, следовательно, они служили основой патриархально-феодальной эксплуатации. Сам же он все факты эксплуатации даже у оседлых якутских скотоводов связывает только со скотовладением, хотя между кочевыми казахскими скотоводами и оседлыми якутскими скотоводами очень мало аналогии. Было бы гораздо понятнее, следовательно, правильнее, если бы Г. П. Башарин доказывал, что между хозяйственной жизнью казахских скотоводов, не имевших никакой оседлости, и оседлых якутских скотоводов, заготовлявших огромное количество сена для своего скота и затрачивающих очень много времени на эту заготовку, имеется существенное различие. Заготовка сена представляла для них трудную хозяйственную работу.

Как широко применялась во второй половине XVIII века под видом «родовой помощи» патриархально-феодальная форма эксплуатации казахских бедняков круп-

[1] *Башарин Г. П.* О патриархально-феодальных отношениях в Якутии конца XVIII — первой половины XIX веков.— Вопросы истории, 1955, № 3, стр. 87.

ными скотовладельцами на основе частной собственности на стада и табуны,— явствует из свидетельства И. Г. Георги. «Поелику не всяк может иметь довольное для табунов своих число невольников, то богатые наделяют скудных скотом, а они в знак благодарности приглядывают за скотиною своих благодетелей. Ежели табуны чьи-нибудь скоро размножатся, то он почитает сие благодатию и разделяет по бедным людям знатное число скота. Ежели сей податель пробудет в благосостоянии, то наделенные им люди не бывают ему за то ничем обязаны, если же он по причине скотского падежа, расхищения, по иным каким несчастиям лишится своих стад, то наделенные им прежде приятели дают ему такое же число или еще и с приплодом скота, хотя бы у самих их весьма мало затем оставалось. И потому богатый человек делает посредством таковых благодарений табуны свои как будто вечными»[1]. Следовательно, одним из основных условий воспроизводства стад, принадлежащих полуфеодальной верхушке, была эксплуатация ими бедных бесскотных и малоскотных кочевых бедняков — малаев и консы — путем наделения их скотом.

Отрицание экономического значения скотовладения и его роли как основного средства эксплуатации в кочевом скотоводческом обществе равносильно отрицанию в нем эксплуатации человека человеком вообще. Л. П. Потапов пишет: «Разбогатевший рядовой скотовод вовсе не делался феодалом оттого, что он становился собственником большого стада и мог эксплуатировать бедноту при помощи раздачи скота на кабальных условиях»[2]. Действительно, кочевой скотовладелец еще не был типичным феодалом со всеми его атрибутами, так как само кочевое общество было только переходным, полуфеодальным обществом. Но богатый скотовладелец был полуфеодалом, эксплуататором, в этом нет никакого сомнения. Если согласиться с мнением Л. П. Потапова, то возникают вопросы: к какому классу в таком случае относится этот крупный скотовладелец — бай? Была ли эксплуатация бедноты этим баем, осуществляемая по-

[1] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II. Спб., 1799, стр. 131.

[2] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.— Вопросы истории, 1954, № 6, стр. 85.

средством частной собственности на скот, патриархально-феодальной эксплуатацией? Согласно утверждению Л. П. Потапова, казахские баи не относились к классу полуфеодальных скотовладельцев, эксплуатация в их хозяйстве на основе частной собственности на стада и табуны не была по существу патриархально-феодальной.

Это никак не вяжется с фактами, показывающими, что общественное положение людей в кочевом обществе казахов определялось именно количеством скота, находившимся в частной собственности. И. Г. Георги писал: «Табуны их состоят из лошадей, верблюдов, рогатого скота, овец и коз. От них они заимствуют свое пропитание и одеяние, так же как и самое благосостояние, и сия их слава купно с соучаствованием в советах доставляет им преимущественные места и пр.»[1]. Далее, отмечая факты патриархальщины в жизни казахов, которые, с одной стороны, создавали видимость «равенства» кочевых скотоводов между собой, а, с другой стороны, показывали, что каждый разбогатевший скотовод мог попасть в ряды знатных, он писал: «...поелику все равно вольные люди, и всяк, как скоро разбогатеет, становится также знатен, то простые люди почитают знатных не за великое»[2].

Почти такой же характер имела еще в конце XIX и начале XX веков общественно-экономическая жизнь части (около 20—25% всех казахов) казахского населения, занимавшейся исключительно кочевым скотоводством. У этих кочевников существовало два основных типа аулов: байские аулы, располагавшие стадами и табунами огромных размеров, и маломощные аулы, состоявшие в основном из малоскотных трудовых хозяйств. Каждый байский аул состоял из семьи самого бая и его детей, а также значительного количества семей малаев и консы, фактически находившихся в экономической и политической зависимости от бая. В этом ауле патриархальное рабство сохранялось только в отношении женской половины общества.

Сами байские аулы также дифференцировались: на

---

[1] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II. Спб., 1799, стр. 126.

[2] Там же, стр. 135.

мелкобайские, среднебайские и крупнобайские. В основе дифференциации лежало количество имеющихся у них стад и табунов.

Например, в кочевых аулах Казалинского и Перовского уездов к крупнобайским относили хозяйства, имевшие 2 000 и больше голов мелкого и 400 и больше голов крупного скота; к среднебайским — имевшие 500 и больше голов мелкого и 100 и больше голов крупного скота, к мелкобайским — имевшие 200 и больше голов мелкого и 50 и больше голов крупного скота.

Общим между байскими хозяйствами было то, что все они, правда, в различной степени, использовали в своем хозяйстве рабочую силу наемных батраков и экономически зависимых бедняков, применяя при этом в основном докапиталистические способы эксплуатации в сочетании с некоторыми элементами капиталистической.

Кочевое скотоводство в основе своей было натуральным хозяйством, обслуживающим «в первую очередь непосредственные нужды кочевой семьи, поскольку различия в характере изменений хозяйства при его деградации определялись хозяйственной мощностью кочевника, то есть обеспеченностью его семьи средствами производства. А так как у кочевников основным средством производства хозяйственных благ являлся скот, то такая обеспеченность выражалась количеством скота, приходившимся на душу»[1].

Наряду с небольшим числом байских хозяйств, державших в своих руках основную массу скота, существовало большое количество середняцких и бедняцких хозяйств. В чисто скотоводческо-кочевом ауле к категории середняцких хозяйств при 4—6 членах семьи относились хозяйства, имевшие от 100 до 150 голов овец и коз, и от 20 до 25 голов крупного скота (15—20 верблюдов с молодняком и 4—5 рабочих лошадей). Ниже этого минимума уже не могло осуществляться даже простое воспроизводство поголовья и такое хозяйство становилось бедняцким.

Материалы по киргизскому землепользованию по отдельным уездам дают нам основание видеть те классо-

---

[1] *Радышева И.* Киргизское равнинно-кочевое хозяйство. В кн.: Типы хозяйства Туркестана. Ташкент, 1924, стр. 18.

вые контрасты в казахском ауле, которые обусловливались количеством имеющегося скота в различных по своему социальному типу хозяйствах. «Беднейшие по скоту группы заключают в себе большую часть населения. Так, первые 2 группы (хозяйства безлошадные и с 1 лошадью) включают в себя 64,5% населения, или 68,6% всех хозяйств уезда, а первые 3 группы (от нуля до 3 лошадей) — 82,2% всего населения или 86,3% хозяйств»[1]. Далее: «Скотоводство Перовского уезда носит крупновладельческий характер. Скота много, но он сосредоточен во владении сравнительно небольших количественных групп»[2]. Этим же обследованием в Перовском уезде было зарегистрировано 2172 человека, работавших наемными пастухами у скотовладельцев. «Большие массы скота сосредоточены в руках богатых баев, которые не могут обойтись рабочей силой своих семей. Этим объясняется большое число пастухов в уезде»[3].

По данным этого же источника, в 1910 г. в Перовском уезде маломощных хозяйств было 68,7%, середняцких — 17,6%, зажиточных — 8,8%, а богатых — 4,9%[4], в соседнем с ним Казалинском уезде маломощных хозяйств было 65,3%, середняцких — 19,5%, зажиточных — 10,1% и только 5% богатых[5]. Эти данные наглядно иллюстрируют соотношение различных социальных групп в дореволюционном кочевом ауле и степень концентрации скота — основного богатства казахских скотоводов — в руках малочисленной эксплуататорской верхушки.

Заработная плата пастухов и других наемных работников в кочевом ауле, как правило, выплачивалась натурой — скотом или же частью скотом и частью продуктами путем пользования молочным скотом и шерстью.

В такой же форме бай отдавал продукты своего скотоводства бедным родственникам в виде «помощи», что

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П. А. Скрыплева, т. IV. Перовский уезд, Ташкент, 1912, стр. 92—93.

[2] Там же, стр. 90.

[3] Там же, стр. 98.

[4] Там же, стр. 31.

[5] Там же, стр. 55.

формально не считалось вознаграждением за их труд, который был как бы ответной «благодарностью» за оказанную ими «помощь» в хозяйстве бая. Это был самый удобный способ патриархально-феодальной эксплуатации.

Отрицание Л. П. Потаповым и его сторонниками принадлежности казахских баев к полуфеодалам, отрицание полуфеодального характера эксплуатации в их хозяйствах на основе частной собственности на стада и табуны перекликается с «теорией» алаш-ордынцев (казахских националистов) о бесклассовости казахского общества. Прикрываясь этой теорией, алаш-ордынцы, как известно, яростно боролись против конфискации скота у казахских полуфеодалов-скотовладельцев в 1928 г., которая в условиях кочевого хозяйства была реформой, лишившей основных средств производства полуфеодалов. Алаш-ордынцы доказывали, что казахский бай не феодал, не эксплуататор, а рядовой скотовод, наделенный добродетелью, который помогает своим обедневшим сородичам.

Коммунистическая партия и Советское правительство, возглавив революционную активность казахских трудящихся, аульных батраков и бедняков, сломили сопротивление агентуры казахских полуфеодалов-баев — алаш-ордынцев и провели в 1928 году конфискацию скота казахских крупных скотовладельцев. В обращении КазЦИКа ко всем трудящимся Казахстана в связи с конфискацией имущества у баев было сказано: «Еще существуют в ауле баи-полуфеодалы, крупнейшие скотоводы, до сих пор грубо и жестоко эксплуатирующие массу аульного населения, держащие ее в нищете и вековой темноте»[1]. Прав А. П. Кучкин, когда он говорит: «Экономическая мощь бая заключалась в скоте. Это было у бая основное средство производства, основное орудие закабаления бедноты. Чтобы полностью высвободить аульное население из-под байского влияния, надо было ликвидировать байскую верхушку и прежде всего отобрать у нее скот»[2].

---

[1] Народное хозяйство Казахстана, 1928, № 8, стр. 127.

[2] *Кучкин А. П.* Ликвидация казахских баев-полуфеодалов в 1928 г.— Исторические записки, 1950, № 35, стр. 7.

Конфискованные у баев стада в основном были распределены среди бесскотных бедняков, которым было передано 61,1% всего конфискованного скота, колхозам — 20,6%, совхозам — 3,4%, у баев было оставлено в качестве трудовой нормы — 14,9%[1]. Необходимо учесть, что это произошло в Казахстане тогда, когда удельный вес скотоводческих хозяйств, кочевавших круглый год, составлял примерно 20—25% всех хозяйств казахского населения. Начало же разрушения уклада кочевого хозяйства казахов относится к концу XVIII века, когда началось частичное оседание казахского населения в связи с добровольным присоединением Младшего и Среднего жузов к России.

Классики марксизма-ленинизма в своих трудах неоднократно приводят факты о том, что скот в условиях капитализма выступал в роли как основного, так и оборотного капитала. Следовательно, он служил орудием эксплуатации человека человеком. Маркс писал: «Скот в роли рабочего скота есть основной капитал; откармливаемый на убой скот представляет собой сырой материал, который в конце концов как продукт вступает в обращение,— следовательно, это не основной, а оборотный капитал»[2]. Если в условиях капиталистического хозяйства скот мог играть такую роль, то тем более в условиях кочевого скотоводческого хозяйства, когда единственным видом материального производства людей было только экстенсивное скотоводство, он не мог не быть средством полурабовладельческой или полуфеодальной эксплуатации.

Энгельс указывал, что во всяком обществе со стихийно сложившимся развитием производства не производители господствуют над средствами производства, а средства производства господствуют над производителями. Здесь каждый новый рычаг производства с необходимостью превращается в новое средство порабощения производителей. «Если крестьянин овладевает землей, а городской ремесленник — своим ремеслом, то в такой же степени земля овладевает крестьянином, а ремесло —

---

[1] *Голощекин Ф. И.* Партийное строительство в Казахстане. М. Алма-Ата, 1930, стр. 318.

[2] *Маркс К.* Капитал, т. II. Л., 1951, стр. 158.

ремесленником»[1]. В кочевом обществе таким средством порабощения является скот.

Все виднейшие русские исследователи дореволюционного Казахстана отмечали, что если у земледельцев до сего времени, несмотря на крупные успехи земледельческой техники, имеет силу и значение «власть земли», то у казахов-скотоводов с еще большей силой проявлялась «власть скота». Они констатировали, что вся жизнь и быт казахов так приспособлены к скотоводческому хозяйству, что «наблюдая их, порою затрудняешься ответить, кто для кого существует: скот для казахов или казахи для скота»[2].

В этих словах выражена жизненная правда о том, что основным средством труда и существования казахских кочевников был скот, образ жизни народа был приспособлен к условиям кочевого скотоводства, казахские бедняки рассматривались полуфеодальной верхушкой аула только как простой придаток к их табунам и стадам, необходимый для ведения скотоводства. Лишенные или имеющие ничтожное количество скота бедняки эксплуатировались баями в качестве табунщиков лошадей, пастухов овец и верблюдов, а также домашних слуг.

Ведение кочевого скотоводства означало не только пастьбу скота, но, помимо этого, и ежедневную затрату труда на само кочевание — на постановку и разбор юрт со всеми их принадлежностями и хозяйственным инвентарем, которые навьючивались на верблюдов и развьючивались, на умелый перегон, организацию водопоя и охрану стад и табунов. Летние кочевания, которые, правда, происходили не так часто, сопровождались в безводных местах необходимостью отремонтировать или заново копать самым примитивным способом колодцы различной глубины. Копание глубоких колодцев при той отсталой технике кочевого хозяйства требовало большого труда и не менее трудно было организовать из них водопой скота.

---

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1957, стр. 276.

[2] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. IV. Верненский уезд. Спб., 1913, стр. 148.

Доставка воды с различной глубины и разлив ее в водопойные деревянные чаны (астау) производились вручную ведром или кожаным мешком, привязанным на шесте или веревке (кауга). В сухое и жаркое время года надо было поить каждый вид скота не менее двух раз в день, за исключением верблюдов, которые могли довольствоваться однократным поением. Помимо этого, нужно было своевременно снимать шерсть и волосы у животных, изготовлять из них разные изделия как для производительного, так и для личного потребления.

Производственное поголовье скота кочевого населения в весенне-летний период было одновременно постоянным источником повседневного молочного питания. Люди в течение пяти весенне-летних месяцев почти целиком зависели от вымени овцы, козы, верблюдицы и кобылицы. В таких условиях жизни для маломощного скотоводческого хозяйства гибель дойной верблюдицы или кобылицы — источника молока — во многих случаях означала почти полное его разорение.

В пищу употреблялось молоко всех видов скота. Отсюда казахская пословица: «Если пришел просить айран[1], то не прячь свою посуду для айрана»[2]. А он прятал свою посуду потому, что боялся попасть в зависимость от бая, но голод и нужда заставляли его все-таки просить айран, то есть «саун» — молочный скот у богача[3].

Бедняки, получившие молочный скот от бая, должны были, помимо «надельного», доить байский скот и приготовлять разнообразные молочные продукты для скотовладельца; вести борьбу с паразитами животных и прежде всего с кровососущими клещами (тас-кэнэ) и лечить нанесенные паразитами раны, чесотку, приготовлять домашним способом лечебные средства для скота (химайы) и т. п. Скотоводство требовало приучения

---

[1] Айран — квашеное овечье или коровье молоко.

[2] Айран сұрай келіпсің шелегіңді жасырма.

[3] «Саун в условиях натурально-замкнутого скотоводческого хозяйства является... средством в руках богатого скотовладельца держать в экономической и политической зависимости всю массу членов рода и весь род, чтобы с помощью его защищать родовые пастбища и свой скот от посягательств богачей других родов». (Федоров Е. Материалы по истории Казахской ССР (рецензия).— Большевик Казахстана, 1941, № 2, стр. 66).

молодого состава лошадей и верблюдов к хозяйственным работам, организации кастрации, случки, приема приплода, воспитания молодняка и т. д. Все это требовало затраты труда людей. Затраты труда еще больше увеличивались в холодное время года. В этот период надо было устраивать передвижные загоны на ночь овцам и верблюдам рядом с юртами кочевников. Эти загоны назывались «иктырма» или «ший-хора». Весь этот труд был весьма тяжелым. Большая физическая сила затрачивалась работниками на то, чтобы очистить огромное пространство кона[1] от снега и мерзлоты для того, чтобы устроить место для ночевки стад овец и верблюдов; это повторялось почти ежедневно в процессе ежедневных осенне-зимних кочеваний. Такие затраты труда по своей физической напряженности вполне можно сравнить с затратами труда землекопа. И в данном случае эксплуатация трудящихся казахов осуществлялась полуфеодальной верхушкой аула на основе частной собственности на скот.

Было бы неправильно отрицать первенствующее значение частной собственности на скот, благодаря которой осуществлялась полуфеодальная эксплуатация, и где фактическое пользование землей было опосредствовано через скотовладение. В противном случае можно прийти к полному отрицанию того факта, что кочевое скотоводство является особой сферой материального производства.

Форма проявления эксплуатации в кочевом обществе имела свою особенность. Она заключалась в том, что отделение во времени и пространстве прибавочного труда от необходимого так, как это имело место при земледельческой барщине, здесь было невозможно. Если при барщине крепостной крестьянин мог несколько дней поработать на своем участке земли, а в остальные дни недели на барском участке, то нельзя себе представить

---

[1] «Кон» — место в степи или пустыне с накопленным большим слоем овечьего и верблюжьего навоза от многократных остановок аулов в процессе ежегодных кочевых передвижений. Такой навозный слой обладал тем качеством, что во внутрь его не проникала вода и он покрывался сравнительно тонким слоем мерзлоты. Навозный слой после очищения его от снега и мерзлоты служил сухой подстилкой на ночь для стада овец и верблюдов в холодное время года.

такого положения, при котором пастух несколько дней ухаживал бы за своим скотом, а потом, в остальные дни недели,— за байским стадом или табуном. Это исключалось технологией самого скотоводческого хозяйства. Например, овечье стадо требует безотлучного внимания человека днем и ночью, иначе его растерзают волки, оно пропадет. К тому же скот, полученный в надел малаем или консы, не пасся отдельно от стада скотовладельца; это уже само по себе никак не позволяло осуществить отделение прибавочного труда от необходимого во времени и пространстве.

При кочевом скотоводстве и оброк не мог выражаться в той форме, в какой он выражался в земледелии. В феодально-крепостническом обществе он выступал в виде бесплатной отдачи помещику крепостным крестьянином продуктов сельского хозяйства и кустарного производства. При кочевом скотоводстве оброк в такой форме выступать не мог потому, что скотовладелец обеспечивал крестьянина не землей, а скотом. Скот, полученный от скотовладельца малаем или консы во временное пользование, был источником их существования, как бы своеобразной формой оплаты, в которой реализовался их необходимый труд.

Это показывает, что при кочевом скотоводстве, где нет еще частного землевладения и прикрепления крестьян к земле, характерные формы крепостнической эксплуатации развитого феодализма, основанного на землевладении, еще не находят своего проявления. Здесь нет пока расчленения между барщиной и оброком, они выступают в своем органическом единстве, принимая форму полуфеодальной, вернее патриархально-феодальной эксплуатации.

Патриархально-феодальная эксплуатация при кочевом скотоводстве означает присвоение полуфеодалами-скотовладельцами прибавочного продукта, создаваемого трудом патриархальных рабов, зависимых малаев и полузависимых консы, в процессе воспроизводства стад и табунов полуфеодалов.

Форма проявления патриархально-феодальной эксплуатации в кочевом обществе, определяемая частным скотовладением при общинной форме землевладения, отражала постоянное стремление кочевых полуфеодалов к увеличению своих стад путем эксплуатации патриар-

хальных рабов, зависимых малаев и полузависимых консы в процессе круглогодичных кочеваний без существенных изменений материально-технической основы и организации своего производства, путем угона скота, ограбления имущества и сбора дани у покоренных племен и народов.

Таким образом, специфика общественно-экономической жизни развитых кочевых народов, в том числе и казахов XVII—XVIII вв., заключалась в том, что общинная форма землевладения существовала не в условиях бесклассового родового строя, а в условиях классового общества. Надо иметь в виду, что кочевое скотоводство и связанная с его ведением общинная форма землевладения тормозили процесс развития производительных сил общества и дальнейшую дифференциацию социальных отношений среди кочевников. Эксплуататоры внутри каждой родоплеменной группы, владея основным средством производства кочевого скотоводства — стадами и табунами, пользуясь отсутствием каких-либо ограничений в пользовании пастбищем, фактически использовали в своих интересах большую долю пастбищной территории всей кочевой общины как необходимое естественное условие производства. Такая форма землевладения казахов в XVII—XVIII вв. полностью соответствовала классовым интересам консервативной полуфеодальной верхушки кочевого общества.

Глава третья

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ

Как уже выяснено, кочевое скотоводческое и оседлое земледельческое общества имели различные темпы и возможности развития производительных сил.

Китайцы в древности говорили: «Можно покорить и кочевые народы, но трудно изменить их»[1]. В этих словах подчеркнута та истина, что одним голым насилием нельзя изменить общественно-экономические отношения кочевников, для этого требуется изменение основы материального производства — переход к оседлому земледелию.

История народов Азии в большей степени, чем история народов других стран, дает богатый материал для изучения вопроса о постепенном подчинении кочевых завоевателей влиянию населения покоренных ими культурных областей, о постепенной замене родового быта жизнью территориальных общин.

Процесс оседания кочевников в каждом конкретном случае был большим прогрессивным скачком, представляющим собой целый переворот в социально-экономических условиях жизни народа. Оседлость открывала большие перспективы развития производительных сил общества. Она была первым условием для создания прочного материального богатства и духовной культуры общества. Историческая заслуга превращения в культурное состояние диких земель принадлежит только земледельцам.

Доказано, что эра культурного процветания человечества в древности началась в условиях оседлого земледе-

---

[1] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 219.

лия, а не при кочевом скотоводстве. Творцы вавилонской и египетской цивилизации своим духовным развитием были обязаны земледелию и оседлому образу жизни. Необходим был длинный ряд веков для того, чтобы трудные работы по завоеванию человеком почвы в Месопотамии были завершены. Только благодаря тяжелому человеческому труду была создана ирригационная сеть и страна из болотистой и пустынной стала чрезвычайно плодородной. Точно так же путем постоянной борьбы с разливами рек и приспособления их к своим целям обитатели берегов р. Нил научились решать сложные гидротехнические и агрикультурные задачи. Они научились удерживать р. Нил в определенном русле, отводить и распределять ее плодоносные воды каналами по возможно более обширной поверхности, научились регулировать продолжительность действия воды на каждом участке, создали орудия, удобные для земледелия.

В юго-западной Аравии с древнейших времен существовало орошаемое земледелие. Но возделывание земли и открытие способов ее орошения здесь были сопряжены с другими своеобразными трудностями. Земледельцам пришлось научиться задерживать воду на склонах горы путем устройства резервуаров и подземных водопроводов (акведуков). Их тяжелым и упорным трудом была создана высокая культура земледелия. Земледельческое искусство было возведено в науку.

Способы орошения — вещь наиболее важная под экваториальным климатом,— достигли высшей степени совершенства, особенно в Йемене. Древние Йеменские инженеры были искуснейшими мастерами в построении на высоких долинах крепких плотин, образовавших постоянные обширные резервуары, наполнявшиеся в дождливое время года и доставлявшие в течение сухого времени воду для орошения всей нижней местности. Почти все важные центры народонаселения имели по соседству с собой такого рода плотины, от которых зависело плодородие окружавших их фруктовых садов. Наиболее известной из всех считалась Маребская плотина; уничтожение ее в начале нашей эры было одним из важных событий древней истории Йемена. Остатки ее сохранились даже в наше время[1]. Кроме того, Йемен был роди-

[1] *Ленорман Франсуа.* Руководство к древней истории Востока до персидских войн, т. II, гл. 2, стр. 57.

ной всевозможных лекарственных и ароматических растений, которые продавались далеко за пределами Аравийского полуострова. Благодаря земледельческой культуре и естественным богатствам юго-западный массив Аравии был назван древними греческими и римскими авторами «Счастливой Аравией» и славился во всем древнем мире.

Другим примером особо важного значения оседлого земледелия для культурного развития человечества является древняя Греция. В мир эгеян и финикиян вторглись предки греческого народа, которому было суждено позднее сыграть всемирно-историческую роль и далеко двинуть вперед человеческую культуру.

Без оседлости и земледельческой, затем городской культуры, не могла бы возникнуть и развиваться и древнегреческая культура[1]. Само римское слово культура по своему происхождению означало первоначально возделывание или обработку чего-либо, означало приложение творческого труда человека к предметам природы с целью приспособления их для удовлетворения своих потребностей. Культура во всей своей совокупности не может быть даром природы, она приобретается медленно, постепенно трудом целого общественного организма. Рост человеческой культуры в своих основных чертах проявляется в росте производительных сил общества, в усилении власти человека над природой, в обогащении общества вещами, входящими в комплекс средств труда, в фактическом умножении источников средств существования населения, следовательно, в появлении большей

[1] «В Микенах жили греки-ахейцы, о походах которых на Трою рассказывается в «Илиаде» Гомера... Собственно греческая история начинается с Микен. Ахейцы пришли с севера. В первобытное время, как указывает Фукидид, народы не имели ни прочного жилья, ни прочной оседлости и находились в постоянном движении. В поисках пищи и пастбищ для скота они перекочевывали с одного места на другое, пока не встретили какой-либо естественной или искусственной преграды в виде сильного государства. Так случилось и с эллинами»... «После этого совершается приток новых греческих племен с севера. С XII в. (до н. э.) начинается переселение дорийских племен. В поисках пастбищ и земель номады, дорийцы, или доряне, под напором фракийско-иллирийских народов продвигались вглубь Балканского полуострова. Одна часть их оседала по дороге, а другая достигла Пелопоннеса, захватила плодородную Лаконскую равнину, переправилась на Крит и разместилась по островам Эгейского моря». (Сергеев В. История древней Греции. М., 1939, стр. 34, 46.).

возможности лучшего удовлетворения материальных и духовных потребностей людей. Не случайно одна из легенд древних греков связывала все их культурные достижения с именем Геркулеса; согласно этой легенде, Греция считается обязанной своими достижениями по приспособлению плодородной почвы к земледелию, осушению болот, очищению плодородных равнин от деревьев и кустарников, регулированию рек и, наконец, постройкам крепостных стен для защиты великим подвигам Геркулеса.

Возникновение первых городских общин как на Востоке, так и на Западе было следствием развития оседлого, сельского образа жизни, следствием появления укрепленных селений с целью защиты от внешних врагов. Развитие сельского образа жизни, появление постоянных жилищ и возникновение городов намного усилили власть человека над природой. Такие сельские жители быстрее и эффективнее научились использовать производительную силу домашних животных, плодородие почвы и других предметов природы. Возникновение городов было результатом развития культуры земледелия[1]. Поэтому «цивилизация (civilization) возникла прежде всего из города (city — civitos), который и дал ей свое название»[2]. Возникновение городов связано с разработкой ископаемых и развитием промышленного производства, торговли, науки и искусства. Этого не могло быть у кочевников. Вся их производственная деятельность заключалась в пастьбе, водопое домашних животных и получении их продуктов для производительного и индивидуального потребления; охотой на диких зверей они занимались как побочным занятием. На местах кочевий они не могли оставить никаких памятников материальной культуры, кроме могильников и костей своих стад. Поэтому места обитания древних кочевников в любой части света изучаются только по могильникам и остат-

---

[1] «С успехом земледелия связано теснейшим образом все материальное и умственное благосостояние трудящейся массы, составляющей лучшую, значительнейшую и необходимую часть всякого человеческого общества». (Писарев Д. И. Избранные философские и общественно-политические статьи. Л., 1949, стр. 263).

[2] *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956, стр. 64.

кам костей животных и людей[1]. Творческое воздействие кочевников на природу не шло дальше разведения архаическим способом домашних животных и кормления их на естественном пастбище путем постоянных перекочевок. Кочевники, постоянно находившиеся по роду своей производственной деятельности в кочевом передвижении, не могли быть творцами более или менее развитой культуры, не говоря о той высокой культуре, которая процветала в древности в плодородных долинах рек Нила, Тигра и Ефрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцыцзяна.

Воинственные кочевники почти всегда с презрением относились к оседлому образу жизни и ее культуре. Мало того, кочевники почти постоянно оказывали крайне отрицательное влияние на прогрессивное развитие соседних с ними оседло-земледельческих народов. Даже самый прогрессивный шаг со стороны кочевого общества в виде его оседания во многих случаях имел предварительным условием разрушение производительных сил оседлого земледельческого общества, истребление людей, ограбление имущества и уничтожение памятников материальной культуры.

Это подтверждается фактами из истории народов Востока, имевших древнюю культуру. Вторгшиеся в Африку семиты, известные в египетской истории под названием гиксов, разрушили империю фараонов. Пришельцы сожгли города, разрушили храмы и поработили население Египта. Большинство египтян, покинув свое отечество, эмигрировало в Эфиопию. Но с течением времени египтяне собрали свои силы и примерно за 1 500 лет до нашей эры освободились из-под ига азиатских кочевников. Изгнанные из Египта гиксы (евреи) переселились в Каменистую Аравию. Долголетнее странствование евреев по пустыням Синайского полуострова было настоящим кочеванием народа, еще не забывшим свои кочевые привычки[2].

Нашествие гиксов было подобно набегам древних и

---

[1] «Обитатель Каменистой Аравии не мог достигнуть той степени цивилизации, какой достигли его соседи»... «Самыми главными находками являются, разумеется, остатки человека и животных». (Елисеев А. Обитатели Каменистой Аравии. Спб., 1883, стр. 16, 50).

[2] *Елисеев А.* Обитатели Каменистой Аравии. Спб., 1883. стр. 64—65.

средневековых кочевых народов на оседлые земледельческие народы. В долинах рек Тигр и Ефрат с древнейших времен жили своей созидательной земледельческой жизнью оседлые народы — аккады, сумерийцы и халдеи. Эти мирные земледельцы веками испытывали тяжесть набегов разных кочевых племен, находившихся в вечном движении в поисках новых областей для пастьбы своих стад.

Известно, что бедуины пустынь еще за тысячу лет до нашей эры совершали при каждом удобном случае грабительские набеги на богатые и плодородные области Мессопотамии[1]. Соседним народам иногда удавалось привести их в повиновение, но оно было временным и весьма условным; бедуин никогда не был совершенно подчинен, так как сама пустыня и кочевой образ жизни гарантировали его свободу[2].

Население огромного Аравийского полуострова в древности делилось на оседлых крестьян, горожан и кочевников пустынь — бедуинов. Оседлые жители занимались в основном земледелием, горожане — ремеслом и торговлей, бедуины — кочевым скотоводством.

Арабские кочевники всегда были готовы к защите своих стад и табунов или к тому, чтобы отправиться в поход для совершения набега на других с целью грабежа и приобретения рабов и рабынь. Все это было неразрывно связано с кочевым укладом хозяйства. Так как «и способ грабежа опять-таки определяется способом производства»[3]. Происходили бесконечные войны и кровопролития. «Пролитие крови порождало кровомщение и порою родовая вражда длилась целыми столетиями»[4].

Арабы пустынь, как все кочевники, не могли оставаться на одном месте более трех-четырех дней. Как

---

[1] «В обширной Аравии, окруженной морями, жило однородное население — семиты, только в центре полуострова (Неджед) и на юго-западе (в Йемене), образовавшие культурные области. Отсутствие рек и бесплодие делало остальные части, кроме оазов у источников (напр. Тайма, Эль-Ола, Джоф, Фаран, Кадеш и др). лишь областями номадов, постоянно напиравших на Двуречье и Сирию». (Тураев Б. А. История Древнего Востока, т. I. Л., 1936, стр. 62).

[2] *Ленорман Ф.* Руководство к древней истории Востока до персидских войн, т. II, стр. 75.

[3] Маркс К. К критике политической экономии, Л., 1952, стр 210.

[4] *Цветков П.* Исламизм, т. I. Ашхабад, 1912, стр. 64.

только скот выщипал всю траву у водопоя, племя подымалось на розыски нового пастбища. Зимою, когда в воде и траве недостатка почти не бывает, племя разбивалось на небольшие группы, по 3—4 палатки, на расстоянии получаса ходьбы друг от друга. При этом палатка шейха ставилась с той стороны, откуда всего вероятнее можно ожидать прибытия гостя или появления неприятеля, чтобы он мог первым встретить и принять одного и дать сигнал об отражении другого[1].

Эта древняя форма жизни арабских кочевников продолжала существовать у них еще в конце XIX и начале XX вв.

У кочевых племен пустынь и степей социально-экономические перемены за весьма длительное время были настолько незначительны, что их даже трудно заметить. Утверждение о том, что кочевые арабы «в течение 3 000 лет совершенно не изменились»[2], хотя и односторонне, имеет известное основание.

Вся доисламская жизнь бедуинов протекала в скотоводстве и постоянных грабительских набегах на населенные пункты и города как на территории самих арабов, так и ближайших соседних народов. Помимо открытых грабежей, бедуины облагали данью караваны горожан за беспрепятственный пропуск их через пустыню. Для того, чтобы оградить город и свои караваны от грабежей бедуинов, богатые купцы г. Мекки старались разными путями привлечь к себе кочевников. Они заключали союзы со степными племенами и приглашали их на свои празднества в Мекку. Арабские кочевники на городских рынках продавали свой скот и взамен покупали необходимые им изделия. В связи с этим на четыре месяца в году прекращались разбойничьи набеги и население Аравии жило мирной жизнью.

Особенно терпели от набегов арабских кочевников страны Восточно-Римской империи и Персия, которые между собой почти постоянно находились во враждебных отношениях. Войны между Восточно-Римской империей и Персией особенно сильно разоряли богатые и густо населенные области — Вавилонию и Сирию, из которых первая принадлежала Персии, а вторая — Римской империи. В то же время эти две области, располо-

[1] *Цветков П.* Исламизм, т. I. Ашхабад, 1912, стр. 21.
[2] Там же, стр. 28.

женные по окраинам большой Сирийско-Аравийской пустыни, представляли привлекательную добычу для кочевников арабов, налетавших с юга. Вековая вражда между Римской империей и Персией создавала благоприятные условия для таких набегов. Эти два могущественные государства — Римская империя и Персия — не раз приглашали на службу к себе арабских кочевников в качестве военной силы, так же как русские князья приглашали на помощь себе половцев в междоусобных войнах. «Императоры поселили в Сирии на краю пустыни несколько западно-арабских племен, поручив им оберегать границу наподобие германских федератов; такие же военные колонии из восточных арабов образовали персы в Двуречьи для обороны своих владений от империи. Также, как поселение германских федератов на северных границах империи подготовило захват ее европейскими варварами, и здесь водворение арабов на южной окраине двух культурных государств подготовило завоевание степняками всей Передней Азии»[1]. Здесь имеется в виду нашествие арабов под знаменем новой религии — ислама.

На всех завоеванных территориях арабы проводили такой принцип: «Всякая культурная земля, силою оружия отнятая у неприятеля, делается собственностью мусульманской общины, а не только сражающихся или другим путем принимавших участие в военных действиях»[2]. Ислам использовал общинное землевладение в качестве основного экономического орудия для обращения иноверцев в мусульман. Когда население завоеванной земли принимало ислам, за ним закреплялось право на землю и земля освобождалась от всякого налога за исключением налога на бедных. Народы, уплачивавшие ранее бесконечный ряд тяжелых поборов, теперь должны были платить один простой налог. «И они предпочитали повиноваться этим варварам, чем испорченному правительству, под властью которого им приходилось претерпевать все неудобства уже не существующей свободы вместе со всеми ужасами существующего рабства»[3]. Однако арабы не отменили домашнего рабства.

В узаконении общинного землевладения и домашнего

---

[1] *Виппер Р. Ю.* История средних веков. М., 1947, стр. 79.
[2] *Цветков П.* Исламизм, т. III. Ашхабад, 1912, стр. 419.
[3] *Монтескье Ш.* Избранные произведения, М., 1955, стр. 346.

рабства отразился традиционный взгляд как мелких арабских патриархальных рабовладельцев, живущих в оазисах, так и кочевых скотоводов пустынь, смотревших на землю как на общее достояние народа и тоже эксплуатировавших патриархальных рабов. В то же время право распоряжения над всеми завоеванными территориями было оставлено за духовной главой мусульманской общины — имамом,— который должен был позаботиться о создании фонда за счет доходов от земли «в целях общественной пользы, как: охрана границ, священная война, общественные работы и т. п.»[1]. Но это не мешало устранению частной собственности на землю и замене ее общинным землевладением, вызвавшим большую симпатию к завоевателям — арабам, со стороны широкой неимущей массы завоеванных народов[2]. Невиданный успех военных походов и быстрое завоевание арабами колоссальной территории, пожалуй, объясняется этим фактом. Эта новая форма владения землей, по словам Э. Реклю, была настоящим освобождением для целых толп порабощенных людей, и эти последние встречали взрывом энтузиазма победителей, которые гарантировали им одновременно как сохранение их человеческого достоинства, так и получение хлеба насущного[3]. Именно поэтому за весьма короткий исторический срок во второй половине VII века оказались завоеванными все Иранское нагорье, Туркестан, Мессопотамия, Сирия, Палестина, Армянское нагорье, часть Кавказа, Египет, Ливия и Атласские страны, а в начале VIII века — почти весь Пиренейский полуостров[4].

---

[1] *Цветков П.* Исламизм, т. III. Ашхабад, 1912, стр. 419.

[2] «Арабам-завоевателям нечего было бояться сопротивления со стороны народа, населявшего эти страны: как в персидском государстве, так и в Восточно-Римской империи крестьяне и горожане были замучены тяжелыми налогами». (Виппер Р. Ю. История средних веков. М., 1947, стр. 8).

[3] *Реклю Э.* Человек и земля, т. III, Спб., 1907, стр. 426.

[4] «В эпоху средних веков положение с питанием в Испании было лучше, чем в остальных странах Европы; это явилось следствием культурного влияния арабов, завладевших большей частью страны и положивших начало, особенно на орошаемых землях юга, интенсивному и многоотраслевому сельскому хозяйству, опиравшемуся на садоводство и огородничество... Но все станет ясным, если вспомнить, что с изгнанием арабов феодальные земельные отношения в Испании были восстановлены и что практически они остаются нетронутыми и по сей день». (Жозуэ де Кастро. География голода. М., 1954, стр. 302).

Главное отличие нашествия арабов от обычных варварских нашествий кочевников состояло именно в том, что арабы не были голыми грабителями, презиравшими оседлое земледелие и городскую культуру. Торговля и земледелие у арабов были в большом почете. Это способствовало быстрейшему усвоению ими богатейшего культурного наследия других народов[1]. Поэтому при всей реакционности исламской религии нашествие арабов нельзя отождествлять с нашествиями гиксов, гуннов, монголов и других кочевников.

Крайне отрицательное влияние нашествий кочевников на оседлых земледельцев, начиная с древнейших времен, можно проследить на многочисленных фактах истории народов.

Известно, что в VII—VI вв. до нашей эры на берегу Черного моря возникли греческие колонии в виде рабовладельческих городов-государств. К ним относятся Аполлония, Одесс, Томы, Истрия и Тира на западном берегу Черного моря; Ольвия на правом берегу реки Буг, близ впадения ее в Днепровско-Бугский лиман; Херсонес в Крыму; на Керченском и Таманском полуостровах в течение VI века до нашей эры были основаны города Феодосия, Пантикапей (Керчь), Мирмекий, Нимфей, Фанагория и др., объединенные в Боспорском государстве. Эти рабовладельческие города на протяжении почти тысячелетия существовали здесь совместно с племенами, находившимися на различных ступенях первобытно-общинного строя. Экономические и культурные взаимоотношения греческих городов с местным населением сыграли важную роль в общественном развитии местных племен, ускоряя процесс социального расслоения и приобщая их к достижениям передовой тогда греческой культуры. Происходило оседание кочевников и развивалось земледелие. Однако преобладание кочевого населения на обширной территории степей ограничивало возможность дальнейшего развития экономики и культуры как в городах, так и среди самих кочевых племен.

---

[1] «Первым центром арабской культуры был Дамаск, затем Багдад, этот «город чудес», в котором аббасиды выставляли на вид весь блеск своего могущества, поражая мир роскошью дворцов и неслыханным великолепием их убранства; затем следуют Каир, Кордова и др.» (Белявский Ф. Ислам и культура арабов. Спб., 1913, стр. 53).

Кочевники систематически облагали данью земледельческие племена и города, многократно совершали набеги и подвергали их разорению. Так, сарматские кочевые племена, вторгшиеся в конце III века до нашей эры в пределы Северного Причерноморья, совершали грабительские набеги на город Ольвию. Населению Ольвии приходилось то отбиваться, то откупаться «дарами». Это «весьма отрицательно отзывалось на ее хозяйственной жизни, поскольку были дезорганизованы торговые отношения с окрестным населением»[1]. Во второй половине II века до нашей эры скифы, окончательно подчинив себе Ольвию, повели наступление на Херсонес и на Боспор, окончившееся обложением населения этих народов тяжелой данью[2]. Ожесточенная внутренняя классовая борьба и натиск кочевников извне привели Боспорское рабовладельческое государство и другие причерноморские греческие города к окончательному распаду. «Разрушительное нашествие гуннов в 70-х годах IV века нашей эры явилось завершающим ударом по Боспорскому государству. Оно уже не было в состоянии оказать сопротивление страшному и небывалому по своей жестокости и разрушительной силе вторжению гуннов, подвергших разграблению и сожжению большую часть городов и поселений Боспора, в которых еще продолжалась жизнь в IV веке»[3].

Гибель причерноморской цивилизации привела к тому, что земли, орошаемые нижним течением Дуная и дававшие богатые урожаи в древности, запустели на многие века. Еще в середине XIX века, как указывал Д. И. Писарев, жалкие пастухи пасли на этих местах малочисленные стада свиней. Еще более мрачные картины опустошения имели место в Малой Азии, в Сирии, по берегам Тигра и Ефрата — в тех местах, где процветала древняя культура, и там, где «земля кипела молоком и медом»[4].

Образ жизни кочевников, вторгшихся в XI веке на-

---

[1] *Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья. В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955, стр. 53.

[2] Там же, стр. 122.

[3] Там же, стр. 147.

[4] *Писарев Д. И.* Избранные философские и общественно-политические статьи. Л., 1949, стр. 182.

шей эры с востока, то есть из средне-азиатских степей, в южно-русские равнины и затем переправившихся за Дунай, характеризовался теми же самыми чертами, которыми отличались сарматские и гуннские племена. На протяжении XI—XII вв. Киевская Русь вела беспрерывную войну с кочевниками — печенегами, тюрками и половцами, последовательно сменявшими друг друга. Едва Киевская Русь успевала одолеть одних врагов, как на смену им появлялись новые. В 1036 году Ярослав нанес решительный удар печенегам. Бежавших печенегов сменили в степях тюрки, которые явились новой угрозой для Руси. В 1060 году соединенные силы русских княжеств заставили тюрков покинуть южно-русскую степь. Только часть печенегов и тюрков осталась среди вновь пришедших кочевников половцев.

Кочевников сюда манила девственная степь, покрытая богатой растительностью. В ту пору всевозможные степные растения переплетались между собой до такой степени, что было трудно через них пройти. «Половецкая земля в конце XI и в XII веке занимала причерноморские степи и берега Азовского моря. Половцы кочевали также в степях Предкавказья и за Нижней Волгой до Яика. У восточных народов страна, занятая половцами, или кипчаками, известна была под названием Дешти-и-Кипчак»[1]. Кочевники старались расчищать себе дорогу для кочевых передвижений прежде всего путем разорения и уничтожения городов и населенных пунктов. Как отмечает П. Голубовский, стремление обратить все в широкую пустыню, в которой вольно и свободно дышалось степному наезднику, проявлялось везде. Так, с переправой половцев за Дунай и вследствие опустошительных погромов Македония в короткое время окончательно лишилась жителей и опустела. Их называли «крылатой стаей», налетающей на землю и опустошающей ее чище саранчи. Года не проходило, чтобы какая-нибудь местность Руси не была обращена в пустыню»[2]. Еще более страшными разрушителями производительных сил оседлых народов Азии и Восточной Европы были чингисхановские монголы. Их отрицательная роль в истории

---

[1] *Кудряшев К. В.* Половецкая степь. М., 1948, стр. 124.

[2] *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы, до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 82.

общеизвестна. Они опустошили Азию — от Индии до Средиземного моря; в результате завоеваний весь край, составляющий Восточную Персию, обратился в пустыню.

Примером, показывающим отрицательную роль кочевников в развитии общества является история взаимоотношений между Китаем и тюрко-монгольскими кочевниками. Китай, как известно, является одной из самых крупных с древнейшей культурой стран мира. Всю древнюю и средневековую историю Китая можно назвать историей вековых разорительных войн между кочевыми племенами и Китаем.

Китайские источники сообщают, что почти на всей полосе Средней Азии от Охотского моря на запад до Каспийского моря искони обитали кочевые народы, жизнь которых в течение тысячелетий протекала «в одних и тех же формах»[1].

Каждое племя из числа этих кочевников занималось разведением домашних животных, военными упражнениями, чтобы производить набеги на ближайших соседей с целью грабежа. «Длинное их оружие есть лук со стрелами, короткое оружие — сабля и копье. При удаче идут вперед; при неудаче отступают, а бегство не поставляют в стыд себе. Где видят корысть, там ни благоприличия, ни справедливости не знают»[2]; «завидев неприятеля, устремляются за корыстью подобно стае птиц, а когда бывают разбиты, то подобно черепице рассыпаются, подобно облакам рассеиваются. Кто убитого привезет с сражения, тот получает все имущество его»[3]. «Народы простые, бедные, свободные, воинственные и пастушеские, не знавшие промышленности, связанные с землей только своими тростниковыми хижинами, следовали за своими вождями ради добычи»[4]. В 177 году до нашей эры «хуннский западный Чжуки-князь перевел свои кочевья в Ордос и начал разорять границу в области Шан-гюнь; иногородцы убивали и в плен

---

[1] *Зибер Н. И.* Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937, стр. 30.

[2] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 40.

[3] Там же, стр. 50.

[4] *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955, стр. 664.

уводили жителей»[1]. «В четырнадцатое лето царствования Хяо-Вынь Хуан-ди, 166, хуннский Шаньюй со 140 т. конницы вступил в Чао-на и Сяо-гуань, убил в Вэй-ди военачальника Цюн, захватил великое множество народа, скота и имущества; после сего, подошел к Пхын-ян, послал отряд конницы сжечь дворец Хой Чжун-гун»[2]. «Хунны день ото дня гордее становились и ежегодно производили вторжения в границы. Они побили множество жителей, разграбили имущество и скот, особенно Юнь-чжун и Ляо-дун»[3]. Все эти данные говорят о том, что предки монгольского, тюркского и тонгузского кочевых народов веками вели грабительские войны с Китаем, что никак не могло не затормозить развитие его производительных сил.

Оседлые народы Китая постоянно страдали от этих кровавых войн, защитники границ погибали десятками тысяч. Картина одного боя китайцев с кочевниками описана так: «Отец сражался впереди, сын умирал позади, слабые женщины стояли на пограничных притинах (т. е. на пограничных точках —С.Т.), малолетние дети плакали на дорогах; престарелые матери и вдовы приносили тщетные жертвы и, обливаясь слезами, обращали взоры к теням (т. е. к богам), павших в песчаных степях»[4]. С целью защиты себя от таких бедствий Китайское государство, «не дорожа силами народа, сбило Долгую стену на протяжении 10 000 ли»[5]. Эта Великая Китайская стена, воздвигнутая в IV—III вв. до н. э., была величайшим в мире сооружением (длиной более 6 тысяч километров, высотой 10 метров, толщиной у основания 6 метров). На строительство Великой Китайской стены была затрачена громадная масса человеческого труда.

Но и это сооружение не могло предотвратить вторжение кочевников в пределы Китая, оно служило лишь некоторым препятствием их массовым стремительным набегам.

В то же время китайский народ оказал огромное

---

[1] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 54.
[2] Там же, стр. 59.
[3] Там же, стр. 59.
[4] Там же, стр. 126.
[5] Там же, стр. 107.

культурное влияние на соприкасавшиеся с ним кочевые и другие отсталые народы.

Многие кочевые и горные племена, воспринявшие китайскую культуру, с течением времени сливались с китайским народом. «Именно таким путем, мало-помалу, достигали они «созревания» диких племен, обитавших в горных ущельях,— это было нечто вроде медленного просачивания воды в толще земли, медленный, но верный процесс этнического перерождения»[1]. Что касается основной массы жителей необъятных пустынь, степей и гор, отдаленных от очагов китайской культуры на тысячи километров, то она оставалась веками и тысячелетиями воинственной массой полудиких кочевых скотоводов или звероловов, систематически совершавших нашествия на Китай.

Такая историческая обстановка существовала по меньшей мере в течение двух с половиной тысячелетий. Временами устанавливалось над китайским народом продолжительное иноземное иго.

Монголы в последней четверти XIII века проникли далеко вглубь Китая и устроились в плодородных долинах рек Пейхо и Хуанхэ, где они основали династию Юэн (1280—1368 гг.) китайских императоров из монголов. Это почти столетнее господство монголов, имевшее большое реакционное значение для Китайской империи, было прогрессивным явлением для самих монголов. В социально-экономической жизни монгольских кочевников произошли глубокие изменения. Происходило изменение в характере землевладения, радиусе кочевания и в родоплеменном устройстве. Экстенсивное скотоводческое хозяйство монголов в отдельных областях Монголии приобретает характер полукочевой и даже оседлый отгонно-пастбищный. Поэтому эту новую форму социально-экономических отношений с некоторой деформацией родоплеменного устройства нельзя считать искони существовавшей, как это делает И. Я. Златкин[2].

Эти явления возникли, как отмечено, в результате особых социально-экономических условий и бурных политических перемен, пережитых монгольским народом под

---

[1] *Реклю Э.* Человек и земля, т. III. Спб., 1907, стр. 44.

[2] *Златкин И. Я.* Монгольская Республика — страна новой демократии. М.—Л., 1950, стр. 21—22.

сильным воздействием Китайской империи. «Из истории Китая видно, что императоры устраивали в Татарии китайские колонии. Эти колонисты — китайцы — сделались татарами и смертельными врагами Китая, что не помешало им внести в Татарию дух китайского правления»[1].

Сходные факты с этим имели место в жизни многих других кочевых народов, подпавших под влияние более развитых в политико-экономическом отношении земледельческих народов. Например, с XVI века «решающее значение приобретает вопрос о дальнейшем распаде родовой организации у туркменов, разложении среди них патриархально-родового уклада и развитии феодальных институтов по линии сращивания с господствующими классами соседних феодальных государств и развитии новых форм собственности. С этой точки зрения заслуживают внимания сообщения источников о наделении земельной собственностью хивинскими и иранскими феодалами отдельных туркменских предводителей»[2]. Примерно аналогичное явление произошло с казахами кочевниками во многих уездах дореволюционного Казахстана. Под влиянием России с начала XIX века они превратились в оседлых или полукочевых скотоводов, не только не похожих на своих предков XVII—XVIII вв., но и на своих соплеменников, вечно кочевавших в пустыне и сухих степях Казахстана с севера на юг и обратно в конце XIX и начале XX вв. В 60-х годах XIX века о сибирских казахах И. Завалишин писал: «Теперь каждый род уже строго ограничивает свои кочевья в известных пределах, и если казахи еще упорно держатся своего пастушеского быта, однако недалеко время, что соха не будет в нынешнем у них презрении и слово «егинши» перестанет быть ругательством. К тому же в последние 40 лет (то есть с начала XIX века — С. Т.) многие народы, схожие бытом с казахами, обратились ревностно к земледелию: буряты в Забайкалье, каркаралинцы и туркмены в Астраханской губернии, даже некоторые роды Малой Орды в Оренбургском ведомстве»[3].

---

[1] *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955, стр. 390.

[2] Материалы по истории туркменов и Туркмении, т. II. М.—Л., 1938, стр. 36.

[3] *Завалишин И. Я.* Описание Западной Сибири, т. III. Сибирско-киргизская степь. М., 1867, стр. 102—103.

Игнорирование И. Я. Златкиным конкретных исторических и экономических условий Монголии, сложившихся в результате почти семивекового политического и экономического воздействия на нее Китайской империи, лишает его возможности понять некоторые своеобразные черты уже деформировавшегося в XIX—XX вв. монгольского скотоводческого хозяйства и родового устройства. «Многочисленные путешественники, посетившие Монголию в XVIII—XIX вв.,— пишет он,— единодушно свидетельствуют отсутствие признаков общинного землепользования в этой (то есть восточной — С. Т.) части Монголии. Исторические факты не подтверждают теории о родовом строе (надо говорить не о родовом строе, а о родовом устройстве — С. Т.) и общинном землепользовании как непременных условиях кочевой формы хозяйства»[1]. В другом месте он говорит: «...халха — монголы давным давно прошли через этап патриархально-родовой организации и что в памяти монгольского народа стерлись даже воспоминания о родовых именах»[2].

Приведенные И. Я. Златкиным данные никак не подтверждают его мысли о том, что кочевники в рамках кочевого общества могут изжить у себя родовое устройство. Халха называют часть монголов, живущую на территории между реками Керулен и Орхон, служившей центром всех основных политических событий, способствовавших интенсивному смешению самых различных племен, окружавших ханские ставки. В результате такие группы населения безусловно могли потерять свое родовое деление. Подтверждением этого могут служить в миниатюре тюленгуты казахских ханов. «Пришельцы, эти разных родов и отделений кочуют постоянно вместе с султанами, не отличаясь, впрочем, ничем от простого казаха, кроме одного права клеймить скот свой султанским тавром»[3]. То, что халхасские монголы не знали родового устройства, как отмечает Н. Г. Потанин в материалах экспедиции в 1883—1886 годах, было исключением. Он писал: «Халхас-

---

[1] *Златкин И. Я.* К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов.— Вопросы истории, 1955, № 4, стр. 77.

[2] Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 91.

[3] Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата. 1948, стр. 136.

цы не помнят имен своих родов, что составляет странное исключение среди других племен»[1].

Далее И. Я. Златкин, руководствуясь теорией, понятной только ему, форму хозяйства противопоставляет экономическим условиям жизни народа. «Наличие родового строя или его пережитков,— пишет он,— объясняется не преобладанием той или иной формы хозяйства, а конкретными экономическими и политическими условиями жизни данного народа»[2]. Его слова «конкретные экономические и политические условия жизни данного народа» лишены какой бы то ни было конкретности, если из «условий жизни данного народа» целиком исключается определенная форма хозяйственной организации, которая как раз и является конкретным выражением экономических и политических условий жизни данного народа.

В. И. Ленин высмеивал народников именно за то, что ими «крепостное право изображается не как определенная форма *хозяйственной организации* (подчеркнуто нами — С. Т.), порождавшей такую-то эксплуатацию, такие-то антагонистические классы, такие-то политические, юридические и др. порядки,— а просто как злоупотребления помещиков и несправедливость по отношению к крестьянам. Крестьянская реформа изображается не как *столкновение определенных хозяйственных форм* (подчеркнуто нами — С. Т.) и определенных экономических классов, а как мероприятие начальства, «выбравшего» по ошибке «неверный путь», несмотря на самые благие намерения. Пореформенная Россия изображается как уклонение от истинного пути, сопровождающееся бедствиями трудящегося, а не как известная система антагонистических производственных отношений, имеющая такое-то развитие»[3]. Значит, какова форма хозяйства, такова форма собственности на средства производства, следовательно, таковы экономические и политические условия жизни народа. А по странной «теории»

---

[1] *Потанин Г. Н.* Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950, стр. 122.

[2] *Златкин И. Я.* К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов.— Вопросы истории, 1955, № 4, стр. 77.

[3] *Ленин В. И.* Соч., т. 1, стр. 309—310.

И. Я. Златкин выходит, что форма хозяйства — это одно, экономические условия — это нечто другое.

Подобно тому, как было в древнем Китае, далеко на западе от него, шла борьба между кочевниками — скифами, массагетами и саками, с одной стороны, и древнеиранским государством, с другой. Эта борьба начинается примерно с VI века до нашей эры. Персидский царь Кир вел долгую и упорную борьбу с кочевниками массагетами. В конце II века до нашей эры оседлый Туркестан (Согдиана, Бактрия и Маргиана) «снова подвергается нашествию северных кочевников: сначала парфов и саков, а потом тюркского племени — юечжыев[1], которые имели полный успех и в конце I века до Р. Х. окончательно закрепили за собой Южный Туркестан, оттуда двинулись дальше. С III века до Р. Х. Иран освобождается от парфян, а затем сбрасывает в Туркестане тяжелое иго тюрков-юечжыев. В конце IV века Южный Туркестан подвергается нашествию гуннов эфталитов: эти кочевники, разорив Согдиану до Аму-Дарьи, нанесли смертельный удар юечжыям, чем стихийно помогли персам избавиться от последних. За Аму-Дарьей гунны потерпели поражение и ушли на север, а оттуда — на запад — в Европу»[2]. Все эти столкновения, происходившие между кочевниками и оседлыми земледельцами, сопровождались громадным разрушением производительных сил, созданных в условиях оседлого земледельческого хозяйства.

О реакционных и разрушительных результатах нашествий на древние очаги культуры Средней Азии говорят исторические перемены в жизни древних жителей Северного Ирана.

Культурная жизнь в Мервском оазисе Мургабской долины имеет богатую историю. Мерв в древности занимал видное место среди лучших городов мира. Один из преемников Александра Македонского Антиох Сотер с целью защиты богатства Мургабской долины от набегов кочевников соорудил крепостную стену длиною 260 верст. В этот период жители Мургаба все еще продол-

[1] «Юэчжи — китайское название саков-массагетов». (Дж. О. Томсон. История древней географии. М., 1953, стр. 268, сноска). По нашему мнению, юэчжи — массагеты, а не саки.

[2] *Павлов Н.* История Туркестана. В связи с кратким историческим очерком сопредельных стран. Ташкент, 1910, стр. 6—7.

жали бороться с кочевниками массагетами. Во II веке до нашей эры Мургабская долина была подвергнута нашествию кочевников саков. В середине VII века она была покорена арабами. При господстве арабов население долины имело больше возможностей отражать набеги кочевников и улучшать земледелие. Население возводило новые оросительные каналы, стены для защиты от кочевников. Однако сковывающее влияние окружавших оазис кочевников на развитие культуры Мерва сохранялось. Грабительские набеги то одних, то других не прекращались. При всех этих условиях Мерв в X веке, входящий в состав среднеазиатского государства саманидов, продолжал славиться шелководством, хлопководством, тканями, сушеными фруктами и хлебом. Значительного развития феодальной экономики Мерв достиг в XI—XII вв.

И этот цветущий оазис еще при жизни царя Санджара был разгромлен турками огузами. От этого разгрома хозяйственная жизнь Мервского оазиса начала несколько возрождаться при хорезшахах, начиная с 1172 года, но он снова подвергся в 1221 году полному разрушению монголов Чингис-хана, его население почти поголовно было истреблено. От этого нашествия Мерв не мог восстановиться в течение почти двух веков[1]. В это время Мервский оазис представлял собою пустыню, заросшую дикой травой, и место обитания диких зверей. Оставшаяся в живых часть земледельческого населения оазиса была вынуждена заниматься охотой или кочевым скотоводством. Такие катастрофы в истории многих народов Азии повторялись неоднократно, история Мервского оазиса не составляет исключения. Мервский оазис после монгольского нашествия начинает восстанавливаться только в конце XIV века при Тимуре.

По словам академика В. В. Бартольда, Тимур, завоевав в 1381 году Хорасан, распорядился, чтобы каждый из военачальников (эмиров) и вельмож (аркан и даулет) вывел из Мургаба канал[2] и положил здесь основа-

[1] *Русинов В. В.* Водозе́мельные отношения и община у туркмен. Ташкент, 1918, стр. 3—4.

[2] «Сколько ни было в Персии и Индии деспотий, последовательно расцветавших, а потом погибавших,— каждая из них знала очень хорошо, что она прежде всего — совокупный предприниматель в деле орошения речных долин, без чего там невозможно было и самое земледелие». (Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1957, стр. 168).

ние земледелию[1]. Отмечается, что по приказанию Тимура его военачальниками было выведено из Мургаба около 20 оросительных каналов. Тимур и тимуриды «заботились о культурном развитии как всей страны, так в частности и Мургабской долины»[2].

В дальнейшем жители Мервского оазиса не раз испытывали разрушительные вторжения внешних врагов. На них продолжали оказывать свое отрицательное влияние как набеги туркменских и узбекских кочевников, так и разрушения от войн, происходивших между государствами, образовавшимися на основе распада империи Тимура. Узбеки Шейбани-хана были воинственны, их нельзя было остановить в стихийных истреблениях захваченных стран. От узбеков особенно пострадал Хорасан[3].

В 1512 году Обейдуллах нанес сильное поражение Бабуру и окончательно утвердил за узбеками Согдиану, Бактрию и Хорезм. Во всех этих оазисах власть находилась в руках представителей кочевой патриархально-феодальной верхушки, которая еще долго продолжала вести кочевой образ жизни. Как отмечает А. Якубовский, в XV веке в долине Зеравшана, Кашка-Дарьи преобладали феодальные отношения, а в XVI—XVII веках, после завоевания кочевников, преобладали отношения патриархально-феодальные. Лишь с постепенным переходом кочевников к земледелию и оседлому быту восстанавливались оросительные системы, вновь расширялись площади культурных орошаемых земель, возрождались и укреплялись феодальные отношения[4].

Почти одинаковую историю с Мервским оазисом в долине р. Мургаба имеет один из крупных очагов древней цивилизации в Средней Азии, возникший в низовьях р. Аму-Дарьи,— Хорезм. Хорезм широко распространял

---

[1] *Бартольд В. В.* К истории орошения Туркестана. Спб., 1914, стр. 65.

[2] *Русинов В. В.* Водоземельные отношения и община у туркмен. Ташкент, 1918, стр. 4.

[3] «В XVI в. Туркестан снова был завоеван варварским народом, пришедшим с северо-запада, из пределов прежнего золотоордынского ханства, узбеками. Ими были образованы два государства, ханства Бухарское и Хивинское, к которым в XIX в. присоединилось еще третье — Кокандское, образовавшееся в Фергане». (Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана, Спб., 1914, стр. 19.).

[4] *Якубовский А.* Серьезное исследование по истории таджикского народа.— Коммунист, 1953, № 1, стр. 108—109.

свое культурное влияние на бассейны рек Жана-Дарья, Куван-Дарья и низовья реки Сыр-Дарья. Земледельческая культура, то возникавшая, то угасавшая от набегов кочевников, имеет здесь древнюю историю. Об этом говорят развалины таких городов и крепостей на р. Жана-Дарья, как Чирик-рабат[1], Бабиш-мулла[2], Бештам, Дженд, Кум-кала и другие; на р. Кван-Дарья — развалины городов и крепостей Алыб, Рабенсай, Джеты-асар и другие; в низовьях Сыр-Дарьи — развалины городов Куюк-кала, Кескен-куюк-кала и Джангент-кала, отнесенные экспедицией С. П. Толстова к средневековой эпохе. Эти развалины городов и крепостей свидетельствуют о зарождении и значительном расцвете в разное время в этих местах оседлой сельской и городской жизни, возникшей на основе развития культуры орошаемого земледелия. Но развалины свидетельствуют также и о том, что оседлая земледельческая культура этих городов и крепостей не раз была разрушена и сметена с лица земли нашествием варварских племен кочевников.

В XV веке обитателями основной части казахских степей были узбекские кочевники. Раньше они занимали восточную часть территории Золотой Орды, а после ее распада передвинулись еще дальше на восток и стали занимать своими кочевьями земли от реки Урал на восток до реки Сары-Су, а на юге до реки Сыр-Дарьи. Однако междоусобная борьба узбекских кочевников привела, наконец, к окончательному распаду узбекского улуса. Часть узбекских родов, возглавляемая враждебными к узбекскому хану Абулхаиру джучидами — Гиреем и Джанибеком, отделилась в середине XV века от остальной массы узбеков и получила название казахов[3].

---

[1] «В одном из изгибов русла (Жана-Дарьи) — развалины Чирик-рабат — огромная овальная древняя крепость, восходящая к середине I тысячелетия до н. э., окруженная системой концентрических валов и рвов, внутри которой видна прямоугольная планировка более поздней античной крепости первых веков нашей эры». (Толстов С. П. По следам древне-хорезмийской цивилизации. М. — Л., 1948, стр. 56).

[2] «Бабиш-мулла целиком входит в круг раннеантичных хорезмийских памятников. Мы явно на территории небольшой хорезмийской колонии на среднем течении Жана-Дарьи». (Толстов С. П. По следам древне-хорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948, стр. 58).

[3] При такой ситуации вполне допустимо считать происхождение слова «казах» от слова «кащак», что значит «беглец».

Казахи, находившиеся в сфере влияния Моголистана занимали под свои кочевья низовья реки Чу и пустыню Бетпак-Дала.

Распад узбекского улуса сопровождался завоеванием узбеками культурных земледельческих оазисов Средней Азии и оседанием их на этих местах, а также массовым притоком к казахам ряда узбекских племен и родов. Быстрое увеличение численности казахов объясняется прежде всего этим.

В результате казахские кочевники образовали свое ханство. Первым ханом был избран Гирей. В третьей четверти XV века к казахам присоединилась большая часть кипчаков, отложившихся от Золотой орды, а в XVI веке — кереев, найманов и аргынов из восточной половины чагатаевского улуса. При ханствовании сына Джанибека Касыма казахский союз достиг наибольшего усиления и население его доходило до миллиона человек[1].

С момента образования казахского кочевого ханства казахские ханы и султаны в союзе с Моголистаном, а иногда без этого союза, стали вести традиционную для кочевников кровавую войну почти со всеми соседними оседлыми жителями Средней Азии. Например, в конце XV и начале XVI вв. велась война между Шейбани-ханом (внуком узбекского хана Абулхаира) и казахским ханом Касымом (сыном брата казахского хана Гирея), которая длилась в течение многих лет. В 1509 году, как сообщает имам Шебайни-хана Рузбехани, казахи в количестве 50 тысяч человек во главе с племянником Касым-хана Ахмет султаном (сыном Джаныш султана) направились напасть на Мавреннахр, Бухару и Самарканд, но свой план полностью осуществить не могли, «вернулись в свою страну, разграбив Куфинский округ, город Добуси и волости в Самаркандском округе, также по ту сторону Бухары, напав на Наб-Коак, и увели в плен тамошних мусульман с учинением над ними издевательства; то, что попало им под руки — скот ли, вещи ли — все взяли. Пройдя по Бухарским степям, против города Узгенда, переправились через Сыр-Дарью и въехали в самый ближайший к Туркестану округ Джа-

[1] *Хворостанский П.* Киргизский вопрос в связи с колонизацией степи.— Вопросы колонизации, 1907, № 1, стр. 55—56.

ниш-султана. Пленных мусульман вели рядами, продев в их уши бечевки и концы их привязывали к седлам. Этих пленных было свыше тысячи»[1]. Такой же жестокостью отличались набеги и последующих казахских ханов и султанов.

С течением времени и оседлые земледельческие народы Средней Азии, собрав большие силы, отвечали кочевникам тем же. Основным районом военно-политических событий, связанных с борьбой между шейбанидами и казахскими ханами, был главным образом бассейн среднего течения реки Сыр-Дарьи. Частенько победителями в этой борьбе выходили казахские ханы, которые временами подчиняли себе присырдарьинские города, включая Ташкент. Эти казахские ханы, так же как древние и средневековые кочевники, собирали дань с подчиненных им городов и других оседлых жителей. Например, казахский хан Тевеккель во второй половине XVI века вел с переменными успехами жестокую борьбу с шейбанидом бухарским Абдулла-ханом.

Немало приходилось страдать и казахским кочевникам от грозных походов бухарского Абдуллы-хана. «Могущество узбеков достигло высшей степени во второй половине XVI века во время царствования Абдуллы-хана бухарского, которому удалось подчинить себе и Хорезм и образовать сильное государство, в состав которого входит и Хорасан. Абдулла-хан совершил несколько походов на север против казахов, причем доходил до Улу-Тага (гора Улу-Тау близ города Улутавск в Акмолинской области). Эти походы сопровождались страшным кровопролитием, о чем говорится и в надписи на скале в Джизакском ущельи, сделанной после одного из этих походов в 1571 или 1572 году»[2].

В связи с военными успехами Абдуллы-хана набеги казахских ханов во второй половине XVI века несколько уменьшились. Это создало возможность в бассейне среднего течения реки Сыр-Дарьи заняться земледелием каракалпакскому племени.

Каракалпаки, как одно из бывших узбекских кочевых племен, в XVI веке находились в постоянном общении с

---

[1] Прошлое Казахстана в источниках и материалах, ч. I. М., 1935, стр. 103.

[2] *Бартольд В. В.* История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 25.

казахскими племенами. С конца XVI века начинается процесс их оседания в низовьях реки Сыр-Дарьи и в бассейне реки Куван-Дарьи. В XVII-XVIII веках они уже занимались орошаемым земледелием и полукочевым скотоводством. Но кочевые казахские ханы и султаны так же, как их предки, совершали на них набеги. Беря во многих случаях верх над каракалпаками, казахские ханы собирали с побежденных тяжелую дань хлебом или организовывали открытый грабеж. Это было основной причиной, тормозившей экономическое и культурное развитие, а также численный рост каракалпаков. Число районов, где каракалпаки могли заниматься земледелием на р. Сыр-Дарье, было довольно значительным, но невыгодность их заключалась в том, что все они представляли собою небольшие разрозненные один от другого участки, растянутые узкой полосой на большом протяжении среди безжизненного пространства. Вследствие указанных особенностей, на всем протяжении нижнего течения Сыр-Дарьи не могла возникнуть прочная оседлость, существование которой здесь было немыслимо без обширной ирригационной системы и достаточно крупных населенных и укрепленных пунктов, способных отразить удары в случае конфликтов с соседними кочевниками.

Кочевники всегда были верны своим традициям. Особенно катастрофический характер имело в XVIII столетии нападение на каракалпаков казахского хана Абулхаира. В 1743 году, собрав большое количество всадников, он вместе со своими сыновьями Нурали, Ерали и Джанибек тарханом, внезапно напал на каракалпаков. Было перебито много людей, население ограблено до тла и забрано было много пленных, в том числе взяли в плен самого хана каракалпаков Урускула с семьей. В результате этого и ряда других последующих набегов, организованных казахскими ханами и султанами, каракалпакская земля была опустошена, а земледельческая культура в низовьях Сыр-Дарьи и долинах рек Куван-Дарьи и Жана-Дарьи уничтожена. Каракалпаки, вынужденные уйти с насиженных мест, попали под власть хивинского ханства. После этого, как сообщается в хивинско-каракалпакских хрониках, «...султан Тимур-хан, Кетебай бий, Бурктбай бий и другие направили воровским путем в сторону Хорезма большую шайку чумекей-

цев, которая прошла через Янги-Дарью, совершила набег на некоторых янги-дарьинских людей (эль) в районе Таукара, захватила много скота и пленных и вернулась»[1].

Из сказанного видно, что древние, средневековые и нового времени воинственные кочевники, вторгшиеся из северо-западных стран в область Сыр-Дарьи, Аму-Дарьи и Арало-Каспийского бассейна, частью передвигавшиеся на запад, а частью продолжительное время обитавшие в основном на территории современного Казахстана, систематически разрушали и уничтожали земледельческую культуру. При каждом столкновении с оседлыми земледельческими народами эти кочевники подвергали ограблению и разорению не только население, но и обработанную, культурную землю. Они «воздействовали двояким образом на изменение природы страны, ее почвы и климата,— прежде всего на нее повлияли их жестокие опустошения, уничтожение садов, рощ и лесов, затем — уничтожение земледелия и замена его скотоводством. Кочевники засыпали каналы или, по крайней мере, давали илу их занести; вместо того, чтобы регулировать течение рек, они тем, что поили свои стада по берегам, содействовали образованию болот на берегах и неправильному течению вод»[2].

Древними кочевниками, обитавшими на территории Казахстана, были массагеты, юечжи, саки, усуни[3], кангюй, хунны и др. Китайские документы, относящиеся к II—I векам до нашей эры, говорят, что «Усунь лежит почти в 2 000 ли от Давани (Ферганы) на северо-восток. Это кочевое владение, коего жители переходят за скотом с места на место. В обыкновениях сходствуют с хуннами. Усунь имеет несколько десятков тысяч войска (то есть

---

[1] *Материалы по истории каракалпаков.*— Труды Института востоковедения, т. VII. М.— Л., 1935, стр. 122.

[2] *Реклю Э.* Человек и земля, т. I. Спб., 1906, стр. 381—382.

[3] «Усунь есть название владения, которое с третьего века до Р. Х. до шестого по Р. Х. занимало земли на северной стороне Небесных гор от Тэмурту-нора на восток до уезда Суй-лай-хянь. Китайская история называет усуньский народ одним из племен народа Сэ, в древности населявшего Авганистан. Усуньцы, служа Китаю в войнах против монголов, наконец, так обессилили, что в VI столетии принуждены были удалиться из своих земель в Луковые горы, и там совершенно потерялись. Это потомки сэйков (саков или скифов, по кит. Сэ)». (Бичурин И. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. III. М.— Л., 1953, стр. 53).

мужчин, способных натягивать лук — *С. Т.)*, отважного в сражениях...

Кангюй лежит почти в 2 000 ли от Давани на северо-запад. Это кочевое же владение; в обыкновениях совершенно сходствует с юечжысцами; имеет до 90 000 войска...

Яньцай лежит почти в 2 000 ли от Кангюя на северо-запад. И это кочевое владение; в обыкновениях совершенно сходствует с Кангюем. Войска более 100 000. Лежит при большом озере, которое не имеет высоких берегов. Это есть Северное море (то есть Каспийское море — *С. Т.)*.

Большой Юечжы лежит почти в 3 000 ли от Давани на запад, от реки Гуй-шуй (Аму-Дарья — *С. Т.)* на север. От него на юг лежит Дахя, на запад Аньси, на север Кангюй. Также кочевое владение. Следуя за скотом, перекочевывают с места на место. В обыкновениях сходствуют с хуннами. Имеет от 100 000 до 200 000 войска. Во время прежнего могущества своего презирал хуннов. Модэ, по вступлении на престол, поразил Юечжи, а хуннский Лаошан шаньюй, сын его, убил юечжыского владетеля и из головного черепа его сделал сосуд для питья»[1]. Эти данные показывают, что усуни кочевали в Семиречье, кангюй — в Центральном Казахстане, а а юечжы — на севере Аму-Дарьи и в низовьях Сыр-Дарьи, используя луговые пастбища ее рукавов и Кызыл-Кумскую пустыню.

Эти кочевые племена между собою ничем почти не отличались. Все они находились в постоянном кочевом передвижении вместе со своими стадами, почти беспрерывно воюя друг с другом и с оседлыми земледельцами оазисов.

Беспрерывному передвижению со скотом кочевников постоянно сопутствовала война, которая означала бегство побежденных и погоню за ними победивших далеко за пределы прежнего места обитания как первых, так и вторых. В большинстве случаев этим фактом обусловлено то, что кочевники охотно оставляли земли, когда им грозила опасность быть ограбленными, потерять все свои стада и табуны и быть истребленными.

---

[1] *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 150—151.

Пуститься в путь кочевникам никогда не представляло особой трудности. Они, нагрузив на верблюдов, лошадей все свои домашние вещи и оседлав коней, караваном и вооруженной конницей легко могли отправиться в далекий путь. Находясь всегда в полной готовности к кочевому передвижению, они одновременно могли заниматься охотой на диких зверей, участвовать в бою, разрушать населенные пункты, города и превращать культурные страны в голые степи и пустыни.

Сила военно-кочевых племен состояла в том, что они «следуя за травою и водою, занимаются звероловством, не имеют постоянного места пребывания и упражняются только в военных делах»[1]. Одним из главных орудий производства и войны у кочевников служили лошади. Кочевники хорошо ездили верхом и могли проводить целые сутки на лошади, не зная усталости. Этими же качествами обладали казахские кочевники и в более позднее время[2]. У кочевников, находившихся на более высокой ступени развития, как, например, у монголов, тюрков, арабов и казахов XV—XVIII вв., каждый мужчина был воином. Ведя военно-кочевой образ жизни, они искусно владели своим оружием верхом на коне, не боясь жары и холода, дождя и бурана в пустыне и степи, находясь под открытым небом. Все это было для них своей стихией.

Кочевники могли всегда быстро собираться целыми родоплеменными группами и производить массовое и стремительное нападение на противника. Направление

---

[1] *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, стр. 296.

[2] «...Поразительная мускульная сила и выносливость киргиза (казаха), его острый глаз, отчетливо различающий малейший предмет в туманных далях горизонта, его способность проводить на седле дни и ночи, его глубокое и тонкое знание всех суровых стихий пустыни и господство над нею путем этого знания,— все эти практические таланты, побеждающие дикую природу настолько, насколько это необходимо для скромных потребностей кочевника, — право, тоже стоют с своей точки зрения — многих наших книжных и письменных премудростей, несомненно подрывающих непосредственную способность человека к борьбе с враждебными силами природы и судьбы». (Марков Евгений. Россия в Средней Азии. Очерки путешествия по Закавказью и Ферганской Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской областям, Каспийскому морю и Волге, т. II. Спб., 1901, стр. 174).

на войну целого кочевого племени не было для них чрезвычайным событием и не требовало особых издержек. Дело в том, что народ, привыкший к кочевой жизни в мирное время, легко передвигался и во время войны. Выступают ли они в поход как армия, кочуют ли они как пастухи, образ жизни их одинаков. «Бег, борьба, фехтование, метание дротика и стрельба из лука — обычное времяпровождение тех, кто живет на открытом воздухе, и все эти занятия копируют войну. Когда татарин или араб идет на войну, его существование поддерживается его стадами, которые движутся вместе с ним, как и в мирное время»[1].

Н. Г. Чернышевский одну из главных причин отставания в экономическом и культурном развитии стран Азии с ранней высокой культурой от европейских стран видел именно в отрицательном влиянии на эти страны кочевников. Он писал: «Западная Европа так далека от степей Средней Азии, главного центра, из которого выходят вторгающиеся кочевые народы, что в последние 2 000 лет они только один раз успели проникнуть в нее. Орды Чингиз-хана, Тамерлана и османов или вовсе не доходили до Западной Европы, или едва касались ее пределов, просто по отдаленности. Западноевропейское земледельческое население вот уже 1 400 лет избавлено от новых наводнений варварства и в этот долгий период имело время окрепнуть, устроить свои дела»[2].

Оседлые азиатские народы почти не знали более или менее длительных передышек от нашествий кочевников. Они попадали в порабощение от одних кочевников к другим. Такая историческая обстановка, которая окружала оседлые азиатские народы, не давала им возможности сделать более прочными свои культурные достижения.

Все эти факты показывают историческую ограниченность перспектив прогрессивного развития производительных сил кочевого общества и его крайне отрицательное влияние на оседлое земледельческое общество.

---

[1] *Смит Адам.* Исследование о природе и причинах богатства народов, т. II. М.— Л., 1935, стр. 236.

[2] *Чернышевский Н. Г.* Избранные экономические произведения, т. III, ч. 1. М., 1948, стр. 30 (сноска).

* * *

Правильному освещению основных вопросов общественно-экономического строя кочевников-казахов мешают ошибочные положения теории «кочевого феодализма» Б. Я. Владимирцева.

Основные ошибочные положения этой теории заключаются, во-первых, в идеализации общественно-экономического строя монгольских кочевников-грабителей, участвовавших в походах Чингис-хана и его ближайших потомков; во-вторых, в том, что возникновение классовых отношений у монголов и у покоренных ими кочевников целиком выводится из завоеваний, насилия; в-третьих, механически отождествляются социально-экономические отношения монголов XI—XIV вв. и монголов XVI—XX вв., без учета больших социально-экономических изменений в кочевом обществе монголов, происшедших под влиянием культурных народов с оседлым земледелием и городской культурой, населявших завоеванную кочевниками обширную территорию; в-четвертых, в голом утверждении, что основой эксплуатации у всех кочевых скотоводов является феодальное землевладение якобы аналогичное с земледелием у оседлых земледельческих народов Западной Европы, в-пятых, вся структура войск «полуцивилизованных» воинствующих кочевников Чингис-хана была объявлена «феодальной» иерархией, так называемым «кочевым феодализмом» монголов.

Все эти ошибочные положения теории «кочевого феодализма», к сожалению, были положены в основу решения Ташкентской сессии историков в 1954 году по вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов. В решении сессии сказано: «Основой феодализма у кочевников, как и всюду, являлась феодальная собственность на землю, которая реализовалась в различных специфических формах присвоения земельной ренты. При всех особенностях патриархально-феодальных отношений у кочевых народов — сущность этих отношений является феодальной, как и у оседлых земледельческих народов»[1].

---

[1] Решения объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1954, стр. 4—5.

Переоценка уровня развития производственных отношений у кочевников, продиктованная руководителями Ташкентской сессии, вытекала из игнорирования того важного положения марксизма, что «из определенной формы материального производства вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяется как тем, так и другим»[1].

Б. Я. Владимирцев и его современные последователи утверждают, что у кочевых скотоводов существуют такие же поземельные отношения, как и у феодальных земледельческих народов. А кто оспаривает это, тот якобы отрицает общую закономерность общественного развития. Глашатаи этой «теории» пытаются доказать, что как у оседлых земледельцев, так и у кочевых скотоводов была единая форма землевладения.

Б. Я. Владимирцев насильственное привлечение покоренных племен и народов в военные походы Чингисхана и его наследников путем регламентации кочевого передвижения населения под командой военачальников отождествляет с действиями феодала-землевладельца.

Б. Я. Владимирцев не учел, что стада и табуны в военном походе кочевников служили источником продуктов повседневного питания, транспортом и орудием войны (в особенности лошади и верблюды). Каждый работоспособный мужчина был воином; уход за скотом и сражение на поле битвы имели почти одинаковое военное значение в осуществлении кровавого, грабительского похода орд Чингис-хана. Во время похода монголы впереди своей многочисленной армии отправляли огромными толпами неутомимых всадников, готовых скакать день и ночь, пока не достигнут своей цели. Их единственной провизией были кожаные мешки с кумысом или плитки сгущенного молока в твердом виде (курт, иримчик). Когда запас пищи у них иссякал, они соскакивали с коня, открывали ножом у него на ноге вену, подкреплялись глотком крови и затем закрывали рану каким-то стягивающим веществом и снова вскакивали в седло. Каждый воин гнал впереди себя своих запасных коней, которых бывало, как говорят летописцы, до во-

[1] *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). ч. I. М., 1954, стр. 261.

семнадцати, и потому густые облака пыли поднимались на равнинах, подобно дыму надвигавшегося пожара, извещая жителей за несколько часов о приближении лавины людей, угрожавшей всему населению смертью. Позади этих авангардов двигалась основная масса народа, не нуждавшаяся в запасе провианта, так как стада этих орд были вполне достаточны для их продовольствия или, по меньшей мере, позволяли им просуществовать до того времени, пока не будет отбит скот у неприятеля[1].

При этом все покоренные племена включались в войсковые единицы монголов: тумены (10 тыс.) во главе с темниками, тысячи во главе с тысячниками и сотни во главе с сотниками. Все они находились в строгом соподчинении снизу доверху: сотники подчинялись тысячнику, тысячники — темнику, темники — начальнику корпуса или улуса — царевичу, начальники корпусов — улусов подчинялись главнокомандующему всеми монгольскими войсками — Чингис-хану, который был главным военным вождем и главой кочевой империи.

Ни один из воинов не мог уйти от своего военачальника, «самовольные переходы от одного начальника к другому были запрещены под угрозой смертной казни»[2]. Иоанн де Плано Карпини, ездивший в 1246 году в столицу монголов Каракорум, писал: «Сам же он (император) указывает, где побывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники — сотникам, сотники же — десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте по отношению ли к войне или к смерти или к жизни, они повинуются без всякого противоречия»[3]. О чисто военном значении этой десятичной системы сам Чингис-хан говорил: «Каждый из эмиров тумана, тысячи и сотни должен содержать в полном порядке и держать наготове свое войско с тем, чтобы выступить в поход в любое время, когда прибудет фирман и приказ, безразлично, ночью или днем!»[4]. Однако из этого еще нельзя сделать

---

[1] *Реклю Э.* Человек и земля, т. IV. Спб., 1907, стр. 191—192.

[2] *Владимирцев Б. Я.* Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). Л., 1934, стр. 104.

[3] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. Спб., 1911, стр. 23.

[4] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей, т. I, кн. вторая. М.—Л., 1952, стр. 264.

вывод, что здесь существуют настоящие феодальные порядки с крупным феодальным землевладением и крепостничеством.

В момент завоевания европейцами Америки среди многочисленных индейских племен на самой высокой ступени развития стояли ацтеки в Мексике и инки в Перу. Основой общественного устройства у них было общинное землевладение, но уже с элементами частной собственности на землю. У инков «земля делилась на три части: одна для солнца (духовенства), другая для инки, верховного вождя, и третья для народа. Все эти земли обрабатывались коллективно: сначала земли, принадлежавшие духовенству, затем земли больных, престарелых, вдов и всего народа и, наконец, земли Инки... Работники были прикреплены к земле; род занятий человека определялся при его рождении на всю жизнь. Люди делились на группы в десять, пятьдесят, сто и тысячу семейств; каждую группу возглавлял начальник, ответственный за работу и благополучие ее членов. Правящие касты жили в роскоши»[1]. Кроме того, «как инки, так и ацтеки в своих «империях» держали в подчинении множество различных племен. Эти покоренные племена эксплуатировались различными способами: они поставляли людей для человеческих жертвоприношений, а также рабов и воинов, платили дань благородными металлами и другими ценностями»[2].

Но эта суровая система эксплуатации, однако, не устранила родовые отношения среди покоренных племен, а инки и ацтеки, удобно устроившиеся на шее порабощенных племен, сами в своей среде тоже сохраняли родоплеменные порядки. Перед нами как бы два социальных слоя, с родоплеменной организацией, но которые находились между собой в отношениях поработителя и порабощенного. Однако аристократическая верхушка господствующего племени не была уже в полной мере защитницей интересов старого родового общества, на первое место она ставила цель расширения и укрепления своего господствующего положения над всей трудовой массой народа. Порабощение слабых племен сильными

---

[1] *Фостер У.* Очерк политической истории Америки. М., 1955, стр. 39.

[2] Там же, стр. 43.

происходило путем межплеменных войн. Войны возникали «из-за охотничьих угодий, водоемов, речных долин, берегов, озер, месторождений кремня, залежей соли, из-за воды для нужд орошения и по другим поводам»[1].

Однако общественная структура этих племен и межплеменные войны из-за овладения землей, людьми и имуществом еще мало говорили об оформившихся феодальных отношениях. «В основе этого общественного устройства лежала система, при которой землей владело, распоряжалось и пользовалось все племя, независимо от того, чем это племя добывало себе средства к существованию — охотой, рыбной ловлей, скотоводством, земледелием или всеми этими занятиями одновременно»[2].

Как указывает Уильям З. Фостер, оседлые американские индейцы, занимавшиеся интенсивным земледелием с применением искусственных удобрений и строительством грандиозных оросительных систем, в момент завоевания европейцами стояли на переходной патриархально-рабовладельческой стадии развития. На основе неуклонного распада общинной системы землевладения, постепенного разложения рода, растущей концентрации власти в руках определенных семейств и усиливающегося порабощения трудящихся масс постепенно возникали два класса — правящий класс и класс производителей[3]. Правящий класс состоял из военно-рабовладельческой знати и жрецов, а производящий класс состоял из рабов и свободных общинников.

Большое сходство с взаимоотношениями ацтеков и инков, с одной стороны, и порабощенными ими другими индейскими племенами, с другой, имели взаимоотношения, установившиеся между двумя афганскими племенами в конце XVIII и начале XIX вв., одно из которых — племя гандапурцев — было кочевыми скотоводами — завоевателями, а другое порабощенное племя — хамсая — было оседлыми земледельцами. Здесь тоже существовала своеобразная форма «коллективного присвоения прибавочного продукта, произведенного отдельными хамсая и даже целыми общинами хамсая, обрабатывавшими

---

[1] *Фостре У.* Очерк политической истории Америки. М., 1955., стр. 31.
[2] Там же, стр. 31.
[3] Там же, стр. 44.

земли господствующего племени»[1]. Гандапурцы, как указывает И. М. Рейснер, «начав с коллективной формы эксплуатации зависимого населения, сидевшего на землях, являвшихся общей собственностью племени, и распределяя доходы от эксплуатации зависимых между членами племени по числу 36 000 дадди[2], гандапурцы кончили тем, что почти целиком разделили земли племени, включая и альмендные, между отдельными членами племени, причем каждый владелец закрепленного за ним участка земли эксплуатировал теперь непосредственно тех хамсая, которые обрабатывали его участок»[3]. Такое же положение в XIX веке существовало в Пакистане. «Важную роль в социально-экономическом развитии патанов играло то обстоятельство, что патанский хель выступал как коллективный эксплуататор неполноправных чужаков (хамсайя), арендаторов и общинных слуг, а у некоторых племен также и как коллективный рабовладелец»[4].

То же было у монголов Чингис-хана. По словам Рашид-ад-дина, когда Чингис-хан покорил племена тайджиут, урут и манкгут, он сделал их своими «унаган боголами». Покоренный род или племя были обязаны нести повинности в пользу своих победителей. Аристократические семьи покоренного рода или племени обязаны были исполнять «благородную» службу главам рода победителя, а простые семьи — делать грубую, «черную» работу. Эта зависимость была особенно тяжелой для карачу покоренного племени, поскольку простой народ, кроме службы своей аристократии, должен был работать и на знать победившего племени[5]. Хотя Чингис-хан в отношении покоренных народов являлся всевластным азиатским деспотом, во внутренних делах своей державы он считался лишь с военно-племенным строем монголов[6]. С. П. Толстов верно подметил, что «традиции

---

[1] *Рейснер И. М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954, стр. 110—111.

[2] Дадди — доли.

[3] *Рейснер И. М.* Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954, стр. 148.

[4] *Гордон Л.* Аграрные отношения в северо-западной провинции Индии (1914—1947 гг.), М., 1953, стр. 12.

[5] Очерк истории СССР. Период феодализма, IX—XIII вв., ч. I. М., 1953. стр. 795.

[6] *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1947, стр. 174.

варварской сплоченности, относительно еще очень слабое развитие классового антагонизма внутри монгольского народа были широко использованы Чингисом в его объединительной политике»[1].

О подобных государственных объединениях С. В. Киселев писал: «Война, как средство обогащения и, одновременно, как средство ослабления социальных противоречий у себя дома, определяет «внешнюю политику» не одних только кыргызов. В интересах войны старая родовая аристократия объединяется вокруг удачливого вождя, подчиняется военной власти и создает такую организацию управления, которая представлялась китайскому историку сложной системой чиновничьего аппарата... вокруг кыргызского кагана, грозного врага орхонских тюрок, мы увидим старую родовую аристократию — бегов, принятых на службу тарканов и многочисленную дружину витязей, огланов»[2].

В XII—XIII веках монгольский род выступал еще как союз кровных родственников, в котором все считали себя происходящими от одного общего предка, где браки не могли совершаться внутри рода и мужчина должен был брать себе в жены девушку только из другого рода так же, как это происходило в казахских родах в XV—XVIII вв. и позже. В старинном монгольском сказании о Чингис-хане говорится: «Разлучиться с родными значит сделаться добычей посторонних... Отделиться от многочисленного семейства значит сделаться добычей малочисленного семейства. Если распадается многочисленное семейство, то оно сделается добычей малочисленного народа. Можно найти движущихся (живые существа), но родных не найдешь. Можно приобрести народ, но родных приобрести нельзя»[3].

Десятичное деление войск Чингис-хана имеет полную аналогию с десятичным делением войск у американских индейцев и гуннов Модэ в IV—II вв. до н. э. Например,

---

[1] *Толстов С. П.* По следам древне-хорезмийской цивилизации. М.— Л., 1954, стр. 290.

[2] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 598.

[3] Цит. по Очеркам истории СССР, период феодализма, IX—XIII вв, ч. I. М., 1953, стр. 793.

у Модэ было «всего двадцать четыре старейшины, которые носят общее название темников, что значит 10 000 конницы»[1]. «Каждый из 24 старейшин — для исправления дел, поставляет у себя тысячников, сотников, десятников»[2]. В действительности Модэ был главой только племенного союза воинствующих варваров с патриархально-родовым строем. Что касается Чингис-хана, то он был главой военного «полуцивилизованного», полурабовладельческого, полуфеодального государства. Общественно-экономический строй монголов еще находился на переходной стадии развития, который еще не достиг стадии развитого феодализма. Такое полуфеодальное, то есть патриархально-феодальное государство монголов Чингис-хана имело в основном коллективную патриархально-феодальную форму эксплуатации покоренных отсталых кочевых и с передовой культурой оседлых земледельческих народов.

Сказанное Иоанном де Плано Карпини о десятичном делении кочевников Чингис-хана некоторыми авторами понимается как доказательство того, что это общество было феодальным, крепостническим. Л. П. Потапов так же, как Б. Я. Владимирцев и М. П. Вяткин, утверждает, что «монопольное распоряжение кочевьями, пастбищами и другими землями вело фактически к частной собственности кочевой знати на эти земли»[3].

В данном случае Л. П. Потапов путает две различные вещи. Он смешивает распоряжение кочеванием с распоряжением кочевьями. Все документы, на которые они ссылаются, говорят только о существовании распоряжения направлением кочевания, кочевым передвижением; например, указывалось, когда направляться в сторону летних кочевий и когда в сторону зимних. Здесь нет никакого распоряжения пастбищем, процессом пастьбы скота, здесь нет распределения пастбищных земель между кочевниками.

---

[1] *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1. М.— Л., 1950, стр. 49.

[2] Там же, стр. 49.

[3] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.— Вопросы истории, 1954, № 6, стр. 81.

Мухаммед-Хайдар [1] по поводу свидания моголистанского хана Султан-Саида с казахским ханом Касымом в 1514 году писал: «Лето уже подходило к концу. Казахи, по распоряжению Касим-хана, двинулись на зимовки[2]. Касим объявил хану, что ему теперь идти на Шейбанидов трудно. «Казахи»,— говорил он,— «как жители степи, должны подумать о зимовках и предпринимать в это время года поход не следует»[3]. Слова Мухаммед Хайдара: «Казахи, по распоряжению Касим-хана, двинулись на зимовки», М. П. Вяткин рассматривает как факт узурпации общинных земель кочевников патриархально-феодальной знатью, как доказательство того, что существовало распоряжение кочевьями, пастбищами. Это ошибка. Как было сказано, опять-таки здесь речь идет о перекочевках, о направлении на зимние кочевья казахов, что необходимо было хану для сохранения известной компактности населения во всякое время года. Это и понятно, ибо при том военно-кочевом образе жизни, окруженные со всех сторон враждебными племенами, казахи в начале XVI века иначе и не могли существовать.

Дело в том, что кочевники Касым-хана, не имея никаких постоянных точек оседлости на зиму — кстау, с постоянными постройками для жилья и для скота, беспрерывно перекочевывали с места на место и зимою. Каждый казах пастух, без всякого хана прекрасно знал, что зима, зимнее кочевание, зимняя пастьба скота — самое трудное в жизни кочевников. Зиму они сравнивали с вооруженным до зубов врагом, что выражалось пословицей: «Идет зима, волоча за собой меч». Ясно, что бесприютным кочевникам Касым-хана и без Шейбанидов

---

[1] Мухаммед Хайдар родился в 1500 г., историк, двоюродный брат моголистанского хана Султана-Саида, лично участвовал во многих его походах. Его рассказ приводит В. В. Вельяминов-Зернов в «Исследованиях о Касимовских царях и царевичах», ч. II. Спб., 1864, стр. 132.

[2] Эти казахские кочевники «на зиму скрывались в береговых уремах рек или ложбинах между песчаными буграми Прибалхашской степи, обильных прекрасным топливом, каков, например, саксаул. Это обстоятельство весьма важно для кочевников, потому что в монгольской Гоби кибитка самого великого хана отапливалась животным пометом». (Валиханов Ч. Ч. Статьи, Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 73).

[3] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. II. Спб., 1864, стр. 167.

хватало с кем воевать. Они воевали не на жизнь, а на смерть с природной стихией, с зимними морозами и снежными буранами за сохранение своего процесса производства, своего единственного богатства — скота, путем кочевания с места на место по земле, на которую не было никакой частной собственности.

В этом состояла сила и слабость кочевого хозяйства. Сила была в том, что для кочевников кочевая, постоянно мобильная и подвижная жизнь была формой их существования. Они легко могли собраться большими массами, не нуждаясь ни в каких отличных от их кочевых караванов обозах, необходимых для армии оседлых народов, и двинуться в поход; целый племенной союз мог превратиться за очень короткий срок в единую боевую силу. Такой образ жизни в то же время означал слабость кочевого хозяйства потому, что кочевники, будучи неприкрепленными к земле, не занимались земледелием и, ведя одностороннее (одноцехное) примитивное кочевое скотоводство, всегда находились под угрозой внезапного разрушения производительных сил, массовой гибели от природной стихии всего своего состояния. Процесс производства, скот и благосостояние для них были нераздельными понятиями[1].

Б. Я. Владимирцев возникновение патриархально-феодальной эксплуатации у монголов выводил из насилия, из внеэкономического принуждения. «Ведь все монголы,— пишет он,— знатные и незнатные, все «принадлежали» какому-нибудь сеньору (ноян), будь то царевич (кобеген) или тысячник, сотник. Раз сеньор владел людьми, то, естественно, должен владеть землею, на которой они могли бы жить — кочевать»[2]. Это рассуждение чисто

---

[1] «Скотоводство доставляет казахам самое шаткое обеспечение, и богатство этих пастухов зачастую бывает очень фиктивным. Как ни многочисленными кажутся стада крупных владельцев, как ни развито, по-видимому, скотоводство между казахами, во всяком случае оно ниже, чем у населений оседлых. Можно смело сказать, что в самых бедных скотом местностях Европейской России его все-таки гораздо больше, чем у обитателей казахских степей, если возьмем известный, определенный район. Причина заключается в непрочности богатства кочевника». (Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. Спб., 1870, стр. 164—165).

[2] *Владимирцев Б. Я.* Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). Л., 1934, стр. 111.

умозрительное, неправильное. Из него выводится ошибочное положение, что основой «кочевого феодализма» монголов и феодализма вообще было внеэкономическое принуждение. Б. Я. Владимирцев считал, что сначала существовало владение людьми, а потом владение землей, тогда как в истории дело обстояло как раз наоборот.

Процесс некоторой классовой дифференциации монгольского общества, включая эпоху империи Чингис-хана, Б. Я. Владимирцев объясняет все тем же насилием. Он пишет: «Институт «Унаган-Богол» продолжал существовать и в эпоху Чингис-хана даже тогда, когда созидалось его кочевое государство». «Все племена и народы, вошедшие в состав монгольской империи Чингис-хана, все делаются «Унаган-Боголами» его и его рода»[1]. То же самое повторяет Л. П. Потапов: «Владения Чингис-хана, населенные различными племенами и народностями, были объявлены частной собственностью Чингисидов. Они были разделены на уделы — улусы между династийными собственниками. Их население — кочевое и оседлое — оказалось живущим на земле, составляющей собственность монгольских феодалов, и таким образом попало в феодальную зависимость от последних»[2]. Значит, целые племена и народы без исключения становятся «Унаган-Боголами», то есть классом крепостных крестьян. Выходит, что в период татаро-монгольского ига все покоренные монголами народы, в том числе русский народ, превратились в «класс крепостных» (?!). Такая трактовка вопроса о зарождении и формировании классов феодального общества по существу означает объяснение появления классов и классовых отношений под действием не внутренних, а только внешних факторов, действием завоеваний. По мысли Б. Я. Владимирцева и Л. П. Потапова, происходило сплошное насаждение монголами феодальных отношений на всей завоеванной ими территории, несмотря на то, что у подавляющего большинства вошедших в империю Чингис-хана народов уровень развития общественно-производственных отношений был несравненно более высоким, чем у монголов. Монголы

[1] *Владимирцев Б. Я.* Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). Л., 1934, стр. 98, 99.

[2] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. — Вопросы истории, 1954, № 6, стр. 82.

Чингис-хана ничего качественно нового и прогрессивного в структуру общества завоеванных ими народов не внесли и внести не могли[1]. Известно, например, что золотоордынские ханы, устроившись в г. Сарае, построенном в 60 верстах от Астрахани, распространяли свою непосредственную власть лишь на ближайшие полупустынные области восточной России от Казани до Дона, и на берега Черного моря, особенно на побережье Крыма. Они представляли княжествам центральной и западной России свободу управления, разрешали им вести между собою войны и даже выступать против других неприятелей, если только они платили им дань и являлись в г. Сарай для оказания почестей ханам.

Золотая орда не была монолитным государством в этническом и тем более в социально-экономическом отношениях. Она не была способна устранить в какой-то степени контраст между оседлыми земледельцами и кочевниками. Если на западе Золотой орды в основном простирались черноземные с волнистой поверхностью пространства, покрытые лесами, обитатели которых веками занимались земледелием и постепенно превращали силой примера в земледельцев многих из числа проходивших через них завоевателей, то на востоке ее простирались в основном необъятные сухостепные, пустынные и полупустынные пространства, обитатели которых не были прочно привязаны к земле, по-прежнему занимались кочевым скотоводством, систематически подвергаясь ограблению Золотой ордой.

Для всех союзов племен, кочевых тюрко-монгольских народов северо-восточной Азии, с древних времен было характерно то, что они жили на громадной равнине; стада и табуны выращивались на естественных пастбищах; но у них ничего не было, что могло бы служить убежищем или защитой от врагов. Если какой-нибудь предводитель племени или союза племен терпел в войне поражение, то ему отрубали голову, казнили его детей и братьев, а население покорялось и входило в состав племени победителя, умножая тем самым его численность. Такое положение, когда различные кочевые племе-

[1] «Монголы не дали цивилизованному миру никакого культурного приобретения, за исключением разве одного — именно соколиной охоты» (Реклю Э. Человек и земля, т. IV. Спб., 1907, стр. 211).

на или союзы племен постоянно воевали друг с другом, беспрерывно покоряя друг друга, когда политический союз каждой побежденной группы разрушался, когда отношения господства и подчинения между поработителями и порабощенными часто менялись, существовало с древних времен. В таком положении не раз пребывали кочевые и оседлые народы Азии как задолго еще до нашествия монголов Чингис-хана, так и после него.

В обыденной жизни все эти тюрко-монгольские кочевые народы не могли скопляться в большом количестве и значительно поднять плотность населения на определенной территории, так как это было несовместимо с их пастбищно-экстенсивным кочевым скотоводством. Они могли объединяться только на короткое время. «Это объединение и происходит, когда какой-нибудь их вождь подчинит своей власти многих других вождей, после чего им остается одно из двух: или снова разойтись, или отправиться совершать завоевания в пределах какой-нибудь империи»[1]. При каждом таком нашествии или походе все рядовые кочевники выступали в качестве бойцов. Они получали от своих вождей «боевого коня и грозный дротик. Не изысканная, но обильная пища служит для них как бы жалованьем. Вождь поддерживает свою щедрость только посредством войны и грабежа. Их гораздо труднее убедить обрабатывать землю и ждать жатвы, чем бросить вызов противнику и получить раны в бою. Они не станут приобретать потом того, что могут добыть кровью»[2].

Теория «кочевого феодализма» Б. Я. Владимирцева по существу есть повторение теории насилия Дюринга. Дюринг писал: «Весьма важным обстоятельством является то, что фактически господство над *природой* произошло (господство произошло!— Ф. Э.) только благодаря господству *над человеком* вообще (!). Хозяйственное использование земельной собственности на значительных пространствах никогда и нигде не осуществлялось без предшествующего порабощения человека и принуждения его к тому или иному виду рабского или барщинного труда. Установление экономического господства над вещами имело своей предпосылкой политическое, соци-

[1] *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955, стр. 397.
[2] Там же, стр. 657—658.

альное и экономическое господство человека над человеком»[1]. Ф. Энгельс на это замечает: «Итак, чтобы доказать, что человек для подчинения себе природы должен был предварительно поработить другого человека, г. Дюринг превращает без дальнейших околичностей «природу» в «земельную собственность на значительных пространствах», а эту земельную собственность — неизвестно чью — он обращает тотчас же в собственность крупного землевладельца, который, разумеется, не может обрабатывать свою землю без помощи порабощенных людей»[2]. Далее Ф. Энгельс относительно утверждения Дюринга будто бы для ведения хозяйства на больших земельных пространствах всегда и везде требовались помещики и парабощенные люди говорит, что это высказывание является чистейшим продуктом свободного творчества и воображения.

Марксизм-ленинизм давно установил, что никакое насилие и никакое завоевание сами по себе не могут насаждать новые высшие социальные отношения, если для этого нет экономических условий внутри данного общества. Только при наличии материальных, экономических предпосылок насилие могло выступать как «экономическая потенция» или, по образному выражению Маркса, в роли «повивальной бабки», когда старое общество «беременно новым». По нашему мнению, рассматривать военно-кочевую империю Чингис-хана, совершенно не имевшую своей экономической базы и представлявшую собою временное и непрочное военно-административное объединение кочевых племен, и ее общение с внешним миром как закономерное проявление якобы феодальных отношений у кочевых народов — неверно. В действительности Чингис-хан превратил весь монгольский народ лишь в «правильно организованное войско, в котором старинный родоплеменной принцип организации сменяется милиционно-территориальной системой с правильным делением на десятки, сотни, тысячи и тумены (10 тысяч), являющиеся одновременно и военно-мобилизационными и административными единицами»[3].

---

[1] Цит. по работе Ф. Энгельса, Анти-Дюринг, М., 1957, стр. 163 (курсив Ф. Энгельса).

[2] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг, М., 1957, стр. 164.

[3] *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации, М.— Л., 1948, стр. 290.

Поэтому нельзя признать правильным тезис Л.П. Потапова о том, что благодаря завоеванию монголов племена и народности, в том числе предки современных казахов, киргизов, каракалпаков, значительной части узбеков, алтайцев и др. «были вовлечены в процесс развития феодальных отношений. С этого времени (то есть с момента завоевания — *С. Т.*), как и в дальнейшем, в период распадения монгольской державы и образования новых различных государств кочевников, феодальные отношения стали господствующим типом общественных отношений»[1]. Такое утверждение неверно, потому что, во-первых, конгломератную «монгольскую державу» нельзя считать каким-то монолитным социально-экономическим строем; во-вторых, весьма сомнительно, что все тюркоязычные народы — предки казахов, каракалпаков, киргизов, алтайцев, узбеков и др.— стояли на одном уровне развития, что раньше все они не знали никаких классовых отношений, что они сразу благодаря завоеванию монголов оказались вовлеченными в сферу «феодальных отношений» (если бы это было так, то это говорило бы о большом «прогрессивном» значении для этих народов кровавых злодеяний монгольских насильников, которые якобы своим нашествием насаждали среди покоренных народов более высокую форму общественных отношений); в-третьих, не монгольские кочевники насаждали феодальные отношения среди народов на завоеванной ими территории, а, наоборот, процесс феодализации среди самих этих кочевников происходил под влиянием высокой культуры оседлых земледельческих народов Средней Азии, России и Китая[2]; в-четвертых, получается полное отождествление кочевого образа жиз-

---

[1] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.— Вопросы истории, 1954, № 6, стр. 84.

[2] «...Так называемая «золотоордынская культура» на деле не что иное, как культура хорезмийская, импортированная на Волгу. Все легенды о якобы высоком культурном уровне золотоордынских татар, культивировавшиеся у нас антимарксистской школой Покровского, не имеют под собой никакого основания. Весь внешний блеск золотоордынских памятников — краденый, подобно тому, как на военном и фискальном грабеже было основано самое существование этой реакционной, разбойничьей, полурабовладельческой варварской державы». (Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948, стр. 309).

ни казахов, который они вели в течение XV и до начала XIX века в пустынных, полупустынных и сухостепных просторах центральной части современной территории Казахстана, с образом жизни земледельческих (с древней культурой и городской жизнью) народов Мавреннахра.

Ошибка Л. П. Потапова и его сторонников состоит в том, что все они полагают, что якобы уровень общественно-экономического развития народов, завоеванных монголами Чингис-хана и Батыя, был одинаковым. А если и не был одинаковым, то, как утверждают они, монгольскими завоевателями все покоренные ими народы были в своем социально-экономическом развитии нивелированы. Ошибочность подобных предположений не требует особых доказательств.

Л. П. Потапов и его сторонники, видимо, не допускают мысли о том, что многие из числа кипчакско-монгольской аристократии под влиянием местных условий стали типичными оседлыми феодалами в Крыму, Булгаре, на Нижней Волге и в оазисах Средней Азии, тогда как все тюрко-монгольские кочевники на далеком юге России и на необъятном пространстве, раскинутом между Волгой и Иртышом, Сибирской низменностью и бассейнами Каспия, Арала и Сыр-Дарьи, продолжали вести свой прежний образ жизни, оставаясь «полуварварскими» и «полуцивилизованными» кочевниками на протяжении всей истории существования Золотой орды.

О том, что это было так, говорят исторические факты. Иоанн де Плано Карпини в 1246 году сообщает: «Мы проехали всю землю половецкую, обширную равнину, где текут реки: Днепр, Дон, Волга, Яик и где летом кочуют татары, повинуясь разным воеводам, а зимою приближаются к морю Греческому (или Черному). Сам Батый живет на берегу Волги, имея пышный, великолепный двор, и 600 000 воинов, 160 000 татар и 450 000 иноплеменников, христиан и других подданных»[1]. Такая армия была орудием завоевания чужих стран, грабежа и выколачивания дани с подвластных народов и племен. «Земля половецкая во многих местах есть дикая степь: жители истреблены татарами или бежали; другие признали себя

[1] Цит. по работе Карамзина Н. М. История государства Российского, т. IV. М., 1903, стр. 22.

их подданными. Она граничит к северу с Россиею, Мордвою, Болгариею, Башкириею, отечеством венгров и с самоедами, обитающими на пустынных берегах Океана; к югу с аланами (осетинцами), черкесами, козарами и Грециею. За половцами начинается страна кангитов (канглей или хвалисов), совершенно безводная и малонаселенная. В сей печальной степи (ныне киргизской — Н. М. Карамзин) умерли от жажды бояре Ярослава, князя Российского, посланные им (Батыем — *С. Т.*) в Татарию: мы видели их кости. Вся земля опустошена моголами; жители, не имея домов, обитают в шатрах, и так же, как половцы, не знают хлебопашества, а кормятся одним скотоводством»[1].

Доказательством появления типичных феодалов из числа кипчакско-монгольской аристократии могут служить следующие факты. Некий Мухаммед, сын Хаджи Байрама, был крупным помещиком в окрестностях Судака в Крыму, которому Тимур-Кутлуг выдал подтвердительный тарханный ярлык [2]; «во время ханствования Джанибека год лошади был дважды: в 1342 году и в 1354 году... Тайдула (жена хана Джанибека—*С. Т.*) имела обширный земельный удел, и даже название города Тула производят от ее имени, поэтому она и давала тарханные ярлыки русскому духовенству только касательно своих владений»[3]. Такие феодалы владели землями и водами, виноградниками и садами, банями и мельницами, деревнями и другими видами недвижимой собственности. Не подлежит сомнению, что простые люди тюркского, монгольского или иного происхождения, работавшие в подобных владениях и имениях, находились в полной феодальной зависимости. На таком уровне развития феодальных отношений никак не могли стоять золотоордынские тюрко-монгольские скотоводческие племена в XIII—XIV веках, кочевавшие в половецкой и кангитской (казахской) степях. Об отсутствии особых изменений после походов Чингис-хана и во время существо-

---

[1] Цит. по работе Карамзина Н. М. История государства Российского, т. IV. М., 1903, стр. 22.

[2] *Греков Б. Д.* и *Якубовский А. Ю.* Золотая орда и ее падение. М.— Л., 1950, стр. 109.

[3] *Веселовский Н. И.* Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой орды русскому духовенству.— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. XXXIV. Спб., 1909, стр. 531.

вания Золотой орды в общественно-экономической жизни у этих тюркских и монгольских кочевых племен арабский писатель XIV века ал-Омари указывал, что монголы «смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их, и все они стали точно кипчаки, как будто они одного с ними рода»[1]. «Золотая орда — общество не только кочевое, но и оседлое, с пестрым этническим составом, где сами монголы являлись, как мы видели, столь незначительным меньшинством, что постепенно утеряли даже свой язык. В степи, в Дешт-и-Кипчак, в XIII и даже в XIV веке картина едва ли была значительно иной, чем это наблюдалось в Монголии накануне завоеваний Чингис-хана»[2].

Держава Чингис-хана и Золотая орда в действительности были такими же государственными образованиями, какие были в VI—X веках нашей эры у алтайских тюрок и енисейских кыргызов. В истории алтайских тюрок и енисейских кыргызов были периоды, «когда их молодая государственность подчиняла себе огромные пространства Центральной Азии, населенные другими народностями и племенами. В такие периоды их расширившиеся государства были очень близки к тем империям древности и средневековья, которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения. Эти империи не только не имели, но и не могли иметь единого для империи языка. Они представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»[3].

Преувеличенная оценка уровня развития тюрко-монгольских кочевых племен XII-XIII веков, по нашему мнению, является результатом идеализации древних и средневековых кочевников, она неизбежно отдает дань «теории» современных реакционных историков, которые кровавое грабительское нашествие гуннов Аттилы на народы Европы, имевшее такое же реакционное значение,

---

[1] Материалы по истории каракалпаков.— Труды Института востоковедения, АН СССР, т. VII. М.— Л., 1935, стр. 16.

[2] *Греков Б. Д.* и *Якубовский А. Ю.* Золотая орда и ее падение. М.— Л., 1950, стр. 104.

[3] *Киселев С. В.* Древняя история южной Сибири. М., 1951. стр. 491.

как нашествие монголов Чингис-хана и его потомков на Среднюю Азию, Восточную Европу и Китай в средние века, изображают как явление положительное.

«Полуцивилизованные» кочевые монголы Чингис-хана, точно так же, как кочевники гунны в древности, подвергли разорению огромную территорию Азии и Восточной Европы. «Свирепые воины Чингисхановы в два или три года опустошили всю землю от моря Аральского до Инда, так что она в течение шести следующих веков уже не могла вновь достигнуть до своего прежнего цветущего состояния»[1].

Татаро-монгольское иго в России, по словам Маркса, не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа. Господство монголов надолго задержало хозяйственное и культурное развитие русских земель. Целью походов Чингис-хана было ограбление и порабощение народов. По монгольским сказаниям, Чингис-хан говорил: «Наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмутившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что он имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, (в том, чтобы) сесть на его хорошего хода с гладкими крупами меринов, (в том, чтобы) превратить животы его прекрасноликих супруг в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розоцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды (унаб) сосать»[2]. Этим принципом руководствовался и Батый при опустошении России. Например, при взятии г. Рязани: «Веселяся отчаянием и муками людей, варвары Батыевы распинали пленников, или, связав им руки, стреляли в них как в цель для забавы; оскверняли святыню храмов насилием юных монахинь, знаменитых жен и девиц в присутствии издыхающих супругов и матерей... Весь город с окрестными монастырями обратился в пепел. Несколько дней продолжались убийства. Наконец исчез вопль отчаяния: ибо уже некому было стонать и плакать. На сем ужас-

---

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. III. М., 1903, стр. 114.

[2] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей, т. I, кп. 2. М.— Л., 1952. стр. 265.

ном театре опустошения и смерти ликовали победители, снося со всех сторон богатую добычу»[1].

Эксплуататорская верхушка завоевателей-кочевников с огромным количеством воинов вела по существу паразитический образ жизни за счет покоренных земледельческих народов, постоянно выкачивая в громадном количестве продукты земледелия и ремесла в виде дани для своего непроизводительного потребления[2].

Все покоренные монголами земледельческие народы стояли на значительно более высокой ступени развития благодаря оседлости и наличию частной собственности на землю. Появление частной собственности на землю играло громадную роль в деле прогресса в обработке земли и росте производительности труда в земледелии, чего не было у кочевников.

Для доказательства наличия феодальной земельной собственности у древних кочевников Азии в III—II веках до нашей эры Л. П. Потапов указывает на племенные союзы гуннов. «Кочевники,— пишет он,— весьма ценили территорию своего обитания и кочевания. Когда гуннскому хану (шаньюю) Модэ посоветовали уступить часть территории соседям, чтобы сохранить с ними добрососедские отношения, он очень разгневался и заявил: «Земля есть основание государства; как можно отдавать ее?» Всем советовавшим отдать землю отрубил головы»[3]. Однако из этих слов Модэ еще нельзя сделать вывод, что у гуннов в III—II веках до нашей эры господствовало феодальное землевладение. Кроме того, точка зрения

---

[1] *Карамзин Н. М.* История государства Российского, т. III. М., 1903, стр. 136.

[2] «Варвары-монголы не были в состоянии создать устойчивое политическое объединение на огромной территории их завоеваний. «Монгольская империя» распалась на фактически независимые улусы уже при внуках Чингиса. И сами эти улусы проявили известную устойчивость лишь в той мере, в какой потомкам завоевателей удалось использовать уже сложившиеся связи, экономические и политические. Монголы выступают всюду в качестве паразитического нароста на теле местных политических объединений, традиции которых восходят к домонгольскому времени. Юаньская империя использовала связи средневекового Китая, хулагидская — Ирана» (Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. — Л., 1948, стр. 318).

[3] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.— Вопросы истории, 1954, № 6, стр. 80—81.

Л. П. Потапова, признающего «феодализм» у гуннов, с неизбежностью приводит к признанию прогрессивности нашествия этих гуннов на Запад, ибо «феодализм» был более прогрессивной общественной формацией, чем античное рабство, которое тогда процветало в Римской империи.

В действительности ни о каком феодальном способе производства у гуннов говорить не приходится. О кочевниках гуннах даже спустя шестьсот-семьсот лет после того периода, о котором говорит Л. П. Потапов, римский историк Аммиан Марцеллини писал: «Они питаются кореньями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть... Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им жалкие одежды, сближаются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден — далеко оттуда, вырос — еще дальше»[1].

При таком уровне общественно-экономического развития кочевники, начиная с гуннов и кончая монголами и другими, постоянно разрушали производительные силы и памятники культуры оседлого общества, а сами были поголовно неграмотными и не были в состоянии оставить каких-либо существенных памятников материальной и духовной культуры.

Переоценка Л. П. Потаповым общественно-производственных отношений у кочевников, и определение их как развитых феодальных нашла свое выражение в его тезисе об особой исторической роли скотоводческих кочевых племен как «классообразователей». Л. П. Потапов пишет: «В процессе классообразования скотоводческие племена сыграли большую роль»[2].

В действительности в образовании классов особая роль принадлежит не скотоводческим кочевым племенам.

---

[1] *Вестник древней истории*, 1949, № 3, стр. 301.

[2] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.— Вопросы истории, 1954, № 6, стр. 74.

Образование классов связано с появлением частной собственности на средства производства, независимо от того, были ли такими средствами производства стада и табуны или земля.

Экономической основой появления противоположных классов в скотоводческом обществе был переход стад и табунов из общего владения племени или рода в частную собственность глав отдельных семей. Появление частной собственности на стада и табуны вызвало целую революцию в производственных отношениях людей.

Мнение, признающее особую роль скотоводческих кочевых племен в классообразовании, с неизбежностью ведет к признанию прогрессивности грабительских нашествий и насилий древних и средневековых кочевников.

Известно, что «вообще возникновение частной собственности в истории ни в каком случае не является результатом грабежа и насилия»[1].

В. И. Ленин указывал, что никакое насилие не было в состоянии изменить старые устои русского общества в течение ряда веков без изменения его экономической основы. Общественно-экономическая жизнь России не могла быть переустроена голым насилием, никакими политическими событиями — ни бесконечными феодальными войнами между русскими князьями, ни страшным «кровавым болотом» — татаро-монгольским игом. Подчеркивая это положение, В. И. Ленин писал: «Именно потому и прогрессивен капитализм в русском земледелии, что он обнаружил «пренебрежительное отношение» к «исконным», «освященным веками» формам отработков и кабалы, которых действительно не могли сломать никакие политические бури до «удельных безурядиц» и «татарщины» включительно»[2].

Из всего сказанного вытекает вывод, что так называемая кочевая империя Чингис-хана по своему социально-экономическому и политическому строю не была, как изображалась Б. Я. Владимирцевым и изображается современными его последователями, феодальной монархией, а была лишь военно-кочевым полурабовладельческим и полуфеодальным государственным образованием,

---

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг, М., 1957, стр. 151.

[2] *Ленин В. И.* Соч., т. 3, стр. 272 (вторая сноска).

представлявшим собою случайные и мало связанные конгломераты племен и народов, не имевшим под собой прочной экономической базы.

При организации кровавого крайне реакционного грабительского нашествия монголов Чингис-хан выступил как удачливый военный вождь полуварваров-кочевников, ловко использовавший военно-племенной строй и «варварскую сплоченность» монголов. В результате Чингис-хану удалось превратить все монгольские и покоренные им племена в правильно организованное войско с традиционным делением на десятки, сотки, тысячи и тумены, являвшиеся одновременно военно-мобилизационными и административными единицами. Поэтому конец широкого завоевательного похода Чингис-хана был по существу и концом эфемерной его кочевой империи.

Значит, на всех этапах истории человечества кочевое скотоводческое хозяйство никак не могло, пока оно оставалось самостоятельным видом материального производства, создать условий для более или менее интенсивного развития экономики и культуры страны, следовательно, оно не способствовало накоплению богатств материальной и духовной культуры народа.

Глава четвертая

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАХСКИХ ЖУЗОВ, ОБУСЛОВИВШЕЕ В 30-х ГОДАХ XVIII в. ДОБРОВОЛЬНОЕ ПРИСОЕДИНЕНИЕ ИХ К РОССИИ

Золотая орда проводила реакционную политику угнетения чужих стран и народов путем военного грабежа и выколачивания непосильной дани. Она представляла собою систему отсталых патриархально-феодальных отношений, утвердившуюся главным образом на базе кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства.

Образование в XV веке могущественного централизованного русского государства, сбросившего в итоге более чем двухвековой героической борьбы русского народа за свою независимость татаро-монгольское иго, было громадным прогрессивным явлением в мировой истории.

Несмотря на большое отставание в своем экономическом и политическом развитии от европейских стран в связи с длительным нахождением под татаро-монгольским игом, Россия сразу же выступила на мировой арене как исполинская сила, оказавшая освободительное влияние на все страны мира, где так или иначе существовало татаро-монгольское владычество.

Казахское кочевое ханство образовалось в середине XV века из осколков распавшейся Золотой орды и из различных мелких, беспорядочно боровшихся друг с другом кочевых племен, именовавшихся тогда узбеками и ногаями, в низовьях реки Чу и пустыне Бетпак-Дала.

Здесь сложилось племенно-феодальное, военно-кочевое объединение, совершавшее передвижение на пустынных и сухостепных просторах центральной части современной территории Казахстана.

Разрозненные кочевые казахские племена и роды образовали между собой известный союз в виде кочевого ханства, которые по-прежнему находились в состоянии межплеменных раздоров, грабительских войн, продолжавшихся вплоть до завершения присоединения казахских жузов к России. «Орды делились на поколения, поколения на роды, роды на отделения, отделения на подотделения, подотделения на аулы. Все эти поколения, роды, отделения и подотделения находились в постоянной вражде между собою»[1]. Широкое распространение и полное господство на большом пространстве пустынь и степей у казахов XV столетия кочевого скотоводства с военно-походным образом жизни, после разложения Золотой орды, было одним из отрицательных последствий татаро-монгольского господства.

Экономический строй чисто кочевого хозяйства казахов не имел в себе серьезных потенциальных возможностей для заметного развития производительных сил общества. Он мог в лучшем случае сохранить, законсервировать на длительный срок переходную систему производственных отношений в форме патриархально-феодальной с родовым бытом и отсталой политической надстройкой — полуфеодальным кочевым ханством.

В XV веке, когда в мировом масштабе завершался процесс разложения феодализма и происходило бурное развитие капитализма, широкое распространение кочевого скотоводческого хозяйства казахов, несмотря на свой относительно более высокий уровень развития по сравнению с древним и средневековым кочевым скотоводческим обществом, что выражалось в большем приспособлении структуры стад и хозяйственного инвентаря к беспрерывной кочевой жизни в суровых почвенно-климатических условиях, не было явлением прогрессивным.

История показывает, что прогрессивное развитие кочевого скотоводческого общества с неизбежностью долж-

---

[1] *Костенко Л.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. Спб., 1870, стр. 32.

но было привести к оседлому образу жизни, в противном случае такое общество должно было исчезнуть, как это случилось со многими кочевыми народами древности и средневековья, в частности, с джунгарами и ногайцами, кочевавшими в основном на территории современного Казахстана.

На всем протяжении существования казахских кочевых ханств взаимоотношения их со всеми соседними кочевыми и оседлыми народами не были мирными и добрососедскими. Насилие, грабеж и война были постоянными спутниками их жизни. На основании изучения за период свыше 70 лет жизни казахов Младшего жуза, принявших российское подданство, один из представителей русских государственных деятелей Г. С. Волконский пришел к верному выводу, что «тишина, спокойствие и взаимное дружелюбие никогда не были уделом сих кочевых своевольных народов... Раздоры между родоначальниками, неповиновение сих подданных и всегдашние ссоры, драки и враждование всегда существовали в казахах»[1].

Народные массы постоянно страдали от беспрерывных внутренних и внешних войн, взаимного истребления людей, грабежа, мучительного кочевого образа жизни. Они страдали также от неустойчивости и шаткости общественного производства — кочевого скотоводства, систематически приводившего к голоду и эпидемиям. Об этом говорит масса зарегистрированных в конце XVIII и начале XIX вв. фактов. В одном из документов мы читаем: «Бедные казахи, дошедшие до крайней нищеты и не имеющие пропитания, частью располагаются кочевьями при Оренбургской линии в близости к крепостям и форпостам. Число сих обнищавших можно полагать примерно от 2 000 до 3 000 человек обоего пола; рассеянных же по пространству степи, подобно им бедных же, совершенно предположить нельзя как потому, что не кочуют они при линии... Однако ж, вообще полагать можно (вместе) с кочующими при линии до 10 000 человек, ибо по мере умаления скота во время зимнее от холоду (от джутов — *С. Т.*) возрастает их нищета и увеличи-

[1] Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.), т. IV. М.— Л., 1940, стр. 218.

вается число бедных»[1]. «Народ Киргиз-Кайсацкой Меньшей орды по причине междоусобной баранты не только потерял тишину и спокойствие, но уже стоит на краю гибели»[2].

Подобный же кризис переживало кочевое общество ногайцев в XVI веке. Ногайцы были одним из соседних и постоянно враждовавших с казахами народов. Они так же, как и казахи, не имели постоянных селений и городов, а кочевали в открытой степи. По свидетельству Дженкинсона, в самую лучшую пору жизни всякий ногайский мурза (бай) имел около себя группу подчиненных людей с семействами и со скотом. Когда скот съедал всю траву, они перекочевывали в другое место. Они точно так же, как казахи, не могли заниматься ни ремеслом, ни наукой, ни искусством, за исключением военного, в котором они были достаточно опытны. По преимуществу этот народ был пастушеским, владевшим множеством скота, составлявшего все его богатство[3].

Кризис кочевого хозяйства ногайцев и соседних с ними кочевников выразился в прямом и систематическом разрушении основных элементов производительных сил кочевого общества. Ногайцы в середине XVI в. занимали всю территорию на левом берегу Волги от Камы до Астрахани и дальше по северному и северо-восточному берегу Каспийского моря, граничащую с землей туркменов и казахов. Недостатка в пастбищах у них не было. Но изобилие пастбищных пространств не могло служить основой для процветания жизни кочевников ногайцев, разъедаемой социально-экономическими противоречиями, так как сами по себе эти пастбища не могли служить решающим фактором, дающим жизненную энергию обществу и двигающим вперед его экономику и культуру. Картину кризиса кочевого хозяйства ногайцев в 1558 г. достаточно убедительно нарисовал Дженкинсон. Он писал: «В бытность мою в Астрахани в 1558 г. население совершенно было расстроено гражданскими усобицами, голодом, мором и т. п. бедствиями до такой степени, что в этом году померло до 100 тыс. человек; подобного бед-

[1] Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.), т. IV. М.—Л., 1940, стр. 234.
[2] Там же, стр. 224.
[3] Известия англичан о России XVI века. М., 1848, стр. 38.

ствия здесь не запомнят, так что ногайская земля, изобилующая пастбищами, останется не населенной»[1].

Экономическая катастрофа и вымирание ногайцев были концентрированным выражением всех внутренних и внешних противоречий кочевого общества. Поэтому, когда мы говорим о полном упадке и кризисе кочевого хозяйства казахов в XVIII в., то мы вовсе не можем и не должны объяснять все это недостатком пастбищ или каким-то мнимым выселением казахов в «бесплодные пустыни», как это делают некоторые историки. Критическое положение ногайцев в XVI и казахов XVIII столетиях вовсе нельзя объяснить тем, что Россия якобы стеснила их в пастбищах. Объяснение надо искать в кризисе самой системы кочевого хозяйства. Только при таком подходе к вопросу можно понять, почему ногайцы как народ исчезли с лица земли и почему кочевое общество казахов оказалось в состоянии глубокого кризиса.

Основной причиной обнищания казахских кочевников было разложение самой системы кочевого хозяйства в XVIII и начале XIX вв. Взаимные грабежи, истребление людей, патриархально-феодальный гнет трудящихся и уничтожение стад табунов окончательно лишали их возможности рационально использовать пастбища, подрывали и истощали хозяйство массы трудовых кочевников, способствовали обогащению патриархально-феодальной верхушки — султанов, батыров, биев и баев. Недоучет этого главного момента привел отдельных исследователей дореволюционной истории Казахстана к ошибочному выводу, что все эти отрицательные явления в общественно-экономической жизни народа были якобы прямым результатом принятия казахскими племенами Младшего жуза российского подданства. Так, М. П. Вяткин пишет: «Принятие русского подданства ханом Абулхаиром в 30-х годах XVIII в. облегчило наступление феодально-крепостнической Росссии на казахские степи... Наступлением руководил первый Оренбургский губ-р И. И. Неплюев. В военном отношении деятельность Неплюева сводилась к концентрации на Яике регулярных войск, затем к составлению так называемого «запасного плана», содержащего проект мобилизации местного, как русского, так и нерусского населения для военных «поисков»,

[1] Известия англичан о России XVI века. М., 1848, стр. 38.

то есть нападений на казахов, и, наконец, к созданию укрепленных линий... Линии укреплений не являлись оборонительными. Эти линии ограничивали районы кочевий казахов: жалобы на стеснение кочевок мы встречаем в документах еще 40-х годов (XVIII в.)»[1].

Такое освещение вопроса исторически и теоретически неверно. Во-первых, казахские степи не были завоеваны русским государством. Младший, а затем Средний и Старший казахские жузы присоединились к России по доброй воле. Во-вторых, присоединение Младшего жуза к России не только не означало сужения территории его, наоборот, последняя была значительно расширена. Что касается действительно имевших место в более поздний период выездов в степь карательных отрядов русских пограничных войск, то они не были завоевательными походами, а были большей частью ответной реакцией на грабительские налеты казахских батыров и султанов, в ходе которых немало страдали и неповинные в этих грабежах казахские аулы. Поэтому эти факты никак не могут умалить прогрессивное значение добровольного присоединения казахских жузов к России. Не следует забывать, что ни одно прогрессивное изменение в жизни общества никогда не происходило без жертв. В. И. Ленин писал: «В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения...»[2].

До недавнего прошлого для ряда казахстанских историков отрицание М. П. Вяткиным прогрессивного значения присоединения казахских жузов к России служило теоретической базой для восхваления всяких реакционных, антинародных и тормозивших этот процесс выступлений против России многочисленных казахских батыров и султанов. Большая ошибка М. П. Вяткина заключается в том, что он, полностью отрицая прогрессивное значение добровольного присоединения казахских жузов

---

[1] *Вяткин М. П.* Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII—нач. XIX вв. (Введение). В кн.: Материалы по истории КазССР, т. IV. М., 1940, стр. 3.

[2] *Ленин В. И.* Соч., т. 21, стр. 271.

к России, поднял на щит реакционных казахских батыров и султанов, которые боролись против этого присоединения. Наиболее ясно эта точка зрения изложена им в «Очерках по истории Казахской ССР», изданных в 1941 году. О реакционном движении батыра Срыма Датова, боровшегося в течение 14 лет против присоединения казахов Младшего жуза к России, мобилизовавшего вокруг себя все реакционные силы, изживающего себя кочевого общества казахов, а также пользовавшегося моральной поддержкой международной реакции в лице среднеазиатских ханств и турецкого султана, он писал: «...подъем движения Срыма был вызван угрозой превращения Младшей орды в колонию. Движение носило характер освободительной борьбы. Отряды Срыма напали на Илецкий городок, подготовлялось нападение на Красногорскую крепость»[1]. Дальше он продолжает: «Срым никогда не поднимался до понимания противоположности интересов масс и старшин (он сам крупнейший старшина байбактинского рода и зять хана — *С. Т.*). Его сознание также было сковано патриархально-родовыми формами быта. Поэтому, а не только в силу своей классовой принадлежности, он никогда не ставил целей борьбы против родовых старшин как социальной группы»[2].

Но ошибка М. П. Вяткина не ограничивается только неправильной оценкой движения батыра Срыма, она в такой же степени относится к оценке реакционного движения султана Кенесары Касымова, которое он характеризовал как крупнейшее антиколониальное национально-освободительное[3].

Что из себя представляло движение Кенесары Касымова, сейчас уже хорошо известно. Это движение, подобно движению батыра Срыма Датова, было одним из бурных проявлений протеста против добровольного присоединения казахских жузов к России со стороны крайне реакционных элементов. Передовые силы казахского общества решительно боролись против этих реакционных выступлений. Г. Н. Потанин писал: «Рассказы Чокана (Валиханова — *С. Т.*) о казахах были очень интересны. Конечно, он мог бы очень занимательно написать исто-

[1] *Вяткин М. П.* Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941, стр. 202.

[2] Там же, стр. 212.

[3] Там же, стр. 273.

рию казахских восстаний под водительством его дядей Саржана и Кенесары... Степь тогда разделилась на две партии: русскую и национальную... Антогонизм двух партий проявлялся во всех явлениях жизни, даже в тенсонах казахских певцов на тризнах. Памятно было в народе состязание между двумя певцами на тризне о богатом бие Сапаке; тут певец Утебай пел куплеты, в которых доказывал пользу для казахского народа от подчинения русской власти, а другой певец оспаривал его доводы»[1].

Историки, отрицавшие прогрессивное значение присоединения казахских жузов к России, всякие реакционные движения и грабежи, совершаемые необузданной военщиной — казахскими батырами и султанами в XVIII и начале XIX вв., квалифицировали как борьбу «простого народа» за пастбища, следовательно, как национально-освободительную борьбу против захвата Россией казахских земель и выселения казахов в «бесплодные пустыни»[2]. В действительности территория кочеваний казахских жузов в XVIII веке по сравнению с той территорией, на которой они кочевали в XVI и XVII вв. намного расширилась. В XVI и XVII вв. казахская земля заключалась в следующих условных границах: на западе — до Мугоджарских гор, на севере — до Арало-Иртышского водораздела, на востоке — до реки Сары-Су и Чу, на юге — до реки Сыр-Дарьи. После года «великого бедствия» (1723 г.) и в результате военного успеха, одержанного над джунгарами в 1729 году границы кочевания казахов Младшего и Среднего жузов значительно изменились. Их границы впервые дошли на севере до рек Убаган, Уй, Тобол и Орь, на западе распространили свои кочевья на обширные пространства между Мугоджарскими горами и р. Урал, которые раньше были заняты калмыками.

Исторические документы показывают, что на большей части занимаемой в XVIII веке территории казахи были позднейшими пришельцами, искавшими защиты у русского государства от джунгар, среднеазиатских ханств и от своих же более сильных племенных союзов. Рас-

[1] *Потанин Г. Н.* Биографические сведения о Чокане Валиханове.— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. XXIX, Спб., 1904, стр. XXX—XXXI.

[2] *Вяткин М. П.* Бытыр Срым. М.— Л., 1947, стр. 51.

селяясь по этой территории, они вытесняли других кочевников калмыков, башкир и даже своих соплеменников.

Н. А. Аристов о местах обитания казахских жузов в начале XVIII века писал: «Вытесненные калмыками из восточных своих земель казачьи племена кочевали в это время за Балхашем в бассейнах Ишима, Нуры и Сары-Су, откуда кипчакские орды по необходимости подались к Аральскому и Каспийскому морям, а также на северо-запад, подвигая здесь алчинов и башкиров далее на запад. Оттесненные таким образом к русским границам на Ишиме, Тоболе и Урале и занимая частью земли русско-подданных башкиров и ногаев, Малая и Средняя орды вынуждены были в тридцатых годах XVIII века принять русское подданство, ожидая найти защиту от дальнейших нападений калмыков»[1].

«В XVII веке посреди азиатских кочевых народов возобладали джунгары, вытеснившие соплеменных с ними торгоутов из древнего ойратского кочевья. Торгоуты ушли к рр. Тоболу и Яику, подчинили себе там остатки ногайских племен и начали враждовать с казацкими ордами... А в половине XVIII века...вслед за откочевкой торгоутов на низовья Волги,— к башкирскому кочевью и к Сибири приблизились казахи»[2].

После уничтожения джунгаров маньчжурско-китайскими войсками в 1758 г. казахи подошли к левому берегу Иртыша и на востоке дошли до озера Зайсан[3]. «Казах, по-китайски хасак, есть большое владение, ле-

[1] *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе турецких племен и народностей и сведения об их численности.— Живая старина, вып. III и IV. Спб., 1896, стр. 319.

[2] Записки Зап. Сиб. отд. ИРГО, кн. III. Омск, 1881, стр. 2—3.

[3] «Покоренная Джунгария была разделена на четыре части, превращенные в китайские провинции; но так как калмыки произвели новое восстание, то три китайские армии получили от пекинского двора приказание пройти всю восставшую страну огнем и мечом. Это приказание было исполнено буквально в 1758 году. Более миллиона калмыков разного пола и возраста было убито маньчжуро-китайскими солдатами и вся страна опустошена в конец. Спасшиеся калмыцкие семейства бежали либо в Сибирь, где большею частью перекрестились и поселились в Семипалатинске, либо к своим собратьям — волжским калмыкам. После истребления большей части кылмыков, земли, занимаемые ими до сих пор, опустели; казахи, жившие прежде только на части нынешней своей территории, с дозволения китайского правительства ринулись на восток и заняли все степи от Урала до Черного Иртыша и озера Ала-Куля». (Гейнис А. Н. Киргизские очерки. — Военный сборник, 1866, № 5, стр. 324).

жащее от Или к северо-западу. Это есть древняя Давань (Кангюй). В 21-е лето правления Цянь-лун (1756 г.), когда китайские войска вступили в земли Казачьи, хан их, Аблай, вышел навстречу им и вступил в подданство китайское, почему и получил от государя грамоту на княжеское достоинство»[1].

До 80-х годов XVIII в. казахи даже не доходили до берегов р. Урал. Впервые в 1785 г. хан Младшего жуза Нурали получил письменное разрешение (открытый лист) от оренбургского губернатора О. А. Игельстрома на зимовку на левом берегу Урала против Калмыковской крепости[2]. В октябре 1786 г. Игельстром выдал разрешение (открытый лист) 17 старшинам с подвластным им народом в количестве около 45 тысяч хозяйств расположиться в зимнее время кочевьем на внутренней стороне в случае надобности в кормах[3].

Средний жуз принял подданство России в основном в 1782 году, когда был утвержден ханом этого жуза Вали, сын Аблай-хана. В 1798 году Айтхоже Кочину было разрешено русским правительством кочевать между Семипалитинском и Омском на правом берегу Иртыша с 15 тыс. семейств в связи с притеснением их Вали-ханом. Эти переселенцы казахи назывались «станичными киргизами». Единственная повинность заключалась в уплате натурой 1% со скота[4]. Примерно также в 1801 году было разрешено султану Букею Нуралиханову с 5 тыс. хозяйствами перейти за Урал на земли, покинутые в 1771 г. бежавшими из российской империи калмыками. Поэтому совершенно неверно утверждение М. П. Вяткина об оттеснении в 40-х годах XVIII в. казахов в «бесплодные пустыни». Наоборот, только в этот период благодаря принятию российского подданства казахи частично вышли из сплошной пустыни и заняли такие места, где

---

[1] Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Переведено с китайского монахом Иакинфом. Спб., 1829, стр. 144.

[2] Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828 гг.), т. IV. М.— Л., 1940, стр. 68.

[3] Там же, стр. 84.

[4] «Указом от 30 сентября 1797 г. казахам разрешено селиться внутри империи. Больше 15 тыс. кибиток тотчас же перешло на правую сторону Иртыша». (Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии, с картами и планами, т. I. Спб., 1906, стр. 84—85).

можно было в дальнейшем осесть, заняться сенокошением и земледелием (см. схематическую карту изменений территории кочевий казахов в XV—XIX веках).

Отсталость и малопродуктивность кочевого хозяйства, бедственное положение трудящихся казахских племен были явлениями хроническими; они были постоянными спутниками общественно-экономической жизни казахских кочевников. Казахи страдали от таких явлений еще тогда, когда они совершенно не соприкасались с русскими и кочевали на необъятных пустынных, полупустынных и сухостепных просторах в центральной части современной территории Казахстана. В этот период трудящиеся казахи страдали не столько от земельных ограничений, сколько от отсутствия условий, создающих некоторое ограничение в их землепользовании и возможных только при оседлой жизни. Известное ограничение в землепользовании в отдельных районах в связи с появлением земледелия с начала присоединения казахских жузов к России было уже шагом вперед, положившим начало постепенному изменению хозяйства и образа жизни кочевников.

Появление общей границы между русским государством и казахскими жузами, установление тесной политической и экономической связи между ними, добровольное присоединение к России сначала Младшего жуза, затем появление полукочевого и оседлого образа жизни, в первую очередь среди казахских родов, кочевавших вблизи русских укрепленных пунктов, были новыми и прогрессивными явлениями в жизни воинствующих кочевников. Нельзя согласиться с утверждением М. П. Вяткина о том, что в начале 90-х годов XVIII в. нищета казахских масс возросла особенно вблизи к пограничной линии, что эта нищета проявилась в массовом занятии казахов рыболовством по нижнему течению Урала[1]. По мнению М. П. Вяткина, бедствия в жизни кочевников казахов вызывались не условиями неустойчивого кочевого скотоводческого хозяйства и грабительскими войнами, а условиями, связанными только с присоединением казахских племен Младшего жуза к России, результатом колониальной эксплуатации. В действительности казахские

[1] *Вяткин М. П.* Очерки по истории Казахской ССР, т. I. Л., 1941, стр. 205.

племена и роды в этот период даже не несли никаких повинностей и не платили никаких податей русскому государству. «Вообще подданство казахов было престранное: податей они никаких не платили, повинностей не несли, а наше правительство ухаживало за ними, точно ради славы считаться владыкою казахов! Ханов заманивали в подданство и удерживали в нем щедрыми подарками, а с 1750 г. и жалованием»[1].

Казахи, о которых пишет М. П. Вяткин, в своей массе разорялись и нищали не от мнимой колониальной «эксплуатации» русского государства в 90-х годах XVIII в., а от внутренней междоусобной борьбы, внешних грабительских набегов и систематически повторяющихся «джутов»[2].

Глубоко понимал особенности общественно-экономической жизни кочевников казахов до присоединения казахских жузов к России Ч. Ч. Валиханов. Он писал: «Первое десятилетие XVIII века было ужасным временем в жизни казахского народа..,1723 год особенно памятен казахам своим роковым характером и сохранился в народной памяти. В этот злополучный год, сопровождавшийся глубокими снегами и гололедицей, Голдан-Церен, джунгарский хонтайши, с несметным чериком (войском) вторгается в казахскую степь для наказания кайсаков и бурутов за прежние их набеги и буйства»[3]. В обращении Оренбургского военного губернатора к султанам, биям и старшинам Малой орды 10 мая 1805 года говорится: «Всегдашние ссоры, драки и повсеместное в орде расстройство, доводя казахов до крайней бедности, угро-

[1] *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии, т. I. Спб., 1906, стр. 57—58.

[2] 7 мая 1796 г. в донесении письмоводителя Г. Феткуллина оренбургскому военному губернатору С. К. Вязмитинову о разорении казахов вследствие жестокой зимы сообщается: «У зимовавших по Сыр-Дарье, в урочищах Чун-Бузачи смежно с трухменцами, по Эмбе, Сагызу, в островах Каспийского моря, около Шамского колодца и по прочим степным речкам киргизов в разном скоте произошел великий падеж, так что у некоторых ни лошадей ни барана и ни верблюдов не осталось; у богатых, имевших лошадей и баранов от 2 000 и более, только лошадей до 100, а баранов до 70-ти и до 60-ти, а у бедных до последней скотины вывелось... С голоду малолетние дети многие померли... Киргизкайсацкая Орда дошла до великой гибели». (Материалы по истории КазССР, т. IV, стр. 186—187).

[3] *Валиханов Ч. Ч.* Аблай.— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. XXIX. Спб., 1904, стр. 1.

жают неминуемым падением благосостояния ордынцев»[1].

Разорившиеся и обнищавшие казахи, по указанным причинам, постоянно стремились к русской укрепленной линии, сами добровольно шли в подданство России.

Прилинейные казахи Оренбургского ведомства, как отмечается в одном из документов, в середине XIX века начали заниматься хлебопашеством. «Главная причина, побудившая их к сему — бывшие в прошлых десятилетиях по Орде мятежи и беспорядки, доведение некоторых из них до совершенного разорения,— лишась главного источника богатства своего — скотоводства, удовлетворявшего их во всех нуждах и жизненных потребностях, будучи не в состоянии уже вновь обзавестись таковым, многие из ордынцев, невольно, для снискания себе пропитания шли на линии и поступали к линейным жителям в работники и, находясь долгое время, научились способу возделывания земли и сеянию хлеба,— оставив затем своих хозяев, начали сами заниматься хлебопашеством, сначала приобретая готовые для сеяния земли от казаков, а потом и сами начали оную обрабатывать»[2].

В другом документе, датированном 1834 годом, указывается, «что казахи теснятся около линии не от того, что тут только остались удобные места, но потому что они чувствуют необходимость променивать свой скот на наш хлеб и под нашей защитой укрываться от междоусобной баранты; сие доказывается тем, что если бы Правительство признало полезным вместо перенесения линии вперед, отнести оную назад, то казахи бы следовали за нашим движением, заняли бы места, нами оставленные, и опять бы явились близь линии. Мы их видели на всем протяжении границы Оренбургской губернии, кочующими против наших селений и крепостей, не взирая на удобство или неудобство места собственно кочевьем занимавшегося»[3]. К Российской линии стремились прежде всего те из казахов, которые искали себе защиту от преследования своих враждебных соплеменников[4].

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 206, св. 148, л. 116.

[2] Там же, д. 3591, св. 480, л. 31.

[3] Там же, д. 312, св. 189, л. 6.

[4] В вышеупомянутом донесении Г. Феткуллин сообщает, что в связи с разорением кочевников «те казахи, у которых скот прозимовал благополучно, опасаются, говоря, что между ними спокойствия

Прилинейные казахи, кроме того, приобретали возможность заниматься рыболовством и земледелием. С течением времени они сблизились с русским населением, что дало им возможность обеспечить относительно мирную жизнь.

Казахские военно-кочевые ханства, являвшиеся союзом племен, избежали полного вымирания и участи ногайцев и джунгаров благодаря трем важнейшим обстоятельствам.

Первое. Была введена новая форма кочевания, которая дала несколько большую жизнеспособность казахскому кочевому хозяйству, по сравнению с ногайцами и джунгарами — кочевание исключительно навьюченными верблюдами, отличавшееся большой мобильностью, способностью к дальним переходам, сравнительной быстротой и большей проходимостью по пустынно-степной территории. Казахи отказались от старомонгольского способа кочевого передвижения на неуклюжих колесных телегах с повозками (шатрами), укрепленными на колесах и запряженными во многих случаях быками. Новая форма кочевания позволила увеличить количество кочеваний в году и удлинить кочевые пути, а это давало возможность более интенсивно использовать травы пустынь и степей. Это было своеобразным изменением организации процесса труда, вызванным частичным изменением средств труда, выразившимся в преимущественном разведении лошадей, верблюдов, овец и коз, в полной ликвидации в составе своих стад крупного рогатого скота, неспособного к быстрым и дальним переходам и неприспособленного к почвенно-ботаническим особенностям пустынь, полупустынь и сухих степей[1]. Казахи

уже быть не может, ибо лишившиеся скота своего казахи будут делать великое воровство и барамту. А *потому* нынешнего лета все согласились и намерение положили, чтобы *кочевать при линии»* (подчеркнуто нами — *С. Т.).* (Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, стр. 187).

[1] «По неполным данным в течение четырнадцати лет (1745 по 1759), казахи продавали в Оренбурге 49 697 лошадей и жеребят, 195 447 баранов, 7 740 козлов, 238 быков, а всего скота 252 122 головы, что по тогдашним тарифным ценам стоило почти миллион рублей». Важно заметить, что крупный рогатый скот тогда составил 0,1% или $^1/_{1000}$ часть всего проданного казахами поголовья скота, что дает ясное представление о незначительном удельном весе этого вида скота в хозяйстве кочевников. Это имело место почти через

начали кочевать большими родовыми группами, кочевали «куренями», а не одиночными аулами. В этих условиях военно-кочевой жизни никакой одиночный аул не мог существовать, его моментально разграбили бы степные скитальцы — «жорыкши», не говоря уже об организованных набегах враждебных соседей. Поэтому значительное количество кочевых аулов всегда передвигалось сообща. Такая форма кочевания диктовалась, главным образом, политической обстановкой и базировалась на соответствующем составе стад и общинном владении пастбищем, что приводило к консервации патриархально-родового быта.

Второе. Казахи кочевали на обширной и пустынной территории, которая служила надежным убежищем от преследования полчищ враждебных государств.

Третье — самое главное обстоятельство — принятие казахскими жузами подданства России. Добровольное присоединение Казахстана к России сыграло решающую прогрессивную роль в исторической судьбе казахского кочевого общества. До присоединения к России вся история казахских кочевых ханств была историей кровавой межплеменной борьбы; она была историей беспрерывных взаимных грабительских набегов на все соседние народы, организуемых эксплуататорской вер-

---

30 лет после присоединения Младшего жуза к России, когда известная часть прилинейных казахов Младшего жуза вела уже полукочевой образ жизни. (Витевский В. Н. и Неплюев И. И. Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., т. III. Казань, 1897, стр. 670).

По данным А. И. Левшина, в Оренбурге с 1784 г. по 1789 год только за шесть лет было продано казахами всех видов скота 1 670 048 голов, в том числе 3 664 головы крупного рогатого скота, который составил в общем поголовье проданного скота, уже 0,2%. Значит, удельный вес крупного рогатого скота в составе стад Младшего жуза за 30 лет (с 1759 по 1789 гг.) возрос с 0,1% до 0,2%, то есть в два раза. (Материалы по истории КазССР, т. IV, стр. 487).

А. И. Добросмыслов передает слова Левшина, сказанные в 30-х годах XIX в., что лет 160—170 тому назад, т. е. во второй половине XVII в. казахские жузы совсем не имели крупного рогатого скота, но потом появился частью путем позаимствования от каракалпаков, а частью захватом у торгоутов, проходивших через казахские степи в 1771 году из России в Джунгарию. «Во время прежних неспокойных дней, при постоянных барымтах и перекочевках на огромных пространствах, рогатый скот часто погибал или доставался врагу». (Добросмыслов А. И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 169—170).

хушкой казахского и других народов с целью приобретения чужого имущества, скота и пленных. В результате казахские кочевые племена в течение столетий подвергались систематическому разбою со стороны джунгаров, ногайцев и среднеазиатских ханств и были объектом грабежа для «своих» батыров, султанов, биев и баев. Это превратило всю казахскую степь с момента образования казахских кочевых ханств в постоянный и сплошной лагерь военных действий, подобно тому, как это имело место на территории племенных союзов древних и средневековых кочевников. Кочевники-скотоводы разорялись и истекали кровью[1]. Эпоху этих беспрерывных патриархально-феодальных войн кочевников казахи называли «эпохой войн» (жаугершілік заман). Народ сохранил в своей памяти ужасы этой военной так называемой ханской эпохи в виде поговорки, которая гласит: «Не говори, что нет неприятеля, он под яром; не говори, что нет волка, он под шапкой»[2].

Кочевое патриархально-феодальное общество казахов при полном кочевом образе жизни было крайне консервативным в своем развитии, существовало без заметных изменений, без особого прогресса в развитии производительных сил в течение 3—4 столетий, то есть с XV до конца XVIII века. Причины его относительной устойчивости лежали в примитивности производства. Простота производственной структуры кочевых общин казахов, построенных по родоплеменному признаку, производивших самостоятельно в основном все, что было необходимо для их несложного хозяйства, приводила к тому, что эти кочевые общины постоянно воспроизводили свою структуру в прежней форме. Кочевое хозяйство было таким патриархальным хозяйством, которое традиционно, по словам В. И. Ленина, работало «только на себя»[3].

Данному общественно-экономическому укладу жизни была свойственна и консервативная идеология. Патри-

---

[1] «В конце XVI столетия казахи оказались... окруженными кольцом враждебных им кочевых народов: с запада и северо-запада — калмыками и ногайцами, с востока — джунгарами, с юга — тюркскими народами Хивы, Бухары, Коканда и пр.». (Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. Спб., 1910, стр. 13).

[2] Жау жоқ деме — жар астында, бөрі жоқ деме бөрік астында.

[3] *Ленин В. И.* Соч., т. 32, стр. 272.

архально-феодальная или племенно-феодальная военно-кочевая казахская знать с презрением смотрела на земледелие, оседлость и городскую жизнь. Временно отказавшихся от кочевания казахов она презрительно называла «джатак» (лежащий), «балыкши» (рыболов), «егенши» (хлебопашец), а их постоянное жилище в виде землянок сравнивала с могилой («там-мола»). Она говорила, что не хочет жить в могиле, пока жива. Бывший в России в 1516—1526 гг. австрийский дипломат Герберштейн, характеризуя ногайцев, писал, что «они не остаются долго на одном и том же месте, считая за сильное несчастье долго пребывать на одном и том же месте. Поэтому иногда, рассердившись на детей и призывая на них тяжкое несчастье, они обычно говорят: «Чтоб тебе оставаться всегда на одном месте и нюхать собственную вонь»[1]. Эта же консервативная идеология веками была свойственна господствующим слоям кочевого общества казахов. Броневский писал: «Казахи не только не имеют оседлости, но, почитая неволею оставаться на одном месте, презирают жизнь постоянную»[2]. В этих условиях беднейшая часть населения, которая больше всех страдала от военно-кочевого образа жизни, если бы даже захотела осесть и заняться рыболовством и земледелием, все равно не могла бы сделать это до тех пор, пока господствовала военщина, присущая кочевому скотоводческому обществу.

Отставшие от основной массы своего племени (рода) хозяйства или аулы могли быть немедленно разграблены и порабощены. Об этом же говорит хотя бы такой факт, приведенный султаном Сейдалиным. В начале XIX века первый зачинатель хлебопашества и предводитель егиншей на р. Тургае некто Сеит-Кул для обороны от грабителей «выстроил небольшую крепость-курган из земляного вала и с довольно глубоким рвом... К нему начали стекаться и присоединяться от кочующей массы Турайгыр-Кипчакского рода те казахи, которые грабежами, барымтой и падежами скота от суровых зим, доведенные до невозможности кочевать, искали под защитою его укрепления и в его ремесле средства к

[1] *Герберштейн.* Записки о Московских делах, Спб., 1908, стр. 144.

[2] Записки Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды.— Отечественные записки, 1830, ч. 43, стр. 72.

дальнейшему существованию». Но этот Сеит-Кул около 1830 года был «убит шомекейскими барымтачами, напавшими на предводителя егиншей в то самое время, когда он стоял под одной из пяти временных молитв»[1].

С момента образования казахского кочевого ханства и вплоть до завершения добровольного присоединения казахских жузов к России казахские племена и роды никогда не находились в мирной политической обстановке. Каждый кочевой аул, услышав о приближении неприятеля, в любой момент, независимо от времени года, тотчас же собирал все свое имущество и, навьючив его наспех на верблюдов и даже опрокинув варившуюся в котле пищу, чтобы взять котел с собой, пускался в бегство. В таких случаях, если положение было сильно угрожающим, бросали юрту и стадо баранов, бежали в чем находились, угоняя рысью верхом своих лошадей и верблюдов.

Мухаммед Хайдар, как очевидец, рассказывает об одном походе, организованном в 1526 году на киргизов Моголистанским ханом Султан-Саидом: «Прибыв к этому месту, мы увидели одни кибитки; Киргизов же не было. Разные вещи и пожитки были разбросаны; нам и показалось: не бежали ли Киргизы; проведав о нашем приближении... Пошли мы еще далее. Тут мы наехали на киргизских баранов в количестве ста тысяч голов и захватили их... Поход наш прозвали походом за баранами»[2].

Как правило, в военно-кочевой жизни казахских племен и родов, со времени формирования ханства в XV в., каждый казахский батыр, испытавший свои возможности в нескольких боях и добившийся победы в борьбе, собрав вокруг себя известное количество вооруженных конников, нападал на другие аулы и роды. Происходили постоянный взаимный грабеж и бесконечная межплеменная межродовая борьба, а также внешние войны.

Казахи, кочевавшие в пределах территории Арало-Каспийского бассейна и р. Сыр-Дарьи, еще до второй

---

[1] *Султан Сейдалин 2-й.* О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая.— Записки оренбургского отд. ИРГО, вып. I, Казань, 1870.

[2] *Вельяминов-Зернов.* Исследования о Касимовских царях и царевичах, ч. II. Спб., 1864, стр. 200—201.

половины XIX века жили так же, как в XV—XVIII веках жил весь казахский народ. Взаимоотношения различных казахских родов представляли собою летопись кровавой межплеменной вражды и непрекращающейся барымты. Их грабили и враждебные соседние народы. Султан Арунгазы сообщает, что «на урочище Малые Барсуки близ р. Сыр-Дарьи, февраля в 25 день 1820 г. Мухаммед-Рахим хан, внезапно явившись с силой, состоящей приблизительно из 10 000 человек, в качестве ее руководителя и для поддержки Жакаш султана Шир-Газы улы[1], совершил набег на беспечно живущий подвластный мне народ и на меня и, разграбив много скота, скарба и имущества, перебил много людей, а большинство женщин и девиц угнал в плен»[2].

В докладной записке Оренбургскому военному губернатору в 1821 г., сказано: «Султан Маненбай[3] предводительствуя 1000-ю хивинцев, что он доходил даже до правого берега Сыра... и грабил всех казахов, чумекейцев, аргынцев и дюртькаринцев, кочевавших между Куваном и Сыром и объявивших себя преданными Арунгази Абулгазиеву»[4]. В том же 1821 году зафиксировано, что «грабители вооруженными скопищами рассеиваются в улусах и терзают взаимно друг друга... в Джагалбайлинском роде одним разом отогнано 1 500 лошадей взамен равного похищения, пред тем учиненного сим родом»[5]. В 1825 г. сообщается, что «разграбление в степи казахов, от линии кочующих, было произведено только казахскими родами, приверженными (султану) Каратаю... Причем побито оных, как говорят, до 100 человек, в плен взято до 60-ти, но до прибытия на линию часть из оных освобождена Каратаем, а 37 отосланы в Уральск; похищено от 2 000 до 3 000 лошадей, большое количество верблюдов и 15 000 или 20 000 баранов... Каратаем некоторое количество добычи роздано между привержен-

---

[1] Двоюродный брат Арунгазы.

[2] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, М.—Л., 1940, стр. 403.

[3] Маненбай, он же Жан-Газы — родный брат вышеупомянутого султана Жакаша.

[4] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 371.

[5] Там же, стр. 376.

ными ему казахами, большую же часть оной оставил себе»[1].

По данным отчетов Оренбургской Пограничной комиссии видно, что в конце апреля 1851 г. казахи Тляукабакского рода в числе 600 человек под предводительством сына известного батыра Исета Кутебарова напали на казахов Адаевского, Иссыкского и Тазовского родов, перекочевавших с Мангышлакского полуострова на Кара-Кум, и разбили у них 15 аулов, захватив 200 верблюдов, 100 лошадей, 300 баранов и несколько женщин;

в том же году казахи Чумичли-Табынского рода напали на аулы Тазовского рода, отбили 5 верблюдов, 200 лошадей и убили несколько человек;

казахи Назаровского, Чуреневского и Каракисякского родов отогнали у казахов Черкесского рода, кочевавших на урочище Тайсуйгане, 300 лошадей, причем в схватке тоже было убито несколько человек;

казахи Дюрткаринского и Кичкене-Шектинского родов барантовали у казахов Шомекеевского и Джапасского родов, кочующих на правом берегу Сыра, причем с обеих сторон было убито до 50 человек и т. д.[2].

В эти же годы батыры Бухарбай, Сейль и бий Байкадам из рода Табын, кочевавшие в меридиональном направлении через Сыр-Дарью на пространстве между кокандскими крепостями Ак-Мечетью (ныне г. Кзыл-Орда) и Кош-Курган (ныне пос. Кармакчи), нападали вместе с кокандцами на казахские аулы из родов Шекты, Турткара, Шомекей и Кете, кочевавших на западной стороне Кош-Кургана[3]. Старики Кулунбай Жаменкин и Еликей Блекбулатов, жившие в бывшем Казалинском уезде Карабастугайской волости, в ауле № 3, которые были очевидцами этой жизни, рассказывали, в частности, об одном случае, имевшем место приблизительно в 1851 году. «Рано весною кочевые аулы остановились на правом берегу Сыр-Дарьи. Однажды поздно вечером вдруг кто-то прискакал из соседнего аула и сообщил, что его аул уже бежит от надвигающегося кокандского

[1] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 478.

[2] *Рязанов А.* Прошлое Кзыл-Орды (Ак-Мечеть).— Советская Киргизия, 1925, № 5—6.

[3] Там же.

войска. Все бросились бежать темной ночью. Люди даже не успели поужинать, опрокинули котлы с варившейся пищей, быстро навьючили домашние вещи и молодых ягнят на верблюдов. Убежали от врагов, но зато враги захватили и угнали все их стада овец».

В таких случаях боеспособные мужчины аулов быстро группировались, оседлав лучших лошадей, с целью оказать какое-то сопротивление нападающему неприятелю. Но это не всегда удавалось, так как нападающий неприятель обычно отличался большей боевой готовностью, чем врасплох настигнутые аулы, и количественным превосходством сил. Тогда единственный шанс на спасение был только в бегстве. Отсюда казахская пословица: «Убегающий может спастись от неприятеля, откочевывающий может спастись от джута»[1]. Если в этих условиях находились люди, которые показывали мужество, ловкость и силу в схватке с врагом и обращали их в бегство, то кочевники сразу же поднимали их на щит, именуя «батырами». Так этой повседневной боевой жизнью выдвигались крупные и мелкие казахские батыры.

Еще в 30-х годах XIX века большая масса казахского населения Младшего жуза вела круглогодичный кочевой образ жизни, передвигаясь между Тургайской столовой страной и Қызыл-Кумом так же, как весь казахский народ в конце XVIII века. Это население беспрерывно кочевало весною и летом до рек Тобол и Аят, а осенью и зимою до середины Қызыл-Кумских песков. О выходе батыров из среды этого населения в указанный период рассказывали упомянутые старики. По их словам, родовая группа Бекет в Шомекеевском роде выделялась своею многолюдностью и тем, что из нее выходили видные батыры и бии. Например, из этой родовой группы вышел Батыр-бий Кетебай, у Кетебея были братья Мырзабай и Еншибай. Родовая группа Бекет, объединяющая много десятков аулов, в середине зимы находилась в Қызыл-Кумских песках в местности «Зангар-Тау». Вдруг сообщили, что приближается огромная масса кокандского войска. Аулы моментально собрались и обратились в бегство, а все взрослые мужчины верхом на ло-

[1] Қашқан жаудан, көшкен жұттан құтылады.

шадях направились преградить путь неприятелю. В этот период у данной родовой группы не было известных батыров, за исключением рядового батыра брата Кетебея-Мырзабая, который был уже глубоким стариком. У Мырзабая был сын Ходжеке, которому тогда было лет 20—21. В ауле до этого момента его называли юношей с плохим характером, скандалистом. Казахи вступили в бой с кокандцами. В этом бою своей храбростью, ловкостью и силой отличился Ходжеке. Благодаря героизму Ходжеке Мырзабаева вражеское войско было отброшено назад, имея большое количество убитых и раненых. Аулы родовой группы были спасены от разграбления. С этого момента Ходжеке Мырзабаев был признан батыром, не знающим страха в борьбе. О людях подобных Ходжеке Мырзабаеву Алексей Харузин писал: «Предводители барымтачей отличаются смелостью, сметливостью и умением владеть тяжелым и неудобным казахским вооружением; их ловкость выходит нередко за пределы вероятного и часто в степи встречаются батыры и джигиты, которые сбрасывали пикой с лошадей десятки наездников, не причинив им ни малейшей царапины»[1].

Грабительские нападения батыров одних казахских родов на другие породили следующие выражения, произносимые с большим возмущением в народе: «разобщенные и разногласные батыры»[2]; «вместе с врагами разграбившие своего отца батыры»[3].

Такая жизнь казахских кочевников была известна русскому правительству очень давно. В 1734 году отмечается: «Киргиз-кайсацкие орды с зюнгарскими калмыками в непрестанной войне, и могли бы тех калмык одолеть, ежели бы обще согласились, а у них один хан с войной пойдет, а другой оставляет, и так свое владение у калмыков теряет»[4]. Об этом говорится в одном из документов 1821 года: «Все казахи теперь чувствуют свое бессилие и приписывают оное внутренним раздорам. Мы

---

[1] *Харузин А.* Киргизы Букеевской орды, вып. I. Спб., 1889, стр. 75.

[2] Ынтымақсыз, алауыз батырлар.

[3] Әкесін жау шапса, бірге шапқап батырлар.

[4] *Добросмыслов А. И.* Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1734 год, т. I. Оренбург, 1900, стр. 35.

оттого слабы, говорят они, что всякий из нас хочет быть начальником»[1].

Взаимная вражда настолько ослабляла казахов, что они не могли и мечтать о противодействии своим соседям, располагавшим вполне организованными вооруженными силами. Разумеется, эти многочисленные кочевые племена еще не обладали общенародным, тем более национальным самосознанием. Военно-кочевая жизнь с господствовавшим положением батыров (военачальников) представляла собой какой-то заколдованный круг, из которого не было выхода без внешнего толчка. Подобные условия социально-экономической жизни веками обрекали на нищенское существование народную массу и служили непреодолимым препятствием на пути прогресса и развития производительных сил общества.

Тяжелые условия жизни казахских жузов нашли свое отражение в ряде легенд. К числу их относится широко популярная легенда «Асан-Кайгы». В ней рисуется образ мудрого и гуманного старца Асана-Кайгы, который горевал о тяжелой доле своего народа и всю жизнь искал благодатную землю — «жер уюк», где народ мог бы зажить счастливо и мирно. Но такой благодатной земли он найти не мог. Вся казахская земля была постоянной ареной грабительских кровавых войн. Поэтому Асан-Кайгы всегда повторял свои горькие слова: «Как же может существовать и защищаться от бурана кулан, который не имеет ни гривы, ни хвоста, а как же существовать змее без рук и без ног». Надо полагать, что в образе Асан-Кайгы был сам казахский народ, который свое тяжелое положение сравнивал с положением беззащитного и куцего кулана, или живого туловища, лишенного рук и ног.

У патриархально-феодальной верхушки военно-кочевого общества существовала своя мораль, оправдывавшая эксплуатацию, грубое насилие и самоуправство. А мораль была такова: кто силен, тот должен показывать свое превосходство, совершая насилие над слабым, а кто батыр, тот должен показывать свою силу, грабя трудящихся как чужого, так и своего рода; кто богат, должен

[1] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 374.

показывать свое могущество над беспомощными бедняками. Иначе люди себе не представляли сильных, храбрых и богатых. Это с точки зрения господствовавшей воинствующей эксплуататорской верхушки было вполне нравственно и похвально.

Такова мораль, например, одного из героев казахской лирической поэмы «Қыз-Жибек» Бегежана. Он был соперником жениха Қыз-Жибек Толегена. Бегежан, предательски убив Толегена, приехал в аул Қыз-Жибек с намерением сделать ей предложение. Когда Бегежан со своей грабительской группой подъехал к юрте Қыз-Жибек и начал вести с ней разговор, она сразу же узнав коня своего возлюбленного, спросила: «Почему ты на коне Толегена?». На это Бегежан с гордостью ответил: «Я в безлюдной степи долго караулил путь Толегена и застрелил его. Я никого не пожалею, коли батыр; убил Толегена и присвоил его коня».

Суровые условия военно-кочевой жизни и постоянная угроза опасности выработали у кочевников известную смелость и решительность в характере. Кочевники закалялись в борьбе с природной стихией в процессе производства и в постоянной вооруженной борьбе друг с другом. В каждом роде выделялся наездник, отличавшийся от других своей храбростью, физической силой и ловкостью. Такой человек, постоянно проявляя себя героем в военных схватках, становился с течением времени батыром и по существу господином, прежде того родового отделения, откуда он происходил. Наиболее крупные батыры, опиравшиеся на поддержку многолюдного, сильного родового отделения и отличавшиеся своей храбростью и искусством управлять людьми на войне, подчиняли себе дружины нескольких родовых отделений и становились во главе сравнительно крупных войсковых масс; при этом они приобретали широкую популярность и влияние как военачальники целой родоплеменной группы, как например, батыры Букенбай, Тленши Букебаев, Срым Датов, Жоламан Тленшин, Котибар Басенов, Арстан Тналин, Есет Котиборов, Жанхожа Нурмухамедов и др.

Военачальники-батыры в среде патриархально-феодальной верхушки казахского общества занимали особое положение. В большинстве случаев батыр сочетал в своем лице бия и хана. Каждый хан кочевого общества

всегда был верховным военачальником, который имел заметную власть над населением во время боевых действий. Казахский хан Касым в конце XV и начале XVI вв., узбекский хан — современник хана Касыма — Шейбани и Моголистанский хан Султан-Саид были тоже батырами. Казахский хан Абулхаир был избран представителями трех казахских жузов верховным предводителем всех боевых сил против джунгаров, после страшного в истории казахов 1723 года. Таким же батыром был и хан Аблай. Султан Арунгазы Абулгазизов в 1815 г. был избран ханом «казахами, кочевавшими обыкновенно по Сыр-Дарье и которые прежде подчинены были отцу его султану Аблази, названному ими же ханом. В 1815 г. Арунгази имел под начальством своим только малое число приверженцев отца своего, кои чуждались от России, будучи от нее отдаленны»[1]. В документах, касающихся личности Арунгазы и его отца султана Абулгазиза Каипова, отмечается, что они были батырами. «Образование его (Арунгазы) азиатское: примеры храбрости и мужества отца его на Сыр-Дарье, уверенность, что одними только воинскими подвигами мог он приобрести право на наследие, право на покорение и возвышение в Орде — побудили его почесть главнейшим в образовании искусство управлять конем, луком и саблею. Сабля его, которую я имел случай видеть, есть чрезвычайной доброты и редкого булата»[2]. Такими же были и все другие известные в истории казахские ханы и султаны. Этим же объясняется, почему султана, именовавшегося ханом в Шомекеевском и Кетинском родах в 40 и 50 годах XIX в., Еликея Касымова, правнука Ералихана Абулхаирова, тоже величали батыр-Еликей.

Особо почетное положение батыров отразилось в собственных именах казахов. Казахи нередко давали такие имена своим детям: Батыр-хан, Батыр-бек, Батырбай, Батыр-жан, Сар-батыр, Кара-батыр и т. п. В пользу нашего мнения говорят факты, приведенные С. А. Фуксом. Он пишет: «По словам Левшина, и в XVIII в. казахи требовали от хана прежде всего «храбрости и подвигов мужества». Рычков и Тевкелев связывали объем власти

[1] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.— Л., 1940, стр. 372.

[2] Там же, стр. 379.

хана с его воинскими доблестями. Гавердовский утверждал, что ханы вообще не имели никакой власти «кроме предводительства над скопищами воинскими при впадении в неприятельские земли». О Касыме и Тевеккеле современные восточные авторы писали прежде всего как о вождях, которые славились храбростью по всему Дешт-и-Кипчаку»[1].

Анализ материалов, характеризующих кочевое общество казахов в XV—XVIII веках, дает возможность считать, что батырство возникло вместе с переходом кочевых скотоводов от патриархально-родовой стадии развития к патриархально-феодальной, от бесклассового общества к классовому. Оно было постоянным спутником и надежной опорой казахского кочевого ханства. Без батырства немыслимо было существование самого кочевого хана, как главного батыра. Верно указывал историк Ал-Хорезми, что сам титул хан означает предводитель или батыр. «Хаган — это хан ханов, то есть предводитель предводителей, подобно тому как персы говорят шахиншах»[2]. Поэтому нельзя признать правильным утверждение С. В. Юшкова, который считал, что только борьба казахов с джунгарами в конце XVII и начале XVIII веков выдвинула на общественную арену батыров, как новый социальный слой феодалов[3].

Все эти данные красноречиво говорят о том, что до присоединения казахских жузов к России полуфеодальная и сама по себе слабая власть над народом предводителя рода — бия, султана или хана была более реальной в том случае, если хан, султан и бий были батырами. Влиятельный батыр во многих случаях фактически мог распоряжаться имуществом и скотом «своего» родового отделения, выступая под видом его защитника, покровителя и предводителя.

В той исторической обстановке жизни казахских кочевников неустойчивость их хозяйства определялась не только, полной зависимостью экстенсивного пастбищно-

---

[1] *Фукс С. А.* Некоторые вопросы истории казахского государства.— Известия АН КазССР, серия юридическая, вып. 3, 1951, стр. 100.

[2] Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, VII—XV вв. М.— Л., 1939, стр. 218.

[3] *Юшков С. В.* Об основных моментах истории казахского государства.— Известия АН КазССР, серия историческая, вып. 4, 1948, стр. 55—56.

кочевого скотоводства от стихийных сил природы, но и постоянным взаимным ограблением и угоном всего скота. Старинная казахская пословица гласит: «Скот принадлежит лютому бурану и сильному врагу»[1]. Так же было у монгольских кочевников до и после Чингис-хана. У них существуют целые рассказы о том, как «богатырь, мстя за смерть брата, убил убийцу, угнал его народ (рабов) вместе со скотом и собаками, захватил его золото и серебро, отца его заставил собирать аргысын и пасти скот, а мать — доить коров и выносить золу», или о том, как батыр «убивает убийц и затем берет себе в услужение всю их семью, кого в пастухи, кого в стремянки»[2]. Об аналогичных условиях жизни помнят и якуты: «В старину мы не знали ни законов, ни бога... Кто был сильный, тот был и правый»... «В старину сильный и богатый, что хотел, то и делал»... «В старину люди постоянно между собою воевали, отнимали друг у друга скот, уводили женщин. Кто что хотел и мог, то и делал»... «Древним якутам убить человека казалось также просто, как убить евражку»[3].

Принцип хозяйничанья казахских батыров метко выражен в народных пословицах: «Если хозяин даст — батыр берет из его рук, а если не даст, то он сам возьмет»[4]; «Батыр и волк найдут пищу на дороге»[5]. Батыры присваивали чужое добро, где только оно попадалось, воровством или силой.

Отражением идеологии военно-кочевой жизни казахов была казахская пословица, которая гласит: «Молодежь сильного и растущего аула друг друга называет батырами, а молодежь слабого и разоренного аула друг друга называет хатынами (бабами)»[6]. Именно этими социально-экономическими условиями жизни был порожден героический эпос казахского народа.

Казахское батырство в период присоединения казахских жузов к России в основном представляло самую

[1] Мал айдаса жаудікі, ысқырса желдікі.

[2] *Малиновский И. А.* Начальная страница из истории смертной казни (Кровавая месть).— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. XXXIV, Спб., 1909, стр. 206.

[3] Там же, стр. 207.

[4] Берсе қолынан, бермесе жолынан алады.

[5] Ер азығы мен бөрі азығы жолда.

[6] Өскен ауылдың баласы бірін бірі батыр дейді, өшкен ауылдың баласы бірін бірі қатын дейді.

реакционную и весьма влиятельную, грабительскую прослойку среди племенно-феодальной и военно-кочевой знати общества.

В казахских кочевых ханствах в эпоху расцвета батырства народная масса систематически подвергалась ничем не прикрытому насилию. Это была эпоха, когда блага жизни и цветы любви доставались только сильным и ловким. Общественно-экономическая жизнь казахского народа в этот период характеризовалась пошлой жадностью, грубой страстью к наслаждениям, грязной алчностью, грабежом сильными слабых и беззащитных. Все гнусные средства такие, как насилие, разбой, воровство, обман, измена и эксплуатация человека человеком, были в полном ходу. Все это привело к разобщенности и постоянным раздорам как внутри родов, так и между отдельными родами казахов.

Для выхода из такого положения было необходимо прежде всего изменить политическую обстановку в стране путем обуздания и ликвидации батырства, изменить хозяйственную жизнь, осуществить сочетание скотоводства с земледелием, постепенно преобразовать систему экстенсивного пастбищно-кочевого скотоводства с его родовым бытом, путем перехода к оседлости. Но казахские кочевые племена в тех социально-экономических условиях, в которых они находились, своими собственными силами не могли сделать ни того, ни другого, без свежей прогрессивной струи извне, конкретно говоря, без присоединения к России.

Казахское кочевое ханство было оборонительно-наступательным военным союзом отдельных мелких объединений казахских родов, предводительствуемых султанами. Из того, как легко, быстро и многократно этот союз распадался, следует заключить, что этот военный союз не перерастал даже в сколько-нибудь прочный военно-политический союз.

Казахское кочевое ханство XV—XVIII вв. представляло собой начальную стадию государственности. Оно полностью сохраняло в себе все основные черты и признаки «военной демократии».

Войны велись главным образом ради грабежа. Они становились постоянным занятием патриархально-феодальной верхушки общества. Грабеж считался «более

легким и даже более почетным, чем созидательный труд»[1].

Органы «военной демократии», сохранившиеся в казахском обществе в виде выборности главного военачальника или хана, наличия совета старейшин или собрания родоправителей, уже переродились в своей основе и являлись учреждениями классового господства. Органы «военной демократии», вместе взятые, превратились из орудий народной воли в органы порабощения и угнетения, направленные против народной массы. «Но этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных, если бы «имущественные различия внутри одного и того же рода не превратили общность интересов в антагонизм между членами рода» (Маркс) и если бы распространившееся рабство не повело уже к тому, что добывание средств к существованию собственным трудом стало признаваться деятельностью, достойной лишь раба, более позорной, чем грабеж»[2].

В XV—XVIII вв. казахские полуфеодалы во главе с ханом в целях обогащения открыто снаряжали людей на разбой. Грабежи и разбой они не считали позором, наоборот, кто больше совершал таких деяний, пользовался большим почетом и в своей среде, его восхваляли и выставляли на показ как человека выдающейся силы, храбрости и ловкости. «Самые знатные казахи даже собирают вокруг себя шайки для грабежа в соседних странах. Каракалпаки, аральцы, ташкенцы являются всегдашними жертвами насильничества»[3]. П. С. Паллас также отметил, что если казахи собираются на войну с сильными партиями, то это обсуждают на собраниях и выделяют одного из старшин или начальников предводителем. Малые грабежи они совершают без всякого обсуждения на собраниях. Если они с границы какого-либо государства отгоняют табуны лошадей или хватают людей, то это делают не иначе, как тогда, когда они со своими стадами достаточно удалились от данной страны.

---

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Л., 1953, стр. 170.

[2] Там же.

[3] *Рычков Н.* Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. Спб., 1772, стр. 26.

Вообще они избирают для грабительских набегов такое время, когда их трудно поймать[1]. Патриархально-феодальная верхушка казахов была весьма похожа на аристократию «варварского государства» орхонских тюрок. «Опираясь на силу и богатство, постоянно приумножаемые войной, данью и подневольным трудом зависимых и рабов, орхонская аристократия выработала не только своеобразную, поражавшую современников дикой роскошью материальную культуру кочевий, но и характерную идеологию степных рыцарей-хищников»[2].

Первый свод народных обычаев под названием «Джеты-жарга», составленный семью биями (джеты-жорга — семь иноходцев) при хане Тауке во второй половине XVII века, дает возможность понять сущность казахского ханства как государственного образования. Этим сводом ставились задачи: во-первых, добиться в степи ежегодных осенних съездов из всех старейшин и правителей отдельных родов для рассуждения в присутствии хана о делах, касавшихся всего народа, во-вторых, вменить в непременное руководство, чтобы все являвшиеся на эти съезды казахи были с оружием, которое только и давало каждому присутствовавшему на собрании право голоса[3]. Эти ежегодные съезды, на которые все должны были являться вооруженными, были явным пережитком собраний «народа-войска» эпохи «военной демократии», а не каким-то новым институтом, созданным ханом Тауке. С. Л. Фукс прав, когда он пишет: «Можно вообще считать установленным, что казахская традиция напрасно приписывала Тауке роль смелого социального реформатора. В его действительно энергичной деятельности центр тяжести лежал не в создании каких-либо новых рычагов классового господства казахских феодалов, а в укреплении старых. Уже Гавердовский высказывал предположение, что казахи «по пристрастию или незнанию» «несправедливо приписывают сему их владетелю изобретение общественных за-

---

[1] *Паллас П. С.* Путешествия по разным провинциям Российской империи в 1771 году. Спб., 1772, стр. 26.

[2] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 507.

[3] *Чулошников А. П.* Очерки по истории Казак-Киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, ч. I. Оренбург, 1924, стр. 212.

конов», в то время как он «только поддержал угасающую между народами силу оных». И не даром о составителях «законов Тауке» говорят, что они соединили в «Жеты-жарга» «чистую дорогу хана Касыма» и «древнюю дорогу хана Есыма»[1].

Хотя хан Тауке считается одним из самых популярных ханов конца XVII и начала XVIII вв., он не имел существенной власти над родоправителями. «Ныне всеобщее признание получает характеристика власти Тауке, данная его современником Василием Кобековым, который докладывал в Сибирском приказе, что «казахи живут повольностью своею, а Тевки хана слушают помалу»[2].

О слабом полуфеодальном характере власти казахского кочевого хана в XVIII веке свидетельствуют многочисленные документы. В донесении от 27 июня 1785 г. Екатерине II губернатор Игельстром писал, что казахи «желают остаться при древнем обыкновении: иметь хана, отделя только его от управления народом, почему сим посланникам общий суд и кажется приятен»[3]. В объяснении ахуна М. Хусаинова в том же 1785 г. сказано: «Хан к тому не силен, да казахи его не слушают... относительно же до воздержания воров киргиз-кайсак, то-де он к тому, конечно, не в состоянии»[4]. В письме А. Р. Воронцову от 24 февраля 1787 г. Игельстром еще раз писал: «Поелику ханы казахские над подвластными им народами не имеют самовластного правления, то обещания их, ежели бы и были, не могут иного действия иметь, как только на срочное время, в рассуждении того, что Орды Киргизские никакого благоустройства в себе не имеют»[5].

В объяснении полковника Д. А. Гранкина от 13 декабря 1788 г. сказано: «Ерали Салтан, по моему письму намерение свое оставил и караван возвратить обещался; и конечно, он сие выполнил бы тогда же,

---

[1] *Фукс С. Л.* Некоторые вопросы истории казахского государства.— Известия АН КазССР, серия историческая, вып. 4. Алма-Ата, 1948, стр. 103.

[2] Там же, стр. 103.

[3] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.— Л., 1940, стр. 57.

[4] Там же, стр. 70.

[5] Там же, стр. 78.

если бы в скором времени для взятья оных товаров послано было, но уже спустя около 2-х месяцев, когда они на зимовые *кочевья перешли на Сыр-Дарью, и так как казахи самовольны, то, несмотря на Ерали Салтаново повеление, товары по себе разделили*»[1]. У казахских ханов еще не было сильной власти, опирающейся на постоянную вооруженную силу. Решающее значение все еще имели традиции «военной демократии», проявлявшиеся в большом влиянии на народ родоправителей в лице биев, старшин (аксакалов)[2] и в особенности батыров.

Г. С. Волконский в 1810 г. отмечал, что «самая власть ханская ограничивается единственно личным титулом ханского достоинства, как известно мне из дел предместников и из собственных моих наблюдений, ибо казахи управляются более частными родоначальниками, нежели ханами»[3]. А. И. Левшин, лично изучавший быт казахских племен в начале XIX в., в 1823 г. писал: «Образ внутреннего управления казахов представляет глазам наблюдателя явление странное и совсем необыкновенное: анархическую смесь деспотизма с неограниченною свободою каждого частного лица. И потому в одно и то же время видим здесь полномочного властелина, который вешает своего подданного за кражу барана или лошади, а возле него толпу подвластных ему же, которая торжественно отказывается от повиновения и объявляет, что она переходит от него под власть другого повелителя за то, что он из нее какого-нибудь хищника выдал русскому пограничному начальству или отказал злодею в покровительстве»[4]. Такое сочетание элементов деспотизма ханской власти в отношении мелких и нищих воришек с ее беспомощностью в отношении более или менее многочисленной группы людей, имевших полную личную свободу для того, чтобы в любое время бросить своего хана или султана, ясно показывает, что эти кочевые ханства, пред-

[1] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.— Л., 1940, стр. 104.

[2] Аксакал — буквально белобородый, патриарх.

[3] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV, М.— Л., 1940, стр. 246.

[4] Замечания, представленные в Азиатский департамент столоначальником этого департамента А. И. Левшиным на инструкцию МИД полк. Бергу 8 апреля 1823 г. В кн.: Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.— Л., 1940, стр. 436.

ставлявшие собою непрочные политические союзы племен, еще не имели той экономической базы в виде феодального землевладения, на основе которой могли бы возникнуть феодальное государство и крепостничество. Кочевые казахские ханства за все время своего существования были племенно-феодальными государственными образованиями, во главе которых стояли выборные кочевые ханы, «не обладающие ни крепостью, ни войском для охраны»[1].

Некоторые юристы и историки считают, что казахские кочевники в XI—XVIII вв. имели достаточно высокий уровень государственности. Например, составители проспекта «Истории государства и права Казахстана» известные признаки феодальной монархии оседлых земледельческих народов целиком приписывают кочевому казахскому ханству. Они утверждают, что каждый представитель патриархально-феодальной верхушки казахских кочевников в XV—XVIII вв. регулярно производил сборы скотом в свою пользу (зекет) и сборы из урожая (ушур), хотя тогда казахи земледелием совершенно не занимались.

На самом деле податей под названием «зекет» и «ушур» подобных тем, которые собирались аппаратом теократической государственной власти мусульманского Востока и существовали чуть ли не с момента распространения ислама, в казахском обществе XV—XVIII вв. не было. А кочевое ханство казахов никогда не было теократическим мусульманским государством. Среди узбекских кочевников — предков казахов, ислам начал распространяться в XIV веке. Выделение казахов из Узбекского улуса и образование казахского ханства в XV в. не привели к усилению среди казахов влияния ислама.

В трудах участников экспедиции Российской Академии наук в казахскую степь, состоявшейся в 1768—1769 гг. под руководством акад. П. С. Палласа, указывается на плохое знание казахами исламской религии. И. П. Фальк писал: «Магометане казахи очень плохие, невежественные и суеверные. Ни мечетей, ни школ у них нет совсем и мало служителей культа, мулл. Муллы все тоже очень

[1] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.— Л., 1940, стр. 347.

невежественны. В силу всего этого казахи не умеют ни читать, ни писать. По казахским степям разъезжает несколько операторов обрезания. За совершение этой необходимой правоверному магометанину операции, взимается хорошая плата — овца... Но их тоже не хватает. У казахов можно встретить даже подростков, мальчиков лет 14, еще не обрезанных»[1]. И. Г. Георги утверждает, что казахи приняли ислам только в начале XVIII века. С этим полностью согласиться нельзя. Формальное принятие ислама предками казахских кочевников относится к более раннему периоду. Однако это утверждение имеет ту долю истины, что 20-е годы XVIII века, (1723—1729 гг.), когда все три жуза казахского народа находились в изгнании на территории Среднеазиатских ханств, спасаясь от преследования джунгаров во время «Актабан—Шубурынды», казахи как сомнительные мусульмане могли еще раз по требованию правителей и служителей религиозного культа Хивы, Бухары и Самарканда повторить церемониал принятия ислама. Георги писал: «В начале столетия обратились казахи по прельщению туркестанских священнослужителей от шаманского язычества к магометанскому закону. Веру свою они почитают; но как у них нет школ, да при том и целые улусы не имеют мулл, то они не только превеликие невежды, но и крайне суеверны. Малое число находящихся у них мулл, состоит из плененных ими российских или других каких татар, умеющих читать и писать и потому люди сии бывают счастливы, отчасти как священнослужители, а отчасти как писцы и советники знатных казахов»[2].

Обожествление казахами отдельных предметов природы и могильников отмечается почти всеми участниками экспедиции Палласа. О поклонении казахов могиле хана Абулхаира Георги писал: «Казахи признают сего умершего хана за святого, производя сие из следующего заключения. От того места, где лежит ногами усопший, выросло нарочитой величины ветловое дерево, покрывающее ветвями своими восточную часть над ним поставленного здания... Все казахи чтут с благоговением его

[1] Прошлое Казахстана в источниках и материалах, т. I. М., 1935, стр. 197.

[2] Там же, стр. 196—197.

могилу, и приписуют ему творение различных чудес»[1]. То же самое отмечает В. Наливкин у узбекских кочевников: «Издревле узбеки принесли с собой обычай боготворения деревьев; каждый раз, как они встречали одиноко стоящее большое дерево, женщины вешали на его ветки лоскуты разных материй, после чего дерево это становилось священным,— мазаром; сюда приходили молиться, просить бога о помощи, справлять поминки, совершать жертвы и т. п.»[2]. Казахские кочевники вплоть до XIX в. оставались номинальными мусульманами[3].

Ислам среди казахов Оренбургского и Сибирского ведомств более или менее усиленно насаждается по инициативе царского правительства через татарских мулл с начала XIX века. «Настойчиво, по политическим видам, насаждая и укрепляя среди казахов мусульманство,— писал Л. А. Словохотов,— мы тем самым сближали народный суд с шариатом исламизма. Для примера, как в жертву приносили мы интересы народности, укажу на судейский состав комиссии хана Ширгазы, куда вошли: султаны Темир Ералиев и Медет-Галий Турдалиев, почетный старшина Исенгельды Жанмурзин, мулла Абдрахман-Магомет Шафиров, ахун Габдулсалям Габдрахманов и мулла Сулейманов»[4]. Таким образом, 50% состава созданной царским правительством судейской комиссии хана в 1812—1821 гг. были муллы. Барон Е. К. Мейендорф в 1820 г. советовал Министерству ино-

---

[1] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II. Спб., 1799, стр. 44.

[2] *Наливкин В.* Краткая история кокандского ханства. Казань, 1886, стр. 15—16.

[3] Не случайно в начале XVI в. имам узбекского Шейбани хана Рузбахани говорил, что раз казахи еще идолопоклонники и творят насилие и издевательство над мусульманами, то одно произношение символа мусульманской веры значения не имеет. А. А. Семенов пишет, что среди казахов были распространены некоторые обычаи неверия. «Эти-то «обычаи неверия» и были причиной объявления «священной войны» Шейбани ханом против казахов со включением в фетву, что они поклоняются идолам. По словам Рузбахани, главным божеством у казахов было солнце. Впервые как казах берет чашу с кумысом,— пишет Рузбахани,— он прежде, чем выпить ее, обращает свое лицо к солнцу и выплескивает из нее некоторое количество напитка по направлению к востоку и затем совершает земной поклон всему солнцу». (Труды Института истории АН Таджикской ССР, т. XII, Сталинабад, 1954, стр. 321).

[4] *Словохотов Л. А.* Народный суд обычного права киргиз Малой Орды. Оренбург, 1905, стр. 59.

странных дел России более энергично использовать ислам для проведения политики русского правительства в Казахстане: «Правительство могло бы иметь самое большое влияние на эту орду, выбрав подходящего человека на должность первого муллы, который был бы главным судьей или казы при хане, и, наблюдая, чтобы он имел достаточно влияния над ханом, для того, чтобы Орда управлялась так, как хочет Россия»[1].

О насаждении царским правительством ислама среди сибирских казахов Ч. Валиханов писал: «Кочующие татары хотя и исповедуют ислам, но подобно языческим собратьям составляют совершенный контраст с оседлыми одноплеменниками. Мусульманская религия, принятая ими хотя и давно, не имела на них разрушающего влияния, как на татар и др... В короткое время с открытия первых округов в 1822 году, ислам, благодаря заботам правительства, сделал чудовищный прогресс. В каждом ауле есть мулла и подвижное медресе — школа; кто не содержит 30-дневную уразу и 5-временный намаз, тот не имеет голоса и уважения родичей; словом: казах-степняк в фанатизме нисколько не уступает какому-нибудь стамбульскому дервишу, кувыркателю ордена Мевлеви»[2].

В тот же период казахи на юге попали под власть Кокандского и Хивинского ханств. Кокандское и хивинское владычество над казахами сопровождалось усилением среди последних влияния ислама. Кокандские и хивинские беки собирали с казахов непосильную дань под названием «зекет» — у кочевников и «ушур» или «усур» — у оседлой части населения вплоть до завершения присоединения казахских жузов к России.

В 1848 г. председателю Оренбургской пограничной комисии об «ушуре» сообщалось: «Начало «ушура» (усура) произошло во время законодательства Магомета в Аравии. Отсюда со временем, по распространении магометанского вероисповедания, сбор этот перешел в соседственные Аравии азиатские владения, и, наконец, явился в Бухарии и Хиве... кочующие по реке Сыр-Дарья казахи исповедуют (хотя не со всей точностью) магометанскую

---

[1] Материалы по истории КазССР, т. IV, М.— Л., 1940, стр. 365.
[2] *Валиханов Ч. Ч.* Полное собрание сочинений.— Записки по отделению этнографии, т. XXIX. Спб., 1904, стр. 190—191.

религию, то, состоя частью до настоящего времени под владычеством упомянутых ханств, они отдавали наряду с другими магометанами каждогодно десятую часть получаемого с обрабатываемой ими земли хлеба, разумеется, те только, которые исключительно занимаются земледелием, а скотоводы платили «зекет» скотом»[1].

Единственный документ, говорящий о намерении казахского хана собирать с населения налог в связи с ухудшением внешнеполитического положения ханства,— это «Жеты-жарга», составленный в начале XVIII в. при хане Тауке; налог этот даже не назывался зекетом или ушуром. По этому документу хан хотел произвести сбор с каждого человека, могущего носить оружие, кроме султанов, в размере $^1/_{20}$ части его имущества. Экстраординарный характер этого военного сбора виден еще из того, что последний был неимоверно велик.

Эпизодический единовременный военный сбор главой племенного союза кочевников существовал с древних времен. Например, о монгольских кочевых племенах Тогон в начале н. э. сообщается, что «положительных и определенных налогов у них не было; в случае крайности собирали с достаточных семейств столько, сколько требовалось на покрытие расходов»[2]. Подобный сбор с состоятельных семейств был данью или военной податью, но не земельной рентой. Он не служил основным источником дохода племенного вождя.

Такая дань уплачивалась вождю клана — «большому человеку» в XV в. и позже в оседлом скотоводческом обществе северной Шотландии. По словам Маркса, там земля являлась *«собственностью рода,* внутри которого, несмотря на кровное родство, существовали такие же различия в положении, как и во всех древних азиатских родовых общинах.

Первая узурпация произошла после изгнания Стюартов (т. е. в 1688—89 гг.— *С. Т.*) посредством учреждения родовых воинских частей. С этого момента *платежи* сделались главным источником дохода для «большого человека»... Старинная дань превратилась в твердые

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 3516, св. 469, л. 2.

[2] *Макшеев А. И.* Несколько замечаний о путешествии Дженкинсона в Хиву в 1559 году.— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. VI. Спб., 1880, стр. 113.

денежные взносы»[1], то есть она уже переросла в земельную ренту.

Надо полагать, что намеченный в «Жаты-жарга» сбор имел именно характер старинной дани. Не следует забывать также и то, что если бы Тауке даже хотел производить ежегодный 20-процентный сбор у каждого боеспособного казаха, то он едва ли мог осуществить его, как всякий кочевой хан, не располагавший почти никакой властью над населением в мирное время[2].

Казахские кочевые ханы еще во второй половине XVIII века, не имея сословно-монопольной феодальной собственности на землю, характерной для оседлого земледельческого народа, и твердой власти над населением, были лишены источника регулярного поступления доходов с подвластного населения.

Зекет впервые в Казахстане собирался в конце XVIII века бывшим хивинским ханом Каипом и в 20-х годах XIX века его внуком султаном Арунгазы Абулгазизовым с подвластных им казахов в низовьях р. Сыр-Дарья, а потом ханом Джангером в 30—40-х годах XIX в. во Внутренней Букеевской орде.

Взимание зекета и ушура в Букеевской орде было связано уже с развитием феодальных отношений, с появлением феодальной собственности на землю среди оседлых и полукочевых казахов, где феодалы использовали в качестве важного орудия для осуществления своей эксплуататорской цели религию ислама. В 1852 г. Перовский верно отметил, что «самой вредной услугой, какую оказал русскому правительству хан Джунгар в течение 22-летнего управления Внутреннею ордою, было распространение и развитие в ней магометанства посредством назначения собственной властью, без разрешения начальства и без должного испытания, большого числа мулл, освобожденных им, сверх того, в числе прочих по-

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 8, стр. 524.

[2] «Но одно было желать осуществления всего этого, а другое — добиться возможной и действительной его реализации. Ибо слишком ничтожны еще были средства, которыми располагал в это время Тявка, чтобы победить с помощью их противоборствовавшие ему силы, несомненно коренившиеся глубоко в самом существе тогдашнего политического устройства казахского народа». (Чулошников А. П. Очерки по истории казах-киргизского народа, ч. I. Оренбург, 1924, стр. 212).

четных лиц, от сборов зекета и согума»[1]. Кроме того, нельзя упускать из виду влияния Хивы на султанов присырдарьинских казахов в конце XVIII и начале XIX вв. Например, Арунгазы был потомком хивинских ханов из казахов и воспитан в духе мусульманского фанатизма. Он во всем подражал среднеазиатским ханам. В 1821 г. о султане Арунгазы сообщается, что «властолюбие есть господствующая страсть его и причина всех поступков. Он пышен в образе жизни, чтобы в мыслях черни равняться с ханами хивинским, бухарским, чтобы возвыситься над Ширгазы[2]. Здесь, по примеру азиатских государей, рассыпает плоды и фрукты во время стола как знаки расположения своего»[3]. Он так же, как среднеазиатские ханы, собирал с населения зекет и ушур.

Поэтому утверждение о том, что якобы «зекет» и «ушур» существовали в XV—XVIII веках в казахском кочевом обществе, как земельная рента, не имеет под собой основания.

Уровень развития кочевого общества казахов в XV—XVIII вв. условно можно сравнить с уровнем общественного развития восточнославянских и неславянских племен в VIII—X вв. на Руси. В этот период в различных частях Руси с разной быстротой совершался «процесс разложения первобытно-общинных отношений и развития «военной демократии». Этот процесс, охватывающий обширную территорию от берегов Ладожского озера и до дунайских гирл, от Карпат до Оки, есть не что иное, как возникновение феодализма»[4]. Причем этот процесс феодализации у оседлых земледельцев, какими были славяне, шел несравненно быстрее, чем у кочевников казахов, хозяйство которых, как отмечено, вообще не могло, не перейдя к оседлости, дойти до уровня развитого рабовладельческого или феодального обществ.

Мнение С. В. Юшкова, высказанное им о кочевом обществе казахов в XV—XVIII веках, как о развитом

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 78, д. 153, св. 12, л. 2.

[2] Ширгазы Айгуаков — последний хан Младшего жуза.

[3] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.— Л., 1940, стр. 378.

[4] *Мавродин В. В.* Образование единого русского государства. М., 1951, стр. 7.

феодальном государстве, где уровень развития государственности был примерно таким же, как в России в XIV—XVI вв. не соответствует действительности. Прав С. Л. Фукс, когда он говорил: «Удивительно, что С. В. Юшков, который в своей последней работе подчеркнул, что киевский князь до XI века «являлся главным образом военным вождем», отказывается видеть это качество у казахских ханов и султанов XV—XVII столетия, в то время как по уровню своего экономического и политического развития это общество кочевников-скотоводов стояло значительно ниже Киевской Руси с ее оседлым земледелием, ремеслом, отделенным от сельского хозяйства и развитой торговлей»[1]. Примерно так же, как С. В. Юшков, неправомерно преувеличивает уровень развития казахской государственности в XV—XVIII веках Т. М. Культелеев, что привело его к возвеличению казахского кочевого ханства и изображению его как вполне сложившегося «феодального государства», или даже, как вполне сложившейся «феодальной монархии»[2].

В действительности у казахских кочевников не было ни оседлости, ни земледелия и никакого феодального землевладения. Специфика экономического базиса кочевого общества определила специфику его политической надстройки — казахского ханства, которое было начальным и непрочным полуфеодальным государственным образованием.

Т. М. Культелеев, ратуя за мифическое существование феодальной собственности на землю в кочевом обществе казахов в XV—XVIII веках, все же вынужден был высказаться так: «Но эта феодальная собственность была завуалирована, как мы указывали, сильными родовыми пережитками, имевшимися в экономике и надстройке казахского феодального общества. Поэтому, имея в виду феодализм в Казахстане, совершенно правильно говорят о патриархально-феодальном укладе. *Это обстоятельство нашло свое яркое отражение и в казахском феодальном обычном праве, где даже нет специальных норм, регулирующих право феодальной земельной собственности.*

[1] *Фукс С. Л.* Некоторые вопросы истории казахского государства.— Известия АН КазССР, серия историческая, вып. 4. Алма-Ата, 1948, стр. 101.

[2] *Культелеев Т. М.* Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955, стр. 45.

Это объясняется рядом особенностей экономики и тем, что класс феодалов, пока это было возможно, не считал целесообразным зафиксировать в нормах права свою земельную собственность и тем самым, хотя бы в известной мере обнажить ее эксплуататорскую сущность»[1] (подчеркнуто нами — *С. Т.*). Разбор аналогичных высказываний по существу нами уже дан.

Здесь лишь следует сказать, что попытка объяснить, почему в обычном праве казахских кочевников не нашла отражение «феодальная земельная собственность» только одной лишь «завуалированностью» производственных отношений кочевников, является беспочвенной. Никого не может убедить какая-то излишняя «застенчивость» или «особое благородство» казахских «феодалов» не признавать своего права собственника на землю, если оно уже возникло в результате объективного хода экономического развития общества. Строить доказательство существования феодальной собственности на землю в кочевом обществе казахов в XV—XVIII веках на подобных аргументах, значит впасть в субъективизм. Спрашивается: почему казахский полуфеодал, не отрицавший своего права собственника на громадные табуны и стада, на десятки рабов и рабынь, на другое движимое имущество и устраивавший с целью обогащения на каждом шагу открытый грабеж, грубое насилие и убийство, вдруг оказался застенчивым и благородным, да настолько, что отказался от признания частной собственности на землю? Весь секрет, видимо, в том, что этой-то собственности на землю тогда еще не было.

Полуфеодальный характер казахского ханства обнаруживается и в том, что его глава — хан — не был наследственным верховным сюзереном, превратившим всю территорию ханства в свой домен, а избирался родовой знатью. Казахского хана избирали почетные представители родов. Эти родоправители на большом сходе поднимали хана на белой кошме. Потом эту кошму, или снятую с хана одежду, разрезали на мелкие куски и каждый забирал по кусочку в знак своего участия в избрании хана. После этого все они расходились по домам, расхватав весь ханский скот. Этот акт назывался

---

[1] *Культелеев Т. М.* Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955, стр. 28—29.

«хан-талау» (буквально: ограбление хана) и означал, что избранный хан теперь скота своего не имеет и переходит как бы на содержание народа. После этого представители родов немедленно пригоняли новое поголовье скота из стад и табунов народа, которое возможно значительно превышало количество расхватанного ханского скота[1]. Вся эта церемония говорит о том, что богатство казахских ханов заключалось в скоте, а не в земельной собственности, «ограбление» хана символизировало военный характер его деятельности, что он лишь военный вождь кочевников.

Например, в 1771 г. выбор Аблая ханом «происходил в присутствии созванных из разных волостей султанов и старшин и при великом стечении простого народа. Разостланы были ковры и войлоки, на коих сели вокруг все присутствовавшие в три и четыре ряда, по старшинству и достоинству; и когда по середине сего собрания занял свое место, на подложенном тонком белом войлоке сам Аблай, то все осыпали его похвалами за храбрость и проворство и пересказывали об одержанных им победах. По объявлении Аблаю о выборе его в ханы, четверо из старейших старшин встали с мест, и подняв его на свои головы, опустили на прежнее место. Сему примеру последовали все бывшие на собрании; наконец, сняв с него верхнее богатое платье изорвали на маленькие лоскутки и разделили оные между собою. Всякий доволен был сею доставшеюся ему безделкою и провозглашал достоинства избранного хана. В заключение всего подали на больших оловянных блюдах вареное, мелко изрубленное мясо, коего по горсти клал сам Аблай каждому в рот[2]; потом потчевали всех кумызом. Точно такой

---

[1] Записки Оренбургского отдела ИРГО, вып. 2, 1871, стр. 162.

[2] Обычай у казахов, выражавшийся в обязанности старшего из числа сидящих за одним столом во время кушанья «бесбармака» по горсти класть каждому в рот из присутствующих лиц мужского пола «асату», видимо, есть пережиток способа распределения ограниченного количества пищи между воинами военачальником во время походов эпохи «военной демократии». Потом такой «асату» сохранился как народный обычай у кочевников, связанный с патриархально-феодальным укладом жизни. Это подкрепляется еще тем фактом, что в казахском ауле до недавнего прошлого каждый принимающий «асату» из рук почетного гостя или уважаемого старца должен был выражать свое удовлетворение словом «кулдык», что значит «покорный раб».

же обряд наблюдается киргиз-кайсаками при выборе прочих ханов и султанов»[1]. Все это сопровождалось громкими восклицаниями и криками вооруженных людей.

Но власть такого хана была очень ограничена. Он должен был считаться с собранием представителей родоплеменной знати и наиболее близких ему родоправителей, которые избирали его. Совет родоправителей (батыров и биев) был организационной формой установления «союза племен» с сохранившимися еще чертами «военной демократии».

Монголы, посадив вновь избираемого хана на белый войлок, говорили: «обрати (очи свои) на войлок, на котором ты сидишь. Если ты будешь хорошо править своим государством, то будешь владеть со славою и весь свет покорится твоей власти и пр.». По словам Плано Карпини, это делалось как бы только для того, чтобы сделать новому хану наставление: «если станешь делать противное, то будешь несчастен и отвержен, и столь нищ, что не будет у тебя и войлока, на котором ты сидишь»[2].

Все это совпадает с характеристикой, данной Ф. Энгельсом, уровня развития политического строя общества германцев IV—V вв. н. э. «У объединившихся в народы германских племен существовала такая же организация управления, как и у греков героической эпохи и у римлян эпохи так называемых царей: народное собрание, совет родовых старейшин, военачальник, стремившийся уже к подлинной королевской власти»[3]. У германцев на этом этапе развития «были вассалы, но не было феодов. Феодов не было потому, что у государей не было земли, которую они могли бы раздавать; или, скорее их феодами были боевые кони, оружие и пиры»[4]. У казахских племен, объединившихся в кочевое ханство, политическая жизнь характеризовалась примерно этими же признаками.

---

[1] Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским, 1820 года, ч. 9. Спб., 1820, стр. 117—118.

[2] *Лама Галсан-Гомбаев.* О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини.— Труды восточного отделения импер. археол. об-ва, ч. 4. Спб., 1859, стр. 242—243.

[3] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Л., 1953, стр. 150.

[4] *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955, стр. 658.

Беспрерывные войны усиливали влияние верховного военачальника — хана, равно как и военачальников — батыров. Казахский хан в соответствии с обычаем избирался из числа чингизидов, у которых еще был жив патриархальный принцип наследования власти, в большинстве случаев переходящей по старшинству от брата к брату, от дяди к племяннику. Верховный военачальник — хан, кроме военной добычи, эпизодически мог организовать сбор с населения некоторой дани (ясак) с целевым назначением главным образом на расходы военных походов. В казахском обществе существовал своеобразный вассалитет, основанный на эпизодическом сборе дани. О подобном вассалитете на западе Маркс говорил: «Вассалитет без ленов и лены, состоящие только из даней»[1].

Дань была одной из древних и характерных для патриархально-рабовладельческой или патриархально-феодальной стадии развития форм эксплуатации народной массы. Она собиралась государственной властью, когда открытый грабеж еще не утратил своей силы. Например, в период вторжения европейцев в Америку инки при покорении нового племени облагали его данью: урожай с полей, продукты животноводства, изделия ремесла. Старейшины покоренных племен и аристократия инков получали от верховного Инки большую часть из собиравшейся дани как дары в знак милости[2]. По мнению С. В. Киселева, в VI—X вв. формой зависимости киргизских свободных земледельцев и скотоводов от их аристократов на первом этапе были дани и всевозможные приношения, одинаково присущие и рабовладельческим и «дофеодальным» государствам раннефеодальной поры[3]. Монголы XIII века при каждом удобном случае просили у проезжающих подарки. При этом они говорили: «У чужого ребро вывернуть», то есть выманить что-нибудь[4].

---

[1] Цит. по работе П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1947, стр. 108.

[2] Индейцы Америки. Этнографической сборник. М., 1955, стр. 195.

[3] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 573.

[4] *Лама Галсан-Гомбаев.* О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини.— Труды восточного отделения импер. археол. об-ва, ч. IV. Спб., 1859, стр. 237.

В таких условиях социально-экономической жизни, издревле существовавшие формы простой патриархально-родовой взаимопомощи между родственными кочевниками в виде добровольных подарков в различных их проявлениях, постепенно приобретали с появлением классовых отношений форму дани. Добровольные подарки, эпизодически поступавшие под теми же древними названиями в пользу казахских ханов, батыров, биев или баев в XV—XVIII вв. были ничем иным, как данью. Подобные подарки делались только в особо для них торжественных или несчастных случаях. Они не распространялись на всю массу кочевников, не имели всеобщего характера.

Пережитки этих добровольных подарков — дани существовали еще в предреволюционном казахском ауле, например, подарок под названием байгазы. Его приносили при женитьбе, рождении наследника, избрании на административную должность или при получении правительственной награды и т. д. Другим видом добровольных подарков был утешительный подарок аза. Он означал соболезнование по случаю смерти кого-либо из числа членов семьи влиятельного человека[1]. В годовщину смерти такого человека устраивались поминки. По этому случаю тоже делали подарки под названием «сойстык», что значит «на убой» (подарки поступали обязательно живым скотом, предназначавшимся на убой на поминках).

Третьим видом добровольных подарков является жылу или журтшылык. Его давали пострадавшему от грабежа или разорившемуся от стихийных бедствий. Обычно вопрос об организации жылу с определением размера взимаемого взноса с каждого хозяйства решался на совете родоправителей или аксакалов. Отказавшихся от внесения назначенного взноса принуждали к уплате, ссылаясь на то, что при их отцах и дедах были

[1] «Приезжая для поминовения усопшего, они (казахи — *С. Т.*) приводят с собою аза — подарок родственникам покойного, состоящий из скота... Количество скота в аза зависит от богатства, от близости отношений дарящего к покойному. Богатые иногда дарят даже «тюе бастаткан тогуз» — девятку от верблюда, то есть одного верблюда и восемь лошадей разных возрастов». (Вл. Ф.— Герн. Из записной книжки. В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год. Семипалатинск, 1898, стр. 81).

случаи взаимного жылу, или же под угрозой отсечь им подол в знак исключения их из числа добрых людей. Вымогательство подарков было одним из видов патриархально-феодальной эксплуатации.

Не говоря уже о ханской эпохе, даже в дореволюционный период истории казахского народа многие волостные управители и народные судьи, не довольствуясь тем, что собирали в свою пользу дополнительные суммы с населения под названием чигын, они еще добивались разрешения от вышестоящих органов царской власти собирать с народа жылу якобы на покрытие своих долгов. Так, «одним из уездных начальников представлен был на утверждение военного губернатора приговор волостных выборных Джулекской волости (Перовского уезда — *С. Т.*) о пожертвовании по одному рублю с кибитки, для покрытия долгов волостного управителя Аяке Бикджанова... В 1878 г. было разрешено..., принимая во внимание примерного исполнения им служебных обязанностей в течение с лишком 10 лет и крайне бедного положения..., принять добровольное пожертвование со стороны казахов Джулекской волости, в количестве не более семи тысяч рублей»[1]. В конце XIX в. преподношение этих подарков было превращено волостными управителями, биями, аульными старшинами и аткаминерами в один из основных методов феодальной эксплуатации народной массы аула.

Казахский хан в многочисленных межродовых распрях среди подвластного ему населения выступал в роли своеобразного арбитра, осуществлявшего судебную власть, решая вопросы в пользу сильных и получая за это некоторую судебную пошлину — хандык. А само судебное решение называлось «торелик». Это аналогично тому, что имело место на патриархально-феодальной стадии у германцев. «В древности вся официальная власть в мирное время была исключительно судебной властью, которая теряла силу во время народных собраний по сотням, по областям (гау) или собраний всего племени»[2].

Хан получал хандык при взимании штрафа за убий-

---

[1] *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 115 (сноска).

[2] *Энгельс Ф.* К истории древних германцев. М., 1938, стр. 120.

ство, увечье, кражу и другие преступления, а также при примирении враждующих родов с взаимной барымтой.

Хун[1] у казахов был по своему существу разновидностью виры или головничества, существовавших в родовом обществе, например в древней Руси, у древних германцев и у ряда других народов, как выкупной штраф, вместо кровной мести за убийство и увечье. В патриархально-феодальную эпоху социальная природа хуна изменилась. Размер хуна у казахов зависел от классовой принадлежности, пола и возраста убитого или искалеченного. Взимали хун за нечаянные или злонамеренные убийства, за пособничество кому-либо в совершении их. Например, размеры хуна за убийство мужчины были в два раза больше, чем за убийство женщины. Точно так же размеры хуна за убийство богатых и привилегированных людей превышали размеры хуна за убийство свободных рядовых людей[2]. В несколько меньших размерах взимали хун за увечье.

Хун и айп[3] у казахов достоверно описаны И. Г. Георги: «Кто убьет мужа, тот подвергается гонению его родственников на два года, в течение которых могут они его убить, не навлекая на себя через то наказания. Если же он жизнь свою между тем сбережет, то должен дать родственникам убиенного сто лошадей, одного невольника и двух верблюдов. Пять баранов или овец берутся взамен одной лошади. За убиение жены, ребенка или невольника, так же, как и за осквернение женщины, за которым последуют безвременно роды, полагается наказание в половину противу вышеписанного... Изуродование человека почитается в половину противу лишения жизни. Большой палец стоит 100, малый 20, а прочие от 30 до 60 овец»[4].

[1] Хун — плата за убийство и увечье.

[2] «Хун ханский равнялся хуну семи простых казахов. Это основано на том, что хан есть повелитель по крайней мере семи отделений или родов. За убийство хана Малой орды, Абулхаира, батыром Средней орды Сырымбетом, сын убитого — Эрали, собственноручно убил убийцу своего отца и сверх того по присуждению бия Большой орды Уйсюневца Туле, получил два хуна, а остальные затем 4 — Эрали простил». (Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948, стр. 204).

[3] Айп — плата за воровство и другие преступления, кроме убийства.

[4] Прошлое Казахстана в источниках и материалах, ч. I. М., 1935, стр. 186.

Об этом же Н. Рычков писал: «У казахов нет ни каких-либо правовых норм, ни судов для решения правовых споров. Только в отношении убийства и воровства имеется у них странный порядок, заведенный их предками. Кары за то и за другое преступление установлены следующие:

Убийца ни в каком случае не отвечает за свое преступление головой. Возмещением являются карательные платежи; совершивший убийство вносит: сотню коней, одного пленного раба, двух верблюдов, суконный кафтан высшего качества, (мех) чернобурой лисицы, ястреба или беркута, один панцирь и другие предметы военного обихода. Все это следует ближайшему наследнику убитого. В случае, если личного имущества не хватает, то остаток взыскивают с родственников убийцы, и родственники не могут в этих случаях возражать против этого обычного права, и все подчиняются этому ненарушимому порядку. Это установление называется у казахов куном»[1].

До завершения присоединения казахских жузов к России хун и айп могли взыскать с виновника не все. На это были правомочны только те, у кого была достаточная сила — все решалось соотношением сил родовых объединений и богатством. Поэтому, когда какой-нибудь род взыскивал хун с преступника за увечье или убийство своего человека, говорили: «теңдік алды», что означает в дословном переводе: «получил равенство». Многие родовые объединения при столкновении с более сильными всегда оставались в обиде, хотя все они считались потомками одного общего отдаленного предка, как например, Шомекей, Шекты, Аргын и т. д. В таких случаях говорили: «опираясь на силу, не дали равенства» («күшке салды, теңдік бермеді») «сила не признает даже своего отца» («күш атасын танымайды»).

Невозмещенная обида, нанесенная одной частью населения другой, передавалась в различной степени из поколения в поколение и почти никогда не забывалась. Любой представитель этого обиженного родового подразделения при удобном случае всегда мог предъявить иск представителю родового отделения когда-то нанес-

---

[1] *Рычков* Н. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. Спб., 1772, стр. 25.

шего обиду его отцу или деду. Каждый казахский мальчик с малых лет воспитывался, что он должен был хорошо знать по рассказам отца, деда и других старших о своем родословии, о всех событиях в жизни своих предков, по крайней мере, отца, деда и прадеда, о невозмещенной обиде, неуплаченном хуне и айпе. Отомщение за старую обиду считалось делом чести. Поэтому при проявлении крайней враждебности когонибудь к кому-либо, говорили: «Неужели за ним числится невзысканный хун за убийство твоего деда?» («атаңның құны кеттіме»). Во многих случаях межродовые войны между крупными родоплеменными объединениями, сопровождавшиеся взаимным угоном скота, возникали по этой причине. Отсюда казахская народная поговорка: «Потомки равных предков могут согласиться на равенство, но на неравенство никогда» (теңаттаның баласы теңдікке көнседе, көмдікке көнбейді).

Взыскание хуна с виновника, как мера наказания за увечье и убийство людей с более слабых родов, хотя бы в уменьшенных размерах, без особых затяжек и осложнений, стало возможным только при активном вмешательстве русской администрации после завершения присоединения казахских аулов к России.

Общественно-политическим явлением, существовавшим в казахском кочевом обществе в течение веков, под названием барымта, была пронизана вся жизнь казахов. Барымта отражала в себе как в фокусе все стороны общественно-экономической жизни этого народа, многочисленные и самые разнообразные конфликты, возникавшие по самым разнообразным причинам, все факты угона или задержки чужого скота по самым разнообразным мотивам, начиная с захвата многочисленных табунов при межплеменной войне и кончая захватом барана за личное оскорбление какого-нибудь среднего достатка аксакала. Барымта была вызвана к жизни появлением частной собственности на скот, расколом общества на классы эксплуататоров и эксплуатируемых с патриархально-родовым бытом. Барымта была неразрывно связана с типом хозяйства — кочевым скотоводством. Это хорошо понимали сами казахские кочевники. Казахская пословица гласит: «Кто боится барымты, тот вообще не может заниматься скотоводством» («барымтадан қорыққан мал жыймайды»).

Барымта при своем возникновении была открытой формой возмездия за оскорбление и материальный ущерб, она служила средством заставить обидчика вступить в переговоры с пострадавшим. В дальнейшем она переродилась и превратилась в орудие преднамеренного вызова на межродовой скандал, в орудие открытого грабежа.

В межродовых конфликтах арбитром выступал хан. Во всей политической деятельности кочевого хана казахов это была главная его функция. Роль арбитра создавала ему известный престиж в глазах народной массы и служила эпизодическим источником его дохода. Поэтому не случайно, что хан Аблай завещал своим сыновьям, чтобы они никогда до конца не решали вопросов межродовых конфликтов среди казахов, так как только такая обстановка является необходимым условием для сохранения влияния хана среди кочевников[1].

Хан, кроме военной добычи, некоторой «судебной» пошлины (хандык) и частичных добровольных приношений населения должен был в основном жить своим хозяйством, как крупный скотовладелец, имеющий рабов и слуг. В 1771 году И. П. Фальк писал: «У ханов все доходы — от их собственных стад, и больше у них нет никаких иных поступлений. У Нурали до 100 верблюдов, до 3 000 коней, до 1 000 голов рогатого скота, до 5 000 овец и до тысячи коз и сверх всего до 100 ослов. Еще богаче султан Аблай, но хан берет тем, что ему доходят русские подарки, до 600 рублей наличных денег, не говоря о прочем»[2]. О положении родоправителей и старшин, которых он называет предводителями, далее пишет: «В этих должностях сыновья как общее правило заступали место отцов, но предводителю не полагалось каких-либо поступлений от населения, и у него не было над ним сколько-нибудь значительных прав»[3].

Вышеуказанные доходы хана, которые поступали с населения, не были еще земельной рентой, а скорее имели характер дани. «Завоеватель, живущий за счет дани,

[1] Валиханов Ч. Аблай.— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. XXIX. Спб., 1904, стр. 4.

[2] Прошлое Казахстана в источниках и материалах. М., 1935, стр. 185—186.

[3] Там же, стр. 185.

или чиновник, живущий за счет налогов, или землевладелец — за счет ренты, или монах — за счет милостыни, или левит — за счет десятины, — все они получают долю общественного производства, которая определяется другими законами, чем доля рабов и т. д.»[1]

Казахский хан всегда должен был выступать как военный вождь или первый военачальник в походах. Поэтому и «власть ханов и султанов, их «право» обирать население, требовать от него повинностей, базировались не на том, что они узурпировали пастбище или право распоряжения кочевьем, а на том, что группа хищников, не всегда самая богатая, но всегда самая воинственная, нужна была родовой знати в качестве боевых вождей ополчения для защиты и нападения на соседей. Родовая знать, эта основная и решающая группа патриархально-феодальных эксплуататоров, содержит хана «на иждивении народа», то есть за счет трудящихся. Ясно, что хан не бедняк, а богатый, крупный скотовод, но власть принадлежит ему не как самому богатому феодалу, не как крупнейшему сеньору, стоящему на вершине феодальной иерархии собственности, для него власть не является «атрибутом земельной собственности»[2].

Кочевое казахское ханство существовало на рубеже двух эпох — эпохи перерождающейся в органы государства «военной демократии» и эпохи развития раннефеодальных отношений. Аналогичное явление имело место в Киевской Руси.

«Расцвет Киевской Руси падает на время княжения Владимира (973—1015 гг.)... Владимир стоит на грани двух эпох. Он — последний князь — воин дружинной Руси эпохи «военной демократии» и в то же самое время он — первый князь, который всей своей деятельностью подготовил тот таящий в себе элемент грядущего распада Киевского государства расцвет раннего феодализма, который падает на княжения его внуков... С течением времени, особенно во второй половине XI в., картина резко меняется. Времена походов в «иные страны» с целью захвата военной добычи и взимания дани кончают-

[1] *Маркс К.* К критике политической экономии. Л., 1952, стр. 198.
[2] *Фукс С. Л.* Некоторые вопросы истории казахского государства.— Известия АН КазССР, серия историческая, вып. 4. Алма-Ата, 1948, стр. 100.

ся... Дань перерастает в ренту»[1]. Такие изменения на Руси совершаются благодаря появлению и укреплению крупного феодального землевладения в условиях оседлого земледелия. Частная собственность на землю была экономической основой русских княжеств, как всяких оседлых земледельческих феодальных государств.

Отсюда ясно, что нельзя отождествлять экономическую основу кочевого казахского ханства с экономической основой развитого феодального государства.

Казахский хан имел небольшую дружину, сформированную в его ауле из рабов и безродных бедняков. Члены ханской дружины использовались, главным образом, как посыльные и личные слуги хана при его разъездах, а также как домашняя прислуга и пастухи. Они назывались тюленгутами, хараши и т. п. Если в более отдаленном прошлом слово «хараши» (карачу) у монголов означало «простой народ», а у некоторых народов, подчиненных Золотой орде, «карачи» — титул советников хана, то впоследствии у казахских ханов оно стало прозвищем ханских пастухов и домашних слуг, находившихся в личной зависимости от ханов. Еще позднее слово «хараши» означало «зависимый бедняк» в ауле любого бая.

Постоянного войска у казахских ханов не было. Вместо него по мере необходимости собиралось народное ополчение, выступавшее под водительством хана, батыра, бия. «Вполне естественно, что в этот период у всех народов войско и народ — понятия тождественные»[2].

Территория казахских ханств определялась сугубо ориентировочно по относительной давности обитания на ней основной массы подвластного тому или другому хану населения, исходя из направления и места кочеваний по временам года.

Кочевое передвижение населения ханства по временам года происходило каждый раз как массовое переселение народа более чем на сотни и даже тысячи верст в один конец. В случае внешней опасности либо

---

[1] *Мавродин В. В.* Образование единого русского государства. Л., 1951, стр. 8.

[2] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949, стр. 306.

по какой-либо другой причине население ханства полностью или частично могло покинуть свою прежнюю зону кочеваний без всякого ущерба для своего хозяйства и занять новую, даже не спрашивая на это разрешения хана. Обширность территории, находившейся в общем пользовании, суровость ее природных условий, постоянная подвижность и неуловимость населения, обусловливали слабую зависимость крупных казахских родоправителей — батыров и биев от хана и их непокорность по отношению к нему.

Такая крайняя условность сил аппарата правления составляла главную особенность государственной власти патриархально-феодального кочевого общества. Отсюда слабость власти хана, которую никак нельзя отождествлять с властью монарха в развитом феодальном государстве.

Хан знал примерное местонахождение в различные времена года основной массы «подвластного» ему населения. Но вести, как это думают некоторые, учет и распределение между родами пастбищ, ему абсолютно не представлялось возможным. А кто хочет видеть в таком «владении» кочевого казахского хана феодальную государственную собственность на землю, как в древних земледельческих государствах на Востоке, возникшую в связи с необходимостью осуществлять большие ирригационные сооружения для орошения пустынь и с появлением частной собственности на эти сооружения,— тот тоже неправ. Все данные, характеризующие различные стороны социально-экономической жизни казахского кочевого общества в XV—XVIII столетиях, ясно показывают, что там никакой государственной собственности на землю не было.

Казахскому хану было доступно заботиться лишь о том, чтобы подвластное ему население не было подвергнуто нападениям со стороны враждебных соседей и чтобы оно окончательно не откочевало от него, как это случилось у казахских ханов Бурундука, Тагира в первой четверти XVI века[1] и у многих других. Нельзя не согласиться с мнением С. Л. Фукса о том, что наличие свободных пустопорожних земель, могущих служить се-

[1] *Вельяминов-Зернов В. В.* Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. II. Спб., 1864, стр. 201.

зонным пастбищем, не могло не являться решительным препятствием к превращению земли, пастбищ в монополию ханов и султанов, в основное орудие феодальной эксплуатации.

Составители проспекта «Истории государства и права Казахстана», напротив, считают, что «феодальная собственность на землю — основа феодализма в Казахстане», что в кочевом казахском обществе существовало «право феодальной собственности на пастбища», что хан имел право «передавать землю своим вассалам», что «полномочия феодалов на владение пастбищами, предоставлялись им ханами»[1]. При подобном искажении исторической правды вряд ли остается место для признания прогрессивного значения добровольного присоединения казахских кочевников к России, так как феодально-крепостническая Россия XVIII столетия в таком случае не могла бы оказывать прогрессивного влияния на кочевое общество казахов, если последнее считать обществом развитого феодализма со всеми присущими ему атрибутами.

Сторонники такой точки зрения пытаются доказать, что развитие социально-экономических отношений у кочевых скотоводческих народов, в частности, у казахов, находилось на том же уровне, что и у земледельческих народов с развитыми феодально-крепостническими отношениями. Мы не исказим истины, если скажем, что так думают С. Зиманов и А. Еренов, когда они пишут: «Казахские ханы всегда провозглашали, что они являются верховными владыками и собственниками земли. Так, например, Аблай хан в своей переписке с царской администрацией именовал владения ханства «моей землей». Реакционные потомки Аблай хана, типа Кенесары и Саржана, в своей антинародной борьбе ссылались на то, что огромные пространства кочевий Среднего жуза оставлены им в наследство от Аблай хана»[2]. Если с этим согласиться, то тогда надо признать за истину и заявление Кенесары, что он спаситель всего казахского на-

---

[1] История государства и права Казахстана, ч. I, проспект; Алма-Ата, 1954, стр. 8.

[2] *Зиманов С. и Еренов А.* О характере феодальной собственности на землю в Казахстане.— Труды Алма-Атинского юридического института, т. I, Алма-Ата, 1955, стр. 49.

рода, что казахский народ сам всегда восставал против присоединения к России.

Китайские источники о подвластных Аблаю казахах сообщают: «Они не имеют ни законов, ни учреждений; мало слушают и приказаний своего государя. Ежели кто провинится, то преступника судят на общем сборе. За малые вины штрафуют скотом, а за большие — общим приговором, предают смерти и разделяют между собою имущество виновного, не относясь к государю»[1]. Другой пример. Хан Нурали, ханствовавший в Младшем жузе с 1748 по 1786 год и постоянно пользовавшийся поддержкой русского правительства, имел гораздо больше власти над населением, чем хан Аблай, ханствовавший в Среднем жузе с 1771 по 1781 год. Однако и хан Нурали в 60-х годах XVIII века платил хун за нанесенное увечье его слугами и рабами казаху подвластного ему рода. Этот случай был описан Николаем Рычковым[2].

И еще пример. В проекте об утверждении в русском подданстве казахов и способах управления ими, составленном в мае 1734 года, сказано: «Сей народ так, как и прочие нижеупомянутые, веры магометанской, имеет хана только для одного имени, а владычества его над ними нет, который хан или для утверждения себя в ханстве, или для помощи к отвращению от Контайши своих прежних владетельств под Российскую державу с некоторыми салтанами и старшинами пришел и шерть (то есть присягу) учинили»[3].

Разве все это похоже на централизованное феодальное государство, существовавшее в XV—XVIII веках в Казахстане? Конечно нет. Казахский хан стоял над слабо спаянными между собою родоплеменными кочевыми союзами и объединениями и вся его деятельность как главы «государства» была окутана патриархально-родовыми традициями и старинным обычным правом кочевников. Само ханство представляло собой не иерархию феодальных землевладельцев, взаимные отношения

[1] Описание Чжуньгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Переведено с китайского монахом Иакинфом. Спб., 1829, стр. 145—146.

[2] *Рычков Н.* Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкие степи в 1771 году. Спб., 1772, стр. 25.

[3] Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1734, составленных А. И. Добросмысловым, т. I. Оренбург, 1900, стр. 8.

которых основаны на вассалитете с получением лена, а пестрый и малоустойчивый комплекс различных кочевых племен и родов. Связь этих кочевых племен и родов с ханом была основана главным образом на «вассалитете без лена или лена, состоящего из даней». Эта характеристика К. Маркса, данная им государственному устройству Киевской Руси еще в большей мере относится к государственному устройству казахских кочевых ханств. Как бы ни старались составители вышеназванного проспекта переоценить уровень развития казахского ханства и поднять его выше уровня развития Киевского государства IX—XI вв., историческая правда никак не может подчиниться этому.

Своеобразие казахского кочевого ханства как органа государственной власти, не достигшего уровня развития типичного феодального государства, проявилось в специфической организации аппарата управления. Управление народом происходило по родам. Прежним оставался институт родоправителей из числа батыров и биев, хотя этот орган патриархально-родового строя давно уже из орудия народной воли превратился в патриархально-феодальном обществе в орган угнетения народа. Все вопросы социально-экономической жизни народа решались в крупных родах и их подразделениях. Сородичи вместе кочевали и пасли свой скот, вместе устраивали набеги на неприятелей и отбивали нападения их, вместе устраивали празднества и обряды. Родами управляли самые видные военачальники из числа крупных скотовладельцев: батыры, бии и баи. Ханом могла быть только персона, принадлежащая к прослойке «торе» — «белая кость» — из потомков чингизидов. Каждый хан избирался, хотя за чингизидами и были закреплены своеобразные «династические» права. Без батыров, биев и баев хан был бессилен[1]. Ограниченность власти хана прояв-

[1] Власть казахского хана была похожа на власть арабских шейхов у бедуинов. Шейх «не может своей личной властью взимать ни малейшего налога, ни решать какие-либо особенно важные вопросы, а также в его распоряжении не имеется никакого подобия полиции или стражи для поддержания его авторитета. Его приказания в незначительных делах исполняются, потому что общественное мнение на его стороне; но когда последнего нет, то приказаниями пренебрегают». (Щербатова О. А. Верхом на родине бедуинов. Спб., 1903, стр. 123).

лялась: во-первых, в том, что она распространялась только на один или несколько родов, в редких случаях, на один из трех казахских жузов, представлявших целый политический конгломерат из различных племен и родов; во-вторых, и в этих пределах хан приобретал более или менее реальную власть только во время крупных военных действий. В мирное же время фактически народом правили батыры и бии, они же предводительствовали в повседневных межродовых распрях, связанных с угоном скота, уводом или похищением девушек среди кочевников[1].

В общественной жизни казахов в этот период боролись две противоположных тенденции, которые выливались в форму борьбы нового со старым, борьбы зарождающихся феодальных отношений с отживающими патриархально-родовыми. Но для полной победы первых над вторыми не было достаточных экономических условий; этому препятствовал весь хозяйственный уклад жизни кочевников казахов. Между прочим, надо полагать, что деление казахов на три сотни — уш-жуз (названных в дореволюционной литературе «ордами»), существовавшее в XV—XVIII вв., было явлением всецело связанным с военно-племенным устройством казахского общества. Такое деление имело место у всех народов, переживших период «военной демократии»[2].

Победа феодализма могла быть завершена лишь на основе частной земельной собственности в условиях оседлого земледельческого хозяйства. Без этого невоз-

---

[1] «В тех (казахских — *С. Т.*) ордах не столько ханы власти имеют, сколько их старшина, и для того они ни людьми, ни богатством своих ханов усиливаться не допускают и грамотных в ханы не избирают, однако ж ведут (счет) наследственных ханов, а детей ханских называют султанами». (Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1734, составленного А. И. Добросмысловым, т. I. Оренбург, 1900, стр. 35).

[2] «Десятичная организация — это военная организация; монгольские ханы застают ее уже готовой и лишь приспособляют ее для своих целей... Это деление на десятки, сотни и тысячи возникло в тот момент, когда роды и племена объединялись для общих целей в большие организации военного характера, то есть в период военной демократии, когда вооруженный народ выступал в военных предприятиях. Эта десятичная система не отрицала целиком родовых связей, но она их восполняла, вносила порядок в движение людских масс, превращала толпу в войско». (Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, стр. 312).

можно было прикрепление к земле беспрерывно передвигающихся на необъятном пространстве казахских степей кочевых скотоводов. А без такого прикрепления невозможно было какое бы то ни было упрочение власти хана над кочевым народом.

Форма проявления власти хана как военного вождя над населением была различной в условиях крупных завоевательных походов — нашествий и в условиях обычной кочевой жизни. Отождествление формы проявления власти, например, Чингис-хана во время нашествий монголов и ханской власти с формой правления у казахов является одним из главных источников всяких ошибочных суждений о социальной природе казахского кочевого ханства.

Мы уже отмечали бессилие ханской власти в казахской степи перед влиятельными представителями крупных и сильных родоплеменных групп. Если казахскому хану иногда удавалось держать родоправителей в своем повиновении, то только до тех пор, пока последние видели в этом какую-нибудь выгоду для себя. Но как только изменялись обстоятельства, как только хан начинал проявлять хотя бы малейшее стремление не считаться с ними, то он сейчас же терял всякое влияние среди избравших его представителей родов — батыров, биев и баев, и на его место выдвигался какой-нибудь другой султан. Но это вовсе не значит, что хан никогда и никого не мог наказывать. При поддержке более сильных родоправителей хан иногда подвергал телесному наказанию, налагал штрафы, отбирал скот и даже казнил провинившегося из числа подвластных ему людей, руководствуясь обычным правом, но он никогда и ни при каких обстоятельствах не мог никого лишить земли потому, что никто не имел прав частного владельца на какие-либо определенные участки земли.

Отсутствие устойчивой производственной базы родоплеменных объединений, основанной на земледелии при крупной феодальной земельной собственности, следовательно, отсутствие крепкой экономической основы казахского ханства, обусловливало общую неустойчивость политических учреждений, прежде всего, власти самого хана. Общественные союзы, какими являлись родоплеменные объединения казахов, которые входили в то или другое казахское ханство, были между собой

слабо связаны и легко распадались, что нередко приводило к распаду и всего кочевого ханства. Между прочим, этим же положением надо объяснить несостоятельность обязательств хана Абулхаира и его последователей, взятых ими на себя перед русским правительством при принятии подданства России. Такая несостоятельность объяснялась, далее, еще тем, что к принятию ханом Младшего жуза российского подданства крупнейшие казахские скотовладельцы, воротилы степной жизни — батыры, бии и баи относились в своей массе враждебно. Они продолжали жить прежней жизнью, не считаясь совершенно ни с какой присягой хана, данной им русскому правительству. Они по-прежнему устраивали набеги на русские поселения и друг на друга.

Даже в результате крупных военных событий — борьбы казахов с Джунгарией, которую они вели в 1729 году под руководством хана Абулхаира, власть хана существенно не изменилась. В этой войне казахи разбили своих врагов — джунгаров и заняли значительную часть прежних своих кочевий. Это намного подняло популярность и авторитет Абулхаира в народе, но остался он таким же кочевым ханом — по существу старшим «аксакалом» нескольких кочевых племен и родов Младшего жуза. Окруженный небольшим количеством своих рабов и тюленгутов, он пас свои стада в песках Кара-Кумов, Борсуки и у рек Иргиз, Тургай и Сыр-Дарья, как всякий другой казахский хан или богатый скотовладелец.

Никак нельзя отождествлять место обитания казахского хана с владениями, допустим, великого и удельного князя на Руси.

«Владение» казахского хана включало в себя лишь приблизительно определяемые территории кочеваний подвластных ему родоплеменных объединений; эти территории не были распределены между последними, границ никаких не устанавливалось. В этом не было никакой экономической необходимости и политической целесообразности. Все «владение» ханства представляло собой общее кочевье большой массы населения. Так как границы кочевий между родоплеменными группами при изобилии сезонных пастбищ и свободных кормовых пространств не определялись, кочевники пользовались ими чисто явочным порядком, без всякой регламентации

со стороны родоправителей и хана. При таком положении не было никакой необходимости в частной собственности на землю. Как только стадо поедало траву вокруг аула, кочевник должен был снимать свою юрту и перевозить ее на новое место. Для него было более выгодным иметь свободу пастьбы своих стад на пространстве всей степи, чем обладать правом частного собственника на какой-нибудь ограниченный участок земли. Ограниченный участок земли никак не мог служить основой ведения хозяйства и благополучия кочевника.

Контуры «владения» того или иного кочевого хана определялись лишь расположением мест кочевания и ориентировочным направлением летних и зимних, осенних и весенних кочеваний подчиненных ему племен и родов. Мимолетный характер землепользования исключал необходимость закрепления земли за отдельными кочевыми аулами, тем более за отдельными лицами. Такой тип кочевого хозяйства знал только общинное землевладение.

Если русская община при феодальном землевладении существовала внутри владения каждого феодала на положении крепостной общины, которой он распоряжался, то казахская кочевая община имела ту особенность, что она не была связана с феодальным землевладением и крепостным правом. Поэтому она имела полную свободу кочеваний на всей территории кочевого ханства, не разграниченной между отдельными родоплеменными объединениями.

Если крепостная русская община была союзом крестьян по владению надельной землей данной вотчины, то казахская кочевая община была союзом аулов, родов и племен по владению пастбищем всей территории ханства. О сущности крепостной крестьянской общины в России В. И. Ленин писал: «Будучи объединены общиной в крохотные административно-фискальные и землевладельческие союзы, крестьяне раздроблены массой разнообразных делений их на разряды, на категории по величине надела, по размерам платежей и пр.»[1].

Если изолированность отдельных русских общин и обособленность их друг от друга составляла основу прочности царского деспотизма, то общность кочевий

[1] *Ленин В. И.* Соч., т. 3, стр. 332.

казахских аулов, родов и племен создавала основу непрочности и номинального характера власти казахского хана. Границы ханского «владения» были настолько неопределенны, что ни один из казахских ханов, вероятно, даже не задавался целью точно их себе представить; это не вызывалось экономической необходимостью. Одна эта неопределенность границ так называемого «владения» хана отражала низкий уровень и слабость самого ханства как государственного образования, связанного со всеми очень медленно разлагающимися институтами «военной демократии».

Неустойчивость и шаткость экономической основы кочевого общества определяли неустойчивость и аморфность государственных образований кочевых народов вообще, казахских ханств в частности. Только этим фактом можно объяснить, что казахский народ никогда во всей своей истории досоветского периода не знал ни одного примера существования прочного единого централизованного государства. Такое государство никак и не могло возникнуть на базе отсталых патриархально-феодальных отношений кочевников.

Всеми этими обстоятельствами объясняется то, что власть казахских ханов над населением, кочующим на необъятном обширном пространстве, почти всегда оставалась номинальной и условной.

Кочевые ханства, так называемые кочевые империи, никогда не были прочными, они обыкновенно быстро распадались на мелкие части и исчезали. Приобрести большую или меньшую прочность они могли лишь в том случае, если их население пользовалось трудом земледельцев или само переходило к оседлой жизни.

Это ясный показатель того, что определенная степень развития способа труда с соответствующей ему производительностью всегда определяла политическую форму господства и подчинения, то есть специфическую форму всякого государства. Отсталому экстенсивному пастбищно-кочевому скотоводству и незрелым полуфеодальным производственным отношениям соответствовала и незрелая политическая надстройка в виде кочевого ханства казахов.

Хозяйство казахских кочевников до конца XVIII в. в целом было натуральным; почти вся торговля у них состояла в простом обмене скота и рабов на разные

вещи. В этом обществе не было, пока оно оставалось кочевым, достаточных социально-экономических условий для общественного разделения труда и для появления новых прогрессивных классов, могущих дальше двигать вперед развитие производительных сил. Сама патриархально-феодальная верхушка кочевого общества казахов не только не была в состоянии ликвидировать эту отсталость, но она в своей массе не была способна даже поставить задачу какого бы то ни было общественного прогресса.

Таким образом, добровольное присоединение казахских жузов к России, вызванное их внутренним социально-экономическим и внешне-политическим положением в 30-х годах XVIII столетия, несмотря на имевшие в нем место отрицательные явления, было большим прогрессивным событием, отвечавшим коренным интересам казахского народа. Постепенно оно оказывало свое благотворное влияние на весь ход дальнейшего развития общественно-экономической жизни казахского общества.

Присоединение Казахстана к России создало все необходимые условия для сближения казахских племен с русским народом, положило «основание разделения впоследствии казахов на волостные и сельские общества»[1].

Завершение присоединения казахских жузов к России получило свое юридическое оформление в реформе 1867—1868 гг. По этой реформе была перестроена вся система государственного управления казахами, вся казахская земля была объявлена государственной собственностью, представленной кочевникам в бессрочное пользование на основе обычаев.

Завершение присоединения казахских жузов совпало с новым этапом в развитии России, когда крепостное право было отменено и промышленный капитал в экономике страны уже занимал господствующее положение.

Непрочность, аморфность племенно-феодальных государственных образований у казахов в виде кочевого ханства с господствующим влиянием в нем воинствующих элементов — батыров была обусловлена патриархально-феодальными отношениями, экстенсивным кочевым хозяйством и военно-походным образом жизни.

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 78, д. 153, св. 12, л. 7.

Кочевое хозяйство казахов в XVIII и начале XIX вв., исчерпав все возможности своего дальнейшего развития, переживало период полного упадка и разложения. Поэтому добровольное присоединение казахских жузов к России было конкретным выражением коренных интересов народных масс, их стремления выйти из создавшегося критического положения.

Патриархально-феодальная верхушка кочевого общества казахов в лице султанов, батыров, биев и баев (мурз) в своей основной массе длительное время вела активную реакционную борьбу против добровольного присоединения казахских жузов к России, борьбу за сохранение старых устоев отжившего свой век пастбищно-кочевого хозяйства, патриархально-феодальных отношений.

В частности одним из реакционных выступлений в конце XVIII века против присоединения племен Младшего жуза к России было движение батыра Срыма.

Теоретическую основу для восхваления и идеализации реакционных выступлений батыра Срыма, султана Кенесары Касымова, батыров Жоламана Тленшина, Есета Котибарова и др. в свое время дал М. П. Вяткин. Историческая наука в Казахстане до сих пор, к сожалению, еще не освободилась от ошибок в освещении этих движений.

Добровольное присоединение казахских жузов к России для исторической судьбы казахского народа имело решающее значение. Поэтому ни одно общественно-экономическое явление в истории Казахстана, начиная с 30-х годов XVIII века и до победы Великой Октябрьской социалистической революции, вне связи с этим фактом правильно охарактеризовать и оценить невозможно.

Глава пятая

ПРОЦЕСС ПРИСОЕДИНЕНИЯ КАЗАХСКИХ ЖУЗОВ К РОССИИ В XVIII—XIX ВВ. И ПРОГРЕССИВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ У КОЧЕВНИКОВ

Присоединение обширных казахских степей к России не было кратковременным и однократным политическим актом. Это был сложный, длительный и богатый политико-экономическими событиями процесс.

Вся почти полуторавековая история присоединения казахских жузов к России характеризуется постепенным и неуклонным ростом политического и экономического влияния России на социально-экономическую жизнь казахских жузов, положительным развитием хозяйственных связей между русским и казахским народами, глубокими прогрессивными изменениями в кочевом обществе казахов, переходом к полукочевому и оседлому образу жизни, разрушением старых и возникновением новых земельных отношений среди казахов, проявлением элементов частного землевладения.

Но этот процесс не был ровным и во всех отношениях спокойным. Имели место многочисленные эксцессы, выступления народных масс против колониального гнета, как, например, антифеодальное и антиколониальное восстание в Букеевской орде под водительством Исатая Тайманова в 1836—1837 гг., восстание казахов рода Шекты в низовьях Сыр-Дарьи (1855—1858 гг.) и др., а также реакционные войны с целью сохранения своего господствующего положения в условиях кочевого общества наиболее враждебно настроенных к России султанов, батыров, биев и баев[1].

---

[1] Более подробно об этом см. Толыбеков С. Е. О реакционной борьбе казахских султанов и батыров Младшего жуза против добровольного присоединения к России.— Вестник АН КазССР, 1955, № 8.

Процесс присоединения казахских жузов к России протекал в основном в форме борьбы между новым и старым, между прогрессивным и консервативным, в форме борьбы между трудящимися массами во главе с отдельными прогрессивными людьми и основной массой консервативной патриархально-феодальной верхушки казахского кочевого общества.

Подъем на более или менее высокую ступень общественного производства и заметные изменения в социально-экономической жизни казахских жузов были немыслимы без ломки старой, веками существовавшей системы крайне шаткого, малопроизводительного из-за своей примитивности, круглый год кочующего скотоводческого хозяйства. Эти изменения были немыслимы без ликвидации грабительских набегов на соседние народы, взаимных грабежей и междоусобиц среди казахских жузов и родоплеменных групп. Такие коренные изменения были немыслимы без оседлости. Несмотря на свою колонизаторскую цель, политико-экономические меры, принятые русским правительством в указанном направлении, явились конкретной формой положительного воздействия России на патриархально-феодальное кочевое общество казахов.

Присоединение казахских жузов к России создало известные условия для значительного и более быстрого развития производительных сил в Казахстане; оно навечно связало воедино казахский народ с русским народом, создало необходимые условия для совместной освободительной борьбы против эксплуататоров.

Как свидетельствуют исторические документы, более высокие формы экстенсивного пастбищного скотоводства, сочетавшегося с сенокошением и хлебопашеством, начали возникать именно с периода присоединения Казахстана к России. Хозяйство казахов стало приобретать черты полукочевого и даже в отдельных случаях оседлого скотоводческо-земледельческого хозяйства. Экономическая сущность прогрессивного значения добровольного присоединения казахских жузов к России заключается прежде всего в этом.

В результате в конце XIX и начале XX вв. у казахов произошли существенные изменения в характере земле-

владения. В. И. Ленин, отмечая живучесть многочисленных форм землевладения, соответствовавших различным историческим эпохам развития общества, писал: «Вспомните «Капитал» Маркса. Вы найдете там указание на чрезвычайное разнообразие форм землевладения — феодальное, клановое, общинное (добавим: примитивно-захватное), государственное и проч.,— которые застает капитал при своем появлении на историческую сцену»[1]. Это «чрезвычайное разнообразие форм землевладения» имело место и в предреволюционном Казахстане.

С конца XVIII в., в местах, близко расположенных к русским границам, появляются первые признаки новой формы землевладения у кочевников. Они начали воспринимать навыки к новым видам труда. В частности, казахи стали учиться строить постоянные жилища, заниматься сенокошением, рыболовством и хлебопашеством, в своем хозяйстве стали употреблять сельскохозяйственные орудия, имевшиеся у русских крестьян, вести обмен с русским населением своими продуктами производства.

Русское правительство, в целях колонизации, было заинтересовано в установлении гражданского мира, оседлости и развития земледелия в казахской степи. Поэтому оно охотно удовлетворило в 1764 году просьбу султана Аблая прислать десять человек русских с земледельческими орудиями и сетями для рыбной ловли для обучения казахов земледелию и рыболовству и просило Аблая, в свою очередь, прислать десять человек казахов для обучения земледелию. Правительство обещало отпустить их домой с орудиями производства, выданными из казны[2]. В этих же целях царь издал в 1768 году указ о постройке домов хану Нурали и султану Досали. В указе сказано: «При этом стараться обучить казахов, которые живут при Досали, заготовлению сена, посеву хлеба и заведению огородов и садов»[3]. Хан Нурали в 1770 году «ходатайствовал перед Оренбургским губернатором в том, чтобы разрешено

---

[1] *Ленин В. И.* Соч., т. 22, стр. 46.

[2] *Крафт И. И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, стр. 103.

[3] Там же, стр. 113.

было ханскому народу нанимать илецких казахов для обучения косьбе. Ходатайство было удовлетворено»[1].

С целью дальнейшего усиления политического и экономического влияния на казахское кочевое общество царское правительство 23 мая 1808 года приняло решение об устройстве разорившихся казахов, кочевавших по Оренбургской линии. В этом решении «повелено прирезать землю селениям, которые примут казахов, а самим казахам предоставить 10-летнюю льготу от податей и служб и выдавать пособие»[2]. «В видах сближения кочевых инородцев со смежным русским населением, еще в 1808 г. администрациею Сибирского казачьего войска было положено привлечь заречных казахов (кочевавших к югу от территории, занятой войском) на внутреннюю сторону казачьих линий, с целью перечисления желающих из них в казачье сословие, для образования оседлых населенных пунктов и для развития между кочевниками земледелия»[3]. Дальнейшее общение между русским и казахским населением как Оренбургского, так и Сибирского ведомств оказывало свое положительное влияние на изменение кочевого хозяйства казахов в сторону постепенного его перехода к оседлости и земледелию.

Крупными событиями, имеющими прогрессивное значение в истории казахов, были ликвидация реакционного казахского кочевого ханства в Среднем и Младшем жузах в 20-х годах XIX века и применение системы российского государственного управления в Среднем жузе в соответствии с «Уставом о сибирских киргизах». Устав был разработан русским государственным деятелем М. М. Сперанским и утвержден правительством 22 июля 1822 года. Согласно Уставу, население Среднего жуза должно было группироваться в административные аулы по 50—70 хозяйств; 10—12 таких аулов составляли волость, 15—20 волостей — округ. В 1838 году в северной части Казахстана числилось 7

---

[1] Прошлое Казахстана в источниках и материалах. М., 1935, стр. 156—157.

[2] *Крафт И. И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, стр. 146.

[3] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. Спб., 1900, стр. 84.

внешних округов, которыми был охвачен весь Средний жуз. Это мероприятие имело положительное значение.

Большое прогрессивное значение в социально-экономической жизни казахов, наряду с созданием впервые в истории казахского народа стройной системы государственного управления, имело основание окружных городов, которые постепенно превращались в глухой казахской степи в политико-экономические и культурные центры. Кокчетавский, Каркаралинский и Кушмурунский округа были образованы в 1824 году (Кушмурунский округ впоследствии, в 1859 г., был переименован в Атбасарский); в 1831 г. были образованы Аягузский и Кокпектинский округа, а в 1832 г.— Баян-Аульский и Акмолинский.

Основную линию политики русского правительства в этот период, направленную на развитие оседлости и земледелия среди казахов, отражает донесение от 22 декабря 1826 года командующего Кокчетавским отрядом сотника Федорова. Он писал: «Г. Броневский уведомляет при сем общество[1], что многие из казахов в просьбах своих к нему изъявляют желание начать хлебопашество, требуя людей для показания, как обращаться с пахотными орудиями и семян для посевов, что по возможности удовлетворяется, и Омским областным Советом определена в каждый внешний округ, в казахской степи устроенный по Уставу о сибирских киргизах. Высочайше конфирмованному в 1822 г., сумма на покупку орудий и семян, коней, желающие заняться хлебопашеством, казахи ссужаются. К сему они особенно подстрекаются водворившимися между кочевьев казаками, составлявшими стражу округа, где третий год уже как положено начало хлебопашеству, а когда в казахской степи населятся казаки, куда уже переехало оных около 200 семейств, и начнут пашню в надлежащем порядке, то казахи еще более убедятся в пользе сей промышленности и конечно будут время от времени обращаться в земледельцев»[2]. Так оно в основном и вышло.

Реформа, проведенная в 1824 г. в Младшем жузе

[1] Речь идет об императорском Московском обществе сельского хозяйства.

[2] О начале хлебопашества в киргизской степи.— Земледельческий журнал, 1827, № 19, стр. 10—11.

среди казахов Оренбургского ведомства по ликвидации казахского ханства, была менее удачна, чем среди сибирских казахов в том отношении, что она не ввела никакой новой системы государственного управления и почти не касалась вопросов упорядочения земельных отношений. Все дело сводилось к тому, что необъятная территория оренбургских казахов от гор. Уральска до места слияния рек Тобол и Убаган, от города Гурьева до горы Улу-Тау, от полуострова Мангышлак до горы Кара-Тау была разделена на три части: Западную, Среднюю и Восточную, каждая из которых по существу была новым ханством. Назначены были три султана-правителя: Каратай Нуралиев, Темир Ералиев и Джума Худаймендиев.

Эти султаны-правители впервые (в 1824 году) в истории кочевого ханства казахов, если не иметь в виду Устава М. Сперанского о сибирских казахах, наметили кое-какие и весьма условные границы своих так называемых владений[1], что не могло внести ничего нового в земельные отношения среди основной массы кочевого населения (см. схематическую карту условного размежевания территории оренбургских и сибирских казахов и султанов-правителей оренбургских казахов).

В Уставе о сибирских казахах большое внимание уделялось упорядочению землевладения и землепользования в интересах развития среди них оседлости[2].

---

[1] «Границею между ними (речь идет о границах между Западной и Средней частями оренбургских казахов — С. Т.) поставлена черта, начиная от Илецкого городка и проводя ее по рекам Илеку и Большой Хобде до впадения в сию последнюю речки Бурмы; от оного через урочище Кук-Тепсань по реке Темиру до устья его, и оттуда по прямому направлению к югу до Аральского моря, оставляя большие и малые Борсуки к востоку» (ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 274, св. 180, л. 74). Дальше: «По разделению Восточной и Среднею частью оренбургских киргизов, сделанном в Комитете, где присутствовали султаны Джума и Темир, поставлена граничащая между оными черта, начиная от Степной крепости и проводя через вершины рек Тогузака, Кара-Али-Аята, Карагай-Аята, Джилкузера и Тобола с тем, чтобы все течение их в Киргизской степи принадлежало к части Восточной, потом через озеро Корсак-Баши на переправу Кылы и на Сыр-Дарью к могиле Кур-Кут до развалин Куна-Кала; оттуда по дороге через Яничке через колодезь Суз-Кара до первого бухарского ключа Киндерли». (ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 274, св. 180, л. 108).

[2] На неудовлетворительный характер реформы в Младшем жузе в значительной степени повлияла реакционная политика оренбург-

Устав требовал точного установления земельных границ между внешними округами и их охраны, хотя эти требования не могли быть осуществлены сразу в силу господствующего тогда обычая и взгляда в народе, что «вся степь есть общественное достояние казахов»[1]. Но вместе с тем требование Устава о том, что «каждый округ имеет определенные надлежащим разграничением земли и жители другого округа не переходят на оные без точного позволения местного начальства», постепенно оказывало свое положительное влияние на изменение характера землевладения казахов в том отношении, что устанавливались границы сначала между округами, волостями, а затем между административными аулами. «Сущность изменения земельных форм в казахской степи до сих пор заключается в обособлении земельной собственности: сначала род обособился от рода, затем внутри начали обособляться более мелкие родовые единицы, наконец, по отношению к некоторым угодьям (ценные оберегаемые пастбища, покосы) обособление дошло до предела, то есть до семейной собственности»[2], в виде так называемых кой-булик и ата-булик и покосных пайков[3], которых раньше у кочевников не было.

Прогрессивное значение Устава о сибирских казахах в том и состояло, что он впервые в истории кочевого общества казахов способствовал созданию административных единиц — округов, волостей и аулов и новых форм земельных отношений. В ходе дальнейшего развития появилась и приобрела в конце XIX и начале XX вв. господствующее значение среди оседлых и полу-

ских генерал-губернаторов Сухтелена и Перовского. Например, генерал-губернатор Сухтелен «считал вредным поощрять хлебопашество среди казахов и не дозволял им селиться. Система эта получила еще большее развитие при преемнике Сухтелена генерале Перовском, и в то время, как в сибирской степи распространение между казахами земледелия и даже оседлости делало постепенные успехи, в отношении Малой орды долго продолжали придерживаться упомянутой ложной теории, тормозя дело мирного успокоения степи». (Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Спб., 1900, стр. 81).

[1] *Красовский М.* Область сибирских киргизов, ч. III. Спб., 1868, стр. 159.

[2] *Хворостянский П.* Развитие форм землепользования в зависимости от хозяйства.— Тургайская газета, 1906, 26 марта.

[3] Кой-булик — отдельное овечье пастбище, ата-булик — отдельная отцовщина, семейная собственность.

кочевых казахов общинно-аульная форма землевладения. Эта форма землевладения была обстоятельно изучена в 12 уездах Степного края экспедицией Ф. Щербины в 1896—1901 гг. Огромное социально-экономическое значение Устава М. Сперанского состояло еще в том, что в нем выдвигался ряд положений о частном землевладении среди казахов с целью насаждения и культивирования сенокошения, хлебопашества в целях изменения кочевого образа жизни казахов, перехода их к полукочевому и оседлому типам хозяйства. «Новые же условия жизни народа во многом порождены устройством степи по Уставу 1822 года»[1]. Под влиянием новых политических условий и роста экономических связей с русским населением постепенно изменялось прежнее отношение казахов к земле. Уставом впервые рекомендовалось введение среди казахского населения, начиная со старшего султана — главы окружной администрации и кончая рядовым скотоводом, частного землевладения на основе развития оседлости и земледелия. Согласно Уставу, старшему султану выделялось от 5 до 7 кв. верст удобной для земледелия, скотоводства и других надобностей земли[2], заседателям по 2 кв. версты, волостным султанам и русским чиновникам окружной канцелярии по одной кв. версте, переводчикам и проживающим в округе казакам по 15 десятин на душу. Далее в Уставе сказано: «Российские заседатели в приказах и казаки, составляющие стражу, должны подать первый пример к возделыванию земель... На отведенных им землях должны они стараться завести хлебопашество и, буде представится возможность, садоводство, пчеловодство и проч. ... Они должны употреблять все старание, чтобы султаны, старшины и прочие казахи, убеждены были в пользе таковых заведений, доставлять им к тому все способы и помогать нужными советами»[3]. Из этого

[1] *Красовский М.* Область сибирских киргизов, ч. III. Спб., 1868, стр. 159.

[2] «Киргизским султанам Сибирского ведомства... предоставлены права потомственного дворянства при условии прослужения по выборам трех трехлетий в звании старших султанов». (Крафт И. И. Из киргизской старины. Султаны, тарханы и бии. Оренбург, 1900, стр. 81).

[3] Устав о сибирских киргизах §§ 181, 182 и 183. В кн.: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года т. XXXVIII, 1822—1823. Спб., стр. 426.

документа видно, что русское правительство, вводя дифференцированное частное землевладение как одно из условий оседания кочевников, особое внимание уделяло тому, чтобы все русские люди, работавшие в окружном приказе, стали фактически учителями казахов в области земледелия. Они своим личным примером должны были убедить прежде всего казахских султанов и старшин как представителей господствующего класса среди казахов и служащих российского государственного аппарата в пользе земледелия и оседлости.

Право собственности казахов на выделенные им участки земли признавалось в том случае, если они на этих участках занимались земледелием. В числе других поощрительных мер, которыми нужно было вызвать интерес у казахов к занятию земледелием, было то, что «казах, который первый в округе разведет значительное хлебопашество, пчеловодство и проч. равно и все те, которые окажут в сих делах отличные успехи, получают право на особенную награду, о назначении которой представлять на высочайшее усмотрение»[1]. Нельзя не видеть прогрессивного значения Устава в истории кочевого общества казахов. И мы крайне удивлены, что Л. П. Потапов считает его по сути дела реакционным законом. Он пишет: «М. М. Сперанский пытался использовать по существу уже изжитое у казахов родоплеменное деление, приспособив его, как и в Сибири, к административным целям»[2]. Кстати заметим, что в этот период родоплеменное деление у казахов еще не было изжито, оно продолжало играть решающую роль в общественно-экономической жизни народа[3]. Касаясь значительно позднего периода Колпаковский писал: «Борьба партии при выборах волостных управителей неизбежна и особенна сильна потому, что волости составлены, в громадном большинстве случаев, из нескольких родов,

[1] Устав о сибирских киргизах, § 187.

[2] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.— Вопросы истории, 1954, № 6, стр. 86.

[3] «Родственная связь у казахов чрезвычайно уважается, а численность данного семейства составляет его силу. Старики еще помнят те времена, когда до введения нашим правительством известных порядков многочисленные племена и семейства пользовались особым значением и делали что хотели». (Юзефович Б. О быте казахов Тургайской области.— Русский вестник, т. 146, 1880, стр. 803).

каждый род стремится, во что бы то ни стало, провести своего сородича на должность волостного управителя. Это вредное явление, неустранимое никакими административными средствами, происходит именно потому, что родовое начало еще очень сильно и, конечно, не может быть устранено законодательным путем по тому непреложному закону истории, что декретами нельзя отменить народные нравы и обычаи»[1]. Устав М. Сперанского способствовал не сохранению родоплеменного деления у казахов, а, наоборот, его разрушению. Устав был направлен на поддержание и развитие оседлости и земледелия. А оседлость неизбежно ведет к разложению родового устройства.

П. П. Румянцев верно отметил, что введение административного деления у казахов «не считалось с родовым строем казахов, оно устанавливало механическую, в лучшем случае, территориальную группировку казахских «кибиток» в аульные общества, а этих последних — в волости. Проводилась аналогия с делением русских крестьян на сельские общества и волости... Таким образом вносилась ломка в естественно-сложившиеся отношения; родовые общины должны были втиснуться в новые юридические рамки»[2]. Это подтверждается и документом канцелярии Оренбургского генерал-губернаторства: «С постепенным водворением в степи безопасности и гражданского порядка посредством учреждения административных властей, по выбору русского правительства, родовое начало между казахами особенно прилинейными, начало ослабевать, явилась возможность жить безобидно помимо защиты родовичей, и вот казахи одних родов начали приселяться к казахам других, то есть в прилинейных дистанциях образовалось смешанное народонаселение»[3]. Об этом же Л. Костенко писал: «В настоящее время родовые подразделения казахов

---

[1] Цит. по работе В. Остафьева. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве.— Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО, кн. XVIII, вып. II. Омск, 1895, стр. 53.

[2] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. I. Лепсинский уезд, Киргизское хозяйство. Спб., 1911, стр. 154—155.

[3] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 3877, св. 516, л. 25.

исчезают вследствие той администрации, которую начали вводить здесь русские... Появились новые разделения: волости и аулы, несовпадающие с прежними разделениями на поколения и аулы»[1]. Но разложение родоплеменной общины казахов шло крайне медленно. Оно продолжалось до Великой Октябрьской социалистической революции. Даже после победы Великой Октябрьской социалистической революции пережитки господствовавших в предреволюционном Казахстане патриархально-феодальных отношений и родового быта преодолевались довольно долго. Для этого потребовалась целая полоса исторического развития уже в условиях диктатуры пролетариата.

Земельные отношения, сложившиеся во Внутренней Букеевской орде в 30-х годах XIX в., Л. П. Потапов опять-таки оценивает неверно. По его мнению, «общинное землепользование у казахов отнюдь не препятствовало крупным феодалам распоряжаться землей по своему усмотрению. Когда у хана Букеевской орды возникла необходимость юридически оформить право владения земельными угодьями, он закрепил за собой 400 тыс. десятин самой лучшей земли, отвел 700 тыс. десятин султанам Мучегалию и Чингалию Урмановым, 400 тыс. десятин брату своему Менлигирею и т. д. Из оставшихся 800 тыс. десятин хан продавал земельные участки мелким султанам, старшинам, ходжам, сдавал в аренду и т. д. За период с 1830 по 1835 г., например, хан выдал разным лицам 1 517 актов на владение земельными участками в Орде»[2]. С ним согласны С. Зиманов и А. Еренов: «Джагир-хан во Внутренней орде считал себя единственным владельцем всей земли орды. Он мог перераспределять, отторгать кочевья, сдавать в аренду и продавать земельные угодья орды»[3]. Л. П. Потапов и поддерживающие его авторы неверно полагают, будто бы приведенные ими факты подтверждают исконное суще-

---

[1] *Костенко Л.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. Спб., 1870, стр. 37—38.

[2] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.— Вопросы истории, 1956, № 6, стр. 86.

[3] *Зиманов С.* и *Еренов А.* О характере феодальной собственности на землю в Казахстане.— Труды Алма-Атинского юридического института, т. I. Алма-Ата, 1955, стр. 49.

ствование феодальной земельной собственности в военно-кочевом, племенно-феодальном обществе казахов и вообще у подобных им кочевников.

Ошибка Л. П. Потапова, С. Зиманова и А. Еренова состоит в то, что они рассматривают и оценивают приведенные ими факты, относящиеся к 1830—1835 гг., вне связи с конкретно сложившимися к этому времени, в результате добровольного присоединения Младшего жуза к России, социально-экономическими условиями как в казахском обществе в целом, так и во Внутренней Букеевской орде. Они упускают из виду тот важный факт, что эти земельные сделки во Внутренней Букеевской орде происходили ровно через сто лет после присоединения племен Младшего жуза к России.

Внутренняя же Букеевская орда образована по указу царского правительства в 1801 году, спустя 70 лет после присоединения Младшего жуза к России, на территории русского государства за р. Урал. Эта территория до того времени была занята подданными России калмыками, которые покинули ее в 1771 году. Вся земля Внутренней орды была пожалована царем султану Букею Нуралиханову. В 1799 г. султан Букей Нуралиханов обратился к русскому правительству с просьбой разрешить ему с приверженными ему казахами кочевать между Уралом и Волгой. 11 марта 1801 года последовало высочайшее повеление императора Павла I: «Председательствующего в Ханском совете Киргиз-Кайсацкой Малой орды Букея султана, сына Нурали-ханова, принимая к себе охотно, позволяю кочевать там, где пожелает, и в знак моего благоволения назначаю я ему медаль золотую с моим портретом, которую носить на шее на черной ленте и проч.»[1]. Далее, «по высочайше утвержденному 19-го мая 1806 г. положению о наделении кочующих народов землями, казахам предоставлен участок Заволжской степи (от р. Узеня через горы Богдо и Чапчак до Каспийского моря), входившей в состав Астраханской губернии. Затем в 1828 г., по высочайше утвержденному положению Азиатского комитета, им отдан участок Уральской степи в Черноярском уезде до 670 000 десятин. Все простран-

[1] Полное собрание законов Российской империи, 1801 г., т. XXVI, № 19773.

ство занимаемых казахами земель простирается до 7 000 000 десятин»[1].

Таким образом Букей и его потомки во Внутренней Букеевской орде приобрели право владения на эту землю на основании русского государственного законодательства, а не по древним обычаям кочевого общества казахов. Это хорошо понимал сам султан Букей. В 1806 году, узнав о том, что Астраханское начальство намеревается отдать часть его земли калмыкам, он в письме военному министру напомнил, что земля эта «всемилостивейше нам пожалована для кочевья моего»[2].

Хан Внутренней Букеевской орды всегда находился в полной зависимости от Оренбургского или Астраханского губернатора. Титул хана здесь был использован временно для подготовки условий распространения на Внутреннюю орду единой системы государственного управления Российской империи. Об этом в положении об управлении Внутренней Букеевской ордой сказано: «Казахи, находясь всегда под особым ханским управлением, не были еще подготовлены к столь важному переходу; всякая де внезапная коренная перемена среди народа полудикого могла бы произвести тревогу, весьма опасную по своим последствиям в пограничных степях, удаленных от центральной власти. Из такого положения Внутренней орды проистекала необходимость разделить меры устройства ее на приуготовительные или переходные и на окончательные. Поэтому предполагалось:

1. Поставить ханское управление в зависимость Главного попечителя Астраханских инородцев, но облечь эту зависимость сколь возможно приятною для хана и орды формою в виде содействия хану и упрочению благосостояния казахов; для производства же дел ханских учредить при нем Русскую канцелярию...

6. Дабы подействовать на сближение казахов с русскими, учредить при Ханской ставке, кроме существующих ярмарок, постоянную торговлю в гостином дворе. Эта мера, при распространении русского населения в Ставке, могла со временем образовать из этого места хороший уездный город и, таким образом, незаметно

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 153, св. 12, стр. 2 (сноска 2).
[2] Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.), т. IV. М.— Л., 1940, стр. 268.

приуготовить в степи центральный пункт для нашей уездной администрации и гильдейской торговли.

7. Ордынские земли разделить по родам и тем самым положить основание к некоторой оседлости и удобству разделения впоследствии казахов на волостные и сельские общества.

8. Для распространения в Орде русского языка учредить при Ставке училище.

9. Для распространения хозяйственных улучшений учредить в Орде, по мере возможности, общественные запасы хлеба и сена, а для улучшения породы лошадей — случные конюшни.

10. Определить в Орду медика, ветеринара, повивальную бабку и оспопрививателей.

11. Для устройства сих учреждений и вообще для пособия в чрезвычайных случаях составить хозяйственный капитал, сообразно с предположением хана, из особого ежегодного сбора по 50 к. с кибитки, из сбора за паспорты и из остатков от содержания Управления.

Сими средствами предполагалось положить основание к введению в Орде русского управления; оно могло постепенно ознакомить казахов с выгодами нашей администрации и с теми улучшениями, которые впоследствии могли быть введены для пользы народа»[1].

Из этого документа видно, на каких условиях было сохранено ханское звание во Внутренней Букеевской орде при ликвидации ханства в казахских степях в 1822—1824 гг. Ханом Букеевской орды с 1824 по 1845 г. был генерал-майор русской службы, сын Букея — Джангер. Он имел русское дворянское воспитание, образование и пользовался всеми правами русского князя — крупного землевладельца[2]. «Кроме значительных денежных пособий от монарших щедрот, четыре сына хана, по высочайшему повелению воспитывались в пажеском

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 153, св. 12, лл. 10—12.

[2] «Ко времени открытия в Оренбурге военного училища Букеевским ханом был Джангер-хан. Как получивший хорошее русское образование под руководством Астраханского губернатора Андреевского, Джангер-хан позаботился доставить русское начальное образование и своим подчиненным, начав с ближайших своих родственников». (Васильев А. В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896, стр. 13).

Его Величестве Корпусе. Сам хан имел чин генерал-майора, а в 1839 г. ему были пожалованы алмазные знаки Ордена Св. Анны 1-й степени Императорскою короною украшенного»[1]. По законам царского правительства «все имеющие офицерский чин ордынцы пользуются правами личного дворянства; в потомственное возводятся лица, оказавшие особые заслуги и преданность правительству»[2]. Джангер-хан был потомственным дворянином. Вот почему из фактов деятельности Джангер-хана нельзя делать выводы относительно общественно-экономических отношений в казахских кочевых ханствах в XV—XVIII вв. На самом деле между прадедом Джангер-хана Абулхаиром и генерал-майором русской службы Джангер-ханом лежит целая историческая эпоха.

Переселившиеся за р. Урал казахи Внутренней Букеевской орды сравнительно быстро переходили к полукочевому и оседлому образу жизни. Этому способствовало влияние соседства почти со всех сторон оседлых русских жителей и рост относительной плотности населения в Орде. Что касается актов раздела, продажи, перепродажи и сдачи в аренду земли Джангер-ханом, то все эти факты были результатом появления феодального землевладения после присоединения казахов Младшего жуза к России и более усиленного проникновения в Букеевскую орду феодально-капиталистических отношений. «Купля-продажа *продуктов* земли ведет к развитию купли-продажи *самой земли* (аренда и сдача), а затем и к купле-продаже *рабочей силы*»[3].

Развитие феодальных отношений в Букеевской орде прежде всего выразилось в появлении частной собственности на землю. Хан Джангер своим родственникам и другим влиятельным лицам выделял участки земли в частную собственность, на право владения которыми выдавал официальные документы. «Джангер-хан про-

---

[1] Царь по случаю смерти хана Джангера 11 августа 1845 г. писал: «Весьма жаль, он был человек весьма преданный, кажется в пажах его старший сын, малый весьма способный, но слишком молод, чтобы ему можно было вверить управление». (ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 153, св. 12, стр. 7).

[2] *Красовский М.* Область сибирских киргизов, ч. I. Спб., 1868, стр. 408.

[3] *Ленин В. И.* Соч., т. 20, стр. 116.

изводил в орде ломку этого (старого — *С. Т.*) строя, насаждая феодально-поместную систему»[1]. «Подобная система повела к тому, что каждый влиятельный казах, с значительным состоянием, старался приобрести участки в собственность и не допускать на них других ордынцев из личного интереса»[2]. В связи с этим Джангер-хан установил сбор оброка с населения под названием зекет и согум. Это и было конкретным проявлением перерастания добровольных приношений, имевших характер дани, в феодальную ренту[3].

По данным А. Харузина, сумма зекета, собираемого со скота всего населения орды, составляла от 72 000 рублей до 92 000 рублей, или в среднем 82 000 рублей. Содержание 14 вестовых составляло 1 792 рубля. Кроме того, население хану платило еще согум. «Согум состоял из приношения казахами хану с 5 кибиток по одной рогатой скотине или по 6 баранов — *это выходит на всю орду 4 000 голов рогатого скота или 24 000 баранов. На рогатую скотину в то время была определена цена 8 рублей, а на барана 2 рубля, следовательно, на всю орду приходился согум средним числом в 40 000 рублей*»[4].

Такой огромный оброк хан частично делил с теми старшинами, которые непосредственно производили сбор с населения. А старшины и султаны, управлявшие родами, пользовались особым согумом в форме добровольных приношений от вверенного их управлению народа[5]. Усилившаяся феодальная эксплуатация широкой массы казахских полукочевых и оседлых скотоводов в Букеевском ханстве вызвала антифеодальное крестьян-

---

[1] *Рязанов А. Ф.* Восстание Исатая Тайманова (1836—1837 гг.). Кзыл-Орда, 1927, стр. 5.

[2] ЦГИА КазССР, ф. 78, оп. 2, д. 153, св. 12, стр. 2.

[3] «По уставам магометанской религии под именем зекета разумеется подать (сороковини) со скота и со всякого движимого имущества на содержание бедных и вообще на предметы богоугодные. Согум — добровольное приношение казахов битым или живым скотом в пользу своих правителей. Хан Джангер оба эти сбора обратил в денежные, по *определенной раскладке*». (ЦГИА КазССР, ф. 78, д. 153, св. 12, стр. 2 (подчеркнуто нами — С. Т.).

[4] *Харузин А.* Киргизы Букеевской орды, т. I. Спб., 1889, стр. 198—199.

[5] ЦГИА КазССР, ф. 78, д. 153, св. 12, стр. 3.

ское восстание в 1836—1837 гг. под водительством народного героя Исатая Тайманова[1].

Как видно, приведенный выше Л. П. Потаповым факт из истории Внутренней Букеевской орды не может служить доказательством существования испокон веков у казахских кочевых ханов и султанов сословно-монопольного землевладения.

История кочевого ханства подобных фактов не знает. Нам не известен ни один случай прикрепления к земле кочевника-скотовода, то есть крепостничества.

Исторические документы говорят, что родоначальники казахских ханов — султаны Гирей и Джаныбек в середине XV в. бежали от кочевого хана узбекского улуса Абулхаира и приютились в пустыне Бетпак-Дала в низовьях реки Чу в сфере влияния Моголистана. Приверженцы их, беженцы, именовались «казахами». После смерти хана Гирея ханом казахов стал его сын Бурундук. В конце XV века кочевники бросили хана Бурундука и сгруппировались вокруг его двоюродного брата, сына Джаныбека-Касыма, а хан Бурундук умер в одиночестве где-то около Самарканда. После Касыма ханом стал его племянник, сын Джадика — Тагир. Жестокость хана Тагира по отношению к подвластным ему кочевникам привела к тому, что все казахи покинули Тагира и откочевали от него, а хан «остался один с сыном, и вместе с ним пристал к киргизам»[2]. Мы не допускаем мысли, что это могло случиться, если бы казахские ханы были полновластными государями, а кочевники казахи — крепостными, прикрепленными к земле, находившейся в сословно-монопольной собственности у этих ханов-султанов.

Можно взять более поздний период из истории казахского ханства. После года великого бедствия (актабан-шубурунды) в 1729 году казахи разбили джунгаров под предводительством хана Абулхаира и заняли в основном прежние свои территории. Но от этого хан Абулхаир не стал верховным собственником всех казахских земель. «Самые условия жизни и хо-

---

[1] *Шахматов В. Ф.* Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946.

[2] *Вельяминов-Зернов.* Исследования о Касимовских царях и царевичах, ч. II. Спб., 1864, стр. 201.

зяйства казахов, в противоположность средневековым условиям Европы, не благоприятствовали борьбе феодализма с родовым строем (то есть родовым бытом — *С. Т.),* только победив который феодализм мог бы развиться. Как прикрепить к месту кочевника-скотовода, который свободно бродит по необозримым степям? А без такого прикрепления невозможна сколько-нибудь прочная власть над ним. В случае попытки хана к принуждению или насилию, казах вместе со своими сородичами просто уходил от него в другое место степи»[1].

В 1742 году хан Среднего жуза Абул-Мамбет откочевал с несколькими аулами от рек Хобда и Орь в Туркестан, отдал своего сына джунгарскому хану в аманаты, отказался от подданства России и принял подданство Джунгарии. Но хану Абул-Мамбету не удалось увлечь за собой большого количества людей. Видимо, это случилось потому, что хан не имел той реальной власти, с помощью которой он мог бы заставить население последовать за ним; не было никакого полновластного хана-государя, никакого ханско-султанского землевладения и никакого крепостничества[2], а было неустойчивое и крайне условное общинное владение необъятной территорией, по которой постоянно передвигались кочевники.

Общинный характер землевладения распространялся не только на роды одного жуза, но на роды даже двух смежных жузов.

П. И. Рычков, подробно описывая основную территорию кочевания Среднего и Младшего жузов, отмечает: «Однако ж случается иногда и то, что по оным рекам и речкам, особливо ж по Ори, Милибаю, Камышле и по другим в реку Орь впадающим, також по Ярлыке, Кумаке и по Суюндуке и Средней орды казахи по несколь-

---

[1] *Румянцев П. П.* Киргизский народ в прошлом и настоящем. Спб., 1910, стр. 10.

[2] «Султаны даже вместе со своими тюленгутами были слишком малочисленны, чтобы удержать за собой право пользования сколько-нибудь обширной территории». В период оседания казахских родов с конца XVIII и начала XIX вв. султанам «приходилось иметь приверженцев из какого-либо сильного рода, вместе с которыми они и селились обыкновенно на кстау. Так получилось то, что султаны в настоящее время оказались вкрапленными в земельно-водные группы потомков «черной кости». (Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. Спб., 1910, стр. 55).

ку кочуют. *Ибо у них между собою в том никакого раздела нет и споров не бывает* (подчеркнуто нами.— С. Т.). Однако ж по пространству степи так они располагаются, что иногда дня два или три, а иногда и больше, конною ездою до улусов их пустоты бывают»[1].

Граница земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств, то есть в основном граница земель между Младшим и Средним жузами, была установлена впервые русским правительством в 1838 году. В документе об этом акте сказано: «1. Положительно: начиная от так называемого Красного столба, определенного при генеральном межевании между редутами Алабугским и Сибирским, вести границу к югу на озеро Тымок и западный берег озера Шаврино к дубраве Рябовой и озеру Рябову, между озерами Большого и Малого Соболева до Займища и озера Улукульского (которому оставаться в Сибирском ведомстве). Далее границу вести к Западной оконечности дубравы Куян-Агач, между озерами Тоскабань и Яркуль до озера Коскуль и реки Абугишли Убагана. По течению сей последней реки граница должна идти до большого озера Джангис-Куль, потом через самое озеро; далее по р. Верхней Абуге и речке Бурыкти-Тал, до ее источника, оставя правый берег всех этих сибирским, а левый берег оренбургским казахам. Потом по хребту, отделяющему реки Тургай от вод, впадающих в реку Ишим, до вершины речки Карын-Салды-Тургай (текущей по землям Оренбургского ведомства). 2. Примерно: от вершины речки Карын-Салды-Тургая, граница должна идти по тому же хребту, отделяющему Тургай от речек, впадающих в речку Ишим до гор Улу-Тау (отходящих к Сибирскому ведомству) и, наконец, от них в прямом направлении на юг до озера Телькуль. Подробное же определение мест, по которым положена временно эта часть границы, отложить до окончания топографической рекогносцировки»[2].

В 1837 году в документе, предшествовавшем этому размежеванию, указывается: «Управляющий Омскою областью г. полковник Талызин, имея в виду, что с

---

[1] *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, стр. 98.

[2] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 329, св. 195, л. 16, и об.

самого открытия Аман-Карагайского округа все вошедшие в состав его казахи везде свободно кочевали, в особенности в летнее время, и со стороны Оренбургского начальства никаких на это притязаний не было и не должно быть в том движении, что до сего времени не сделано никакого разграничения между Сибирским и Оренбургским казахами, следовательно, неизвестно на каких землях кочуют аргыновцы»[1]. Все эти данные говорят об общинном землевладении и общности землепользования у казахов Младшего и Среднего жузов в XVIII веке.

Вопреки приведенным данным, С. Зиманов и А. Еренов пишут: «В своей работе «Топография Оренбургской губернии», опубликованной в 1762 году, П. И. Рычков указывает на «знатные кочевья», по-видимому, имея при этом в виду земельные владения крупной феодальной знати»[2]. Авторы этих строк либо совершенно не поняли смысла приведенных ими слов из работы П. И. Рычкова, либо сознательно искажают их. Употребляя слова «знатные» и «знатнейшие» в таких выражениях, как, например, «Средняя Киргиз-Кайсацкая орда знатные кочевья имеет в нижеописанных местах»[3], П. И. Рычков имел в виду не земельные владения отдельных знатных лиц. Если согласиться с мнением этих авторов, то выходит, что такие выражения, как «птицы знатные»[4] «рыбы знатнейшие»[5], «знатнейшие места, подчиненные исетской управительской канцелярии»[6], «знатнейшие в этом дистрикте озера»[7], «знатная ярмарка»[8] свидетельствуют о наличии всего этого в частной собственности «феодальной знати». Во времена Рычкова говорили: «знатный доход», «знатная сумма» или даже «знатная похлебка» и т. д. Если согласиться с С. Зимановым и А. Ере-

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 329, св. 195, л. 4.

[2] *Зиманов С.* и *Еренов А.* О характере феодальной собственности на землю в Казахстане.— Труды Алма-Атинского юридического института, т. I. Алма-Ата, 1955, стр. 49.

[3] *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, стр. 101.

[4] *Рычков П. И.* Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсманна, С. С. Неустроева, М., 1949, стр. 95.

[5] Там же, стр. 97.

[6] Там же, стр. 171.

[7] Там же, стр. 177.

[8] Там же, стр. 102.

новым, то тогда получится, что «знатная похлебка» есть такая похлебка, которую употребляет только высшая аристократия класса феодалов, то есть феодальная знать (?), или же «знатная ярмарка» — такая ярмарка, на которой торгует только феодальная знать (?). С. Зиманов и А. Еренов, далее комментируя в таком же духе работу П. И. Рычкова, пишут: «Что до Средней орды принадлежит, то она (то есть земля — авторы) всегда особливых своих владельцев имела»[1]. Но в данной фразе слово «она» означает не землю, а Среднюю орду. Если вышеприведенные слова П. И. Рычкова выразить современным языком, то получится следующее: «Что касается Средней орды, то она всегда имела своих владельцев», то есть она имела всегда своих ханов. В этом нас убеждает полный текст данной цитаты, который гласит: «Что до Средней орды принадлежит, то она всегда особливых своих владельцев имела. В то же время, как Кириллов из Санкт-Петербурга отправляем был, находился в сей орде Шемяка-хан, чего ради с ним, Кирилловым, на имя сего хана и грамота дана была особая»[2].

В середине XVIII века ни один из казахских кочевых ханов, султанов, батыров, биев и баев постоянно закрепленной на правах частной собственности земли не имел. Это можно подтвердить сообщением Л. Лапина, датированным 30 августа 1743 года о кочевьях Младшего жуза: «Киргиз-Кайсацкой орды как владельцы, так и народ кочевьем своим пошли в Тургай, где и в зиму кочевать намерены. Эрали же салтан не знает, где свое кочевье найтить ибо степи все погорели, однако ж, лучше желает по Ори или по Иргизу, а Джаныбек тархан намерен неотменно по Иргизу кочевать; о Абулхаир же хане слышали, что он кочевье свое будет иметь на Сыр-Дарье, а о прочих неизвестны»[3]. Глабышев в 1744 году о Среднем жузе пишет: «Уведомился же я через некоторых людей, что Киргиз-Кайсацкая орда

---

[1] *Зиманов С.* и *Еренов А.* О характере феодальной собственности на землю в Казахстане.— Труды Алма-Атинского юридического института, т. I, Алма-Ата, 1955, стр. 49.

[2] *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, стр. 106.

[3] Материалы по истории Казахской ССР, т. II, ч. 2. Алма-Ата, 1948, стр. 59.

Средняя, которая кочевала прошлого года близь верхних калмык, а ныне слышно, что оная Средняя орда возвратилась и кочуют к России, опасаясь тех дерзких калмык»[1]. О кочевании патриархально-феодальной верхушки Младшего и Среднего жузов зимой 1746 года сообщают Ю. Артемьев и А. Аитов: «Киргизские ж владельцы с улусами своими кочуют в разных местах... Абулхаир хан при урочище Каракуме (в 1743 г. он провел зиму на Сыр-Дарье — С. Т.)... Барак-салтан к их сибирской стороне за речками Сары-Тургаем... Эрали-салтан около тех же мест (в 1743 году он провел зиму по р. Орь — С. Т.); Джаныбек Тархан на речке Тургай (в 1743 году он провел зиму по р. Иргиз — С. Т.)... Исет Тархан при урочище Эдели (джидели) Мамыт»[2]. О расположении кочевьев ханов и других известных родоправителей Младшего и Среднего жузов зимою 1747 года сообщает сакмарский татарин К. Байназаров: «Абулхаир хан ныне кочует к Сыр-Дарье при Барсуке (в 1746 г. он провел зиму в Каракуме — *С. Т.*)... Нуралы салтан кочует за Эмбой рекой, при урочище Кара-тамаке, к Каспийскому морю... Джаныбек тархан повыше Каракуме, при урочище Учюзек (в 1746 году он провел зиму на речке Тургай — *С. Т.*)... Ажибай бий и товарищи к Каспийскому же морю, за Эмбой, при урочище Куктюбе... Исет же тархан поближе сюда, около Каракуля (в 1746 году он провел зиму на урочище Эдели Мамыт — *С. Т.*), а Абулхаир хан, Аблай, Барак и Эрали султаны к Туркестану, при каких же урочищах,— не слыхал»[3].

В 1746 году султаны Барак и Эрали зимовали около реки Сары-Тургай, которая находится на расстоянии от Туркестана по прямой около 1 300 верст.

Абулхаир хан зимнее кочевье 1747/48 гг. имел между урочищем Борсуки и горой Тулугай, Барак султан — на озере Телекуль, Эрали султан — на Тургае, Нурали султан — на урочище Кутан, Джанибек тархан — между Каракумом и Тулугаем, Исет тархан — на Караку-

---

[1] Материалы по истории Казахской ССР, т. II, ч. 2, Алма-Ата, 1948, стр. 88.

[2] Там же, стр. 161.

[3] Там же, стр. 214.

ле[1]. Как видно и в зиму 1747/48 гг. почти все они (Исет тархан второй раз зимовал на Каракуле) переменили свои места зимних кочевий.

Отсутствие всякой закрепленности прежде всего мест зимних кочеваний — основной показатель полного кочевого образа жизни и существования общности землевладения.

Общинное владение землей у казахов кочевников подтверждается еще тем, что одни и те же места служили для одних родов местом весенне-летних, а для других — осенне-зимних кочеваний.

Например, в Среднем жузе для Саржентимского рода, имевшем 8 000 семей, весенне-летними кочевьями были реки Тургай, Тобол и впадающие в них речки; в то же время для Чакчакского рода с 6 000 семей, эти же реки Тургай, Тобол и другие служили осенне-зимними кочевьями.

Далее, «Черные пески» — Кара-Кумы служили осенне-зимними пастбищами в Среднем жузе для родов Торыайгыр Кипчакского с 3 500 семей и Баганали-Найма новского с 6 000 семей. В то же время эти же «Черные пески» — Кара-Кумы служили весенне-летними кочевьями в Младшем жузе для Бурчи Алчинского рода с 1 200 семей, Телявского рода с 2 800 семей, Киряйтского рода с 4 000 семей, Карасакальского рода с 1 700 семей, Каракетинского рода с 2 500 семей, для Шомекейского рода с 18 500 семей, Турткаринского рода с 11 000 семей и т. д.

Эти многочисленные родоплеменные группы, входившие в Младший жуз, кочевали параллельно или вперемежку друг с другом, используя всю занимаемую территорию как пастбище. Они использовали летние кочевья как общие «в тех же местах с некоторою переменою по временам года»[2], то есть одни раньше, другие позже[3].

---

[1] Материалы по истории Казахской ССР, т. II, ч. 2. Алма-Ата, 1948, стр. 218.

[2] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 513.

[3] В конце XIX в. у значительной части казахского населения, сохранившей чистый кочевой образ жизни, существовало еще общинное землевладение. «У баганалинцев не существует такого строгого разграничения между различного рода пастбищами — зимними, весенними, осенними и летними, какие мы встречаем у

«В то время казах чувствовал себя полным хозяином всей степи и свободно переходил со своими стадами к северу, свободно же передвигался,— в случае необходимости,— к югу; он не стеснялся граничными рубежами и двигался во все стороны... Вследствие простора степей не было и повода к раздору из-за урочищ во время кочевок и в одном и том же урочище часто кочевали и пасли свои стада казахи разных родов, но только в разное время. Подобный порядок вещей удерживался вплоть до времен водворения русского владычества»[1]. В 1806 году Г. С. Волконский о характере землевладения казахов писал: «Как из дел и многократных опытов известно, что ордынцы, будучи народ кочевой, не имеющий постоянного жилища, не могут никогда пребывать на одном месте, а переходят по временам куда им рассудится и где наилучшее усмотрят продовольствие для скота, то по сему, никак нельзя ограничить пределов их местопребывания»[2]. В 1820 году в журнале Азиатского комитета о трудностях и нереальности разделения оренбургских казахов на два ханства сказано, что «неудобства сии состоят в невозможности определить с точностью известные округи и границы для пребывания народу, беспрерывно скитающемуся с одного места на другое»[3]. В. Перовский, правильно понимая сущность земельных отношений казахских кочевников, в 1834 году писал: «...по крайней мере казахи не почитают нарушителями их собственности обывателей и промышленников ежедневно в степь отправляющихся, им даже не приходит на мысль требовать какого-либо возмездия за лес, соль и рыбу, добываемые в степи; и в самом деле, может ли кто из казахов называться хозяином угодья, принадле-

более оседлых скотоводов. Слова «джайляу» (летовка), «кузеу» (осенние пастбища) и «кстау» (зимние пастбища) употребляются главным образом для определения времени года, они не связывают с этими терминами представления об особых и строго определенных пастбищных площадях». (Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и обработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Кустанайский уезд, т. V. Воронеж, 1903, стр. 22).

[1] *Шмидт Ю.* Голодная степь, или пустыня Бетпак-Дала и Чуйская долина.— Записки Зап. Сиб. отдела ИРГО, кн. XVII, вып. I и 2, 1894, стр. 117—118.

[2] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 238.

[3] Там же, стр. 349.

жащего поочередно каждому близь оного кочующему племени?»[1].

В документах, относящихся к 1850 году и касающихся вопросов неудобства управления кочевым населением Оренбургского ведомства, сказано, что казахи кочевали «с одного места на другое и в этом передвижении не только казахи, находящиеся в ведомстве одного местного начальника переходят в ведомство другого, но даже сами дистанции перемешиваются: на одном и том же небольшом пространстве земли вдруг кочуют несколько дистаночных начальников, между тем, как с ними нет и третьей доли подведомственных им казахов. По неурожаю трав и по другим причинам, многие казахи не возвращаются на прошлогодние свои кочевки,— вот причины беспрестанных недоимок во взимании кибиточных денег,— ... вот причина, почему дистаночный и местный начальники не могут представить требуемого к следствию казаха»[2]. Это имело место еще тогда, когда казахи Оренбургского ведомства уже сделали известные успехи в своем оседании и в течение 20 лет управлялись дистанционными начальниками.

Такое же положение отмечается в 1862 году в Сыр-Дарьинской области. Местное начальство, поставленное царским правительством над постоянно кочующим населением, считало необходимым прежде всего «достичь, чтобы каждый род казахов, управляясь своим родовым бием, кочевал купно, а не смешанно, как ныне кочуют казахи, где в одном становище можно встретить все различные роды. Поэтому нужно сначала определить число аймаков, ввести, чтобы каждый аймак управлялся своим старшиною и не мог произвольно менять кочевок»[3].

Все приведенные факты говорят об одном — у казахов при чистом кочевом образе жизни не было никаких разграничений пастбищных территорий, никакой регламентации и выработанных правил повторного использования того или другого участка земли. Возможность такой регламентации была исключена самой спецификой кочевого скотоводческого хозяйства.

Многочисленные аулы и родовые отделения населе-

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 312, св. 189, л. 2.
[2] Там же, ф. 332, оп. I, д. 45, св. 5, л. 9.
[3] Там же, ф. 382, оп. I, д. 42, св. 5, л. 12.

ния передвигались во времени и пространстве, одни за другими и параллельно. «Нельзя сказать, чтобы при перекочевках аулов соблюдались особые правила; обыкновение, основанное на одном удобстве или привычке, заменяет все правила, которым следуют издревле ординцы. Одна местность, доставляющая корм скотине, определяет время, в которое должен аул откочевать. Следование аула при перекочевке не может представить ничего такого в чем бы можно было заметить особые правила благоустройства»[1]. Поэтому на обширном пространстве кочевого передвижения, представлявшем собой сплошной кочевой путь и сплошное пастбище, через каждый участок земли, через каждое место водопоя в течение одного сезона годового цикла кочеваний могли пройти много десятков аулов и различных родовых отделений. Это исключало всякую возможность установления какого-то определенного порядка в отношении того, кто первым, кто вторым и когда должен находиться на том или другом участке земли. Такая регламентация в условиях кочевого скотоводства, грабительских войн и существования общинной формы землевладения в казахских степях и пустыне не только не была нужна, но вообще была невозможна.

Аулы, родовые отделения и целые роды сами определяли режим своих кочеваний, сообразуясь с традиционно установленным обычаем, в определенное время года, в определенном направлении, беспрерывно пася свой скот, передвигаясь в громадном потоке кочующей массы населения большой родоплеменной группы (например, Аргын, Найман, Шекты и т. д.) на сравнительно обширном пространстве степей, пустынь и полупустынь[2]. При

[1] Материалы по Казахстанскому обычному праву, Сб. I. Алма-Ата, 1948, стр. 140.

[2] «Родовые группы не потому кочуют одними и теми же путями и зимуют по соседству, что эти пути и зимние пастбища были когда-либо указаны и разграничены, а вследствие того, что каждый аул совершенно стихийно, так сказать, придерживается тех кочевок и остановок, на которых он может скорее встретить своих ближайших родственников; близость и общение с последними обеспечивает каждому казаху защиту в случае какой-либо опасности и помощь в нужде. Кочевки и зимние остановки меняются в зависимости от состояния кормов и погоды». (Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, Кустанайский уезд, т. V. Воронеж, 1903, стр. 23).

этом кочующие аулы и родовые отделения устанавливали между собой всевозможные хозяйственные и добрососедские отношения (сыбайлас, коныстас). Но эти взаимоотношения аулов, родовых отделений могли видоизменяться и принимать различные формы в зависимости от создавшегося положения, то есть в случае войны, резкого изменения погоды, джута и др.

Документы, собранные по обычному праву казахов в 40-х годах XIX века ясно указывают на существование в старину широкой общинной формы землевладения и характеризуют изменения, которые произошли уже к тому времени в земельных отношениях среди казахов, проживавших на северо-западе, севере и северо-востоке Казахстана. Например, попечитель казахов Джагалбайлинского рода, кочевавших на территории к востоку от крепости Орска, Александрийский писал: «Сообразно роду жизни казахов, бывшему нерасположению к земледелию и обширности занимаемых ими степей, у них вовсе не видно постановлений, относящихся до определения прав на владение по земельным. Это обстоятельство порождает много запутанности, споров и распрей между прилинейными казахами, принимающимися за земледельчество, особливо в районе между линиями, где по отсутствию ясных границ с владениями войсковыми казахи подвергаются всевозможным неприятностям через-полостности»[1]. Как видно из документа, у этих прилинейных казахов границы землевладения устанавливались в процессе их оседания и развития земледелия.

Попечитель казахов Белозеров в донесении от 17 июня 1846 года указывает, что казахи с весны перекочевывают с места на место, а в июле обязательно прикочевывают к местам зимовок, производят сенокошение и заготовку топлива на зиму (кизяки). В начале зимы они приходят к этим зимовкам и находятся там до весны. «Мелкую скотину сохраняют в устроенных кардах и вырытых в землю ямах вроде землянок, как равно и рогатую скотину, а лошади в косяках пасутся по степи и выбивают из-под снега корм ногами»[2]. Это были первые шаги на пути перехода к полукочевому или полуоседло-

[1] Материалы по казахскому обычному праву, Сб. I. Алма-Ата, 1948, стр. 92.
[2] Там же, стр. 116.

му образу жизни. Е. Смирнов, говоря о кочевниках Сыр-Дарьинской области, совершавших переход к полукочевому образу жизни отмечает, что ими «... для укрытия телят, ягнят и верблюжат устраиваются небольшие загоны из кустов и камыша и выкапываются ямы, иногда закрываемые хворостом и камышом»[1]. В дальнейшем эти ямы стали приспособлять зимою и для жилья людей. Такие землянки — «жертуле» существовали в большом количестве среди бедных полукочевых присырдарьинских и других казахов еще в первые годы после революции. Подобные землянки существовали в первых веках нашей эры у полукочевых германцев, на что указывал Ф. Энгельс. Они названы им «подземными кладовыми». «Германцы имеют уже подземные кладовые — род подвалов, в которых зимой прятались от холода и где, по свидетельству Плиния, женщины занимались ткачеством. Земледелие, следовательно, имеет уже большое значение, но скот все еще остается главным достоянием»[2]. Там же отмечается, что у них дети все бегали голышом, а взрослым чтение и письмо, точно так же, как казахам предреволюционного полукочевого и кочевого аулов, были неизвестны. О казахском населении Казалинского и Перовского уездов Сыр-Дарьинской области в 1890 году Н. Васильев писал: «Одно только в нем поражало неприятно. Его маленькие дети, а то и подростки бегали в ауле совершенно нагие, точно зверята»[3]. То же отмечает Б. Юзефович у казахов Тургайской области: «Дети до трех и четырех лет иногда вовсе никакого костюма не имеют и бегают совершенно нагие»[4].

Все эти данные говорят о полной аналогии основных черт жизни и быта полукочевых казахов XIX века и древних полукочевых германцев, которые между собою не имели никакой этнической и языковой общности.

Сходство общественного производства, экономической жизни людей, живущих в совершенно различных частях земного шара, порождает сходство их быта[5].

---

[1] *Смирнов Е.* Сыр-Дарьинская область. Спб., 1887, стр. 150.

[2] *Энгельс Ф. К* истории древних германцев. М., 1938, стр. 19.

[3] *Васильев Н.* Кочевники Туркестана (опыт экономического обзора). Самарканд, 1890, стр. 9.

[4] *Юзефович В. Ю.* О быте киргизов Тургайской области.— Русский вестник, т. 146, апрель, 1880, стр. 801.

[5] «Формы общественного быта складываются у самых разных

Материалы по казахскому обычному праву, собранные в 1846 году в Западном Казахстане чиновником особых поручений д'Андре при непосредственном участии знатока казахской жизни востоковеда В. В. Григорьева, отличаются богатым своим содержанием. Д'Андре отмечает: «Неотъемлемое право на одну и ту же зимовку ордынец может иметь тогда лишь, когда в оной устроил повторные приюты для скота своего,— както: ямы для молодых верблюдов и т. п. Но в прочих случаях как на все летнее, так и зимнее время право на местность не существует. А посему буде аул имея несколько лет сряду и постоянно одно и то же место для зимовок и не может изъявлять претензии, если какие-либо пришельцы расположатся на том месте и останутся зимовать»[1]. Об этом говорят материалы, собранные по заданию Оренбургского губернатора Л. Баллюзека в 1870 году под названием «Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой орде силу закона»: *«У казахов, по условиям их кочевой жизни и при ежедневной почти перемене места кочевания согласно потребностям их скотоводства, не могло быть и нет поземельной собственности»*[2] (подчеркнуто нами — *С. Т.*), то есть не было частной собственности на землю.

Это же отмечает и Н. И. Гродеков: «До русского владычества земля не считалась личною собственностью. Она принадлежала лицу только до тех пор, пока он на ней находился»[3]. А кочевой скотовод на любом пастбище всегда находился временно.

Кочевой образ жизни у части казахского населения сохранился до Октябрьской революции. В 1904 году Б. А. Скалов писал: «Хозяйство казахов 7 южных волостей Темирского уезда,— Кошкаратинской, Донгузтау-Акколкинской, Самматаевской, Улусамской и 3 Адаев-

---

народов, независимо от их языковой принадлежности и этнического происхождения, примерно одинаково, соответственно определенной ступени развития их материальных производительных сил». (Токарев С. А. О культурной общности восточнославянских народов.— Советская этнография, 1954, № 2, стр. 26).

[1] Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948, стр. 140.

[2] Записки Оренб. отдела ИРГО, вып. 2, Казань, 1872, стр. 149—150.

[3] *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. 102.

ских до сего времени имело черты того кочевого скотоводческого хозяйства, которое некогда вели все казахи»[1].

По материалам, собранным Красовским, можно проследить процесс перехода к полукочевому образу жизни у сибирских казахов в 60-х годах XIX века.

«В условия успешного разведения стад входит необходимость частого их перегона в летнее время с вытравлением мест на новые; препятствий же к тому, при отсутствии частной поземельной собственности не было»[2]. На зиму кочевник отыскивал себе в степи стоянку, пригодную для прокормления и укрытия его стад. «С давних времен такие, более или менее постоянные стоянки определил для себя каждый отдельный род, но прежде *не особенно привязывался к ним потому, что в силу господствовавших в то время понятий об общинном владении землею, зимовки иногда приходилось менять также, как и места обычных летних передвижений, чему в особенности способствовали еще порождаемые барымтой муждоусобия*»[3] (подчеркнуто нами — *С. Т.*).

Переход к полукочевому образу жизни с сопутствующими ему сенокошением и хлебопашеством внес изменение в прежнюю форму землевладения.

О границах землевладения казахских кочевников на севере Л. Костенко говорил так: «Пределы распространения казахских кочевок трудно определить с точностью, потому что народ этот подобен ветру, свободно разгуливающему в пустыне, и который уловить невозможно. Однако ж при всем том северную границу казахских кочевок определить легче, чем южную, потому что здесь еще с прошлого века русское правительство стремилось обозначить пределы набегам степняков устройством укрепленных линий»[4].

Чокан Валиханов не зря писал, что «в старину исходным пунктом всех казахских мотивов и забот был

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и обработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Темирский уезд. Оренбург, 1910, стр. 27—28.

[2] *Красовский М.* Область сибирских киргизов, ч. III. Спб., 1868, стр. 14.

[3] Там же, стр. 14. Мы полагаем, что Красовский, говоря о «давних временах», имел в виду период не ранее конца XVIII и начала XIX вв.

[4] *Костенко Р.* Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. Спб., 1870, стр. 30.

скот. Мы устраивали свою жизнь, приноравливаясь к требованиям скотоводства. У наших предков постоянных зимовок не было, точно также как и приуроченных мест для летних пастбищ. Когда в одном месте был голод (имеется в виду неурожай трав — *С. Т.*), казахи уходили на другие более благоприятные, не стесняясь никакими расстояниями. Казахи Младшего жуза летом кочевали под Оренбургом в горах Мугоджара, а зиму проводили на Сыре и в песках Борсук и Каракум. Казахи Среднего жуза в одно лето из-под Семипалатинска шли к Троицку и обратно»[1].

Почти такой же образ жизни вели в годы революции «вечные кочевники» (кошпелинцы), характер землевладения и образ жизни которых имел свою историю, уходящую в отдаленное прошлое казахского общества, а не был случайным явлением, как полагают некоторые историки и юристы[2].

В 1880 году член-сотрудник Оренбургского отдела Русского Географического общества Б. Даулбаев писал: «Назад тому 50 лет, казахи кипчакского рода, Карабалыкского, Танабугинского и Кульдекского отделений, около 3 000 кибиток... во время лета кочевали по всем обширным степям, начиная от реки Тобол до озера Ургач, а к зиме откочевывали к рекам Аят и Тогузак... Они перекочевывали здесь с места на место, со своим скотом и со своими семействами для приискания корма скоту, так как тогда никто из них не заготовлял сена на зиму и хлебопашеством не занимался... Домов и землянок не было ни у кого из казахов... В зимнее время в кибитках казахов, вместе с семействами, помещалась даже скотина, отощавшая, так как не было еще ни азбаров (загонов), ни сараев для скота»[3]. А загоны, сараи для

[1] *Валиханов Ч. Ч.* О кочевках киргиз.— Записки ИРГО по этнографии, т. XXIX. Спб., 1904, стр. 322—323.

[2] «В своей чистой первичной форме аул был беспрерывно движущейся, кочующею общественною единицею. И весной, и летом, и осенью, и даже зимой составляющие аул родовичи переходили с места на место со своим скотом, по мере того, как истощались корма. Постоянных жилищ для людей и каких-либо защитных строений для скота в эту пору у казахов не было. Жилищем служила юрта». (Щербина Ф. Киргизская народность в местах крестьянских поселений. Спб., 1905, стр. 17).

[3] *Даулбаев Б.* Рассказы о жизни киргиз Николаевского уезда, Тургайской области, с 1830 по 1880 год.— Записки Оренбургского отдела ИРГО, вып. IV. Оренбург, 1881, стр. 98, 99, 101.

скота не могут возникнуть при чистом кочевом образе жизни, когда нет закрепленных хотя бы на зиму за отдельными группами населения участков земли. Их возникновение предполагает уже появление полукочевого типа хозяйства и начало разрушения старого чисто кочевого образа жизни.

Элементы оседлости в связи с переходом казахов к полукочевому образу жизни появились лишь с конца XVIII и начала XIX столетий. Об этом П. П. Румянцев писал: «... приблизительно с середины XVIII по середину XIX столетия происходит оседание (казахских — *С. Т.*) родов. В это время казахи, по крайней мере в северной части занимаемой ими территории, стали проводить зиму уже в зимовках в постоянных жилищах. Естественно, что прежде всего закреплялось право пользования кстау и прилегающей к ней площадью. Затем выдвинулся вопрос об исключительном праве определенных родов и их частей на пользование кузеу, то есть весенне-осенними пастбищами, джайлау оставались свободными для пользования разных родов или разных частей одного многочисленного рода»[1].

Среди основной массы казахов Тургайской области полукочевой образ жизни и связанные с ним «зимовки стали возникать в начале минувшего (XIX — *С. Т.*) столетия, но получили особенное распространение лет 50 тому назад (то есть в 50-х годах XIX века — *С. Т.*). На зимних стойбищах казахи северных уездов стоят с половины октября до половины марта, или до начала апреля, то есть около 5—6 месяцев, в южных же уездах с ноября до конца февраля, то есть около 4 месяцев»[2]. О возникновении такого типа хозяйства говорится в докладе Оренбургскому генерал-губернатору в 1862 году: «Все занятое казахами пространство степи разделили они между собою по родам, причем сильнейшие захватили, разумеется, лучшие или обширнейшие земли, а слабейшим достались худшие или меньшего объема. При этом каждый род и каждое отделение и подотделе-

[1] *Румянцев П. П.* Киргизский народ в прошлом и настоящем, Спб., 1910, стр. 53.

[2] *Беньковичъ В. Я.* Животноводство в Тургайской области и его экономическое и хозяйственное значение для населения.— Труды Тургайского областного земельного комитета, вып. 3, Оренбург, 1918, стр. 17.

ние рода присвоили себе, сообразно с потребностями степного скотоводства, местности двух различных родов: годные для пастьбы скота летом и годные для тебеневки его зимою, или другими словами, каждое отделение и подотделение каждого рода имеет свои временем утвердившиеся за ним пространства, на которых кочуют со скотом своим в летнее и тебенюет этот скот в зимнее время, имеет, так сказать, свои зимовья и летовища,— местностей удобных для зимовья, то есть таких, где бы находились вода и лес или камыш»[1].

Такой характер землепользования и форма кочевого передвижения полностью совпадает с описанной Красовским формой кочевого передвижения казахских аулов Среднего жуза в 60-х годах XIX века. Эти новые явления в хозяйственной жизни у сибирских казахов возникли с конца XVIII и начала XIX вв. и особенно усилились в связи с проведением в жизнь Устава о сибирских казахах. В этом отношении примером может служить образ жизни уже в значительной степени осевших казахов Кокчетавского внешнего округа в конце 30-х годов XIX века. Годовая длина кочевого пути у этих казахов была уже намного сокращена.

Кокчетавский окружной приказ 10 июня 1839 года донес пограничному начальнику сибирских казахов о состоянии и изменении летних кочеваний в Кокчетавском внешнем округе. В ведомости, приложенной к этому донесению, указывается, что казахи Майлибалтинской волости Кокчетавского округа в количестве 1 289 юрт, объединенных в 20 аулах, в мае месяце находились от горы Кокчетав и ее окрестностей, где они, видимо, проводили зиму, к югу на расстоянии от 80 до 150 верст; в июне — до 170 верст, а в июле — до 200 верст, находясь около озера Кечубай-Чалкар, которое, очевидно, было конечной и самой дальней точкой весенне-летнего кочевания у этих казахов. Население Бабасан-Балышевской волости в этом же округе в количестве 949 юрт, объединенных в 15 аулах, перекочевывало в мае месяце с урочищ Таинча-куль и Бель-агач на озера Санди-куль и Тенгиз на расстоянии от 80 до 120 верст к востоку; в июне и июле находилось в окрестностях урочища Калибека на расстоянии около 45 верст к востоку от озера Санди-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 2, д. 3877, св. 516, л. 24.

куль, что составляет всего 165 верст от исходной точки до весенне-летнего кочевья.

Казахи Андагул-ораз-баимбетовской волости Кокчетавского округа в количестве 1 163 юрт, объединенных в 17 аулах, в мае месяце откочевали «с речек Бурлуков по направлению к приказу и к западу на урочища Джалба и Тарангуль от 35 до 95 верст»; в июне — с урочищ Джалбы (Джамдубая) и Тарангуля на речки Бурлуки до 100 верст к юго-западу; в июле — одна часть населения этой волости находилась на территории округа, а другая часть кочевала в глуби степи, местопребывание которой было неизвестно[1].

О сокращении длины пути кочевания оренбургских казахов А. И. Добросмыслов писал: «В тех местах, где степь богата растительностью и земледелие уже достигло некоторого развития, там и кочевание утратило свой первоначальный характер. Казахи Актюбинского и Николаевского (то есть Кустанайского — *С. Т.*) уездов в настоящее время, за небольшими исключениями, кочуют не далее как на 20—40 верст от своих зимних жилищ, то есть редко выкочевывают за пределы своего номера аула и еще реже за пределы своей волости. Напротив, казахи южных уездов — Иргизского и Тургайского — за недостаточностью хороших пастбищ и мест, пригодных для земледелия, должны кочевать на дальние расстояния, нередко делая 200—400 верст; казахи же Сыр-Дарьинской области — Казалинского и Перовского уездов,— вкочевывающие летом в Тургайскую область, проходят 600—1000 верст и более»[2].

Таким образом, взятый русским правительством еще в XVIII веке политико-экономический курс на оседание и развитие земледелия среди кочевников постепенно привел к оседанию крупных родоплеменных групп на севере, северо-западе и северо-востоке казахских степей и к развитию у них земледелия.

Предусмотренный Уставом М. Сперанского порядок выделения земель в частную собственность старшим и волостным султанам, а также рядовым казахам с целым рядом корректив, внесенных жизнью, в основном спо-

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. I, д. 193, св. 29, лл. 5—6, 7, 9.

[2] *Добросмыслов А. И.* Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 12.

собствовал, наряду с оседанием родоплеменных групп, возникновению частного землевладения среди казахов. Инициаторами оседания, как правило, были те представители патриархально-феодальной верхушки казахского общества, которые состояли на службе у царского правительства в качестве султанов-правителей, старших султанов, дистаночных начальников, волостных управителей и аульных старшин.

С момента введения Устава М. Сперанского русское правительство повседневно следило за процессом развития оседлости и земледелия среди казахов. Например, 8 марта 1825 года Кокчетавский окружной приказ доносил Омскому областному начальству о том, что некоторые казахские старшины, изъявив желание заниматься хлебопашеством, просят снабдить их земледельческими орудиями и семенами. На это областное начальство ответило:

«Совет областного управления, уважив в полной мере просьбы казахских старшин и дабы ныне же удовлетворить оную, полагает: 1) позаимствовать на сей предмет из штатной суммы внешнего округа до 1 000 рублей и представить Приказу сделать распоряжение о покупке на оные деньги земледельческих инструментов и семенного хлеба на линии или где удобнее и выгоднее представится; 2) по заготовлении таким образом производить продажу или мену при Окружном Приказе по тем ценам, что будут стоить инструменты и семена с доставкою; 3) соразмерно требованиям от казахов сделать новое заготовление на выручаемые деньги или вещи, если не будет доставляемо вольными торговцами открыть на том же порядке продажу земледельческих инструментов и семенного хлеба и в Каркаралинском внешнем округе, разрешив позаимствовать на сие из остаточной суммы до 1 000 рублей, буде вступят требования от казахов. О чем предписать Кокчетавскому и Каркаралинскому приказу для надлежащего исполнения и донести г. генерал-губернатору»[1].

Данный документ, наряду со многими другими, свидетельствует о начале развития оседлости и земледелия среди казахов Сибирского ведомства.

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. I, д. 417, св. 73, лл. 2—3.

25 августа 1832 года начальник Акмолинского военного округа полковник Шубин сообщает Омскому областному начальству о состоянии земледелия среди казахов и указывает, что покойный отец Тортульского султана Байгары Даирова с тюленгутами на озере Чуптыкуле начал производить хлебопашество тридцать лет тому назад. Султаном Даировым «без пособия от казны собственным иждивением в сем году вспахано земли и посеяно пшеницы $2^1/_2$ десятины»[1]. Дальше Шубин приводит список 16 казахских домохозяев, которые рядом с Даировым в общей сложности вспахали и посеяли 12 десятин просом и пшеницей, и список 17 казахских домохозяев, которые на озере Кургальджине в общей сложности вспахали и посеяли 39 десятин просом и пшеницей. В этом же документе Шубин пишет: «Никто из означенных выше казахов домов и других обзаведений не имеют, что ж касается собственно до хлебопашества, то земли вспахивают небольшими ручными сошниками, искапывают так называемыми чётами, подымая оную глубиною не более на два вершка, от чего самого семена выдувает ветер, хлеб бывает всходом редок и произрастания посредственного или даже при бездожии худого, но в сем последнем случае казахи напоят землю из находившихся около пашен озер и рек чрез водолейные машины (атба — *С. Т.*), проводя отводы канавы до пашен расстоянием от 50 до 100 и до 150 сажен, глубиною же смотря по высоте берегов, чем доказывается трудолюбие и усердие казахов, под озимь земли не пашут и хлеба не сеют, жатву производят ножами и мелют хлеб небольшими ручными жерновами, если же сделать казахам пособие, снабдить их необходимыми земледельческими инструментами, то более усугубится усердие их и распространится между ними хлебопашество»[2].

В сводной ведомости, составленной канцелярией Омского областного начальства на основании донесений окружных начальников в 1832 году, приводится большой список казахов, занимающихся земледелием в разных округах Сибирского ведомства. При этом указывается, кто из них получил пособие от казны. В частности отмечается, что в Кокбектинском внешнем округе султаны

[1] ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. I, д. 726, св. 11, л. 43.
[2] Там же, л. 45.

Досан Ханбабин[1] и Клыч Досанов начали производить хлебопашество с 1832 года и получили как пособие от казны по десять пудов пшеницы. В том же году они вместе посеяли пшеницей 11, овсом 4 и просом 3 десятины. Пособия от казны в таком же размере получили бии Тарбакай Аркаров, Чокой Тугульбаев и Бимурза Мурзасов и производили хлебопашество в том же году. Помимо этих султанов и биев, в Кокбектинском округе получили пособие от казны в размере по пять пудов пшеницы 32 казаха, которые в том же 1832 году завели посевы[2].

В ведомости Баян-Аульского округа о казахах, производивших посев хлеба и имевших дома, сотник Кузнецов сообщает, что из Тортульской волости Айдабуловского рода бий Бочтай Турсунбаев, «получив в январе месяце сего года от господина начальника штаба через есаула Махонина в пособие на заведение хлебопахотных инструментов денег 25 рублей, кои действительно употреблены на нужные для того инструменты и семенной хлеб... начал производить хлебопашество с 1832 года с помощью казаков с русским инструментом, от зимовья своего в 5 верстах на урочище Игинь Булак, от отрядного помещения в 20 верстах, засеяно земли пшеницею 2, просом 2 десятины, ячменем 2, овсом 2 загона и горохом один... Из числа разводителей пашни более всего принимает участие бий Бочтай, всеми мерами стремится к улучшению оной русским инструментом, для чего приучает своих работников, а прочие мало еще на то обращают внимания»[3].

В ведомости Кокчетавского округа отмечено, что вдовствующая ханша Айханым Валиева «близь дома, построенного для нее по распоряжению правительства, но в котором году и что стоит неизвестно, на урочище Сырымбет, расстоянием от приказа примерно в 100 верстах, на отпущенные в 1831 году от г-на Омского начальника из экстроординарных сумм 150 руб. производится хлебопашество с 1831 года, но посеянный озимый хлеб

[1] «...Султан Досан Ханбабин в 1833 г. получил топазный перстень в награду за обработку полей около Кокпектов». (Коншин Н. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние.— В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г., стр. 29 (сноска).

[2] ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. I, д. 726, св. 111, лл. 2—3.

[3] Там же, лл. 10—11.

на 4-х десятинах от небывших во время дождей, к произрастанию безнадежен»[1]. Аналогичные факты, касающиеся земледелия, отмечаются в 1832 году в Кокчетавском, Омском, Усть-Каменогорском, Каркаралинском и Аман-Карагайском округах.

Но это было лишь началом развития земледелия и оседлости среди казахов Сибирского ведомства и шло оно с немалыми трудностями. В 1824, 1825 и 1827 гг. отдельные влиятельные казахи от имени определенной группы кочевников просили русское правительство отвести им земли для оседания и земледелия, но когда дело доходило до практического осуществления этого мероприятия, то эти же казахи отказывались от такого намерения, ссылаясь на нежелание населения. «В 1824 году Атагаевской волости Кокчетавского округа заседатель от казахов Байтокин просил от лица той волости отвести узаконенное количество на основании Устава в 22-й день июля 1822 г. земли под хлебопашество и другие угодья. Областное начальство, удовлетворив эту просьбу Байтокина, объяснило ему, что ежели на отведенной земле в течение 5 лет не будет заведено никакого устройства, то земли эти отберутся от них и отдадутся другим, на это Байтокин отозвался, что казахи в отводе земли уже надобности не имеют»[2]. Точно так же «в 1825 году старшина Кокчетавского округа Мурзатаев просил отвести ему с одноаульцами в 115 кибитках под хлебопашество земли и снабдить их сохами и боронами. Когда же начальством сделано распоряжение об отводе просимой земли, то Мурзатаев впоследствии объявил, что казахи от него откочевали и он без согласия их приступить к производству хлебопашества не может, почему и переписка о сем прекращена»[3].

В 40—50-х годах XIX века наблюдается уже более значительное развитие оседлости и земледелия как среди казахов Сибирского ведомства, так и на севере и северо-западе Оренбургского ведомства. В это время патриархально-феодальная верхушка, уже в значительной мере осевшая, стремится закрепить за собою и своими сородичами хорошую землю, построить деревянный дом и заниматься земледелием.

[1] ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. I, д. 726, св. 111, л. 16.
[2] Там же, ф. 345, оп. I, д. 2385, св. 381, л. 61.
[3] Там же, ф. 345, оп. I, д. 2385, св. 381, л. 62.

Источники сообщают, что многие из влиятельных казахов в этот период «обращаются с просьбами о дозволении им строить дома и разводить хлебопашество на принадлежащих им с родичами землях, каковые просьбы, по надлежащем удостоверении о принадлежности мест, удостоверялись»[1].

Например, в 1840 году в пограничное управление сибирскими казахами обратились с просьбой из Кокчетавского округа Майлибалтинской волости аульный старшина Селемес Джуруков и казахи из его аула Мужктай Тюяков, Сакпай Чуваков, Шанты Танатов и Бектачи Узюн Зенгаров о разрешении им построить деревянные дома на принадлежащем им урочище Джудузеке[2].

В 1841 году аульные старшины Андагул-ораз-баймбетовской волости Кокчетавского округа Байгозы Кульджабаев и Казыбай Байсенгиров обратились с просьбой «о дозволении им построить деревянные дома и вместе с тем производить хлебопашество первому на урочище Сагындык-кул и последнему Аговли-бочай»[3]; в 1842 году волостной управитель Карача Джаулыбаевской волости, султан Сейткул Чингисов, донес Кокчетавскому окружному приказу о том, что аульный старшина Джантанат Авалбеков и казах Киргизбай Байбулов из его волости «имеют желание на принадлежащих им местах при урочище Кашкарбай Собке выстроить дома и производить хлебопашество, просили снабдить их на места письменным видом, дабы другие казахи не делали им притеснения»[4].

Аналогичных фактов из архивных документов можно привести много.

В 1832 году при основании Баян-Аульской казачьей станицы в связи с образованием Баян-Аульского внешнего округа часть насиженных мест казахского рода Малгозы отошла этой станице. В 1843 году старший султан Баян-Аульского внешнего округа Муса Чорманов целиком вытеснил род Малгозы с Аккелинских гор и поселил среди рода Тапкельтыр свыше ста хозяйств своих сородичей из рода Каржас[5]. В результате все эти оседлые и

[1] ЦГИА КазССР, ф. 345, оп. I, д. 2385, св. 381, л. 64.
[2] Там же, ф. 347, оп. I, д. 1070. св. 87, л. 1.
[3] Там же, д. 1075, св. 87, л. 3.
[4] Там же, д. 1072, св. 87, л. 1.
[5] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и

полукочевые казахи из рода Каржас оказались почти в крепостной зависимости от старшего султана — майора русской службы Мусы Чорманова. Такие акты, связанные с возникновением феодального землевладения, совершались во многих местах территории Казахстана оседавшими более влиятельными представителями патриархально-феодальной верхушки. Многие из таких актов, например, в Баян-Аульском округе, оформлялись в виде купли и продажи зимовок. Об этом в частности говорит документ, составленный 7 сентября 1853 года, из которого видно, что казахи Джангозы Айдабульской волости в присутствии старшего султана М. Чорманова дали подписку заседателю Баян-Аульского окружного приказа от казахов сотнику Малгельдину и бию Бокты баю Акпанову о продаже своих зимовок. Там сказано: «оставшиеся нам в наследстве от отцов наших при урочище по речке Ащи-су Кункурлек и Якши Чурабай зимовки с принадлежащими при них осеневками Амантай Чоку и Чили узек, Джалпак кияк с колодцами и «Кой-тасом», Обалы Биик, Кылды баз чоку, Терен узек по самый Кара-кудук на Ащи-су, Акчий с 4 колодцами у Сары камыса, уступили во всегдашнее владение им, Малгельдину и Акпанову и их потомству, за каковые взяли от них 22 кобылы с жеребятами и с тем, что в этих зимовках ни из однородцев наших, ни из других волостей никто препятствовать не будет»[1].

Касаясь существа данного документа, Л. А. Чермак правильно писал: «Вряд ли этот документ отражает обычно правовые воззрения казахов на поземельные отношения, скорее наоборот он иллюстрирует, как под влиянием русских порядков они ломались»[2].

Как видно, многие из вчерашних казахских полуфеодалов-скотовладельцев, наделенные русским правительством правом собственника определенного участка земли — «феода», занимаясь сенокошением и хлебопа-

---

разработанные экспедицией по исследованию степных областей, под общим руководством работами по уезду Л. А. Чермака. Семипалатинская область, Павлодарский уезд, т. IV. Воронеж, 1903, стр. 30.

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей, под общим руководством Л. А. Чермака. Семипалатинская область, Павлодарский уезд, т. IV. Воронеж, 1903, стр. 23.

[2] Там же, стр. 23.

шеством в процессе своего оседания, приобретали своеобразные черты феодалов-землевладельцев.

В документе, датированном 1844 годом, в котором Омская областная администрация подводила некоторые итоги развития земледелия и оседлости среди казахов Сибирского ведомства, в соответствии с Уставом М. Сперанского, сказано: «Казахи чрез обращение их с русскими время от времени смягчаются в нравах, имеют большие наклонности к оседлой жизни; между ними постепенно увеличивается хлебопашество. В этой промышленности в минувшем году более отличали себя казахи Аягузского и Кокбектинского округов, кочующие около гор Тарбагатая, от избытка урожая они снабжали русских, живущих в селениях за деньги и промен на вещи, даже возили на линию»[1].

Этот же процесс происходил в середине XIX века и среди казахов Оренбургского ведомства. В 1862 году отмечается: «... и на самой линии, несмотря на воспрещение устраивать здесь прочную оседлость и заводить пашни, воспрещение это, вследствие постоянно укрепляющейся власти правительства над казахами и умирения их буйного прежде характера более близким общением с русским населением Оренбургской линии, а равно и вследствие распоряжения большой части главных начальников края (кроме генерал-адъютанта Перовского) покровительствовать распространение оседлости и земледелия между ордынцами,— ослабевало в действии своем с году на год, так что многие казахи издавна уже имеют пашни, а некоторые даже выстроили себе избы около самой линии»[2].

Попечитель прилинейных казахов Первухин в своем донесении Оренбургской пограничной комиссии от 9 декабря 1851 года сообщает, что на своей зимовке между старой и новой линией зауряд хорунжий Матень Чутанов из Кипчакского рода Куккузовского отделения с родственниками посеял 25 десятин хлебом; он начал заниматься земледелием с 1842 года; казахи Джаганбейлинского рода Бузбецкого отделения У. Кунаев, А. Мумбаев, Б. Кучурбаев и Т. Иргизбаев посеяли в том же году 72

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. I, д. 3, св. 2, л. 649.

[2] Там же, ф. 4, оп. I, д. 3877, св. 516, л. 29.

десятины хлебом по речке Суюндуку, занимаясь земледелием с 1849 года; казахи Джагалбайлинского рода Урмантаевского отделения С. Кулов, Я. Иргизбаев, М. Бустанов, К. Чуваков, А. Карачаев и Б. Дыльдятов в 1852 г. посеяли хлеба от 2 до 4 десятин каждый, занимаясь земледелием с 1849 года по р. Суюндуку. Далее, Первухин указывает, что 30 казахских семейств посеяли 316 десятин земли[1]. Эти цифры, надо полагать, преувеличены, так как в таком случае выходит, что на каждую сеющую казахскую семью в среднем приходилось более десяти десятин, что является маловероятным для того времени. Другие данные содержатся в документе начальника Оренбургского края: «Пограничная комиссия, при донесении от 8 прошлого января за № 296-м представила ко мне ведомость о числе казахских семейств, занимающихся хлебопашеством в районе между старою и новою линиями. Из ведомости этой видно, что в 4-м полковом округе занимаются хлебопашеством 2 287 казахских семейств, засевая до 3 т. десятин, и в 6-м округе 73 семейства, которые обрабатывают 138 десятин. Между тем из поступившего ко мне представления Войскового Правления Оренбургского казачьего войска оказывается, что из кочующих в районе новой линии казахов, засевают в полковых округах: 4-й 833 кибитки 1 666 десятин и в 6—2 кибитки — 25 десятин»[2]. Оставляя в стороне вопрос о том, какая из указанных двух цифр относительно числа казахов, занимающихся земледелием в этом районе является верной, мы обращаем внимание на то, что как в первом, так и во втором случае выявляется массовый характер занятия казахов земледелием.

То, что переход к земледелию и оседлости среди северных казахов Оренбургского ведомства так же, как и казахов Сибирского ведомства, с начала XIX века начал заметно усиливаться отмечается одним из попечителей прилинейных казахов в рапорте Оренбургской пограничной комиссии от 15 ноября 1851 года: «Хотя по уверениям некоторых из ордынцев, кочующих при новой линии, как на внутренней, так и на заграничной ее сторонах, а равно и в районах, состоящих в заведы-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4. оп. I, д. 3592, св. 480, лл. 7—8.
[2] Там же, л. 15.

ваемой мною дистанции, хлебопашество, будто бы и было им известно, тому назад более полстолетия, но принимая в соображение и их сказания, что в то время почти по всей орде происходили значительные беспорядки и барымты, между тем как занятие это требует более спокойного времени и досуга,— то я и предполагаю, что вообще все казахи начали заниматься возделыванием полей и сеянием хлебов не более 15 или 20 лет»[1].

«Начало земледелия у казахов Тургайской области надо отнести еще к прошлому столетию (то есть XVIII столетию — *С. Т.*), но начатки его в области имеют лишь историческое значение. Совершенно кочевой образ жизни казахов не соответствовал в то время занятию земледелием. Оно стало заметно развиваться лишь с 70-х годов с переходом кочевников на полуоседлый образ жизни, чему способствовало и влияние русских переселенцев, появившихся с этого времени в области»[2].

Султан-правитель средней части Оренбургского ведомства Ахмет Джантюрин в 1851 году доносил Оренбургской пограничной комиссии, что из числа всех казахских родов, находившихся в его владении, земледелием занимаются 4 265 хозяйств и засевают около 20 тыс. десятин. Это число хозяйств составляло около 5—6% населения средней части Оренбургского ведомства.

Земледелие и оседание казахов более интенсивно происходило в основном в сфере русской пограничной линии.

Слабо развивалось оседание и земледелие в таких местах, как Большие Борсуки, р. Иргиз вблизи Уральского укрепления, Карсакбаксы, Каракуль, Аксакал, Тургай и т. п. Однако при всей малопригодности этих мест для развития земледелия в связи с основанием в 1847 году Уральского укрепления на р. Иргиз (Жармола) и Оренбургского укрепления на р. Тургай и здесь появились очаги оседлости.

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 3591, св. 480, л. I.

[2] Тургайская область. В кн.: Сибирский торгово-промышленный календарь 1899 года. Томск, стр. 330.

Например, начальник 54 дистанции Алмат Тобабергенов, имевший звание зауряда хорунжего, влиятельный родоправитель среди кочевников уже вел полукочевой образ жизни со своим родовым отделением (тайфой) Шобдар из рода Бекет шомекейцев, имея около оз. Кара-куга и р. Сары-Озек рядом с укреплением постоянную зимовку и сенокосы. Всю территорию зимовки он считал своей собственностью; последняя строго охранялась от потравы скотом посторонних, специально оставленными здесь на лето бедными родственниками — джатаками, когда он откочевывал далеко на джайлау.

Несколько позже в связи с введением Положения 1868 года волостной управитель Таупской волости Иргизского уезда Сатбай с основными родовыми отделениями Токинского рода шомекейцев в количестве примерно 1,5 тыс. хозяйств вел полукочевой образ жизни, имея постоянную зимовку и сенокосы на расстоянии около ста верст на юго-восток от Уральского укрепления на р. Тауп. В конце XIX и начале XX вв. продолжительное время волостным управителем был сын Сатбая Саута Сатбаев. Последний пользовался огромным влиянием среди полукочевых скотоводов вплоть до 1917 года, даже тогда, когда он уже не был волостным управителем.

В 80-х годах XIX века старший сын вышеупомянутого начальника 54 дистанции Самырат Алматов, будучи волостным управителем Кенжегаринской волости Иргизского уезда, занял местность Ак-кум на расстоянии около 200 верст на северо-восток от пос. Иргиз и заложил там себе зимовку с постоянными постройками. Вся обширная приктсавная территория и сенокосы Самырата строго охранялись от потравы стадами и табунами кочевников. Хозяйство Самырата накануне революции имело все черты настоящего феодального поместья.

Во второй половине XIX века в низовьях р. Тургай более или менее крупные озера уже были заняты осевшими родовыми группами из Бозгуловского рода шомекейцев, как например: Кулы-куль, Ай-куль, Байтак-куль и др.

Оседание казахских кочевников в бассейне р. Сыр-Дарья началось во время проведения сыр-дарьинской линии. Например, батыр Жанхожа Нурмухамедов, имевший чин есаула, со своим кишкене-шектинским родом

осел в низовьях р. Сыр-Дарьи в 40—50-х годах XIX века[1].

Полковник русской службы султан Еликей Касымов в 60-х годах XIX века осел вместе со своими родственниками и тюленгутами на современной территории Кармакчинского района Кзыл-Ординской области на берегу Сыр-Дарьи в местности Турт-куль. О его потомках в 1896 году И. Аничков писал: «... происходят постоянные земельные раздоры на острове Караузяк (вернее: на острове между Караузяком и Джамансыром — *С. Т.*) между потомством султана Еликея Касымова и казахами Джаман-сырской волости, около Кармакчи»[2].

Почти одновременно с султаном Еликеем осел в местности Хохут на Сыр-Дарье волостной управитель батыр Туребай Пышанов со своим родовым отделением Ерназар из Каратамировского рода шомекейцев; в местности Кен-тюбек на берегу Сыр-Дарьи осел со своим родовым отделением Кошкарлы в количестве около 150 хозяйств из рода Суюн шомекийцев волостной управитель Карабастугайской волости батыр Самырза Мырзабеков, который умер в глубокой старости в 1890 году. Еще при жизни Самырзы волостным управителем данной волости был его племянник Увак Баймырзаев.

Только в это время в зоне сыр-дарьинской линии, в особенности вблизи отдельных укреплений, таких как Аральское укрепление, Казалинск (форт № 1), Кармакчи (форт № 2) и Перовск (форт № 3) появились более или менее прочные зимовки казахов.

Оседание части кочевого населения Перовского и Казалинского уездов на протоках реки Сыр-Дарьи, известных под названием Куван-Дарья и Жана-Дарья, получает более широкий размах после опустошительного джута зимы 1879/80 г. (улькен куян) и в особен-

---

[1] «В окрестностях Казалинского форта отвращают казахов от земледелия придирки к ним и казачья жадность русских поселенцев, которые готовы захватить у них все пространства, удобные для землепашества: придирки и жадность, которые в 1856 году и послужили главным поводом к восстанию туземного населения под знаменем известного Джанходжи». (ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 3936, св. 519, л. 4).

[2] *Аничков И.* Очерки народной жизни Северного Туркестана, Ташкент, 1899, стр. 37.

ности повторившегося с такой же разрушительной силой джута 1892/93 г. (киши куян).

При этом различные родовые группы и отделения родов Кете и Саргаска заняли верхнее течение рр. Жана-Дарья и Куван-Дарья. Родовые группы и отделения родов Суюн, Балхи, Тюбет и др. заняли среднее течение и низовья этих рек. Например, местности Ак-арал и Сары-Озек были заняты крупной тайфой Жулай из рода Бекет во главе с батыром Ходжеке Мурзабаевым и бием Пирали Утетлеуовым; местности Назаркерде, Танатар и Туебай были заняты тремя тайфами рода Дюсек во главе с волостным управителем Пашеке Култановым и бием Джанаем Кабаевым[1]. Расположенное рядом с местностью Туебай озеро Тас-Куль было занято тайфой Ак-балхи из рода Балхи во главе с бием Амалдыком Жанбулаевым.

В процессе оседания кочевников начали возникать земельные споры: «Оседание кочевников происходит с каждым годом все интенсивнее, не только у нас в Туркестане, но и в соседней Тургайской области, где тоже так называемое кочевое население, стало почти уже полукочевым... Стало быть стремление так называемого кочевого населения к оседанию вне сомнения и оно переживает теперь переходное время. Лучшим примером тому могут служить постоянно возникающие между волостями земельные споры; так например, в 1892—93 гг., в Казалинском уезде, после голодного года и вслед за прорывом Куван-Дарьи к Аральскому морю, между волостями Актюбинской, Актугайской, Каратюбинской, Раимской и др., население которых с жадностью набросилось на вновь орошенные земли, возник огромный спор, долго тянувшийся, кажется, уже разрешенный, но едва ли удовлетворивший население. Раньше этого был в 1890—91 гг. в том же уезде большой земельный спор, из-за удобных для посевов мест, на Джаны-Дарье, меж-

[1] Об этом же бие Джанае Кабаеве говорит документ: «По делу казаха Карабас-Тургайской волости, № 6 аула, Имбергена Бачкиева, с казахом № 8 аула той же волости Баймурзой Мамбетовым, об одной вдове. Бием Джанаем Кабаевым постановлено: вдову казашку отдать Бачкиеву, а Бачкиев должен удовлетворить Мамбетова скотом, то есть шестью лошадьми (Казан. уезд 1870 года). (Гродеков Н. И. Киргизы и каракаргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889, приложение, стр. 117).

ду казахами Зангарской, Калынбасовской, Карабастугайской, Кучербаевской и Курчангинской волостей, тоже долго тянувшийся»[1].

Интересно отметить, что в 60-х годах XIX века «казахами, кочующими по рр. Уралу, Ори, Кумаку, Илеку, Большой и Малой Хобдам приготовляется земля таким же образом, как и у прилинейных жителей, и для разработки своих пашен употребляют сабаны и бороны по примеру русских»[2]. Земледелие, оседлость и частное землевладение среди казахов средней части Оренбургского ведомства развивались в основном именно в этих местах благодаря соседству с русским населением и благоприятным почвенно-климатическим условиям.

Казахи 23 дистанции, занимавшиеся земледелием в районе реки Кумак в соседстве с казачьими станицами Новоорской и Кумацкой и ведшие полукочевой образ жизни, не имели еще закрепленных за каждой группой аулов мест для хлебопашества вплоть до 1865 года. Такое закрепление земель было произведено только в указанном году по требованию областного Правления оренбургскими казахами. В акте о закреплении пахотных земель от 17 ноября 1865 года отмечается, что «обсудив этот вопрос с избранными от народа биями в присутствии начальника 23 дистанции и местного начальника, избрали для хлебопашества места, а именно, начиная от речки Баузлива выходят два оврага, места эти назначены для хлебопашества аулов Бикмурзы Кинесова, Тас-Клычева, Сютлюбая Досанова с товарищами; по Члик-Саю для аулов Кипчакова и Картыбаева с товарищами; по Каракулю для аулов Тюлепбая Илемесова с товарищами; по Ащи-Саю для аулов Чистебая Таптакова с товарищами; по речке Юл-Кутлы и оврага оного для аулов местного начальника Чегенбаева с товарищами»; и т. д. В конце акта сказано: «Поименованные выше места, отведенные нам для хлебопашества, удобные, но с тем, чтобы было воспрещено однородцам других дистанций производить хлебопашество в

---

[1] *Аничков И.* Очерки народной жизни Северного Туркестана, Ташкент, 1899, стр. 35—36.

[2] ЦГИА Каз ССР. ф. 4, оп. I, д. 3591, св. 480, л. 55.

наших местностях и мы все однородцы не должны в других местах заводить таковые, кроме как на указанных выше местах»[1].

По данным Кобека Шукур-Али улы и казанского татарина Галия Шахмуратова, в 1803 году в двух крупных родах или племенах Младшего жуза насчитывалось 29,5 тыс. хозяйств: в Турткаринском 11 тыс. и Шомекейском 18,5 тысяч[2], которые потом целиком вошли в состав средней части Оренбургского ведомства. О хлебопашестве в этих двух родоплеменных группах в 1851 году младший толмач Чанышев в своем рапорте Оренбургской пограничной комиссии сообщает: «Хлебопашеством занимаются казахи Чумекеевского и Турткаринского родов разных отделений более 800 семейств по озерам, расположенным около рек Уль-Каяку, Тургаю, Иргизу и далее за устьем Иргиза и около р. Ори, на Орь отправляют хозяева вперед работников для посева хлеба и прикочевывают на эти места тогда, когда поспевает хлеб, участки земли засевают до того времени, когда они перестают родить хлеб, а ячмень каждый год сеют на новую землю, земли засевают 450 десятин просом, ячменем и самая малая часть пшеницей»[3]. Как видно, количество посевов, показанное Чанышевым, почти совпадает с вышеприведенными данными султана-правителя. Если принять количество хозяйств в этих крупных родах за 29,5 тысячи, как было отмечено в начале XIX века, то количество сеющих хозяйств составило не более 3%. На одно сеющее хозяйство приходилось не более 0,5 десятины. Это вполне объяснимо, так как показанные две родоплеменные группы в своей массе оставались типичными кочевниками еще в конце XIX и начале XX вв.

Полукочевой образ жизни казахов описывается в материалах по обычному праву, собранных в 1882—1883 гг. в Семипалатинском, Павлодарском, Каркаралинском уездах и изданных в гор. Семипалатинске в 1886 г. П. Е. Маковецким. В этот период все занятые полукочевыми казахами земли разделялись на летние и

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 4070, св. 528, л. 38.
[2] Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.), т. IV. М.—Л., 1940, приложение № 4.
[3] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 3591, св. 480, л. 78.

осенние пастбища (куздеу) и зимовки (кстау). Джайлау по старинному обычаю, находились в общей собственности всех казахов.

В материалах отмечается, что со времени введения в жизнь Временного Положения (от 21 октября 1868 года) по управлению казахским населением, места летних кочевок были разделены между уездами и волостями, но на практике это не имело значения. Рано весной казахи откочевывали целыми старшинствами из пределов своей волости в чужие волости, уезд или область, а из некоторых волостей Зайсанского приставства даже в пределы Китая; затем, постепенно продвигаясь, приближались осенью к своим зимовкам и призимовочным осенним пастбищам. Характерной чертой полукочевого хозяйства этих казахов, как всяких типичных полукочевых хозяйств, было то, что осенние пастбища, зимовки и близлежащие сенокосы составляли уже собственность отдельных аулов и даже частную собственность отдельных семейств, равно как и находящиеся на них колодцы и леса[1].

Такие факты, характеризующие особенности уже полукочевого хозяйства, возникшего в XIX веке, М. Ахинжанов считает доказательством существования испокон веков у казахских кочевников частной собственности на землю. Он говорит: «... у казахов приобретение колодцев в собственность никогда не обходилось без споров; история не знает ни одного колодца без хозяина. Хозяин, придя к своему колодцу, имеет право прогонять от него всякого другого кочевника. Все лучшие водопои, бассейны рек и озер были в собственности крупных скотоводов. Я согласен с докладчиком в вопросе об общинной форме владения пастбищных, но добавлю, что это относилось только к «джайлау», а «кстау» никогда не были общими... Например, в районе Абая, Семипалатинской области, до сих пор сохранились «оба» и «болик тас», связанные с именами их владельцев (Кенгирбай тасы, Ускембай обасы). Кунанбай — отец Абая — имел, например, свою собственную землю, начиная от местности Баканаса Байкушкора, около Семипалатинска, до Аркаяик»[2]. Здесь

---

[1] Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I, 1948. Алма-Ата, стр. 263—264.

[2] Материалы объединенной научной сессии, посвященные истории

М. Ахинжанов путает совершенно различные вещи. Одно дело земельная собственность оседлых или полукочевых старших султанов и их потомков во второй половине XIX века, другое дело форма земельной собственности при полном кочевом образе жизни казахов в XV—XVIII веках. Вполне возможно, что старший султан Кунанбай Иргизбаев во второй половине XIX века имел землю в своей частной собственности как все его современники и собратья по классу, о чем уже сказано. Это тем более закономерно, что весь бывший Каркаралинский уезд Семипалатинской области в последней четверти XIX века целиком относился к зоне полукочевого типа хозяйства. Еще более странным является мнение А. Б. Турсунбаева, который форму землевладения в полукочевом ауле, существовавшую в Туркестанском уезде, отмеченную в отчете ревизии Туркестанского края графом К. К. Паленом в 1910 году, считает испокон веков существующей[1].

Детально изучивший землепользование казахов в конце XIX века Ф. Щербина довольно верно описал старую, существовавшую еще в середине XIX века, форму землевладения у кочевой части казахского населения: «Пастбищных границ в современном смысле этого слова не существовало, каждый род из года в год путешествовал на север и обратно на юг приблизительно одним и тем же общим путем... Некоторые старики-баганалинцы помнят то время, когда все их сородичи кочевали круглый год, не имея никаких строений, кроме юрт. Северной границей кочевок были река Акан-Бурлук (приток Ишима — *С. Т.)* и озеро Челкар, находящиеся в пределах нынешнего Какчетавского уезда, южной границей кочевок являлись реки Чу и Сыр-Дарья»[2]. Длина кочевого пути баганалинцев в один конец в середине XIX века была равна примерно 1 300—1 400 км. При таком положении никакой кочевник не мог даже думать о каком-то закреплении за собою на этом пространстве определен-

---

Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 113—114.

[1] Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 99—103.

[2] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, т. V. Кустанайский уезд, Воронеж, 1903, стр. 10.

ного клочка земли и об ограничении прав на пользование им других кочевников.

Невозможность появления частного землевладения в условиях военно-кочевой жизни племенно-феодального общества, помимо всего прочего, объяснялась тем простым фактом, что казахи долго не могли оставаться на одном месте, им приходилось постоянно менять места и направление своих кочеваний. Они постоянно стремились к тому, как бы удачно осуществить давно задуманный угон скота у враждебного рода или держаться подальше от тех родовых групп, которые когда-то от них пострадали. «При прежнем неустройстве степи барымта побуждала многих часто менять зимовки»[1].

Основными причинами, препятствовавшими возникновению частной собственности на землю у казахов до присоединения к России, с одной стороны, был кочевой образ жизни с неизбежным дальним радиусом кочевания, с другой стороны, межплеменные и внешние войны, требовавшие всюду быть «в готовности остаться или, изменив обыкновенную дорогу передвижений и бросив прежнее стойбище, отыскать себе новое»[2].

Наглядным примером того, как люди в связи с военной обстановкой бросали свои насиженные места, может служить факт передвижения ряда полукочевых казахских родов во время реакционного восстания Кенесары Касымова уже в 30—40 годах XIX века. Экспедиция Ф. Щербины отмечает, что «еще не так давно, во времена кенесаринских смут, казахи западной части Петропавловского уезда принуждены были оставить свои летовки, расположенные на юге уезда и по обе стороны Ишима, и кочевать на северные летовки, ближе к казачьей линии»[3].

Первый русский ученый, написавший капитальный труд по истории и этнографии казахского народа в начале XIX века, А. Левшин указывал, что «месть одного

---

[1] *Красовский М.* Область сибирских киргизов, ч II. М. Спб.,1868, стр. 68.

[2] Там же, стр. 73.

[3] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область, Петропавловский уезд, т. XII. Чернигов, 1908, стр. 33.

частного человека другому, участие, принимаемое в оной семействами их, аулами, отделениями, даже целыми родами и возникающими из того беспрерывно баранты, принуждают иногда сотни кибиток оставлять обыкновенные жилища свои, и для избежания преследований, безвозвратно переходить на другие отдаленные места»[1]. Эту мысль А. Левшин подтверждает таким фактом: «В 1740 году большая часть Средней орды и хан ее Абул-Мамбет кочевали на Ори и Хобде; Абулхаир жил тогда более на берегах Сыра, или Кувана, и потому писал в 1742 году Неплюеву в Оренбург: «Я с Меньшею ордою на Сыре, а Средняя орда близ вас, генерал!» Теперь видим (то есть в 30-х годах XIX века — *С. Т.*) совсем противное: ни один из родов Средней орды не приближается к Оренбургу. Подобно сему, многие аулы Алимулинского поколения, зимовавшие всегда на Сыре, по вражде с однородцами своими, которых покровительствует хивинский хан, в 1821 году пришли на зиму к Илеку. В то же время несколько других аулов, обыкновенно кочевавших у границ наших, удалились к Хиве. Все сие ведет нас к заключению, что киргиз-казаки при настоящем образе жизни и в ныне занимаемых ими землях, не могут поселиться»[2].

То же самое находим у И. И. Крафта: «.... распри между разными племенами кочевников, сопровождающиеся бегством слабейшего племени, не создавали благоприятных условий для исключительного обладания землею»[3]. Или у Н. Коншина: «Прииртышские степи издавна служили местопребыванием кочевых казахских родов, *которые при вечной борьбе друг с другом и с соседними племенами не могли, конечно, создать условий, необходимых для оседлого образа жизни*»[4] (подчеркнуто нами.— *С. Т.*).

Таким образом, постоянные войны и кочевое скотоводство, обусловившее общинное землевладение у казахов, так же действовали в истории древних римлян и

---

[1] *Левшин А.* Описание киргиз-кайсакских или киргиз-казачьих орд и степей, ч. III. Спб., 1832, стр. 29.

[2] Там же, стр. 30.

[3] *Крафт И. И.* Из киргизской старины. Оренбург, 1900, стр. 95.

[4] *Коншин Н.* К вопросу о переводе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние. В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год. Семипалатинск, 1898, стр. 30.

германцев. Об этом К. Маркс писал: «Первая форма собственности как в античном мире, так и в средние века, это — племенная собственность, обусловленная у римлян главным образом войной, а у германцев — скотоводством»[1].

Переход кочевников к оседлости всегда происходил под воздействием как внутренних (рост народонаселения, отсутствие свободных и обширных пастбищ), так и внешних причин (ограничение сферы кочевых переселений соседними оседлыми народами). Так происходило оседание полукочевников — древних германцев. По словам Ф. Энгельса, в эпоху Цезаря германцы еще совершали длительные странствования, повторные походы на запад и на юг. Только «римское сопротивление на Рейне, а затем на Дунае кладет предел этому переселению, ограничивает владения германцев занятой ими до сих пор территорией и таким путем принуждает перейти к оседлому образу жизни»[2]. «Скотоводческий промысел, особенно в бедных степях Средней Азии, требует простора, в зависимости от чего перекочевки, в поисках пастбищ, достигают, как известно, весьма часто тысячи и более верст. По мере прироста населения степных пастбищ становится недостаточно, земля отказывается кормить человека своим естественным покровом, требуя от него труда и ухода»[3]. Оседание казахских кочевников с неизбежностью сопровождалось коренной ломкой установившегося веками уклада хозяйства, образа народной жизни и связанного с ним психического склада и миросозерцания людей. В результате такой ломки появилась возможность дальнейшего прогресса материальной и духовной культуры данного общества. Такая возможность для перехода казахов к оседлости и занятия земледелием возникла в связи с добровольным присоединением казахских жузов к России. В этом отношении, наряду с ростом плотности населения, объективно сыграло свою положительную роль строительство русских укреплений на западе, севере, востоке и в глуби казахской степи в XVIII и XIX вв.

---

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 3, 1955, стр. 62.

[2] *Энгельс Ф.* К истории древних германцев. М., 1938, стр. 18.

[3] *Островский В.* Киргизы-земледельцы. — Туркестанские ведомости, 1897, 25 ноября.

Основным признаком землевладения при появлении элементов оседлости и переходе к полукочевому образу жизни является постоянное пользование определенной группой населения одним и тем же урочищем, без установления границ к соседям; при этом место зимней стоянки или зимовка с постоянными, даже самыми примитивными, хозяйственными сооружениями становится собственностью первых заимщиков. С дальнейшим ходом развития начинают вырисовываться площади отдельных землевладений, намечаются пограничные урочища, но фигура земельных владений остается еще не замкнутой со стороны, прилегающей к площадям общего пользования.

С конца XVIII и начала XIX вв., когда началось оседание казахов, каждый род занимал известную территорию, причем полуфеодалы-родоправители, возглавлявшие более сильные многолюдные роды, захватывали лучшие места, а что похуже — доставалось менее сильным полуфеодалам, руководившим малолюдными родами. «Сильные своею численностью роды, ранее захватившие в известной местности главнейшие урочища, начали вытеснять из своей среды чужеродцев и в то же время охотно приселяли к себе своих сородичей»[1]. Вначале захват земель родовыми группами объяснялся тем, что само казахское население старательно поддерживало родовой быт в силу политических и экономических условий кочевого скотоводческого хозяйства. В тот период сила рода прежде всего определялась его величиной. «У кочевника род, по числу человеческих особей, заключает в себе минимально несколько сот лиц, связанных между собой экономической нитью, разрыв которой почти всегда сопряжен с ухудшением хозяйства или по крайней мере почти всегда соединяется с какими-либо другими житейскими невзгодами... В спорах о земельных угодьях казах никогда не выступает соло, а всегда только при поддержке родовичей: казах вперед знает, что в степи соло — нуль»[2].

Внутри отдельных родовых групп в начале оседания земля находилась в нераздельном пользовании всех

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, т. V, Кустанайский уезд. Воронеж, 1903, стр. 56.
[2] Русский Туркестан, 1898, № 25.

однообщинников. Но в дальнейшем, по мере отделения от пастбищ сенокосных и пахотных угодий, возникали новые нормы землепользования. Первоначально в основе их лежит право первого захвата и захваченный участок остается в наследственном пользовании семьи. «Такова обычная норма пользования естественными сенокосами и богарными пашнями. Но в основе пользования поливными землями лежит уже трудовое начало: семья имеет право на земельный участок по арыку соразмерно участию в общем труде его сооружения. Поливные участки пашни и покоса, обыкновенно, также находятся в наследственном пользовании семей. Однако встречаются и среди казахов периодические переделы земли там, где ее уже мало для полного удовлетворения спроса на нее»[1].

Богатство, многолюдность, следовательно сила, служили основным фактором, обеспечивающим первоначальный захват и последующее закрепление за собою количественно больших и качественно лучших участков земли теми или другими родовыми группами. Этот же фактор постоянно вносил свои коррективы в земельные отношения оседавших казахов на всей территории Казахстана, но, несмотря на это, давность захвата того или другого урочища отдельными лицами играла большую роль. Захваченные земли родовые группы стали охранять последовательно с более ценных угодий и кончая всей территорией. Такие изменения в земельных отношениях у казахов происходили только в процессе постепенного оседания. Прогрессивное значение оседания кочевников в том и состояло, что оно шаг за шагом приводило к повышению интенсивности казахского скотоводческого хозяйства в связи с постепенным переходом его от самого примитивного кочевого уклада жизни к полукочевому и оседлому — скотоводческо-земледельческому.

В начале процесса оседания наибольшую ценность для скотоводов-казахов представляли места, удобные для зимней пастьбы скота. В северо-западном, северном и северо-восточном районах Казахстана такими ценными зимними пастбищами считались пастбища, располо-

[1] *Васильев В. А.* Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915, стр. 86—87.

женные в гористых местах. По всем данным, первые казахские зимовки появились в этих горах. Это было верно также и для юга Казахстана. «Наилучшие успехи расчлененные землепользования сделали, по-видимому, в горных местностях южной полосы области — Чимкентского, Ташкентского и Аулиэ-Атинского уездов, а также в Каратауских горах»[1].

Как было указано, первые зимовки, как очаги постепенного оседания начали появляться в отдельных местах вблизи русских пограничных линий. В дальнейшем переход казахов к полуоседлости и оседлости в более широких размерах происходил уже в связи с более усилившимся политическим и экономическим воздействием русского государства и прежде всего в связи с водворением в казахской степи гражданского мира, без чего невозможно было бы тесное общение казахских кочевников с русским населением.

Только в результате водворения гражданского мира в казахской степи стала возможной постройка постоянных помещений для скота и для людей на зимовках. Без этого право на определенную территорию зимних пастбищ не было бы достаточно прочным и постоянным. Если такое право на определенные участки земли трудно было доказать там, где не было никаких, хотя бы самых примитивных сооружений, то еще труднее было сохранить и поддержать это право в условиях беспрерывных военных нападений внешних врагов, межродовых и межплеменных войн.

Более прогрессивная форма земельных отношений, а следовательно, хозяйства и быта у казахов возникла и постепенно распространялась не с центра территории, занимаемой казахами, а с окраин, то есть со смежных с русскими владениями земель.

Начало оседания казахов на севере и северо-западе относится ко второй половине XVIII века, на северо-востоке и в Семиречье к последней четверти XVIII века. «Казахи, после уничтожения китайцами Джунгарского царства (в 50-х годах XVIII столетия — *С. Т.*) захватили сооруженные калмыками арыки и орошаемые ими земли. Впрочем, эти так называемые «калмыцкие»

---

[1] *Кауфман А. А.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Спб., 1903, стр. 158.

арыки — по крайней мере, наиболее крупные из них — на самом деле гораздо древнее владельцев, имя которых они носят»[1]. «Когда в XVI и XVII столетиях образовалась последняя кочевая Империя — Джунгария, то в горах и степях Семиречья кочевали уже нынешние обитатели его — казахи и каракиргизы. Казахские орды — конгломератного тюркомонгольского происхождения и ведут свое начало от разных весьма древних племен, населявших Семиречье... Казахи в значительной своей части были вытеснены из Семиречья калмыками; отсюда казахи распространились по соседним областям: нынешней Сыр-Дарьинской, Ферганской, Семипалатинской, Акмолинской и Тургайской; но, когда в середине XVIII столетия Джунгарское царство было уничтожено китайцами, казахи опять стали кочевать в Семиречье, номинально приняв китайское подданство»[2]. «С тридцатых годов XVIII столетия вселение и расселение по северным частям Казахского края продолжалось в течение всего XIX века»[3]. В период занятия казахами прииртышских степей каждая родоплеменная группа занимала известную зону для своего кочевого передвижения. В частности, территорию Каркаралинского и западную часть Павлодарского уездов заняли разные роды племени Аргын, а южные степи (Зайсанский, Усть-Каменогорский и Аягузский уезды) — роды из племен Найман и Кирей. На территории Кустанайского уезда первыми засельщиками были казахи Среднего жуза, которые начали строить зимовки в местах нижнего течения реки Тобол в конце XVIII и начале XIX столетий; позднее здесь поселились джагалбайлинцы и джаппасовцы из Младшего жуза. Как было установлено экспедицией Ф. Щербины, на северо-западе Кустанайского уезда население Кеньаральской, Аркарагайской, Карабалыкской и Джамбарской волостей начало оседать на летнем пастбище, находившемся с давних времен в общем владении двух крупных родов: Кипчак (Среднего жуза) и Джаппас (Младшего жуза).

---

[1] *Васильев В. А.* Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины, Пг., 1915, стр. 88—89.

[2] Там же.

[3] *Хворостанский П.* Киргизский вопрос в связи с колонизацией.— Вопросы колонизации, 1907, № I, стр. 63.

Первыми начали оседать кипчакские роды Торыайгыр (Алтыбас), Карабалык и Кульденен. Они заняли места по нижнему течению реки Тобол и по реке Уя наиболее плодородные земли Аркарагайского бора и лучшие озера. Казахи Дамбарской волости из тех же кипчакских родов сначала осели в Новолинейном районе, а потом в середине XIX века, в связи с образованием в этих местах многих казачьих поселков, переселились на Тобол. К этим оседавшим кипчакам в начале XIX века пришли из Сыр-Дарьи казахи из кипчакского рода Алтыбас и заняли в соседстве с уже осевшими сородичами места по нижнему течению реки Тобол и в Аркарагайском бору. Алтыбасовцы раньше на эти места приходили ежегодно как на свои летовки. Что касается заселения мест по верхнему течению р. Тобол и по речке Аяту, то там в первой половине XIX века казахи оседали совершенно свободно, так как в то время заимщики захватывали под зимовые стойбища никому не принадлежащие летовочные пространства или приселялись к близким родственникам, успевшим ранее осесть в этих местах[1].

Первыми поселенцами на землях Аманкарагайской волости были казахи аргынских родов: Ермен, Алимбет и Кркмылтык, которые до конца тридцатых годов XIX века кочевали между Аманкарагайским бором и рекою Сыр-Дарьей; и «большинство из них определенных зимовых стойбищ не имело, а зимовало то на Сыр-Дарье (Теренкультата), то по речке Тургай, например, на урочище Шошкакуль, а иногда проводили зиму и в Аманкарагайском бору, смотря по состоянию кормов и погоды»[2].

Джагалбайлинцы, занявшие земли Джетыгаринской и Кумаковской волостей, до середины сороковых годов XIX века кочевали на территории, которая потом отошла к Иргизскому уезду, и по левому берегу реки Урал. После введения в действие положения 1844 года об управлении оренбургскими казахами джагалбайлинцы начали оседать и строить зимовки по верхнему течению реки То-

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, т. V, Кустанайский уезд. Воронеж, 1903, стр. 44.

[2] Там же, стр. 40.

бол, на что оказало свое влияние оседание большинства дистаночных начальников у реки Урал.

Казахи Бестюбинской волости, в своем большинстве принадлежавшие к джаппасовскому роду из байулинского племени Младшего жуза, переселились из пределов Сыр-Дарьи на свои старые летовочные места в конце сороковых годов. Многие из джаппасовцев осели после большого джута в середине XIX века, когда так много погибло верблюдов, что «из костей их затем строили загородки для овец»[1].

В процессе оседания казахов в Кустанайском уезде вначале занимались места зимовок с лучшими сенокосными участками. Казахам, осевшим позднее, доставались худшие земли. Такое неравномерное распределение имело место почти на всей территории Казахстана.

В первое время после перехода к полукочевой жизни казахи Кустанайского уезда, также как казахи других частей Казахстана, не могли сразу порвать с традициями былого кочевого образа жизни. Многие из них на зиму разделяли свое хозяйство на две части. В одну входили верблюды и овцы, которые зимовали на юге в пределах своих старых зимних пастбищ, где-нибудь на берегах рек Сыр-Дарьи и Куван-Дарьи, а другую часть составляли лошади, которые паслись круглый год на севере. Экспедицией Ф. Щербины отмечено существование в конце XIX века остатков такого типа хозяйства, правда, в виде редких исключений, у джаппасовцев Дамбарской волости и у аргынцев Аманкарагайской волости. Экспедиция зафиксировала, что «старики помнят то время, когда многие кипчаки, имея зимовки, расположенные по рекам Ую и Тоболу, в то же время каждую зиму отправляли своих овец и верблюдов в Сыр-Дарьинскую область. Такой способ хозяйничанья имеет за собой большие преимущества, так как обеспечивает хозяйства в случаях недорода трав... В то же время эти обстоятельства препятствовали прочному закреплению тех или иных урочищ за той или другой родовой группой казахского населения»[2]. В 40-х годах XIX века казахи Омского уезда «жили и зиму и лето в юртах, не делали запасов сена, почти

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, т. V, Кустанайский уезд. Воронеж. 1903, стр. 46.

[2] Там же, стр. 55.

не держали рогатого скота и совершали кочевки не только летом, а и во время зимы переменяли стоянки. Летние кочевки в то время были дальние»[1]. Точно такими же чертами в тот период характеризовался образ жизни казахов Петропавловского, Кокчетавского, Павлодарского и др. уездов. Постоянные постройки на зимовках здесь начали возникать в большинстве случаев в 50-х годах XIX века, когда многие из казахов впервые стали заниматься сенокошением и употреблять сенокосные орудия, в частности, русскую косу. «Сено казахи косят русскими летовками, — писал М. Красовский, — покупаемыми на внутренних рынках, и несмотря на беспошлинный ввоз железа в степь, довольно дорого, именно по 1 рублю, а то и по 1 рублю 50 копеек за штуку. Заготовленное сено сушат и складывают в копны так же, как это делают русские поселенцы, от которых все заимствовано»[2].

По количеству кос, ежегодно ввозимых в аулы сибирских казахов, можно себе представить, как развивалось у них сенокошение. По неполным данным, через Омскую дистанцию в область было ввезено кос: в 1857 году — 658 штук на сумму 410 руб. 60 коп.; в 1858 г.— 795 шт. на сумму 667 руб. 80 коп.; в 1859 г.— 1 175 шт. на сумму 867 руб. 80 коп.[3]

С разделением степи сибирского ведомства в административном отношении на округа, ранее имевшие место дальние переходы проживающих здесь казахов совершенно прекратились. Этих казахов уже в середине XIX века вполне можно было считать прикрепленными к постоянно занимаемым ими зимовкам. Кочующие аулы превращались в полукочевые, совершавшие летом, весной и осенью перекочевки с места на место, а зимою оседавшие на одних и тех же зимовках. Началось это с северных частей степи, где требовали того суровые зимы и глубокие снега. Казахи впервые начали здесь учиться у русских устраивать зимние жилища[4].

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Акмолинская область, Омский уезд. Омск, 1902, стр. 28.

[2] *Красовский М.* Область сибирских киргизов, ч. II. Спб., 1868, стр. 76.

[3] Там же, стр. 108.

[4] *Щербина Ф.* Киргизская народность в местах крестьянских поселений. Спб., 1905, стр. 18.

При заселении территории современного Восточного Казахстана от города Усть-Каменогорска до Черного Иртыша казахи оседали тоже большими родовыми группами, как, например, Бура, Терстанбалы, и др., причем внутри каждого рода происходило размещение также по родовым ветвям, но уже более мелким, и каждая отдельная ветвь занимала особую территорию. Такой порядок расположения родов сохранялся тогда, когда род либо сразу оседал в полном составе, либо стягивался постепенно. В Кулужунскую волость Усть-Каменогорского уезда пришли прежде всего три ветви рода Караул-Джасыка: Кудас, Болат и Мурат. Кудас и Мурат заняли долину реки Букона, а Болат — долину реки Кулужуна. «Ни о каких границах между этими родами и помину не было. Это случилось позднее, когда вследствие прироста населения и главным образом отрезки земель под казачьи поселения явилась необходимость разграничить владения отдельных групп»[1].

Аналогичным путем происходило заселение Актюбинского уезда.

Заселение казахами полуострова Мангышлак началось в 60-х годах XVIII в. Этот же факт был зафиксирован экспедицией АН СССР в 1926 году. «Около 175 лет тому назад, во времена Есена Есенгулова (6-е поколение от Адая) адаи вместе с родами байулы из района Суаран (Западный Туркестан) начинают продвигаться по направлению к западу... К этому периоду владения калмыцкого народа простирались до рек Эмбы, Уила и Темира... Достигнув пределов калмыцкой территории, казахи почти не встретили сопротивления со стороны обессиленных войною калмыков, зверски их разоряли и отобрали их земли». «Путем открытых войн и частых периодических взаимных набегов, около ста лет тому назад, во времена Байменбета, пользуясь поддержкой русских, адаи очистили от туркмен почти всю территорию Усть-Урта, весь полуостров Мангашлык, полуостров Бозащи и дошли до западных берегов Аральского моря. Кроме того, адаи, при поддержке русских войск расширили границу сво-

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область, Усть-Каменогорский уезд, т. IX. Спб., 1905, стр. 30.

их кочевок вплоть до дороги, проходящей между гор. Красноводском и Хивой»[1].

Следовательно, установление границ современной территории Казахстана и процесс возникновения и распространения полукочевого и оседлого образа жизни с элементами частного землевладения были новыми явлениями в истории казахского народа, возникшими в процессе присоединения казахских жузов к России.

Это положение было верно отмечено многими дореволюционными исследователями Казахстана. Например, А. Бессонов писал: «В настоящее время казахи, отчасти вследствие влияния различных мер, принятых правительством в последние времена преимущественно с 1835 года, отчасти вследствие влияния смежного населения, русского, башкирского и татарского, уже не представляют собой по быту и характеру своему цельного народа; тогда как одна часть казахского народа по-прежнему держится кочевого быта, другая находится на различных стадиях перехода от кочевого быта к быту оседлому и представляет собой многочисленные и интересные формы видоизменения древних привычек, вкусов, верований, вообще всего характера»[2]. Н. И. Гродеков писал, что русское государство с новыми порядками и цивилизацией, переходом кочевников к земледелию, появлением новых видов производства и прочее вызвали значительные изменения в обычном праве казахов. «В жизнь народа широкою волною влились новые взгляды и понятия; жизнь начала предъявлять новые требования, к которым пришлось приспособить постановления обычного права»[3].

Таким образом, общинно-аульная форма землевладения и землепользования у казахов не могла существовать в условиях чисто кочевого хозяйства, она начала формироваться со времени присоединения их к России. Это происходило путем закладывания зимовок и закрепления определенных участков земли в «примитивно-

---

[1] Материалы комиссии экспедиционных исследований, вып. 13. Серия Казахстанская. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Л., 1928, стр. 100, 101.

[2] Записки Оренбургского отдела ИРГО, вып. IV. Оренбург, 1881, стр. 98 (сноска).

[3] *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889, стр. IV—V.

захватной» форме за отдельными родоплеменными группами, главным образом в рамках административных округов, волостей и аулов у сибирских казахов, в рамках «дистанций» у оренбургских казахов. В 1862 году в докладной оренбургскому генерал-губернатору отмечено, что поземельное пользование, особенно в прилинейных дистанциях, находилось в более дробном виде, чем десять, пятнадцать лет тому назад. Владели особыми участками уже не крупные единицы, как род, отделение, подотделение, а группы более или менее близких родственников в 50, 25, 15, 10 и даже 5 кибиток[1]. Такая тенденция развития является вполне закономерной.

Процесс прогрессивного развития земельных отношений у казахов можно проследить также на материалах по Уральской области. По данным Н. Огановского[2], казахи Уральского и Калмыковского уездов Уральской области в 1900 году всю территорию по характеру землевладения делили на три разряда: на сенокосы, на призимовочные угодья (пашни и осенние и весенние пастбища) и на летовочные места.

В конце XIX века сенокосные угодья у оседлых и полукочевых казахов этого района уже находились во владении отдельных хозяйств[3].

Второй вид частного землевладения представлял собой некоторые призимовочные угодья, которые «были разделены между отдельными хозяйствами вскоре после постройки зимовок, когда завелось у казахов хлебопашество»[4], то есть начиная с 30-х годов XIX века.

В своей массе призимовочные территории все еще находились в общинной собственности одной аульной родственной группы из 15—30 хозяйств, а сами зимовки находились в частной собственности того, кто их построил. «Зимовка отца, обыкновенно, переходит к млад-

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 3877, св. 516, л. 25.

[2] *Огановский Н.* Краткий исторический очерк переселенческого дела в России. В кн.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск, 1900.

[3] «Устройство постоянных зимовок представляется первым шагом на пути естественного перехода в оседлость и более постоянному пользованию землей». (Сибирский торгово-промышленный календарь 1899 г. Томск, 1899, стр. 228).

[4] *Огановский Н.* Краткий исторический очерк переселенческого дела в России. В кн.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск, 1900, стр. 249.

шему из сыновей на том основании, что меньший сын дольше всех других остается при отце и кормит его в старости»[1].

Третий вид землевладения представлял летовочные места или джайлау. Эти земли использовались на самых широких общинных началах.

Как видно, сенокосные угодья представляли в конце XIX и начале XX вв. основной вид частного землевладения у оседлых и полукочевых казахов Уральского и Калмыковского уездов. Форма земельных отношений, где сенокосы и пашни находились в частном пользовании отдельных хозяев, призимовочные территории у отдельных мелкородовых групп, а летовки — в общем пользовании всех казахов без различия волостей и уездов была характерна для многих районов Казахстана.

С момента возникновения указанных форм землевладения влиятельные эксплуататорские элементы общинно-аульных групп, используя патриархально-родовые воззрения населения, а также служебные должности в качестве волостных управителей или аульных старшин, распоряжались не только своими обособленными сенокосными и пахотными угодьями, но и всей призимовочной землей той или другой общинно-аульной группы, или даже целого административного аула или волости. Кроме того, отдельные казахские плутократы, именовавшиеся «аткаминерами»[2], игнорируя существовавшие законы о земле, начали в это время жульническим путем сдавать в аренду общинно-аульную землю и частенько летовочную территорию русским крестьянам-переселенцам. Подобные сделки были широко распространены в конце XIX и начале XX вв. во всех земледельческих районах Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Эти представители патриархально-феодальной верхушки казахских оседлых и полукочевых аулов являлись эксплуататорами как местных оседлых

---

[1] *Огановский Н.* Краткий исторический очерк переселенческого дела России. В кн.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск 1900, стр. 249.

[2] Буквальный перевод слова «аткаминер» — ездящий верхом на лошади. «Они вечно снуют верхом по базарам, аулам и сборищам, разжигая страсти и аппетиты; многие из них этим только и кормятся». (Аничков И. Очерки народной жизни северного Туркестана. Ташкент, 1899, стр. 110 (сноска).

казахских трудящихся, так и русских крестьян-переселенцев. Верно сказано, что «с властью (волостного) управителя соединяется не только официальное служение, но и неофициальное давление на целую волость, выражающееся в незаконных поборах, вымогательствах и, что самое вредное, в неправильной раскладке подати на побежденные (при выборах) партии и в неправильном распределении земель для зимовых стойбищ»[1].

Казахский народ всех лиц, занимающих должности волостных управителей, волостных судей, аульных старшин, волостных писарей, переводчиков, пятидесятников, лиц, ранее занимавших эти должности, а также всех тех, кто так или иначе принимал активное участие в политической жизни населения, в то время называл аткаминерами. Происхождение такого термина, видимо, было связано с историческим прошлым казахского народа. Еще в ханскую эпоху в кочевой жизни казахов всякий родоправитель или хан с определенной группой лиц почти всегда разъезжал среди населения. Отсюда казахская пословица: «Если один «торе»[2] садится на престол, то сорок «торе» садятся на коней»[3], то есть все они будут искать добычу у народа.

Появление аткаминерства во второй половине XIX века было, пожалуй, одним из самых отрицательных социальных явлений в жизни казахского народа. Аткаминерство представляло собою перерождение старой патриархально-феодальной верхушки аула в новый тип эксплуататоров. Оно было вызвано к жизни долголетней преступной деятельностью чиновничества колонизаторского аппарата вкупе с казахскими султанами, биями и баями. «Подкуп, подставка при казахских выборах,— писал Остафьев,— вещь самая обыкновенная. Почти каждый богатый казах добивается места волостного, при этом начинаются жалобы, интриги и пускаются в ход всевозможные подкупы, обещания и угрозы. На все должности, за малым исключением, начиная с пятидесятников и волостных, лица не выбираются, а скорее назначаются русской администрацией или родоправите-

[1] *Остафьев В.* Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве.— Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО, кн. XVIII, вып. II. Омск, 1895, стр. 53.

[2] Торе — чингизиды среди казахов.

[3] Бір төре таққа мінсе, қырық төре атқа мінеді.

лями»[1]. Каждый претендент на должность волостного управителя на подкуп обычно затрачивал от 2 до 5 тыс. рублей с расчетом потом вернуть эти расходы себе сторицей.

Каждый вновь избранный управитель старался вознаградить себя за все расходы, сделанные им при выборах. При новых выборах — новые подкупы, новый управитель — новые поборы и опять неправильная раскладка податей; в результате всего — общий упадок нравственности, разорение и обеднение народа.

Для организации и проведения выборной агитации из аткаминеров выделилась особая группа людей — пятидесятники[2]. Они жили за счет разных претендентов на должности управителей и биев. Их целью было — добиться избрания одних и провалить других.

До и после каждых выборов высшие власти областей и краев были завалены «прошениями, жалобами, кляузами, доносами и телеграммами разных алчных и честолюбивых проходимцев» из числа кандидатов на должность волостного управителя и биев. «Все эти происки, подкупы и интриги очень развратили казахскую массу, среди которой создались даже песни о продажности их туземных заправил, волостных и биев; на руках первых лежит масса обязанностей и ответственных должностей: наблюдение за народным судом, которым решаются дела на какую угодно сумму между туземцами одной национальности и имеющим право заключать в тюрьму на полтора года, приведение в исполнение решений и приговоров биев, раскладки и сбор податей, дорожная повинность, розыск и надзор за преступниками, наблюдение за оспопрививанием и пр.»[3].

Государственные налоги с кочевого казахского населения складывались в основном из кибиточной подати и земского сбора.

Вся тяжесть этих государственных поборов падала на казахскую бедноту, так как каждый юртовладелец в среднем по волости должен был платить в год киби-

---

[1] *Остафьев В.* Колонизация степных областей в связи в вопросом о кочевом хозяйстве.— Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО, кн. XVIII, вып. II. Омск, 1895, стр. 51.

[2] Пятидесятник — избиратель, выделенный от 50 хозяйств.

[3] *Аничков И.* Очерки народной жизни Северного Туркестана. Сб. I, Ташкент, 1899, стр. 111.

точную подать в сумме 4 руб. и земский сбор от 1,5 до 2-х рублей. Еще тяжелее были для трудовой массы населения побочные сборы — чигын.

Сенатор К. Пален был вынужден признать, что существовавшая выборная система в казахских аулах давала прочную опору байству, угнетавшему народные массы. Она обеспечивала кучке богатых и влиятельных лиц постоянную поддержку правительства в их борьбе за право взимать сборы в свою пользу с беднейшей части населения.

«В служебной практике выборных должностных лиц,— пишет К. Пален,— неуклонно соблюдается правило — даром не делать ничего, но за вознаграждение решать все. Кроме вознаграждения за услуги, законные и незаконные, весьма часто преимущественно в казахских волостях, они прибегают к взиманию различных поборов (чигын) с населения, под видом возмещения расходов, понесенных будто бы на общественные надобности»[1].

Занявший должность волостного управителя мог широко применять классические методы феодальной эксплуатации. В отношении населения своей волости действовал он по существу как феодал, собирающий оброк со своих крепостных. Многие из бедняков, находившиеся в его ауле, были бесплатными и бессрочными его работниками, отбывавшими как бы барщину. Такой паразитизм был одной из причин, разрушавших хозяйство мелких скотоводов.

От волостных управителей не отставали и судьи. «Народные судьи снимают с бедного туземца последнюю рубаху, причем страдательной стороной являются члены той партии, которая была против избрания данного народного судьи»[2]. По смыслу существовавшего тогда положения взимание всех сборов с казахского населения должно было производиться по особой для каждого аула раскладке, производимой так называемыми аульными сходами с учетом материального положения каждого плательщика. На самом деле этого не было. Вот почему И. В. Аничков писал: «Пока дела в степи находятся в том положении, как в настоящее время, мы не

---

[1] *Пален К. К.* Переселенческое дело в Туркестанском крае (отчет по ревизии Туркестанского края). Спб., 1910, стр. 108—109.

[2] Там же, стр. 108.

можем быть спокойны за судьбы казахского народа, переживающего тяжелый социально-экономический кризис»[1].

Таким образом, аткаминеры были подлинными паразитами нового типа, которые появились как продукт медленного и мучительного разложения патриархально-феодальных отношений у казахов под влиянием феодально-капиталистических отношений России и колонизаторской политики царизма. Вся деятельность аткаминеров была конкретным олицетворением сущности двойного гнета казахских трудящихся.

Патриархально-феодальная верхушка казахского общества в лице потомков султанов и биев первоначально рассматривалась царизмом как удобное орудие для управления кочевыми массами и для укрепления среди них влияния колониальной власти. Эти люди, занимая должности старших султанов, дистаночных начальников, волостных управителей и др., сосредоточили в своих руках всестороннюю власть над казахским обществом и были надежными проводниками колониальной политики царизма. «Эти посредники — представители богатых и влиятельных родов, всецело озабочены были упрочением собственного влияния, накоплением богатства — земель, скота и денежных капиталов,— в результате степь представляет собой все признаки феодально-крепостнического строя, не оформленного только положительным законодательством. Этот строй до настоящего времени сохранился еще даже в таких резких проявлениях, совершенно притом противоречащих существующему писаному закону, как производство особо влиятельными лицами сборов в свою пользу, как творимый такими лицами суд среди своих сородичей, как негласное их участие — даже если они официально не занимают никаких должностей — в опубликовании и исполнении распоряжений русской администрации»[2].

Многие из аткаминеров и баев старались выучить своих детей русской грамоте лишь с той целью, чтобы они стали переводчиками, помощниками уездных на-

---

[1] *Аничков И. В.* Упадок народного хозяйства в киргизских степях.— Русская мысль, 1902, май, стр. 73.

[2] *Кауфман А. А.* Русская община в процессе ее зарождения и роста. Спб., 1908, стр. 70—71.

чальников и народных судей. Каждый владевший русской грамотою байский сын, носивший русскую форму, был в глазах казахов чиновником-торе. Такие «торинцы» являлись надежной опорой и орудием в руках аткаминеров. Они отличались исключительной жестокостью в своих действиях по отношению к казахскому народу. На каждом шагу они терроризировали и грабили слабых и беззащитных. Народ видел в их лице своих злейших врагов. Поэтому в народе говорили: «Хотя бы относительную справедливость можно ожидать только со стороны некоторых русских чиновников, но не казахских торинцев-законников»[1]. Это вполне совпадает с тем, что В. И. Ленин говорил об обрусевших инородцах: «Известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения»[2], подразумевая под этим «... шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ»[3]. Классик казахской литературы, просветитель Абай Кунанбаев так описал моральный облик и социальную природу аткаминеров:

Бесчестный, зверя жадней,
Грязный в словах и делах —
Такой герой наших дней
Правит тобою, казах.
Забыв и совесть и честь,
Весь завистью налитой,
Он всех бы готов известь
Хулою и клеветой.
Ничто ему не позор.
Откажешь — ты враг навек.
Озлясь, грабитель и вор,
Совершит на тебя набег.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
В товарищи он возьмет
Такого же плута, как сам.
«Пройдохи»,— зовет их народ.

---

[1] «В Перовске и поныне нет туземного судьи «казия», а дела между туземцами, хотя и одной народности, ведет местный русский судья, чему, заметим кстати, туземцы очень рады, предпочитая всегда русский суд — народному, как это приходилось слышать неоднократно от самих туземцев». (Русский Туркестан, 1898, № 28).

[2] *Ленин В. И.* Письмо съезду. М., 1956, стр. 23.

[3] Там же, стр. 22.

Сегодня враждебен вам,
А завтра он друг на час.
На все лихое горазд,
Он оптом и в розницу вас
Сто раз предаст и продаст.
. . . . . .
Язык ядовит у них,
Душа их — черная грязь.
На честных и на прямых,
Бросаются разъярясь.
Чтоб им привольней жилось —
Все очернят, что светло,
Пропитаны злом насквозь
И все их деянья — зло[1].

В другом стихотворении, посвященном волостному управителю Дутбаю, в 1899 году Абай писал:

При первой встрече ручки жмет,
И льстит и лебезит.
Но отвернись — уже не тот,
Так подлостью разит!
Сегодня он тобой пленен,
Всем жертвует любя.
Сегодня греет, завтра он
Испепелит тебя.
Плюет на все твои права,
Юлит, как бес, хитро.
Белы, как снег, его слова,
Черно, как грязь, нутро[2].

Методы их действий во многом напоминали методы «героев первоначального накопления» в истории других народов.

Они беспрестанно разжигали межродовую вражду, создавали группировки на выборах местной администрации, искали всякие поводы для провокаций и скандалов, для составления клеветнических доносов уездному и высшему начальству. Они всегда были организаторами интриг при всяком удобном случае. Они поднимали и решали вопросы хуна за убийство и увечье, айпы за воровство, айп и калым за побег невесты, раздували до невероятности даже незначительные межродовые трения, чтобы толкнуть на межродовую драку и барымту. На общественных скандалах и интригах они добывали

[1] *Абай Кунанбаев.* Стихотворения, поэмы, проза. М., 1954, стр. 73, 74, 75.
[2] Там же, стр. 249.

себе добычу — «олжа», на страданиях невинных и слезах беззащитных людей они умножали свое богатство. И надо сказать, что аткаминеры в совершенстве владели искусством втягивать во всякие межродовые споры трудящихся с тем, чтобы потом их ограбить. Алчность к богатству, корыстные и эгоистические действия представителей господствующего класса во многих случаях все еще прикрывались насквозь лживыми, лицемерными фразами о родовых отношениях, защите интересов рода и т. п.

В прогрессивном изменении земельных отношений у казахов после утверждения Устава о сибирских казахах и дистаночных разделений у оренбургских казахов играло самую большую роль Временное положение 1868 года. Административные границы аулов и волостей, установленные согласно Временному положению, почти во всех оседлых и полукочевых районах превратились с течением времени и в границы землевладения общинно-аульных групп. У таких общинно-аульных групп, главным образом в северной части Казахстана, строго охранялись от посторонних все виды угодий, включая безводные территории летовок, на которых в зимнее время паслись только конские табуны.

Временное положение явилось новым толчком к развитию оседлости и земледелия.

К моменту проведения Сыр-Дарьинской линии в 50-х годах XIX века земледелие там еще не было развито. Земледелием занимались только те казахи, которые не имели скота и не могли кочевать[1].

Земледелие здесь заметно стало развиваться лишь в связи с проведением в жизнь Временного положения 1868 года и ликвидацией грабительских войн. Уже в 1877 году казахов, занимавшихся земледелием, насчитывалось в Казалинском уезде 30,8%, Перовском — 32,5%, Туркестанском — 38%, Чимкентском — 31,3%, Аулиэатинском — 62,3% и Кураминском (позднее — Ташкентском) — 54,3%[2]. В начале XX века у оседлых и полукочевых жителей сложилось определенное соответствие «между административными границами и гра-

---

[1] *Смирнов Е. Т.* Задичавшая страна. В кн.: Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. IV. Ташкент, 1895, стр. 7.

[2] Русский Туркестан, 1900, 15 октября.

ницами пользования такими угодьями, как пашни и призимовочные пастбища»[1]. В подавляющей массе такие хозяйства были оседлыми и полукочевыми, резко отличавшимися от хозяйства прежних кочевников. Полукочевые хозяйства имели «весьма развитую усадебную оседлость и если не прекратившие, то во всяком случае, сильно сократившие свои кочевки и переставшие ходить на дальние летовки»[2].

Распространение новых типов хозяйства казахов создавало «необычайно пеструю картину, в которой первоначальная общность и расплывчатость владения и пользования самым причудливым образом перепутывается с более или менее резким обособлением землепользования более или менее мелких групп, объединенных частью родовым началом, частью простым соседством, частью — общностью труда, затраченного, например, на проведение арыков или на устройство защитительных от воды сооружений»[3]. Пестрота форм землевладения представляла собой «самые разнообразные переходы от совершенной общности до довольно ясного обособления отдельных землепользований, причем, однако, преобладают, по-видимому, неопределенные и расплывчатые формы, соответствующие неопределенности и неустойчивости кочевого и полукочевого быта в разнообразных встречающихся в области его разновидностях»[4].

При всех разновидностях форм землевладения в дореволюционном Казахстане в различных его районах решающим фактором, вносившим серьезные изменения в земельные отношения казахов, всегда и везде оставался уровень развития культуры хозяйства, то есть степень развития сенокошения и хлебопашества[5].

---

[1] *Кауфман А. А.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Спб., 1903, стр. 153.

[2] Там же, стр. 140.

[3] Там же, стр. 155.

[4] Там же, стр. 159.

[5] «Земледелие наиболее распространено в тех волостях, в пределах которых и пограничо размещено наибольшее количество русских поселений... Живой наглядный пример русского земледелия, более высокие, с точки зрения исторического развития, формы хозяйства, короче — культура, вполне естественно наложила свою печать на примитивную экономическую жизнь кочевника». (Огановский Н. Краткий исторический очерк переселенческого дела в России. В кн.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск, 1900, стр. 259).

После присоединения казахских жузов к России, постепенно, несмотря на запрещение царского правительства, русские и украинские крестьяне, испытавшие на себе все тяготы помещичьего гнета и подавленные беспощадной эксплуатацией и нуждой, самовольно устремились в казахскую степь с целью облегчения своего тяжелого положения.

Бежавшие от невыносимого гнета помещиков крестьяне принесли с собой в Казахстан богатые навыки и глубокое знание земледельческого труда. Это было той свежей и прогрессивной струей, которая способствовала новым сдвигам в сфере материального производства и во всей общественно-экономической жизни казахского народа. Веками существовавшее кочевое скотоводство начало сочетаться с более передовой земледельческой культурой. Появляются более квалифицированные отрасли труда. Вместе с возникновением и развитием сенокошения и хлебопашества зарождаются элементы интенсификации внутри самого скотоводческого хозяйства. Экономическая жизнь казахов значительно отклонилась «от обычных архаических форм пастушеского хозяйства в сторону более сложной культуры... Факт в высшей степени важный. С ним находятся в тесной связи изменения и в составе стад, с заметным увеличением рогатого скота, этого неизменного спутника более оседлых и устойчивых форм хозяйства, рассчитанных на заготовку сена и стойловое содержание скота зимой»[1].

Вопреки реакционной политике царизма, культивировавшего на окраинах России «патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве»[2], шел неодолимый прогрессивный процесс братского общения русских крестьян с трудящимися казахами. Казахские трудящиеся скотоводы охотно вступали во всевозможные хозяйственные отношения с русскими крестьянами-переселенцами. В свою очередь переселенцы пользовались поддержкой казахских трудящихся. «Многие старожилы говорят по-казахски и

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область, т. V, Кустанайский уезд, Воронеж, 1903, стр. IV—V.
[2] *Сталин И. В.* Соч., т. 4, стр. 356.

почти все имеют знакомых и даже кунаков (гостей в смысле друзей — *С. Т.*) между казахами»[1].

Бедные переселенцы, так же как казахская беднота, подвергались эксплуатации русских кулаков, офицеров и казахских баев. Богатые казахи не пахали сами, а нанимали русских бедняков, при этом доказали, что «они в деле наживы мало чем уступят российскому Колупаеву. Так, один влиятельный казах производит следующую манипуляцию: так как на его участке и участке его родственников много пахотной земли, то он отдает несколько десятин крестьянам за то, чтобы они вспахали ему остальную землю; а вспаханную землю он продает другому. Выгода для него громадная: необработанная хозяйственная десятина в среднем сдается за 2 руб., а вспаханная — за 8 руб. На каждой десятине, следовательно, он, не ударив пальцем о палец, наживает 6 руб. ежегодно»[2].

При таком положении «арендные отношения, возникавшие на сделках, не пользовавшихся охраною законов, были лишены юридической силы, почему арендаторы-переселенцы и находились в полной зависимости от казахов-сдатчиков, со стороны которых они и подвергались различным притеснениям и вымогательствам»[3].

В процессе совместной жизни, в совместном труде происходило постоянное сближение русской и казахской бедноты. Кочевники постепенно приучались к новым формам хозяйства и труда, усваивали многие русские слова, обозначающие средства производства и предметы домашнего обихода, стали широко потреблять как в производстве, так и в домашнем быту разнообразные изделия русской фабрично-заводской промышленности. Казахские и русские трудящиеся повседневно обменивались взаимными услугами добрососедских отношений, расширяли взаимное общение и укрепляли дружбу. Общеизвестно, что русские «казаки, поселенные еще в конце XVIII столетия по так называемой Горькой линии, ...научились поголовно казахскому наречию и пере-

---

[1] *Огановский Н.* Краткий исторический очерк переселенческого дела в России. В кн.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск, 1900, стр. 234.

[2] Там же, стр. 126.

[3] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. Спб., 1900, стр. 206.

няли некоторые безвредные обычаи и привычки кочевого народа»[1].

Другим примером в этом отношении может служить Кустанайский уезд. До 1830 года на территории этого уезда почти никто из казахов не перешел к прочной оседлости и мало занимался хлебопашеством, хотя степь там черноземная. Под влиянием русских крестьян казахи в этих местах начали переходить к оседлости и земледелию. Очевидец этого перехода упомянутый выше Б. Даулбаев рассказывал об изменениях, происшедших в экономической жизни казахов за 50 лет, начиная с 1830 года. Он писал: «С 1853 года, сначала бедные, а потом богатые стали заниматься хлебопашеством... До 1870 года в двух волостях — Дамбарской и Чубарской — было домиков и землянок только 100 штук, а с того времени казахи, как и в других волостях, положительно поняв выгоду постоянных жилых строений, со всевозможной поспешностью занялись устройством для себя домиков и, преимущественно, землянок. Домики и землянки строили для них сначала русские и башкиры, а потом уже казахи и сами научились строить их. Таким образом, в двух этих волостях едва ли найдется до 20 семейств, живущих во время зимы в кибитках. Ныне некоторые старики, проводившие свои цветущие годы во всяких лишениях и в постоянных беспокойствах, с крайним удовольствием восхваляют настоящее положение жизни... В настоящее время образ жизни и характер казахского народа почти совершенно изменились»[2].

Весьма ценный и обширный материал о прогрессивном влиянии русских крестьян-переселенцев на казахских кочевников в конце XIX в. собран экспедицией по исследованию степных областей под руководством Ф. Щербины. Большой интерес представляют ответы казахов на поставленные им статистиками экспедиции вопросы. Например: «Давно ли начал сеять хлеб?». Задаете вы вопрос казаху и всегда слышите в ответ: «Семь или пять лет, с того времени как поселился вблизи крестьянин». —«Какой хлеб вы сеете?»,— спрашиваете вы

[1] Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. Спб., 1900, стр. 201.

[2] *Даулбаев Б.* Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области, с 1830 по 1880 год.— Записки Оренбургского отдела ИРГО, вып. IV. Оренбург, 1881, стр. 114—115.

в другом месте казахов. «Пшеницу русскую и переродку»,— отвечают вам, и тут же поясняют, что «русская пшеница мельче зерном, но скорее поспевает, а переродка не боится головни, крупнее зерном и дает лучшую муку для хлеба».— «А хлеб умеете вы печь?» — осведомляетесь вы дальше.—«Нет, не умеем»,— чистосердечно сознаются казахи. «Хлеб пекут нам крестьянки, а отличать сорта пшеницы научил нас мужик». В третьем месте мужик-переселенец научил казахов, как выбирать зерно для посева. «Купленные семена, рассказывают казахи, мы опускаем, по совету крестьян, в воду. Если зерно при этом пускает из себя пузырьки, то, значит, оно годно для посева, а если семена не дают пузырьков, то они не годятся для посева». В четвертом месте казахи рассказывают о том, что первые пашни для посева выбирал им крестьянин, который учил их не сеять хлеба на низких местах, ибо он может здесь вымокать, не выбирать для посевов также очень высоких мест, так как на них чаще появляется кобылка, а пахать на небольших увалах. Выслушивая все такие рассказы от казахов, точно присутствуешь при живом процессе перехода крестьянских понятий в головы казахов. Живым примером собственного хозяйства, непосредственным участием в выполнении для кочевника земледельческих работ, советами, практическими указаниями, которыми охотно делится русский переселенец, последний втянул уже казаха в круг интересов и понятий земледельца и видоизменил самые взгляды кочевника на значение земли для хозяйства»[1]. Общинно-аульная форма собственности на землю в этих хозяйствах уже сочетается с частной собственностью.

Казахи Туркестанского края, также как и казахи степных областей, переходя к оседлому и полукочевому образу жизни, под влиянием русских переселенцев начали делать запасы сена на своих зимовках и постепенно приобретать русские земледельческие орудия: железный плуг, железную борону, косилку, жнейку, молотилку и т. д.

Русские крестьянские селения оказывали положительное влияние на технику казахского хозяйства. «Так, некоторые из живущих в окрестностях с. Ванновского

[1] *Щербина Ф.* Киргизская народность в местах крестьянских поселений. Спб., 1905, стр. 44—45.

казахи начали пахать такими же железными плугами, какими пашет большинство переселенцев», «у казахов появились превосходные земледельческие хозяйства, совершенно напоминающие по виду и по постановке дела хорошие русские хутора»[1].

Развитие оседлости, земледелия и введение в хозяйство более совершенной техники намного изменили быт полукочевых и оседлых казахов. В 1880 году у зажиточных казахов Кустанайского уезда было значительное количество деревянных усадеб[2]. В Семиреченской области в этот период «у богатого казаха, иногда вы найдете окруженный садом «русский» дом и в нем обычные предметы мещанского достатка: железную кровать, венские стулья, на стене — зеркало, часы и т. д., но живет он все же в юрте и отдыхает летом только на горном джайляу»[3]. У осевших казахов стали частенько встречаться «русские телеги вместо арб, глубокие глиняные, фарфоровые чашки и кружки вместо деревянных ковшей и чашек; в жилищах кочевника попадаются высокие столы, стулья, табуреты, даже лампы и зеркала... Распространяющаяся все дальше и дальше по степи русская оседлость, изменяющиеся условия жизни самого кочевника кладут свой отпечаток»[4].

Существование старой и новой форм собственности на землю среди казахов в конце XIX и начале XX вв. вело к большим осложнениям и острой борьбе. Между кочевниками и осевшими казахами возникали многочисленные земельные споры и конфликты.

На юге Казахстана значительная часть населения оставалась еще при более или менее типичных формах кочевого быта; эти кочевники — «кошпели» продолжали на лето перекочевывать в северные, ковыльные и травяные степи; для них это по-прежнему были летовки, на которые по их убеждению они имели исконное нерушимое право. Но прикочевки их были крайне неудобны

[1] *Кауфман А. А.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края, Спб., 1903, стр. 136.

[2] *Юзефович В.* О быте киргизов Тургайской области.— Русский вестник, т. 146, апрель, 1880, стр. 813.

[3] *Васильев В. А.* Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915, стр. 94.

[4] *Шнэ В.* Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области.— Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО, кн. XVII, вып. I, 1894, стр. 17—18.

для северных осевших и полуосевших сородичей. Они совершали потравы хлебов, сенокосов и призимовочных пастбищ. Вместо прежней безграничной свободы кочевать как угодно и куда угодно, для приходящих с юга «кошпелей» отводили определенные летовки, определенные водопои, определенные пути для прохода к летовкам. Но кочевники с этим не могли мириться, они не соблюдали ни формальных, ни хозяйственных границ. Отсюда, возникали столкновения, разрешаемые вмешательством колониальной власти.

Кочевавшие в начале XX века казахи Уральской и Закаспийской областей жаловались «на возникающие в последнее время стеснения на северных летовках, особенно в Актюбинском уезде; они же и казахи, перешедшие к земледелию,— на вытравливание покосов, покосной степи, а также и посевов стадами адаевцев. Адаевцы жалуются на распространение сенокошения и посевов, стесняющих пользование пастбищами и водопоями. На почве неурегулированности землепользования возникают острые столкновения, пагубно отражающиеся на благосостоянии как местных казахов, так и кочевников»[1]. Это было явным выражением противоречий и конфликтов, возникших между различными типами хозяйства с различными формами земельных отношений.

Земельный спор имел более глубокий и более выраженный классовый характер, когда он происходил между полукочевниками одной и той же волости или административного аула, хотя и здесь он облекался в форму борьбы между скотоводами и земледельцами. Разрешение подобного характера земельных споров уже не регулировалось древним обычным правом кочевников. «Все основано на захвате по праву сильнейшего, и в этом отношении на стороне скотоводов всегда перевес... При таком положении вещей, в интересах проведения в казахскую степь высшей культуры и в целях защиты земледельцев-казахов от казахов-скотоводов, должен быть выдвинут на первую очередь вопрос об урегулировании прав на землю вообще и, в частности, на пахотные земли казахов-скотоводов»[2].

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию... Темирский уезд. Оренбург, 1910, стр. 228.

[2] *Чиркин Г. Ф.* Положение переселенческого дела в Семиречье. Спб., 1908, стр. 83, 84.

В первом томе романа «Абай» М. О. Ауэзов с глубоким знанием и большим мастерством описал картину насилия со стороны старшего султана Кунанбая Иргизбаева (отца поэта Абая) над более слабыми родоправителями и родами связанного с отбором у них зимовок. Это происходило во второй половине XIX века в полукочевом Каркаралинском внешнем округе.

Академик В. В. Радлов, как известно, старался свести форму земельных отношений в полукочевых и оседлых казахских аулах в конце XIX века к форме землевладения у так называемых «кочевников» различных исторических эпох и мест, опираясь на материалы, характеризующие особенности быта, организации хозяйства и форм землевладения и землепользования у полукочевых, а не кочевых, казахов Семипалатинской области в 90-х годах XIX века. Такая концепция была характерна для В. В. Радлова, как типичного буржуазного ученого. «Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы»[1]. Образ жизни северо-восточных полукочевых и оседлых казахов в конце XIX столетия, когда уже прошло 70 лет со времени управления этими казахами по Уставу М. Сперанского и уже среди них орудовали многочисленные полупомещики в лице старших султанов, волостных управителей, волостных биев и аульных старшин, акад. Радлов рассматривал как искони данный, существовавший еще с глубокой древности, а не как продукт исторического развития, возникший в результате присоединения казахских жузов к России.

К сожалению, в этом отношении нельзя согласиться и с мнением С. И. Руденко, считающего форму землевладения, существовавшую у казахов северо-восточной части Казахстана в 90-х годах XIX столетия, древним и пережиточным явлением. Он пишет: «Мы вправе обратиться и к этнографии, к пережиточным чертам общественной организации киргизов и казахов прошлого века, которые могут помочь полнее понять жизнь древних горноалтайцев... У казахов, например, каждое такое племя и каждый род владели вполне определенной территорией, причем каждая семья имела точно определенное место для зимовки. Границы этих участков были хо-

[1] *Ленин В. И.* Соч., т. I, стр. 137 (сноска).

рошо известны всем родственникам и соседям и находились под защитой рода. В то время как участки зимовок были распределены между отдельными семьями, точнее между главами семей, места летних стоянок были общим достоянием рода»[1]. Эта характеристика верна и вполне соответствует тому, что имело место у большей части казахов, ведших в конце XIX века полукочевой образ жизни. Но она абсолютно неправильна, когда речь идет об адекватности такой формы землевладения землевладению населения Горного Алтая в скифское время. Форма землевладения, о которой говорит С. И. Руденко, была не древним, пережиточным явлением у полукочевых казахов, а новым, возникшим в процессе присоединения казахских жузов к России.

Спрашивается, была ли старая или пережиточная форма землевладения у казахов в этот период? Да, была. Она имела место у казахов центральной, юго-западной и южной частей Казахстана. Там кочевали большие родовые группы: Адай, Табын, Шекты, Шомекей, Кете, Баганалы, Тама и др. в Муюн-Куме, Бетпак-Дале, Кызыл-Куме, Приаральском Кара-Куме, Больших и Малых Борсуках, Мугоджарах, на Усть-Урте и в степях Гурьевского, Темирского, Иргизского, Тургайского, Атбасарского, Акмолинского, Казалинского, Перовского и др. уездов. Причем круглогодичное кочевание казахов в конце XIX века было пережиточным явлением не по отношению к форме кочевого хозяйства у древних скифов или алтайцев, а по отношению к форме кочевого хозяйства, которая сложилась и существовала у самих казахов на территории Казахстана после распада Золотой орды в XV—XVIII вв.

В данном случае у С. И. Руденко и др. новое прогрессивное явление в жизни казахских кочевников рассматривается как старое пережиточное. Тем самым ими полностью сбрасываются со счетов все прогрессивные социально-экономические сдвиги, которые произошли в результате добровольного присоединения казахских жузов к России.

Не приходится сомневаться в том, что в конце XIX века среди казахов Семипалатинской области преобла-

[1] *Руденко С. М.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953. стр. 256—257.

дал полукочевой тип хозяйства и медленно совершался переход к полному оседлому образу жизни. Н. Коншин отмечает, что многие казахи Семипалатинской области к этому времени «уже покинули полукочевой образ жизни», «сделали земледелие своим главным занятием» и «уже перешли к оседлому образу жизни»[1].

Забвение того, что исторический процесс перехода к оседлости казахских родоплеменных групп конца XVIII и начала XIX вв. был, как показано выше, прогрессивным процессом, возникшим в связи с добровольным присоединением казахских жузов к России, привело отдельных авторов к явно неправильному объяснению истории оседания казахского народа. А. Б. Турсунбаев, например, считает, что «основным толчком к переходу казахского населения в Акмолинской, Тургайской, Уральской и Семипалатинской областях к земледелию было массовое изъятие казахских земель в переселенческий фонд, сокращение пастбищ, особенно усилившееся в период столыпинской реакции, когда переселенческое движение крестьян принимает небывалый размах. Лишенные пастбищ и даже своих зимовок, бедные слои казахского населения вынуждены были переходить к оседлому земледелию, чтобы прокормить семью»[2]. «Оседлое земледельческое хозяйство вырастало поэтому из тех социальных групп, которые больше теряли свой скот и переходили в число бедняков... Следовательно, вынужденное оседание и связанное с ним усиление перехода к земледелию есть признак обеднения»[3].

Принципиальная ошибка А. Б. Турсунбаева состоит в том, что она заведомо исходит из неверной предпосылки: якобы Казахстан вплоть до периода столыпинской реакции (1907—1916 гг.) был краем почти сплошного кочевого скотоводства и что только массовое изъятие казахских земель в переселенческий фонд привело к обеднению и оседанию казахского населения. Связывать оседание и сопутствующее ему земледелие у каза-

---

[1] *Коншин Н.* Земледелие и хлебная производительность Семипалатинской области. В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год. Семипалатинск, 1898, стр. 14.

[2] *Турсунбаев А. Б.* Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950, стр. 83.

[3] *Турсунбаев А. Б.* Великий перелом в сельском хозяйстве Семиречья. Алма-Ата, 1950, стр. 20—21.

хов только с их обеднением значит воспроизводить старую ошибочную теорию, основанную на отождествлении издревле существовавшего в казахском кочевом обществе джатачества[1] с действительным оседанием — отрыкшылык[2] — кочевых скотоводов.

Джатачество как результат внезапного разорения части населения от джута или войны — неустойчивое, непрочное и эпизодическое оседание кочевников в небольшом количестве около озер и рек в прежние времена, задолго до присоединения казахских жузов к России. Джатачество того периода было ничтожным придатком кочевого скотоводства и целиком определялось существовавшими тогда экономическими и политическими условиями жизни кочевого общества[3]. Вряд ли оно могло способствовать дальнейшему развитию производительных сил. Джатаки на свой образ жизни смотрели как на временное, обусловленное только лишь «несчастным» случаем явление. Поэтому джатачество казахов до принятия ими подданства России было символом несчастья и нищеты, а не оседанием, связанным с ломкой старой кочевой скотоводческой системы хозяйства и старого образа жизни. Джатаки того времени жили постоянной надеждой вернуться к своей прежней кочевой жизни, покончить с одиночеством, быть вновь в среде родственных им кочевников. При первой возможности они снова переходили от оседлости к кочеванию, забросив все, что было связано с временным земледелием. Джатачество, таким образом, еще не означало оседания кочевников.

«Джатаки — казахи, переставшие кочевать вследствие недостатка необходимого для перекочевок скота.

---

[1] Термин «джатак», или «ятук», впервые упоминаемый в XI в. Махмудом Кашгарским, но доживший до XX в. в казахском ауле, означал «оседлый бедняк, не имеющий скота для кочевания». (Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 247).

[2] «...русскому слову оседлый более соответствует употреблявшийся в середине века (XIX — *С. Т.*) термин ортыкши — «сидящий». (Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 120).

[3] «Джатаки... именно люди, выбитые из колеи исконного строя казахской жизни». (Коншин Н. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние. В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г., стр. 43.).

Это казахский пролетариат — продукт разложения кочевого хозяйства. Главнейшая причина джатачества,— так называемый «джут»— гололедица, от времени до времени поражающий степь и обездоливающий массу казахского населения. Вначале джатачество является состоянием, из которого каждый казах стремится выбиться при первой возможности»[1]. Здесь подчеркнута лишь одна причина джатачества — джут. Но кроме этого, оно было и результатом разбоя и грабежа. «Труд, задавленный, парализованный аристократическими родовыми условиями и войною[2], был уделом одних только «игенчей», этих париев казахского общества, и доселе не везде освободившихся еще от полурабского закрепощения, в каком они жили до русского завоевания; он был презираемым, подневольным ремеслом одних кочевых пролетариев»[3]. Например, в южных районах Казахстана, где существовала полная кочевая система хозяйства вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, было известно, что «каждый игинчи только и мечтает о том, как бы обзавестись скотом да променять пашенную работу на кочевую жизнь пастуха, и каждый, кому удается разжиться скотом, тот же час бросает земледельческий промысел»[4].

Еще в недавнем прошлом, в конце XIX и начале XX вв., лишенный скота и вынужденный заниматься земледелием ради куска хлеба казах в местах, где преобладало кочевое население, тем не менее «ежегодно

---

[1] *Владимирский В. Я.* К вопросу о переходе казахов в оседлое состояние.— Отчет ИРГО за 1901 год. Спб., 1902, стр. 39.

[2] В 1848 году после постройки укрепления Раим, «раннею весною хивинцы сделали на низовья Сыра сильный набег. Они напали преимущественно на шектинцев и туркаринцев, как говорят, в отомщение за допуск ими русских к Раиму, и за помощь при постройке укрепления. Захваченные врасплох шектинцы были разграблены самым жестоким образом. В следующую зиму набег повторился с теми же последствиями, шектинцы из сильного и богатого рода первенствовавшего в низовьях р. Сыр, в два-три года превратились в бедняков и почти в полном своем составе принуждены были перейти в разряд игенчей, осев в низовьях реки (теперь волости Раимская, Чибендинская, Костамская и др.)». (Смирнов Е. Т. Задичавшая страна. В кн.: Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, вып. IV. Ташкент, 1895, стр. 9).

[3] *Кауфман А. А.* К вопросу русской колонизации Туркестанского края. Спб., 1903, стр. 133—134.

[4] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 3 936, св. 519, л. 3.

снимается со своих пахотных полей, в которых вся основа его благосостояния, и по старой памяти откочевывает в степь... Неудивительно, что при подобных условиях «джатак» или «игенчи» (пахарь) в степях Средней Азии — являются почти синонимами нищего»[1], а не земледельца в полном смысле этого слова. Одной из характерных черт казахского джатачества на всем протяжении его существования в кочевом обществе было то, что джатаки, хотя и являлись временными хлебопашцами, но эксплуатировались патриархально-феодальными кочевыми скотовладельцами не путем надела их землей, а рабочим и молочным скотом. Орудием их эксплуатации служила, таким образом, не земля, а скот.

В процессе присоединения казахских жузов к России, когда уже во многих районах Казахстана появились полукочевой и оседлый типы хозяйств, связанные с сенокошением и земледелием, джатаки стали переходить к прочной оседлости, но в кочевых районах, в особенности в полупустынных и сухостепных зонах, оно еще продолжало сохранять свои древние черты.

В конце XIX и начале XX вв., главным образом в южной и юго-западной частях Центрального Казахстана, всюду, где только местность допускала возможность искусственного орошения, обедневшие казахи-игенчи или джатаки устраивали свои поля и принимались за земледельческую культуру. Обыкновенно эти бедняки были батраками богатых скотоводов, которые за труд снабжали их необходимыми примитивными орудиями, давали им в пользование одного или несколько молодых бычков или волов для обработки поля, разъездов верхом и в арбе, корову и несколько овец, затем отпускали на посев семена, а для жилья старую, рваную и прокопченую юрту, словом, давали все необходимые средства для самостоятельной жизни вблизи возделанных полей[2]. За все это джатаки отдавали богачам значительную долю урожая и заготовляли им сено на их зимовках.

---

[1] *Островский В.* Киргизы-земледельцы.— Туркестанские ведомости, 1897, 25 ноября.

[2] *Шмидт Ю.* Голодная степь, или пустыня Бетпак-Дала и Чуйская долина.— Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО, кн. XVII, вып. 1 и 2, 1894, стр. 125.

На юге и в юго-западной части территории Казахстана, где земледелие было мало развито, оно по-прежнему было промыслом «бедных, не имеющих достаточных стад для выгодного занятия скотоводством»[1]. Но было бы неправильно так утверждать относительно тех оседлых и полукочевых районов Казахстана, где земледелием в более значительных размерах занимались и осевшие казахские богачи — баи.

Однако надо иметь в виду, что при всех тяжелых условиях жизни бедные джатаки южных районов, подвергавшиеся более жесткой патриархально-феодальной эксплуатации, имели более интенсивное хозяйство, чем круглый год кочевавшие в пустынных и сухостепных просторах баи. Такие баи, имея самое примитивное кочевое хозяйство и ведя более отсталый, чем джатаки, образ жизни, были наиболее отсталыми элементами в предреволюционном Казахстане. Поэтому джатаки говорили: «Чем быть беспомощным среди кочевников, лучше быть сильным среди осевших»[2].

В новое время широко применяли издольщину среди типичных джатаков на юге Казахстана и капиталистические элементы, приобретавшие в частную собственность оросительные арыки (тоганы). По свидетельству Л. Чермака, в 1885—1888 гг. прибывшие с севера на низовья реки Чу богатые купцы из аргынцев ввели не известный до них населению посев исполу. Эти собственники тогана — оросительной канавы — стали выступать и владельцами орошаемой земли.

Итак, джатачество и отрыкшылык — не одно и то же. Отрыкшылык — это процесс прочного оседания, вносивший коренные изменения в характер материального производства. Неправильное толкование действительного процесса оседания казахов (отрыкшылык) и отождествление его с джатачеством равносильно отрицанию развития оседлости у казахов в дореволюционный период их истории.

Как уже показано нами, оседание казахов в северо-западных, северных и северо-восточных районах Казахстана происходило в конце XVIII и начале XIX вв. це-

---

[1] *Кауфман А. А.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Спб., 1903, стр. 142.

[2] Көшпелі елдің қоры болғанша, отырықшының зоры бол.

лыми родоплеменными группами в острой межродовой и классовой борьбе. Оседали богатые скотовладельцы. «Исследователи казахского быта в 60 годы (XIX в.) отмечают уже усилившееся стремление к занятию земледелием не только со стороны бедных, лишенных стад казахов, как это было раньше, но и у богатых, как самостоятельный промысел»[1]. «Садятся на землю не одни только разорившиеся казахи. Необеспеченность скотоводческого хозяйства заставляет переходить к земледелию и казахов еще не разорившихся»[2].

В годы столыпинской реакции во всех земледельческих районах Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей существовал значительный слой казахского байства, который мало чем отличался от крупных русских кулацких хозяйств. О таких казахских баях идет речь, когда читаем: «Среди состоятельных казахов нередко встречаются такие, которые засевают хлебами целые сотни десятин»[3].

Мы уже говорили, что царское правительство в свое время поощряло оседание казахов. Но после завершения присоединения Казахстана к России, особенно в эпоху империализма, оно свою политику изменило. Оно стало препятствовать оседанию казахского населения, шло на прямое разрушение очагов оседлости в целях увеличения за счет этого земельного фонда для устройства кулацких элементов, переселяемых из Центральной России. «Результаты этой политики — постепенное вымирание вытесняемых в дебри местных коренных жителей (киргизы, башкиры)»[4]. Поэтому X съезд РКП(б) в отношении этих жителей решил «помочь им всеми силами и всеми средствами сбросить с плеч кулаков-ко-

---

[1] *Кранихфельд В. П.* Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде. В кн.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год. Саратов, 1898, стр. 92.

[2] *Шкапский О.* Некоторые данные для освещения киргизского вопроса.— Русская мысль, 1897, № 7, стр. 38.

[3] *Гонтарев А. Ф.* Описание естественноисторических условий Западного района Актюбинского уезда — Первой Буртинской, Илекской, Тузтюбинской и Хобдинской волостей. В кн.: Очерки естественноисторических условий по волостям Актюбинского уезда. Оренбург, 1915, стр. 58.

[4] Резолюция и постановления десятого съезда. В кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I. М., 1953, стр. 561.

лонизаторов и обеспечить им, таким образом, пригодные земли, необходимые для человеческого существования»[1]. Факты вымирания замечались главным образом среди той части казахского народа, которая тогда еще в бесплодных пустынях и полупустынях продолжала вести кочевой образ жизни.

Помещики и капиталисты и их аппарат насилия были не только угнетателями русских крестьян и рабочих, но вместе с казахскими полуфеодалами и казахских трудящихся. Поэтому нельзя отождествлять русских трудящихся с их угнетателями, на что не раз указывал В. И. Ленин. Но не так это понимает А. Турсунбаев. Он пишет: «В усилении экономических и классовых противоречий в Семиречье не последнюю роль сыграло противоречие между пришлым русским населением и трудящимися массами коренного населения»[2]. «В 1918 г. Центральный Исполнительный Комитет Туркреспублики издал декрет о национализации земли. Но осуществлению этого декрета препятствовало противоречие между коренным населением и пришлым русским, украинским, населением»[3].

Как видно, ошибка данного автора состоит в том, что противоречие между казахскими трудящимися и русскими кулаками-колонизаторами он рассматривает как противоречие между казахским и русским, а также украинским народами в целом. Такая ошибка неизбежно приводит к отрицанию исторически сложившейся дружбы между русским, украинским и казахским населением, живущим на территории Казахстана.

Известно, что под тяжелым гнетом царского самодержавия находились все народы России и в первую очередь сам великий русский народ. Об этом в своей знаменитой работе «Задачи русских социал-демократов» в 1902 году В. И. Ленин писал: «Против всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тунеядствующего русского чиновничества

---

[1] Резолюция и постановление десятого съезда. В кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I. М., 1953, стр. 561.

[2] *Турсунбаев А. Б.* Великий перелом в сельском хозяйстве Семиречья. Алма-Ата, 1950, стр. 27.

[3] Там же, стр. 33.

восстановлены весьма многочисленные и самые разнообразные слои русского народа»[1].

В совместной жизни русского, украинского и казахского народов исторически сложилась братская дружба и взаимная помощь в борьбе с общими угнетателями. Еще задолго до революции один из трудовых русских интеллигентов, работавший в Переселенческом управлении в Казахстане, Т. Седельников очень просто, замечательно выразил общность коренных интересов трудящихся всех народов России. Он писал: «Взявши в свои руки власть и распорядок в государстве, ныне сам угнетенный и бесправный русский народ может смело сказать казахам, как и всем другим иноплеменникам в России: «Пока мне было плохо, плохо было и вам; но теперь, когда я стал свободен, и вы все будете свободны и всем вам будет хорошо»[2]. В годы гражданской войны славный пролетарский полководец М. В. Фрунзе, обращаясь к трудящимся казахам Уральской области писал: «Что же несет вам Советская власть? Прежде всего она приносит вам братскую помощь рабочих и крестьян России. Мы, представители трудовой России, смотрим на вас как на наших братьев, на наших друзей. Мы не допустим, чтобы вас обижали, чтобы отнимали ваши земли, обрекали на муки голода. Мы поможем вам прогнать ваших буржуев, ваших досмухамедовых, которые уселись на шее казахской бедноты и думают праздновать победу. Мы поможем вам сначала в каждой волости, а затем для уездов и для всей области создать Советы трудового казахского населения. Мы поможем этим Советам немедленно приняться за работу по улучшению вашего быта, по поднятию ваших знаний»[3].

Программа революционного преобразования общественно-экономической жизни казахского народа полностью осуществилась. В Казахстане торжествует ленинская национальная политика Коммунистической партии Советского Союза.

---

[1] *Ленин В. И.* Соч., т. 2, стр. 313.

[2] *Седельников Т.* Борьба за землю в киргизской степи. Спб., 1907, стр. 79.

[3] В кн.: Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской АССР. Алма-Ата, 1947, стр. 153.

* * *

В предреволюционном Казахстане существовало три типа экстенсивно-пастбищного скотоводства: кочевое, полукочевое и оседлое. Они резко отличались друг от друга по уровню своего развития и по форме землевладения и землепользования. Незнание этих трех типов скотоводства многих дореволюционных исследователей Казахстана и Средней Азии да и других стран приводило к тому, что они всякое пастбищно-экстенсивное скотоводство определяли только как кочевое скотоводство. Это серьезно мешало правильному разрешению научной проблемы, связанной с историей и экономикой кочевого общества.

Абстрагирование от различных типов пастбищно-экстенсивного скотоводческого хозяйства, существовавшего у многих отсталых скотоводческих народов Сибири, Алтая, Казахстана и др., имеет свою историю. Оно нашло свое отражение еще в законах царского правительства таких, как «Высочайше утвержденный Устав об управлении инородцев» и «Высочайше утвержденный Устав о сибирских киргизах (казахах)» от 22 июля 1822 года. По этим законам указанные народы разделялись на группы: оседлых, кочевых и бродячих. К оседлым относились те, которые жили в городах и селениях, занимаясь земледелием и скотоводством; к кочевым относились те, которые совершали перемены места жительства в течение года с целью смены пастбищ.

В данном случае полностью исключались из поля зрения почвенно-климатические условия и обширность территорий, где происходит кочевание, виды разводимых животных, количество и дальность кочевых передвижений в течение года, существование постоянных зимовок, отграничение своей территории от территории ближайших соседей, регламентация использования пастбищ данной группой населения по временам года и, наконец, существование сенокошения и хлебопашества. Поэтому многие оседлые или полукочевые скотоводы в дореволюционной России неправильно были отнесены к категории «кочевников». Так, в работе С. П. Швецова читаем: «Калмыки (алтайцы) принадлежат к категории кочевых инородцев, хотя значительная их часть... ведет вполне оседлый образ жизни, не принадлежа, однако, к осед-

лым инородцам в том смысле, как это понимается нашим законодательством»[1].

В частности, такое понимание хозяйственной жизни казахов находилось в согласии с колонизаторской политикой царизма. Реакционные чиновники Переселенческого управления сознательно зачисляли все казахские хозяйства в «кочевые» для того, чтобы оправдать политику царизма, направленную на изъятие земель оседлых и полукочевых хозяйств казахского населения в фонд Переселенческого управления. Вот почему в непригодных для образования переселенческих участков пустынных районах таких, как Казалинский и Перовский уезды оседлого казахского населения на бумагах Переселенческого управления было больше, чем в предгорных и удобных для образования переселенческих участков земледельческих районах таких, как Лепсинский, Капальский и Верненский уезды Семиреченской области. Переселенческое управление во всех своих официальных документах сознательно игнорировало все признаки землепользования, присущие полукочевым и оседлым хозяйствам.

В действительности же, даже по тенденциозно преуменьшенным данным того же самого Переселенческого управления (по материалам первого статистического обследования казахского землепользования в 12 уездах Степного края в 1896—1900 гг.), оседлого казахского населения было: в Акмолинской области 45%, в Уральской — 34,5%, в Семипалатинской — 13,8% и в Тургайской — 8,9%, а во всем Степном крае — 27,8%. Повторное статистическое обследование землепользования у казахов Степного края, сплошное статистическое обследование туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области (1911—1913 гг.) и статистическое обследование казахского землепользования в Сыр-Дарьинской области Туркестанского края в 1906—1913 гг. повсеместно показали дальнейший рост оседлости казахского населения. В этих обследованиях применялся тот же самый метод определения оседлости казахов, которым пользовались при первом статистическом обследовании, что явно искажа-

[1] *Швецов С. П.* Примитивное земледелие на Алтае.— Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО, кн.: XXVII. Омск, 1900, стр. 2.

ло действительное положение. Но даже эти искаженные данные говорят о том, что удельный вес оседлого населения в начале XX века среди казахов был большим. Например, в 1906 году в юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области процент некочующих хозяйств составлял 83,35%, в Перовском уезде в 1910 году — 61,18%, в Казалинском уезде в 1911 году — 57,14%, в Аулиэ-Атинском уезде в 1907—1909 гг.— 49,9%; в Лепсинском уезде Семиреченской области процент некочующих хозяйств в 1909 году составлял 28%, в Капальском уезде в 1910 году — 28,19% и в Верненском уезде в 1911 году — 15,3%.

Нельзя считать правильным отнесение статистиками Переселенческого управления к категории кочевых хозяйств такие, которые переходили от зимовки на джайлау, совершая только однодневное или двухдневное кочевание. Именно такой характер имели кочевания казахов Омского, Петропавловского, Кокчетавского, Павлодарского, Кустанайского, Актюбинского, Уральского, Усть-Каменогорского и ряда других уездов. По существу это не было кочевое хозяйство, которое господствовало в Казахстане в XV—XVIII вв. и в пустынной и сухостепной зоне еще в конце XIX и начале XX вв.

Факты показывают, что пастбищно-экстенсивное скотоводство в различных экономических и природных условиях приобретало признаки, характеризующие тот или иной тип хозяйства.

Известно, что еще в XIX веке более ста миллионов жителей Азии и Африки занимались исключительно экстенсивным пастбищным скотоводством в самых различных его формах и находились в той или иной степени в кочевом или полукочевом состоянии.

В Азии к скотоводческим народам относилась часть арабских и турецких племен, иранские курды, монголы; в Российской империи, помимо оленеводов и охотников, к скотоводам в основном относились дагестанцы, буряты, якуты, калмыки, туркмены, киргизы и казахи. Все эти скотоводческие, в известной мере кочевые или полукочевые народы, отличались друг от друга как по ведению своего хозяйства, так и по формам землевладения. В частности, в XIX веке в различных частях Азии и Африки существовали три типа пастбищно-экстенсивно-

го скотоводства, обусловленные конкретно сложившимися экономическими и почвенно-климатическими условиями. Эти три типа скотоводства, как сказано выше, существовали и в Казахстане[1].

Многочисленные работы дореволюционных авторов, изучавших общественно-экономическую жизнь казахского народа, также подтверждают вышесказанное. Прав был Т. И. Тихонов, когда писал: «Казахское хозяйство в различных местностях степного края далеко не одинаково. Количество пастбищ и покосов, способы пользования ими, качественный и количественный состав стад, техника скотоводства, земледелия и промысла,— все это складывается в самых разнообразных сочетаниях. Сравнивая между собою различные формы казахского хозяйства, нетрудно убедиться, конечно, что они представляют собой целый ряд переходных ступеней от чисто кочевого склада жизни, сохранившегося в южных частях Акмолинской и Семипалатинской областей, к полуоседлому, который можно наблюдать, например, в иртышских волостях Павлодарского уезда или у казахов-арендаторов бельагачской степи»[2]. Об этих различных типах пастбищно-экстенсивного скотоводства, существовавших в дореволюционном Казахстане, писал в ряде своих работ Л. К. Чермак. Он правильно понимал, что «хозяйство казахов на громадной территории не представляет чего-нибудь однообразного, а, напротив, отличается крайним разнообразием в зависимости от естественных условий и экономических причин»[3].

Такая пестрота в экономической жизни казахского народа показывала наличие больших сдвигов, которые произошли в процессе и после добровольного присоединения казахских жузов к России. Факты говорят, что до

---

[1] По материалам предварительного районирования Казахстана в 1923 году, его население (без Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей) распределялось по трем районам: земледельческому, полуземледельческому и скотоводческому. «Две основных системы хозяйства представлены в республике: скотоводственная и зерновая. Между той и другой наблюдается переходный тип — полуземледельческого хозяйства, с уклоном к земледелию, или к скотоводству» (Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической Республики. Оренбург, 1923, стр. 150).

[2] *Тихонов Т. И.* Хозяйственный быт киргизов Степного края.— Тургайские ведомости, 1911, 10 марта.

[3] Сибирские вопросы. 1908, № 22—24, стр. 30.

начала XVIII века, то есть «до занятия берегов Сыра казахи Малой и Средней орд и поколение Кунград Большой орды не имели никакого понятия о земледелии и вообще об оседлой жизни. Эти племена искони века вели исключительно кочевой образ жизни и с нескрываемым презрением смотрели на оседлый земледельческий быт, делавший, по их понятиям, из вольного человека степей раба земли и дома»[1]. Установлено, что «более общее землепользование соответствует более примитивному хозяйству и наоборот: чем хозяйство ближе к типу оседлого, тем землепользование более обособлено и закреплено даже за мелкой группой»[2].

Исторический процесс появления различных типов скотоводческого хозяйства в дореволюционном Казахстане верно оценен многочисленными дореволюционными исследователями. П. Хворостанский писал: «Атбасарский уезд дает самый яркий образчик истории развития хозяйственных форм и землепользования: в южной части его сохранилось почти в чистом виде первобытное кочевое хозяйство, на севере значительная часть хозяйств перешла к оседлой жизни, а в средней части стоит на переходной ступени»[3]. То же самое многократно и на конкретных примерах подчеркивал Л. К. Чермак. Он в 1912 году отмечает, что и в настоящее время мы можем видеть на обширном пространстве казахских степей различные стадии развития форм землевладения, «начиная от свободного пользования известного рода пастбищами, крупными родовыми группами, разбросанными на пространстве нескольких уездов, до исключительного права одного хозяина на его клочок пастбища, доставшегося от предков, или купленного у другого»[4]. На основе собранных им фактов В. Я. Владимирский в своем докладе на собрании членов ИРГО 28 марта 1902 г. говорил, что

---

[1] *Смирнов Е. Т.* Задичавшая страна. В кн.: Сборник материалов для статистики. Сыр-Дарьинская область, т. IV. Ташкент, 1895, стр. 6—7.

[2] *Хворостанский П.* Киргизский вопрос в связи с колонизацией.— Тургайская газета, 1906, 19 марта.

[3] *Хворостанский. П.* Киргизский вопрос в связи с колонизацией.— Вопросы колонизации, 1907, № 1, стр. 65.

[4] *Чермак Л. К.* Киргизское хозяйство в Степном крае. Район ж. д. Петропавловск — Спасский завод в экономическом отношении. Спб., 1912, стр. 234.

скотоводческое хозяйство в различных районах казахской степи отличается весьма разнообразными формами. Он охарактеризовал существенные отличия между тремя типами казахского хозяйства: баганалинских казахов, живущих на юге Атбасарского уезда, баян-аульских казахов Павлодарского уезда и прииртышских казахов того же уезда[1].

Группа статистиков под руководством хорошо изучившего юго-западную часть Казахстана агронома Б. Скалова констатировала в начале XX века: «Как можно убедиться по статистическим материалам, основы и порядки землепользования находятся в зависимости, главным образом, от размеров и качества угодий территории, занятой той или иной группой казахов, затем,— от высоты хозяйственной культуры населения, представляющей в данный момент все степени от кочевого скотоводческого до оседлого земледельческого хозяйства. Сообразно с изменениями хозяйственного быта, условия землепользования могут быть приурочены к трем главнейшим фазам: 1) кочевое пастбищное скотоводство, 2) оседлое скотоводство со стойловым содержанием скота в зимнее время на сене, 3) скотоводческо-земледельческое хозяйство. Само собою разумеется, в данное время все эти фазы с переходными ступенями и не резкими отличиями наблюдаются в разных местах одновременно»[2].

О существовании трех типов хозяйств говорится также в материалах экспедиции Академии наук СССР в 1926 году, изучавшей Мангышлак. «История кочевого хозяйствования в северных уездах на наших глазах уже прошла такие стадии: настоящее кочевое хозяйство, полукочевое хозяйство с зимним тебенем части скота (главным образом лощадей) и с небольшими заготовками сена, полукочевое скотоводческо-земледельческое с заготовками сена и без зимнего тебеня. Несомненно, в черноземных уездах дальнейший эволюционный путь казахского хозяйства пойдет по линии увеличения земледелия за счет сокращения экстенсивного скотоводства, то есть

[1] Отчет ИРГО за 1901 год. Спб., 1902, стр. 37.

[2] Очерк работ Тургайско-Уральской Переселенческой организации. Оренбург, тип. Яковлева, стр. 67 (на титульном листе нет года издания).

придет к тому же, к чему уже давно пришли уезды темно-каштановой почвенной зоны»[1].

Все эти данные с достаточной убедительностью говорят о существовании трех типов экстенсивного скотоводства в дореволюционном Казахстане.

К первому типу экстенсивно-пастбищного скотоводства относилось чисто кочевое. Оно характеризовалось тем, что хозяйства этого типа кочевали круглый год. Местом постоянного обитания их в основном являлись пустыни, полупустыни и сухие степи, главным образом, полынные с большим количеством солончаков и «такыров». Растительный покров этих мест был весьма беден и малоустойчив. Такие места могли быть использованы в качестве пастбища только кратковременно.

«Для чисто кочевого типа естественные признаки, то есть почвы, атмосферные осадки, водные источники, не благоприятствуют развитию земледелия. Экономические признаки, какими являются кочевание на далекое расстояние, отсутствие или незначительное распространение сенокошения и почти полное отсутствие крупного рогатого скота, а также отсутствие земледельческой культуры, в полной мере определяют кочевое ведение хозяйства. В этих районах население не имеет постоянных жилищ»[2].

Скотоводы здесь не имели закрепленных за собою определенных осенних, зимних, весенних и летних кочевий. «Чистые кочевники не знают даже деления пастбищ на зимние и летние: одни летуют там, где другие зимовали, особенно стрижку овец (кузем) производят смотря по погоде, один год на одном урочище, другой — верст за 200—300 от первого»[3]. Такого типа хозяйства даже в конце XIX и начале XX вв., не говоря уже о XV—XVIII вв., существовали в большом количестве в бывших Атбасарском, Перовском, Казалинском, Темирском и Мангышлакском уездах Казахстана. Они кочевали на большие расстояния, измеряемые тысячей и

---

[1] Материалы экспедиции АН СССР 1926 года. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда, вып. 13, Л., 1928, стр. 94.

[2] Постановление СНК КАССР об установлении кочевых, полукочевых и оседлых районов Казахстана от 30 августа 1928 года.— Народное хозяйство Казахстана, 1928, № 8, стр. 123—124.

[3] *Хворостанский П.* Киргизский вопрос в связи с колонизацией.— Вопросы колонизации, 1907, № I, стр. 65—66.

более километров в один конец, весной на север, осенью на юг по меридиональному направлению. На зиму останавливались в бугристых песках больших массивов (Приаральские Кара-Кумы, Малые и Большие Борсуки, Муюн-Кумы, Кызыл-Кумы, Плато Устюрт и др.). Стада состояли преимущественно из овец, верблюдов и отчасти табунных лошадей. Все виды пастбищ, естественный водопой, снежный покров, «коны» и старые колодцы использовались «в своей первичной неограниченности». На такой обширной территории любой скотовод мог останавливаться на любом месте в любое время года. Тот, кто прибыл первым, занимал то место, которое ему понравилось. Споры могли возникнуть в особо критических случаях, когда два представителя — «кошбасши» двух разных аулов почти одновременно являлись к нужному для них месту. Таким местом могли быть старые колодцы, когда не было снега, или «коны», когда был снег и стоял мороз. Споры разрешались патриархальным способом. «Если один из спорящих бий, а другой известный в целом роде аксакал, старейшина, то уступка делается в пользу последнего. Если спор происходит между бием и простым казахом, то спорное место остается за первым. Если спорящие простые люди, то уступка делается старшему летами. Этому же следуют при столкновениях двух биев, двух аксакалов. При равенстве спорящих принимается в соображение старшинство рода или отделения»[1]. Из этого С. Зиманов делает вывод: если при споре между бием и простым казахом уступка делалась первому, то это означает, что бий был собственником земли. «Это правило отражает своеобразную систему феодального вассалитета в казахском обществе»[2].

Если согласиться с таким мнением С. Зиманова, то тогда как понять, почему бий делал уступку аксакалу, старшему по возрасту? А, при споре между двумя простыми казахами, почему же уступка делалась старшему по возрасту? Или же, при столкновении двух биев или двух аксакалов одинакового возраста, почему в соображение принималось старшинство рода или отделения?

[1] *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт, т. I. Ташкент, 1889, стр. 111.

[2] *Зиманов С.* О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов.— Вопросы истории, 1955, № 12, стр. 63.

На такие вопросы С. Зиманов не отвечает и ответить не может, так как эти вопросы не могли бы возникнуть при существовании монопольного права феодала-землевладельца. Очевидно, ответы на все эти вопросы кроются в том, что среди казахских кочевников никакой частной собственности на землю не было. Иначе невозможно объяснить такой порядок занятия места временной остановки аула: «Разведчик (кошбасши — *С. Т.*), находя новое место, например, колодезь, незанятым, оставит около него знак (бельги), копье или вещь, или чертит на земле тамгу или связывает пучком высокую траву, выросшую у колодца или родника. Видя знак, другие уже не выбирают это своим стойбищем. Если вожак кочующего общества выбрал для него место и, не отметив его ни одним из перечисленных знаков, отправится для осмотра окрестных пастбищ, а по возвращении найдет, что вожак другого аула успел занять его место, то заявление первого вожака не принимается в уважение»[1].

С. Зиманов, собрав в одну кучу факты, относящиеся к различным историческим периодам, пишет: «Казахские ханы Тауке, Аблай, Абулхаир, Нурали, Джангер и другие... выдавали феодалам специальные ханские ярлыки на право владения определенными пастбищными угодьями. Известный исследователь Н. И. Гродеков указывает, что в Сыр-Дарьинской области во второй половине XIX в. некоторые представители знати сохранили у себя такие ханские ярлыки, в свое время данные им на право владения землей»[2]. Это — подтасовка фактов[3]. Во-первых, историческая наука пока не обнаружила ни одного такого случая, чтобы казахские кочевые ханы XV—XVIII вв., в том числе ханы Тауке, Аблай, Абулхаир и Нурали, когда-либо и кому-либо выдавали ярлыки «на право владения определенными пастбищными угодьями»; во-вторых, ярлыки Джангер-хана, выданные им своим подданным в 30—40-х годах XIX века во Внутренней Букеевской орде, не имеют никакого от-

---

[1] *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт, т. 1. Ташкент, 1889, стр. 110—111.

[2] *Зиманов С.* О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов.— Вопросы истории, 1955, № 12, стр. 63.

[3] Работа С. Зиманова «Общественный строй казахов первой половины XIX века», вышедшая в свет в 1958 году по данному вопросу ничего нового не дает.

ношения к казахам и казахским ханам XVIII в.; в-третьих, вызывает удивление, почему С. Зиманов сказанное в работе Н. И. Гродекова о ярлыках, выданных в XIX веке кокандским ханом или его казиями и беками на право пользования орошаемыми полями казахским оседлым земледельческим родам в районе орошаемого земледелия в бассейне р. Сыр-Дарьи и ее притоков относит к казахским ханам XVIII века. Обратимся к тем страницам работы Н. И. Гродекова, на которые ссылается С. Зиманов.

«Если на засеваемую двумя родами землю одна из сторон заявит претензию к другой и во время расследования окажется, что одна сторона имеет документ, а другая его не имеет, так же не имеет ханских, казийских или бекских документов о том, что земля эта между обоими родами общая, то сторона, имеющая документы, может отказать другой в пользовании землею...»[1].

«Если возникает спор между двумя родами, пользовавшимися одною общею землею, на которой обе стороны имеют постройки, мельницы и насаждения; и если одна сторона имеет от ханов или беков именные документы, имена же другой стороны в том документе не значатся, то дело решается в пользу имеющих документы; причем не имеющие документов должны быть удовлетворены по стоимости их построек и затем выдворены с земли».

«Если у одной из спорных сторон окажется документ, выданный другою стороною во время миролюбивого пользования ими землею и в нем будет сказано, что сторона, дающая его, уступает противнику известную местность, или известное количество кошей[2] земли, или же, что ей принадлежит известная местность или известное количество кошей земли, то стороне, имеющей подобный документ, следует отвести землю на основании документа; претензию же ее на большее количество земли и воды, в сравнении с документом, оставить без внимания»[3].

[1] *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт, т. 1. Ташкент, 1889, стр. 106.

[2] Один кош по узбекски — пара волов и количество вспахиваемой ими земли.

[3] *Гродеков Н. И.* Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт, т. I. Ташкент, 1889, стр. 106.

Не ясно ли, что здесь речь идет только об оседлых казахских земледельцах, главным образом находившихся в непосредственном соседстве с узбекскими земледельцами в Кураминском уезде вблизи Ташкента.

Почему бы С. Зиманову не обратить внимание хотя бы на следующее. «В пределах известного района господствует полная свобода, каждый может переходить куда хочет, и из колодца поит тот, кто первый пришел; никаких отмежеваний пастбищ не существует»[1]. Еще: «Кочевое, летом и зимой, пастбищное скотоводство при значительном просторе пастбищ предполагает полную свободу пользования ими: любой аул может разбить кибитки в любом месте степи, лишь бы в данный момент оно не было занято другими аулами»[2]. Еще: «На громадном пространстве песков, между реками Или и Караталом, исследователям Капальского уезда пришлось наблюдать еще одну любопытную форму кочевания. Это, так называемое «вечное кочевание». Казахи этой категории не имеют определенных зимних стойбищ, нет у них также выработанной из года в год повторяющейся системы в смене определенных пастбищных территорий и кочевание их происходило по всему пространству между реками Или и Караталом в течение круглого года»[3]. Это было явным пережитком былого кочевого образа жизни казахов на территории данной области. Таковы неоспоримые факты, изложенные в многочисленных литературных и архивных документах.

Для понимания специфики хозяйства и образа жизни казахских кочевников имеют важное значение их надгробные сооружения или могильники. Поэтому необходимо рассмотреть эти памятники материальной культуры, тем более о них имеются различные суждения.

У казахских кочевых скотоводов могильники были рассыпаны по всей территории их постоянных кочеваний, так как покойников они хоронили на местах их

---

[1] *Карутц Р.* Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. Спб., б/г., стр. 46.

[2] Очерк работ Тургайско-Уральской переселенческой организации. Оренбург, 1890, стр. 67.

[3] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. II. Капальский уезд. Спб., 1913, стр. 195.

смерти. Могильники обычно устраивали на бугорке, возвышенности. Многие географические названия в казахских степях и пустынях возникали в разное время по имени покойников, которым ставили памятники. В 1894 году В. Шнэ отметил: «В открытой, безграничной степи, где ничто не останавливает на себе утомленного однообразием взгляда, где один ровный ковер богатой флоры окрашивает все окружающее, бесконечную равнину и отдаленный горизонт в один цвет, могилы, в увеличенном от разряженного знойными лучами воздуха виде, еще издали приковывают взор. Эти могилы, одиноко стоящие в неприглядной степи, служат усыпальницей или богатому казаху, или славившемуся некогда своим умом бию, или просто доброму человеку»[1].

По мнению некоторых историков, такие памятники якобы показывают, что данный участок степи или пустыни был частной собственностью этого покойника[2]. Эту позицию защищают С. Зиманов и А. Еренов. Они пишут: «Многочисленные плодородные земельные участки назывались по имени своих владельцев — феодалов. Так, например, урочище «Кучен-тоган», где находится могила Чокана Валиханова, получило название от своего владельца Ирала Кучена»[3]. В данном случае опять-таки бросается в глаза одна характерная особенность этих авторов — игнорирование преобладающего вида материального производства, места и времени. Прежде всего заметим, что слово «тоган» во всей Семиреченской области означало не название урочища или земельных участков, как утверждают С. Зиманов и А. Еренов, а головной канал, от которого распределяется вода по оросительным канавам на посевы. О таком «тогане», существовавшем в 1911 году в Капальском уезде сказано: «Кроме головного арыка, мы имеем второстепенные арыки и затем уже поливные борозды; одновременно здесь

[1] *Шнэ В.* Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области.— Записки Западно-Сибирского отд. ИРГО, 1894, кн. XVII, вып. 1—2, стр. 114.

[2] Здесь имеется в виду, в частности, выступление директора Института истории АН СССР А. Л. Сидорова 30 мая 1953 г. в Алма-Ате при обсуждении макета первого тома 3-го изд. «Истории Казахской ССР».

[3] *Зиманов С.* и *Еренов А.* О характере феодальной собственности на землю в Казахстане.— Труды Алма-Атинского юридического института, т. I. Алма-Ата, 1955, стр. 50.

поливают обычно в стольких местах, сколько выведено второстепенных арыков; далее, наконец, кроме головных («тоганов») и второстепенных бывают арыки третьестепенные и т. д.»[1]. В Джаркентском уезде в 1912 году зарегистрировано: «Пашни общины расположены на призимовочной территории, на урочище Нура по арыкам: Аламан-тоган, Теректы-тоган и Кок-тасты-тоган; они находятся в исключительном пользовании у данной общины»[2]. О казахской общине № 95 Лепсинского уезда в 1911 году было сказано, что жители этой общины «заняли данную территорию 35 лет тому назад, после «комиссии» 1865 г... Описываемая община, как и смежная с ней община № 94,— чисто земледельческая, или во всяком случае, земледелие имеет первенствующее значение в ее хозяйстве... Пашни — по кл. Джаланаш, в обособленном пользовании общины. Тоган «Джаланаш» выведен 35 лет тому назад. Воды хватает для полива пашен, и поэтому очередей полива нет»[3].

Такого рода ирригационные сооружения, как «тоганы» и другие оросительные канавы, строились, конечно, не в условиях кочевого скотоводческого хозяйства, а в условиях орошаемого оседлого и полуоседлого земледельческого хозяйства.

Надгробные памятники в казахской степи, сооруженные в период кочевого образа жизни народа, ничего не говорят о наличии частной земельной собственности. Они свидетельствуют лишь о том, кто и на каком месте похоронен[4].

Ко второму типу пастбищно-экстенсивного скотоводства относилось полукочевое скотоводство. Такой тип

---

[1] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. II. Капальский уезд. Киргизское хозяйство. Спб., 1913, стр. 123.

[2] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, т. III. Джаркентский уезд. Киргизское хозяйство. Спб., стр. 218.

[3] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. I. Лепсинский уезд. Киргизское хозяйство. Спб., 1911, стр. 224.

[4] *Шмидт Ю.* Голодная степь, или пустыня Бетпак-Дала и Чуйская долина — Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО, 1894, кн. XVII, вып. 12, стр. 736.

хозяйства был переходным от чисто кочевого к оседлому. Причем в зависимости от существовавших конкретных экономических и природных условий одна часть полукочевого типа хозяйства тяготела к оседлому земледельческому, приобретая черты скотоводческо-земледельческого хозяйства, другая часть его тяготела к старому чисто кочевому типу хозяйства, приобретая черты скотоводческого хозяйства, но уже имеющая постоянные зимовки и занимающаяся сенокошением. Основным признаком полукочевых хозяйств было то, что они проводили время на одном месте в течение не менее шести месяцев в году. Образ жизни таких скотоводов был не кочевым, а полукочевым. Возникновение полукочевого типа хозяйства относится к концу XVIII и началу XIX вв.

Полукочевые хозяйства даже в процессе своих кочеваний дольше оставались на одном месте, делая передвижение на сравнительно небольшие расстояния, кочевали небольшое число дней в году, а длина кочевого пути была незначительна. Это давало возможность иметь закрепленные за собой определенные участки земли с обширной призимовочной территорией. В составе стад резко сокращалось количество верблюдов, происходило некоторое сокращение поголовья овец и коз, но зато появился новый вид скота, которого не было у кочевников — крупный рогатый скот.

К концу XIX и началу XX вв. почти вся центральная часть Казахстана характеризовалась наличием именно полукочевого типа хозяйств. Таких хозяйств к моменту победы Великой Октябрьской социалистической революции было примерно 40—45 процентов. О полукочевом типе хозяйства в постановлении СНК КАССР сказано: «Для полукочевого типа: естественноисторические условия слабо благоприятствуют развитию земледельческой культуры. Здесь наблюдается сокращение кочевания, расширение поголовья крупного рогатого скота в стаде, расширение посевной площади, наличие сенокошения и полустойлового содержания скота и наличие постоянных жилищ»[1].

Свои зимовки и призимовочные территории со все-

[1] Постановление СНК КАССР от 30 августа 1928 г.— Народное хозяйство Казахстана, 1928, № 8, стр. 123.

ми находящимися на них примитивными сооружениями (землянками, загонами для скота, колодцами и тоганами, под названием корык) полукочевые скотоводы охраняли от посторонних. Многие из них занимались сенокошением и земледелием. «Корык составляет как бы собственность хозяйства, которой он распоряжается по своему усмотрению»[1]. Однако надо иметь в виду, что почвенно-климатические условия казахстанских степей и низкий уровень развития производительных сил общества в большинстве случаев существенно ограничивали дальнейшее расширение сенокошения и хлебопашества. Тем не менее полукочевники имели постоянные постройки для скота и жилья.

У полукочевников господствовала общинно-аульная форма землевладения. Совместное владение известным количеством аулов обособленной территорией, отмеченной более или менее определенными границами, является главным признаком общинно-аульной формы землевладения. Субъектом владения здесь, как правило, выступает община или группа хозяйственных аулов. Землей владела только община в целом, пользовались ею хозяйства, входившие в состав только этой общины. Возле кстау хозяйственные аулы зачастую имели особые клочки земли, предназначенные для выпаса зимой и ранней весной слабого скота, преимущественно овец. Эти клочки носили название «кой-булюк». Пользовались ими исключительно хозяева из прилегавшего хозяйственного аула; без их согласия пасти здесь скот никто другой не мог. Хозяйственные аулы нередко состояли из одного хозяйства и таким образом эти «кой-булюки» оказывались в пользовании единичных хозяйств[2].

При всех условиях полукочевое хозяйство казахов было в основном хозяйством, занимавшемся сенокошением и в известной мере хлебопашеством. Формы землевладения внутри этого типа хозяйства в различных рай-

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область, т. IV. Павлодарский уезд. Воронеж, 1903, стр. 19.

[2] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. II, Капальский уезд. Киргизское хозяйство. Спб., 1913, стр. 99—100.

онах существенно различались между собой в зависимости от естественных и экономических условий.

В период оседания на зимовки родовые группы занимали земли по соседству. Кроме того, каждый аул, размножаясь, в свою очередь распадался на более мелкие родственные группы. Получалась более сложная община с большим числом хозяйств. При господстве пастбищного скотоводства у такой общины в общем пользовании находились только пастбища и при том не все. Особо ценные (оберегаемые на зиму) пастбища становились владением не всей общины, а аула, затем — семьи, в последнем случае они передавались по наследству. Здесь уже появляются элементы частной собственности на землю. Главной отраслью полукочевого типа хозяйств «является скотоводство, рассчитанное на даровые силы природы. Скотовод стремится держать больше скота, в нем он видит и богатство и почет. И, конечно, имея большие стада, он не в силах обеспечить их сеном на целую зиму. Но понимая, какое значение имеют запасы сена, он стремится, насколько позволяют ему силы и средства, запасти больше сена, а значит и получить на свою долю больше сенокоса. С другой стороны, казах видит и оценивает значение хлебопашества и сам начинает работать в этом направлении. В конце концов поземельные отношения, складывавшиеся, до поры до времени, на почве исключительно пастбищных интересов, осложняются вопросом о сенокосах и пахотных угодьях»[1].

При переходе к полукочевому образу жизни объектом длительного пользования в году становятся зимние стоянки (кстау). Для закладывания кстау места требовались достаточно богатые растительным покровом для подножного корма и с естественной защитой скота от холодного ветра и буранов. Кстау, как правило, закладывались в лесных, гористых местах, на берегах озер и рек с лесной зарослью, в местах, заросших камышами и высокорослыми травами, во взбугренных песках. «Несмотря на давность пользования, пастбища в большинстве случаев, за исключением ограниченных пространств вблизи самих зимовок, не строго разграничены и не

[1] *Чермак Л. К.* Киргизское хозяйство в Степном крае. (Район железной дороги Петропавловск — Спасский завод в экономическом отношении. Спб., 1912, стр. 228.

строго охраняются... Границами в пастбищах, если это не естественная преграда — река, овраг, горная цепь — являются или целые «общие» урочища, для всех доступные, или проектные линии, на которых соседский скот перемешивается невозбранно»[1].

Полукочевники всю зиму проводили на зимовке, за исключением особо неурожайных лет, когда отгоняли часть стад и табунов в другие места. Весеннее, летнее и осеннее пастбища находились в более широком общинном пользовании. Скотоводы могли летом откочевывать от зимовок на 50—100 и более километров, в зависимости от почвенно-климатических условий мест, имея в качестве вьючных животных, как правило, верблюдов. По возможности всех умерших они хоронили на могильнике около зимовок, но это им не всегда удавалось. Такой тип хозяйства до сих пор еще многие называют «кочевым», хотя это не соответствует действительности.

В XIX веке приволжские калмыки, казахи Семиречья и многих других районов Казахстана, население горной Киргизии, Туркмении вели полукочевой, а не кочевой образ жизни. Что касается Казахстана, то это доказывается многочисленными данными.

Например, экспедицией Ф. Щербины общинно-аульная форма землевладения была зафиксирована в полукочевой Чингизской волости Каркаралинского уезда Семипалатинской области. На вопрос: «Поделены ли у них между аулами зимние пастбища?» Казахи Чингизской волости отвечали, что у каждого аула есть «нобай». Под этим словом они подразумевали приблизительное определение пределов пастбищ на словах и передаваемое от поколения к поколению: мой предок пас скот на этой сопке, поэтому пользоваться ею вправе только я; или, отец, отделяя своих сыновей, указал им в общих чертах границы их пастбищ и это служило руководством при пользовании зимними пастбищами и сыновьями и их потомками. Из зимних пастбищ особенно строго оберегались пастбища, расположенные вблизи зимовок и южные склоны сопок, на которых мало бывает снега. На удаленные более или менее от зимовок пастбища вообще мало обращалось внимания. Таким

[1] Очерк работ Тургайско-Уральской переселенческой организации. Оренбург, 1890, стр. 68.

образом, у каждого аула создались обособленные зимние пастбища, которыми он имеет право распоряжаться по своему усмотрению — может продать или сдать их в аренду и может сдать в залог, в обеспечение своего долга; последним способом, в большинстве случаев, совершается переход кстау из одних рук в другие»[1].

Землевладение в полукочевой казахской общине № 1 Лепсинского уезда Семиреченской области характеризовалось следующими чертами. Внутри общины каждый хозяйственный аул имел определенные границы прикставной территории, но при выпасе скота пастбища использовались общинно, на пользование кстау и кузеу никаких ограничений не было, джайлау находилось в общем пользовании с другими общинами. Аулы, входившие в общину, кочевали с группой по одному пути, длина кочевого пути на джайлау и обратно достигала 200 верст. Зимой скот выпасался близ кстау. Половина пашни и сенокосы находились в подворно-наследственном владении[2]. Классическим примером землевладения полукочевого типа хозяйства с сохранением кочевания на более далекое расстояние может служить община № 45.

«Эта община распадается на 2 родовых группы: Тюбет и Итпакпас. Кстау у нее при Балхаше, но в трех отдельных площадях: у Итпакпас на Таукуме, у Тюбета — на Каракуме (р. Майбирюк и Кундакты-Тау) и на Колдаре; последнее урочище занято под кстау только со времени «комиссии» (1865 г.). Коктеу и кузеу сосредоточены около пашен на урочищах Ай-бой, Уш-Тюбе, Аяккараул-тюбе и находятся в исключительном пользовании общины. Джайляу служит ур. Ольджемурат и Уш-Ащи, куда ходят, кроме этой общины, и многие другие. При кочевании обыкновенно, объединяются в группы родственники — соседи по кстау и по пашням. Расстояние от кстау до джайляу 150—200 верст.

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Семипалатинская область, Каркаралинский уезд, т. VI. Спб., 1905, стр. 59.

[2] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева., Лепсинский уезд, т. I. Спб., 1911, стр. 179.

Первыми откочевывают потомки Итпакпаса и в перекочевках держатся отдельно. Пашни, принадлежащие исключительно данной общине, расположены в центре коктеу-кузеу; вода выведена 4 *большими тоганами* из р. Ай и, кроме того, из 2 запруд на ключах: Эспе-булак и Эгень-булак. Большие арыки выведены 30—40 лет тому назад (то есть в 70—80-х годах XIX в.— *С. Т.);* первые посевы были сделаны 60 лет назад. Покосы есть только у потомков Тюбета: расположены они в 1—3 верстах от кстау. Косить начали 50—60 лет назад.

На кстау — колодцы только на Колдаре и Кундуктау; колодец, обыкновенно, принадлежит 4—5 хозяевам. В остальных местах пользуются снегом. На пашнях, на каждом из арыков — своя очередь; регулируется водопользование «элюбасами». Пастбища на кстау поделены на массу мелких площадей, из которых каждая находится в исключительном пользовании 3—5 хозяев — ближайших соседей и родственников (большой семьи). На коктеу-кузеу вся площадь находится в совместном пользовании всей общины. Занятие мест при кочевках происходит по праву первого захвата. Пользование покосными местами самое разнообразное — есть и подворное, и захватное, и общинное (делят и участками и сеном). Пахотные места — в подворном пользовании»[1].

Полукочевой характер скотоводства в Туркмении, начиная с XVII в., объяснялся, как и везде, развитием и преобладанием в экономике края орошаемого земледелия. В безводной пустыне Кара-Кумы летом скотоводы привязывались к водным источникам — колодцам, которые использовали в основном целыми общинными группами. Здесь имела место кое-какая регламентация в использовании воды колодца, но не пастбищ.

Основная масса туркменского населения уже в XVII—XVIII вв. была связана с земледелием и оседлостью. Именно этим объясняется появление там несколько раньше, чем у кызыл-кумских казахов, частно-собственнической тенденции в пользовании колодцами. «Туркмены, у которых в момент русского завоевания

[1] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные экспедицией под руководством П. П. Румянцева, т. I. Спб., 1911, стр. 196—197.

процветал если не кочевой быт (все туркмены занимались земледелием), то родовой строй и воинственные наклонности, под русским владычеством постепенно утратили воспоминания о прошлом, и вместо прежних набегов главным источником их дохода сделалось насажденное в Закаспийской области при русских хлопководство»[1]. Эти же черты образа жизни даже у пустынных туркменов Мангышлака отметила экспедиция Академии наук СССР в 1926 г. «Туркмены ведут полуоседлый образ жизни. Они группами в 30—50 хозяйств живут в течение 2—4 месяцев около одного водного источника, за это время табуны пасутся отарами на расстоянии 20—30 км от аулов»[2]. Необходимо отметить особенность туркмен, занимавшихся пастбищным скотоводством в пустыне: они, как правило, не были самостоятельными хозяевами, а представляли собою только часть оседлых земледельческих хозяйств оазиса[3].

Следует подчеркнуть, что полукочевой тип хозяйства в песчаной пустыне Туркмении, несмотря на некоторые особенности, имел то общее, что характерно для всякого полукочевого типа хозяйства — сочетание скотоводства с земледелием. Такими же полукочевниками в аналогичных природных условиях являются аравийские полуфеллахи. Полуфеллахи «представляют собою известную переходную категорию от кочевников к оседлым жителям. Они занимаются в основном земледелием; в период зимних дождей и жаркого весеннего времени они ведут оседлый образ жизни, живя в незатейливых хижинах или шатрах при возделываемых ими земельных участках. Так как земледелие не дает достаточных средств к жизни, то в остальное время года они занимаются скотоводством, кочуя со своими стадами и домашним скарбом в соедних с пашнями районах в поисках пастбищ»[4].

Сочетание экстенсивного скотоводства с зачатками земледелия было характерным и для древних полукочевников-германцев.

---

[1] *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 121.

[2] Материалы комиссии экспедиционных исследований, вып. 13, серия Казахстанская. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда АН СССР. Л., 1928, стр. 102.

[3] *Увицкий С.* Туркменское пастбищно-земледельческое хозяйство. В кн.: Типы хозяйства Туркестана. Ташкент, 1924, стр. 75.

[4] *Вейт Е.* Аравия. М., 1930, стр. 13.

Аналогичную картину землепользования с установлением некоторых границ и с переделами можно найти у всех полукочевых народов, которые жили в горах и лесистых местах таких, как киргизы, горные алтайцы, буряты, хакасы, тувинцы и др. Например, хозяйство горных киргизов в начале XX в. вполне можно назвать полукочевым, полуземледельческим. Весною все они кочевали на 25—30 верст от зимовок, пахали и сеяли в конце апреля, в начале мая кочевали на джайлау. Наряду с земледелием, они отчасти интенсифицируют и животноводство, заменяя овец крупным рогатым скотом и лошадьми. Запас корма на зиму благодаря посевам также увеличивается[1]. При таком типе хозяйства неизбежно происходило закрепление определенных участков земли, прежде всего сенокосно-пахотных угодий, за известными группами хозяйств и даже за отдельными лицами. «Первым земельным участком,— писал Ф. Энгельс,— перешедшим в частную собственность отдельного лица, была усадебная земля. Неприкосновенность жилища,— это фундамент всякой личной свободы,— перешла с кочевой кибитки на бревенчатый дом оседлых крестьян и постепенно превратилась в полное право собственности на усадьбу... Все, что не входило в усадебное хозяйство и в пашню, оставалось, как и встарь, общей собственностью для общего же пользования: лес, луга, степи, болота, реки, пруды, озера, дороги и тропинки, охотничьи гоны и рыбные тони»[2]. Эти положения Ф. Энгельса указывают на общую закономерность процесса, происходящего на первых порах оседания почти у всех народов.

К третьему типу скотоводческого хозяйства относилось пастбищно-экстенсивное, почти оседлое скотоводство. Такой тип скотоводства в Казахстане был характерным главным образом для горных, лесных и лесостепных мест с естественными водоемами и богатым естественным растительным покровом.

Казахские скотоводы этого типа хозяйства имели постоянные зимовки, занимались в значительных размерах сенокошением, имели посевы, постоянные постройки для скота и жилья.

---

[1] *Стаценко М.* Горно-кочевое хозяйство. В кн.: Типы хозяйства Туркестана. Ташкент, 1924, стр. 38.

[2] *Энгельс Ф.* К истории древних германцев. М., 1938, стр. 116, 119.

Летом скотоводы выходили из зимовок. В местах, где пасли скот, устанавливали свои юрты, которые переносились с места на место на телегах, коровах и т. д. на небольшие расстояния, в общей сложности, не более, чем на 5—10 км. Сельскохозяйственные работы — сенокошение, посевы, строительство помещений для жилья и скота не позволяли им уходить далеко со скотом от своих зимовок. Состав стад изменялся в сторону тех видов, которые были более продуктивными и обеспечивали земледелие рабочим скотом. «Земледелие здесь является одним из основных занятий населения и дает доходы значительно большие, чем скотоводство и проч. отрасли сельского хозяйства. В этих районах население живет в постоянных жилищах, выкочевывание на 5—10 верст от селения не является признаком кочевания»[1]. К земле эти хозяйства были привязаны крепко. Перед Октябрьской революцией в Казахстане их было около 25—30 процентов.

Вся хозяйственная территория под названием «корык» охранялась от посторонних родовых групп. Использование всех видов пастбищ было общинное в пределах данной родовой группы и было регламентировано по временам года и по видам скота. Но призимовочные территории, сенокосные и пахотные угодья находились во владении отдельных аулов и лиц.

Форма землевладения была общинно-аульной. Элементы частной собственности, впервые появившиеся в условиях полукочевого типа хозяйства, здесь получили свое дальнейшее развитие. Об этом говорят многочисленные случаи купли и продажи зимовок. Экспедиция Ф. Щербины в 1897 г. такие факты зарегистрировала в Павлодарском уезде Семипалатинской области.

«В горном районе мы встречаемся с любопытным явлением сдачи в аренду и продажи кстау. Так например, в гр. № 144, аул № 23 VIII ст. Аккелинской волости, купил землю «25 лет тому назад за 600 рублей, раньше ею владели аулы № 11—15 I ст. той же волости» (III район). Гр. 120 купила кстау 30 лет тому назад, у какого-то бедняка за 200 овец; купленная территория в 407 дес., значит 2 десятины пошли за 1 овцу. Гр. № 341, «5 лет

[1]Постановление СНК КАССР от 30 августа 1928 года.— Народное хозяйство Казахстана, 1928, № 8, стр. 123—124.

тому назад Тайше (аксакал аула № 6 VI ст.) и Елеуш (аксакал № 7 VI ст.), обедневшие вследствие джута, продали навсегда свои кстау киргизам Карамолинской волости: первый — Чокебаю (аул № 6 VIII ст.) за 70 овец и 1 лошадь, а второй Баймагамбету (аул. № 6 VII ст.) за 75 овец и две дойных коровы с телятами. Пробившись года 4 по чужим кстау, Тайше и Елеуш снова вернулись, с разрешения новых владельцев, на свои прежние кстау, причем Елеуш теперь уже должен платить Баймагамбету по одной овце в год за право пользования пастбищами. В настоящее время все 4 аула пользуются совместно зимними пастбищами, хотя эти пастбища и поделены между двумя аулами»[1].

Таким образом, многие из вчерашних казахских полуфеодалов-скотовладельцев, наделенные русским правительством правом собственника определенного участка и земли — «феода», занимаясь сенокошением и хлебопашеством в процессе своего оседания, приобретали своеобразные черты феодалов-землевладельцев.

В конце XIX и начале XX вв. к этому типу хозяйства относилось скотоводство у дагестанцев, бурятов, горных киргизов, казахов севера, северо-востока и северо-запада Казахстана, якутов и горных алтайцев.

Алтайские теленгиты (телесы), населявшие Чолышманскую долину и плоскогорье на Улагану и Башкаусу, с давних времен вели полукочевой или оседлый образ жизни. Полукочевые алтайцы летом жили в долине, где были у них пастбища и пашни, на зиму уходили в долины ближних речек, где находились их зимовки с запасом заготовленного сена, а оседлые алтайцы круглый год жили в долине, перенося свои аулы лишь на небольшое расстояние и занимаясь хлебопашеством и сенокошением[2].

Несмотря на все это, многие авторы горных алтайцев и якутов до сих пор называют кочевниками.

У оседлых казахских скотоводов в начале XX века

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей, Семипалатинская область, т. IV, Павлодарский уезд. Воронеж, 1903, стр. 21—22.

[2] *Тыжков И.* Из Алтайских этюдов. Чолышманская долина.— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. XXXIV. Спб., 1909, стр. 99.

подворное пользование сенокосами отмечено в разных волостях всех подвергнутых статистической переписи уездов казахских областей — Уральского и Темирского — Уральской области. Преимущественно оно распространялось на ближайшие к зимовкам приречные, озерные, болотные (копа) и лесные покосы. До недавнего времени до появления в степи сенокосилок, покосы с мягкими луговыми травами являлись единственными сенокосными угодьями, доступными для ручной уборки, представлявшими особую ценность[1].

Оседлые казахи, занимавшиеся наряду со скотоводством и земледелием, имевшие запасы сена и соломы, большее значение стали придавать крупному рогатому скоту, чем другим видам скота.

В условиях оседлого скотоводства быстрый рост степного сенокошения и хлебопашества приводил к захвату большей части волостной территории, удаленной от зимовок, богачами. А общинно-аульная форма землевладения, как известно, не предупреждала захвата земель со стороны сильного, она давала возможность излишний покос у одного отбирать в пользу другого (для новой кибитки), но всегда у бедняка и в пользу богача.

Установлено, что первым шагом в оседании казахов было устройство постоянных жилищ, вторым — развитие сенокошения, третьим и может быть самым важным — занятие полеводством. В тесной связи с этим находятся сокращение перекочевок во времени и в пространстве, удлинение срока пользования призимовочными пастбищами, более интенсивное зимнее содержание скота. «В конце концов получаются казахские общины, сохраняющие только видимость формы кочевого быта: круглый год они держатся около своих зимовок, откочевывая на лето не более как на 5—6 верст; зимою держат на подножном корму только гулевых лошадей, овец же, рогатый скот и рабочих лошадей кормят всю зиму сеном, почти все занимаются земледелием»[2]. «Пользование естественными лугами подворно-наследственное, то есть участок сенокоса переходит от отца к сыну, или же общинно-передельное, причем от времени до времени

[1] Очерк работ Тургайско-Уральской переселенческой организации. Спб., 1890, стр. 71.

[2] *Тихонов Т. И.* Хозяйственный быт киргизов Степного края.— Тургайские ведомости, 1901, 10 марта.

через год-два, сенокос переделяется между членами данной группы поровну»[1]. Весьма близок был образ жизни оседлых якутских скотоводов XVII—XIX вв. указанному образу оседлых казахов. В XVII в. «они имели постоянные жилые постройки, но по нескольку раз в год переселялись из одного жилища в другое, по крайней мере,— из зимних в летние. Уже в документах XVII в. упоминаются «зимние юрты» и «летние юрты»... Зимники устраивались поблизости от покосных мест, и там ставились стога сена для скота на зиму, летом же и скот и хозяева его перебирались к летним пастбищам. Поселки, или «улусы», были мелки: по несколько юрт»[2].

При оседлом скотоводстве, когда существуют у каждой общинно-аульной группы закрепленные за нею летние и осенние пастбища, колодцы или запруды являются собственностью этой группы населения или отдельных лиц.

Оседлые казахские скотоводы Омского, Петропавловского, Павлодарского, Семипалатинского, Кустанайского, Актюбинского, Уральского и др. уездов, разделенные на общинно-аульные группы, в местах, бедных открытыми водоемами, имели свои колодцы в центральной части летовочной территории. При этом каждая общинно-аульная группа занимала только свои колодцы и гоняла скот в сторону только своих зимовок. «Безводная часть степи (щуль) свободна летом от дележа и охраны, но с выпадением снега, когда сгоняются зимние табуны, и на ней намечаются границы, строго соблюдаемые в плохие годы»[3].

К использованию поливных пашен и покосов, устроенных с запрудою или арыком на земле какой-либо общинно-аульной группы, допускались все лица, принимавшие участие в строительстве запруды или арыка. Доля пользования с точностью соответствовала доле участия в расходах деньгами, скотом или личным трудом[4].

[1] *Чермак Л. К.* Киргизское хозяйство в Степном крае. (Район железной дороги Петропавсковск — Спасский завод в экономическом отношении). Спб., 1912, стр. 227.

[2] *Бахрушин С. В.* и *Токарев С. А.* Якутия в XVII веке (очерки). Якутск, 1953, стр. 70—71.

[3] *Хворостанский П.* Киргизский вопрос в связи с колонизацией.— Вопросы колонизации, 1907, № I, стр. 71.

[4] Очерк работ Тургайско-Уральской переселенческой организации. Спб., 1890, стр. 77.

При таком положении, конечно, больше других мог получить поливной пашни и покосов тот, кто был богаче.

У оседлых чуйских казахов «каждый член данной группы хозяев, имеющий свой «тоган», то есть главный арык, несущий воду из реки, сделанный трудом многих лиц нескольких поколений, имеет равное с прочими право на пользование водой для орошения и получает ее в течение равного с прочими промежутками времени, то есть каждый хозяин, участвовавший в работах по проведению или ремонту «тогана», получает равное с другими количество воды»[1]. В основном такой же порядок существовал во всех районах территории дореволюционного Казахстана, где существовали поливные пашни и луга.

Таковы были основные признаки оседлого скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX и начале XX вв.

Пережитком существовавшего при полном кочевом образе жизни способа определения фактического размера землепользования по количеству скота является, имевший место и зарегистрированный экспедицией Ф. Щербины в конце XIX века в полукочевых и оседлых общинных аулах Акмолинской и Семипалатинской областей, а также установленный экспедицией под руководством П. П. Румянцева в первом десятилетии XX в., порядок распределения сенокосов и сена в Семиреченской области. Эти казахи тогда занимались сенокошением и хлебопашеством. Сенокосы или совместно скошенное всем аулом сено распределялось по количеству скота.

«В материалах по киргизскому землепользованию Акмолинского уезда» говорится: «наиболее выразительная форма общего пользования — совместная уборка сена с последующим разделом сена, не везде является вполне уравнительным пользованием. Обычно раздел копен производится по числу косцов, но не всегда число косцов совпадает с числом хозяйств; чаще бывает так, что богатые хозяйства выставляют по два и более косцов. *Вообще преобладает раздел сена сообразно потребностям хозяйства в сене — по количеству скота.* Причем бедняки за отданное богачам лишнее сено иногда получают возмещение в виде права временного пользования

[1] *Чермак Л. К.* Киргизское хозяйство в Степном крае. (Район железной дороги Петропавловск-Спасский завод в экономическом отношении). Спб., 1912, стр. 226.

молочным и ездовым скотом богачей... Сенокосы здесь обособлены по отдельным аулам, и внутри аулов ежегодно делятся на подворные участки, причем *размер пая соображается с количеством скота* каждого хозяина»[1] (подчеркнуто нами — *С. Т.*).

Один из лучших знатоков дореволюционной жизни казахского народа Т. Седельников о характере землепользования в оседлых скотоводческо-земледельческих аулах писал: «Вместо фактически существующего, но невыгодного бедным пользования землею «по количеству скота, по благосостоянию», они добиваются, чтобы земля давалась по душам, одинаково как для многоскотных, так и для совсем бесскотных. Иначе говоря, малосостоятельные слои оседлого населения степи уже достигли до сознания личного права на землю, соединяющего их психологию с психологией крестьянства, но зато идущего в разрез со всеми степными традициями, которые до сих пор в наиболее чистом виде сохранились у кочевников, а в более узком и ограниченном смысле поддерживаются и оседлыми на почве защиты вполне определенных интересов»[2].

Такой процесс развития имел место, в частности, в Павлодарском уезде. Разверстка сенокосных угодий внутри аулов здесь производилась или участками или скошенным сеном. «В обоих случаях аулы распадаются на две категории: *одна из них кладет в основание экономическую силу двора, принимая за разверсточную единицу определенное количество скота* — «делят по скоту», другая такой единицей считает двор, независимо от его экономической силы, и делит как участки, так и скошенное сено поровну... Из 982 опрошенных в этом отношении аулов, пользующихся покосами на общинных началах, делят: по скоту 302, или 30,8 процента, поровну — 680, или 69,2 процента»[3].

Приведенные данные говорят об общей закономерности развития, выражавшейся в «обособлении земельной собственности: сначала род обособился от рода, затем

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, т. III, ч. I. Акмолинский уезд. Спб., 1907, стр. 121—122.

[2] *Седельников Т.* Борьба за землю в киргизской степи. Спб., 1907, стр. 60—61.

[3] Киргизское хозяйство в Семипалатинской области, т. 1. Павлодарский уезд. Спб., 1910, стр. 20.

внутри рода начали обособляться более мелкие родовые группы, наконец, по отношению к некоторым угодьям, корыкам — в горах, участкам сенокоса в равнинах, обособление дошло до его предела — семьи»[1]. Следовательно, только в процессе оседания и развития земледелия начали возникать элементы частного землевладения. Крупные полукочевые скотовладельцы при переделах получали более крупные участки земли, которые постепенно закреплялись как их частные владения.

Низкий уровень развития производительных сил кочевого общества казахов характеризовался слабым развитием общественного разделения труда, следовательно, слабым развитием товарного производства.

Такое состояние являлось следствием господства кочевого скотоводческого типа хозяйства, которому были присущи крайне низкое и рутинное состояние техники и низкая производительность труда. Существовавшие товарно-денежные отношения никак не могли характеризовать весь процесс производства, начиная с крупных хозяйств и кончая мелкими, как процесс товарного производства. Товарный выход продукции скотоводства был незначительный и имел в основном потребительское значение, принимая форму натурального обмена Т — Т, и только изредка — форму простого товарного обращения Т — Д — Т.

В казахских хозяйствах часть скота и продуктов скотоводства таких, как шерсть, шерстяные изделия, кожи и т. д., реализовывались как товары, взамен которых покупали хлеб, мануфактуру, чай, сахар, спички и другие фабрично-заводские изделия. Но, несмотря на это, в этих хозяйствах еще не было господства товарного производства. Проникавший в аул торгово-ростовщический капитал был бессилен изменить способ производства, так как не имел для этого необходимых дополнительных условий. «Ростовщичество не изменяет способ производства, но присасывается к нему как паразит и приводит его в жалкое состояние. Оно высасывает его соки, истощает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях...

[1] Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей, т. IV, Воронеж, 1903, стр. 33.

Лишь там и тогда, где и когда имеются налицо остальные условия капиталистического способа производства, ростовщичество выступает как одно из орудий, созидающих новый способ производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая их в капитал»[1].

Казахское общество знало различные формы торговли и торговых сделок. Скотоводы, во-первых, продавали скупщикам свой скот и его сырье, во-вторых, покупали товары у этих же скупщиков в ростовщический кредит и, в-третьих, постоянно практиковали натуральный обмен фабрично-заводских изделий на скот и его сырье. «Особенность этой формы состоит в том, что она свойственна не одним только мелким промыслам, а всем вообще неразвитым стадиям товарного хозяйства и капитализма»[2]. Главной чертой торговли в этот период в казахском ауле был ее явно выраженный неэквивалентный характер. Она была своеобразной формой экспроприации мелких собственников. Мелкие скотоводы эксплуатировались торгово-ростовщическим капиталом, с одной стороны, как покупатели, а с другой, как продавцы продуктов своего скотоводческого хозяйства. Верно об этом говорил Г. Колмагоров: «Купец татарин (в казахской степи — *С. Т.*) на затраченный капитал, полагая его в 10 рублей серебром, в 1850 году, получит в 4 года, то есть в мае 1854 года, 150 рублей серебром чистого барыша; а в какой стране, в какой торговле и в каких предприятиях и рудниках можно приобрести такую огромную прибыль на капитал, да еще без значительного труда, забот и неудач? Нужно заметить при этом, что в последние времена не было примера, чтобы у кого-нибудь пропал долг хоть на одного барана, так как, по обычаям и законам степным, за умершего должника платят его дети и ростовщики получат все сполна»[3]. Это была беспощадная эксплуатация торговцами казахских скотоводов.

---

[1] *Маркс К.* Капитал, т. III, 1951, стр. 610, 611.

[2] *Ленин В. И.* Соч., т. 3, стр. 319—320.

[3] *Колмогоров Г.* О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства.— Вестник ИРГО, вып. I. Спб., 1856, стр. 24—25.

Казахскую степь того времени, дававшую такую сказочно высокую прибыль, Колмагоров оценивает как источник легкой наживы выше, чем даже богатейшие золотые прииски.

В конце XIX и начале XX веков в казахской степи существовали три формы торговли, которые в основном соответствовали трем типам хозяйства, то есть кочевому, полукочевому и оседлому. К таким формам торговли относились: разъездно-меновая, ярмарочно-периодическая и стационарная. Само собой понятно, что для кочевых скотоводческих аулов характерна была главным образом первая форма торговли. Но это не значит, что ее не было в полукочевых районах Казахстана.

Разъездно-меновая торговля находилась в основном в руках немногих узбекских и татарских торговцев. Они разъезжали по кочевым аулам с некоторым количеством разных товаров. Торговля происходила исключительно меновая. Торговцы брали за свои товары разный скот и его продукты: шерсть, кожу, кошму и др. Торговцы находились в исключительно выгодном и монопольном положении — они не имели почти никаких конкурентов. На свои товары они могли назначать неимоверно высокие цены, а на товары казахского населения устанавливать крайне низкие цены.

Население, заброшенное в глубь степи и песков, имело весьма ограниченную возможность посещать города, торговые пункты. Оно обслуживалось эпизодически появляющимися кочующими торговцами — «атты-аршинами» (верхом на лошади с аршином). В данных статистического обследования Перовского уезда в 1910 году сообщается, что такой «атты-аршин», забирая в городе партию ходкого товара (дешевый ситец, галантерейный товар, чай, сахар, муку, посуду и пр.), навьючивал верблюдов и углублялся со своим маленьким караваном в степь, останавливаясь в каком-нибудь ауле, являющемся центром размещения казахов на джайлау, торговец некоторое время (от 2 недель до 1 месяца) сидел на одном месте, удовлетворяя спрос казахов данного района, затем передвигался дальше. Торговля была почти исключительно меновая. Казахи платили мелким скотом, шерстью, кожей. Расценка товаров производилась на деньги. Цены на товары купца повышались против ры-

ночных раза в 2—3, цены же на продукты населения принимались в лучшем случае за рыночные[1].

Важной особенностью этой разъездно-меновой торговли был ее ростовщический характер. Многие «атты-аршины» и зимою разъезжали по зимовкам полукочевых казахов. Как правило, они раздавали свои товары скотоводам в долг до весны, на что охотно шли нуждающиеся казахи. Торговцы пользовались этим обстоятельством, кроме всего, для назначения громадной неустойки в случае недоставки к сроку вымененного скота, при неокончании в срок расчетов за первоначальный долг. Неустойки откладываются на еще более отдаленный срок, причем вся сумма долга увеличивается и обеспечивается новой неустойкой. Кроме меновой торговли, торговцы состоятельным казахам давали в долг деньги под солидное ручательство известных богачей, пользующихся влиянием в волости, или целого рода. Торговец, давший в долг на таких условиях деньги или товары, никогда не рискует потерять их[2].

Разъездно-меновая, неэквивалентная торговля была особенно разорительной для бедняков. Дело в том, что если более состоятельные скотоводы еще могли время от времени побывать в пунктах стационарной торговли или на ярмарках, то бедняк казах не мог отлучиться на базар или ярмарку, чтобы сбыть какую-нибудь тайнчу, или пару баранов, или кожу, или полпуда шерсти и пр.,— все это поступало по невероятно низким ценам в руки казахского посредника, наживавшего на этих сделках громадные барыши.

Итак, в конце XIX и начале XX вв. в Казахстане существовали три типа пастбищно-экстенсивного скотоводства, каждый из которых имел свою историю возникновения и особую форму землевладения и землепользования. Существование этих трех типов пастбищно-экстенсивного скотоводства и соответствовавших им форм земельных отношений определяло существо общественно-экономического строя дореволюционного Казахстана.

Из характеристики трех разных типов экстенсивного

---

[1] Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области Перовского уезда. Ташкент, 1912, стр. 98—99.

[2] *Добросмыслов А. И.* Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895, стр. 60—63.

скотоводства можно видеть роль земли как всеобщего средства труда и существования своеобразной формы земельных отношений в условиях каждого из указанных типов хозяйства. Форма земельных отношений постепенно изменилась, совершался закономерный процесс оседания кочевников, развитие шло от чисто кочевого хозяйства к полукочевому и, наконец, к оседлому скотоводческо-земледельческому.

В оценке уровня развития производительных сил и соответствовавших им производственных отношений в дореволюционном Казахстане вплоть до последнего времени существовали две крайние и противоположные одна другой точки зрения. Каждая из них видела какую-нибудь одну сторону общественно-экономической жизни разбросанного на необъятной территории казахского народа или один из трех типов хозяйства казахов и на этом строила свои выводы.

В действительности уровень развития производства и обмена не мог быть одинаковым во всех трех вышеохарактеризованных разных районах обширного Казахстана, где существовали в основном три различных типа хозяйства.

Глава шестая

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАЗАХОВ XVII—XVIII вв. И ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНСЕРВАТИВНОСТИ КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА

Марксизм-ленинизм рассматривает каждую общественно-экономическую формацию как особый естественно-исторический организм, который имеет время своего возникновения, существования и перехода на высшую ступень развития. Между смежными общественно-экономическими формациями существует долго тянущаяся связь, которая проявляется в борьбе между старым и новым, между отмирающим и развивающимся.

Производственные отношения людей, соответствующие периоду смены одной общественно-экономической формации другой, периоду становления новой формации, характеризуются как переходные отношения.

Одной из таких переходных форм производственных отношений являются патриархально-феодальные отношения. Определение «полуфеодальные» или «патриархально-феодальные отношения», принятое X съездом КПСС, имеет глубокий теоретический смысл. В решениях X съезда партии, принятых под руководством В. И. Ленина, была дана следующая директива по национальному вопросу: «Завоевывая доверие трудящихся масс восточных окраин своей решительной последовательной борьбой за уничтожение всех видов национального неравенства, партия в то же время сплачивает и объединяет их *для окончательной ликвидации патриархально-феодальных отношений* в среде самих ранее угнетенных наций и для приобщения их к коммунистическому строительству»[1] (подчеркнуто нами — *С. Т.*). Такая же оценка давалась характеру общественно-экономических отно-

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I. М., 1953, стр. 560.

шений особо отсталых народов Азии и Африки. В документах IV конгресса Коминтерна, происходившего в 1922 г., сказано: «Отсталость колоний сказывается в той пестроте национально-революционных движений против империализма, которая отражает различные ступени перехода от феодальных и феодально-патриархальных отношений к капитализму... Лишь там, где феодально-патриархальный уклад не настолько разложился, чтобы совершенно отделить туземную аристократию от народных масс, как у кочевников и полукочевников, представители этих верхов могут выступать как активные руководители борьбы с империалистическим насилием»[1].

Как видно, в этих документах дана научная характеристика такого общественного строя, где процесс формирования феодализма еще находился на начальной стадии своего развития, когда старые отживающие патриархальные отношения еще переплетались с нарождающимися феодальными. Поэтому нужно признать ошибочным мнение, отрицающее социально-экономическое содержание научного понятия «патриархально-феодальные отношения» и считающее случайным само сочетание в данной формуле двух форм производственных отношений, относящихся к двум различным общественно-экономическим формациям.

Марксизм-ленинизм требует изучения прежде всего материального производства, общественного бытия для того, чтобы правильно охарактеризовать данный общественно-экономический строй в целом. Правильно охарактеризовать общественно-экономический строй — это значит дать правильную оценку уровню развития экономического базиса и соответствующей ему надстройки.

В условиях кочевого скотоводческого общества сохраняется отсталая форма общественно-производственных отношений в виде полуфеодальных, патриархально-феодальных или патриархально-рабовладельческих отношений с патриархально-родовым бытом и отсталой политической надстройкой — аморфным полугосударственным образованием переходного типа в виде кочевого ханства. Отсталость и неразвитость производственных отношений людей обусловили и специфические черты,

[1] Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и Пленумов ИККИ (1919—1932 гг.). М., 1933, стр. 318.

присущие классам этого общества, нашедшие свое отражение в их общественном сознании. «Каковы эти классы, это зависит от ступени развития производства»[1]. Значит, «какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадет как с тем, *что* они производят, так и с тем, *как* они производят. Что представляют собой индивиды,— это зависит, следовательно, от материальных условий их производства»[2].

Кочевое общество казахов XVII—XVIII вв. было патриархально-феодальным или полуфеодальным потому именно, что оно характеризовалось не зрелыми феодальными, а полуфеодальными и полурабовладельческими отношениями. Все классы этого общества отличались своей недоразвитостью, незрелостью. Господствующий класс был представлен в лице военно-полуфеодальных или полурабовладельческих кочевых скотовладельцев: султанов, биев, баев и батыров, которые были еще не типичными феодалами, а полуфеодалами. Эксплуатируемые прослойки были представлены в лице патриархальных рабов, зависимых малаев и полузависимых кочевых бедняков — консы или хараши, получавших так называемую «родовую помощь», в большинстве случаев как ближайшие родственники крупных скотовладельцев. Полузависимые бедняки все еще смотрели на бая или батыра как на своего родственника и покровителя на том основании, что эти бедняки и бай или батыр происходили от общего дальнего предка. Это свидетельствует о том, что масса казахских трудящихся жила тогда еще воззрениями давно минувшего патриархально-родового строя.

Одним из характерных признаков кочевого общества казахов в XVII—XVIII вв. было то, что классовые отношения в нем имели патриархально-родовую окраску. Вся жизнь была пронизана родовым началом, даже борьба классов в большинстве случаев протекала как бы в форме борьбы за «родовые» интересы. Данные черты общественно-экономической жизни казахов, в особенности у кочевой его части, с некоторыми изменениями сохранились в основном до начала XX века.

Неустойчивость материального производства и источ-

---

1 *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 4. М., 1955, стр. 330—331.
2 *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 3, стр. 19.

ника средств существования казахских кочевников, связанная с примитивностью кочевого скотоводческого хозяйства, обусловила не только нищету широких народных масс, но и делала неустойчивым положение самого господствующего класса. Самой многочисленной и имущей группой среди представителей патриархально-феодальной верхушки казахов были баи. Но любой бай-полуфеодал, потерявший все свое состояние — весь скот в одном большом джуте, во многих случаях уже не мог больше вернуть себе прежнее положение. Он сам и его потомки в качестве середняков или бедняков могли влиться в таком случае в народную массу, уже ничего не имея общего с патриархально-феодальной верхушкой.

Богатство казахов, основанное главным образом на скотоводстве, было весьма непрочным. «У них происходят весьма быстрые повышения и понижения материального благосостояния, зависящие почти исключительно от погоды и урожаев (трав); от этого каждый казах привык к мысли о возможности во всякое время почти совершенного для него разорения. Несколько лишних градусов мороза, внезапно настигшего зимние пастбища, могут в самый короткий срок богатого казаха обратить в бедняка»[1]. Положение, отмеченное Б. Юзефовичем, полностью сохраняло свою силу среди «вечных кочевников» Казалинского, Перовского и др. уездов предреволюционного Казахстана. Например, бедняк старик Оралбай Таубаев в ауле № 3 Карабастугайской волости Казалинского уезда был внуком крупного скотовладельца бая Кабая, жившего в середине XIX века. Бедняк старик Койбагар тоже был сыном крупного бая Мангыбая, а жена его Калышбике была дочерью другого крупного бая Адамбая из рода Карабазар-Кете. Когда Калышбике выдали замуж за Койбагара в 60-х годах XIX века, ее отец купил в Бухаре для дочери вместе с приданным служанку-рабыню. А потомки баев Адамбая, Мангыбая и Кабая были бедняками. Таких фактов масса. Для кочевника-казаха гурты скота составляли и предмет первой необходимости и богатство; вместе с их гибелью погибал и он, или же делался нищим[2].

---

[1] *Юзефович Б.* О быте киргизов Тургайской области.— Русский вестник, т. 146, 1880, стр. 803.

[2] *Смирнов Е.* Сыр-Дарьинская область. Спб., 1887, стр. 149.

По всем своим признакам патриархально-феодальные отношения не тождественны развитым феодальным. Между патриархально-феодальным строем и феодально-крепостническим имеются существенные различия. Эти различия выражали разный уровень развития производительных сил и различную степень зрелости производственных отношений. Патриархально-феодальные и феодально-крепостнические отношения — это две стадии в развитии одной и той же общественно-экономической формации. Экономические условия в рамках одной и той же общественной формации по мере ее развития с неизбежностью должны изменяться.

В своем развитии каждая общественная формация проходит различные стадии. Если взять первобытную общественно-экономическую формацию, то она прошла в своем развитии, после отделения человека от животного мира, через многочисленные ступени матриархально-родового и патриархально-родового строя; рабовладельческая формация — через патриархальное и античное рабство; точно так же феодальная формация — через раннефеодальную или патриархально-феодальную и крепостническую стадии. Эпоха первоначального накопления была последним этапом разложения феодализма и первым этапом зарождения капитализма. Переходный период от феодализма к капитализму характеризуется как феодально-капиталистическая стадия развития. Сама капиталистическая формация в своем развитии проходит через эпоху промышленного капитализма и империализма. Переходный период от капитализма к социализму есть необходимая полоса исторического развития, когда происходит процесс революционного преобразования капитализма в социализм, который является первой или низшей фазой коммунистической формации, за которой затем следует высшая фаза — зрелое коммунистическое общество. Каждая стадия или фаза развития той или другой общественной формации характеризуется своими специфическими чертами, представляющими собой те или другие стороны данного способа производства.

Сущность марксистско-ленинского метода анализа явлений заключается в том, что вещи и их мысленные отображения рассматриваются в их взаимной связи, в их сцеплении, в их движении, в их возникновении и исчезновении. Диалектическая логика требует рассмо-

трения предмета в его развитии, «самодвижении», изменении. Марксизм-ленинизм всякую иную формулировку развития считает «односторонней, бедной содержанием, уродующей и калечащей действительный ход развития (нередко со скачками, катастрофами, революциями) в природе и обществе»[1].

Любую общественную формацию нельзя рассматривать как застывшую, раз и навсегда данную, не имеющую определенных этапов развития. Нежелание считаться с этим привело, например, И. Я. Златкина к тому, что он поставил непроходимый барьер между концом старой первобытно-общинной формации и началом новой рабовладельческой или феодальной формациями. Он пишет: «То, что Маркс и Энгельс вслед за Морганом называли «высшей ступенью варварства» — вместе со свойственной этой ступени политической надстройкой в виде военной демократии,— является не началом феодальной формации, а концом первобытно-общинного строя, последним этапом его разложения»[2]. По И. Я. Златкину выходит, что последний этап разложения старой общественной формации совершенно не связан с зарождающейся новой. Выходит, что старая формация умирает до появления новой. И только потом каким-то чудом в один прекрасный миг появляется новая общественная формация совершенно «чистенькой», «новенькой» и «однородной».

Конец старой формации вместе с тем является и началом новой. В переходный период сосуществуют элементы как старого, так и нового общества. Исследование особенностей такой стадии развития общества является одним из трудных и важных вопросов марксистско-ленинской науки.

Марксизм-ленинизм учит, что «ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в лоне самого старого общества»[3]. Причем, созревание и появление материаль-

[1] *Ленин В. И.* Соч., т. 21, стр. 37.

[2] *Златкин И. Я.* К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов.— Вопросы истории, 1955, № 4, стр. 72.

[3] *Маркс К.* К критике политической экономии. Л., 1952, стр. 8.

ных и социальных условий перехода от первобытно-общинной формации к антично-рабовладельческой или феодальной происходит с гораздо меньшей резкостью, чем в последующих высших формациях.

В. И. Ленин на примере переходного периода от капитализма к социализму дал конкретный урок того, как надо подходить к анализу таких исторических этапов общественного развития. Он разъяснял, что переходный период от капитализма к социализму есть такой этап в общественном развитии, в экономике которого «есть элементы частички, кусочки капитализма и социализма... Но не всякий, признавая это,— говорит В. И. Ленин,— размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса»[1]. В другом случае В. И. Ленин говорил: «Мы отнюдь не рассматривали хозяйственный строй России, как нечто однородное и высокоразвитое»[2].

Такой переходный период, характеризовавшийся многоукладной экономикой, народы Советского Союза в основном прошли за первые двадцать лет. Это было в одной стране. Но этим не исчерпывается содержание понятия переходного периода от капитализма к социализму в мировом масштабе. В действительности вся история человечества после раскола мира на две системы есть история сосуществования и борьбы новой развивающейся коммунистической общественно-экономической формации со старой, разлагающейся капиталистической общественно-экономической формацией. Поэтому основным содержанием нашей эпохи является переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией в России. Трудно сказать точную дату, когда эта стадия развития в мировом масштабе завершится. Но нет сомнения в том, что завершится обязательно победой коммунизма над капитализмом.

По определению Ф. Энгельса, политическая экономия по своему существу является исторической наукой. Она имеет дело с историческим, то есть с постоянно изменяющимся материалом: она исследует прежде всего особые

---

[1] *Ленин В. И.* Соч., т. 32, стр. 309.
[2] *Ленин В. И.* Соч., т. 33, стр. 381.

законы отдельной ступени развития производства и обмена и лишь в конце этого исследования может установить немногие, самые общие законы, применимые к производству и обмену вообще. Поэтому стремление отдельных историков подвести под одни и те же законы политическую экономию полуфеодального и полурабовладельческого кочевого общества типа казахского, существовавшего в XV—XVIII вв., и политическую экономию разлагающегося феодализма, основанного на крупном землевладении Западной Европы и России того же периода, очевидно, ничего для науки не даст, «кроме самых банальных общих мест»[1].

В. И. Ленин историко-экономические термины «патриархальный», «патриархально-крестьянские отношения», «патриархальщина» и «полуфеодальные отношения» употреблял в двояком значении: в одном случае, как образное выражение для того, чтобы подчеркнуть экономическую и культурную отсталость вообще, отсталость деревенской жизни при капитализме, оторванность деревни «от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом»[2], а в другом случае — для характеристики пережиточного общественно-экономического уклада с натуральным хозяйством вообще, натуральным кочевым и полукочевым скотоводческим хозяйством, в частности.

На IV конгрессе Коминтерна в 1922 г., еще раз касаясь пяти общественно-экономических укладов в России, В. И. Ленин говорил, что первый уклад — это «патриархальная, т. е. наиболее примитивная форма сельского хозяйства»[3]. Именно в этом смысле В. И. Ленин писал: «Патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом, или полукочевом»[4].

Марксистско-ленинская теория всегда рассматривала различные уклады хозяйства в рамках той или другой общественной формации как сосуществование старого и нового. При рассмотрении и изучении каждого нового общественно-экономического уклада необходимо

---

[1] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1957, стр. 138.
[2] *Ленин В. И.* Соч., т. 32, стр. 329.
[3] *Ленин В. И.* Соч., т. 33, стр. 381.
[4] *Ленин В. И.* Соч., т. 32, стр. 272—273.

ставить вопрос так, «как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется»[1].

XX съезд КПСС потребовал полного устранения догматизма в науке, подчеркнул необходимость творческого подхода к решению научных проблем и развития науки в теснейшей связи с практикой коммунистического строительства. Научное исследование должно правильно оценить каждое явление реальной жизни в свете основных положений марксистско-ленинской теории без догматизма и шаблона.

Стремление отдельных историков найти ответы на конкретные вопросы, касающиеся сущности кочевого хозяйства казахов в XVII—XVIII столетиях, в простом логическом развитии общей истины о феодализме, их попытка навязать умозрительные схемы, не связанные с анализом конкретно-исторических фактов, обусловленных соответствующими материальными условиями жизни общества, загораживает путь к научному исследованию реального исторического процесса развития общества. Примером такого подхода к определению сущности социально-экономических отношений у казахов в XVII—XVIII вв. и вообще социально-экономических отношений у кочевников является статья Л. П. Потапова, опубликованная в журнале «Вопросы истории», № 6 за 1954 г. «Если же признать скот главным средством производства и основой феодальной собственности,— писал он,— то в таком случае исчезает различие между феодальной собственностью на основные средства производства и единоличной собственностью непосредственного производителя, основанной на личном труде. Следовательно, о феодализме при этом и говорить не приходится. Отсюда видно, что основой феодализма у кочевников, как и у других народов, была только земельная собственность»[2].

В этом положении содержится ряд ошибок. Во-пер-

---

[1] *Ленин В. И.* Соч., т. 25, стр. 430.

[2] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.— Вопросы истории, 1954, № 6, стр. 85.

вых, здесь основной признак развитого феодализма — феодальная собственность на землю — декларативно, произвольно навязывается переходному патриархально-феодальному кочевому обществу. Во-вторых, в нем полностью игнорируются определенные стадии развития данного общества, что является свидетельством полного отвлечения от реальной жизни и стремлением руководствоваться общими теоретическими положениями, которые ничего не говорят о специфике развития феодализма в той или иной стране. В-третьих, основной вид материального производства в кочевом обществе — скотоводство — во внимание не принимается. Здесь все своеобразие кочевого общества подгоняется под общую схему развитого феодализма. Л. П. Потапов так и говорит: «Патриархально-феодальные отношения — это отношения феодальные, выросшие у кочевников, как и у земледельческих народов, под воздействием общей закономерности феодализма, на основе развития и упрочения феодальной собственности на главное средство производства — землю»[1].

Для понимания общей закономерности развития данного антагонистического классового общества, характера эксплуатации человека человеком, природы классов и их отношений решающее значение имеет выяснение того, что из средств производства является частной собственностью. Что касается вопроса о том, какие предметы природы являются основными средствами производства в производственной деятельности людей, то это всецело зависит в каждом конкретном случае от господствующего вида материального производства в данном обществе.

Определение Л. П. Потаповым сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых скотоводческих народов этого не учитывает. Л. П. Потапов ставит знак равенства между понятиями «патриархально-феодальные отношения» и «феодальные отношения», как между адэкватными. Кроме того, понятие «патриархально-феодальные отношения» он связывает только с кочевым хозяйством. В действительности же через этап пат-

[1] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.— Вопросы истории, 1954, № 6, стр. 85.

риархально-феодальных отношений прошли все народы мира, совершавшие переход от дофеодальных формаций к феодальной.

Русский народ через такую стадию развития прошел в VI—IX вв. К этому периоду у славянских племен на территории древней Руси существовал патриархально-родовой быт при широкой общинной форме землевладения.

Такая общинная форма землевладения проявлялась в том, что каждый член рода занимал землю там, где хотел и в таких размерах, в каких он мог. Право на землю определялось общепризнанными началами: «куда топор и соха ходили», «расчисти — и твое», «что к тому селу изстарь потягло» и т. п.

Не существовало и точных границ племенных владений, а тем более владений отдельных семей и дворов[1]. Такой стадии исторического развития соответствовала в основном племенная собственность на землю. «Первая форма собственности, это — племенная собственность. Она соответствует неразвитой стадии производства, когда люди живут охотой и рыболовством, скотоводством или, самое большее, земледелием. В последнем случае она предполагает огромную массу еще неосвоенной земли... Общественная структура ограничивается поэтому лишь расширением семьи: патриархальные главы племени, подчиненные им члены племени, наконец, рабы. Рабство, в скрытом виде существующее в семье, развивается лишь постепенно, вместе с ростом населения и потребностей и с расширением внешних сношений — как в виде войны, так и в виде меновой торговли»[2].

Весь предшествовавший возникновению княжеской государственной власти и образованию Киевского государства в древней Руси период был переходным периодом к раннефеодальным или патриархально-феодальным отношениям[3]. Это был период, когда в восточно-славянском обществе в условиях разложения об-

---

[1] *Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1947, стр. 80—81.

[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 3, стр. 20.

[3] «Новые археологические данные и показания письменных источников, рассмотренные в свете марксистского учения о базисе и надстройке, позволяют трактовать VI—VIII вв. в истории восточного славянства как переходный период от первобытно-общин-

щинно-патриархального строя происходило становление феодальных отношений, когда на основе развивающегося имущественного и политического неравенства возникли классы, стала появляться частная собственность на землю, стало развиваться крупное землевладение и эксплуатация землевладельцами крестьян-общинников.

П. Н. Третьяков считает, что известную роль в процессе возникновения классового общества сыграла у восточных славян, кроме того, еще одна форма примитивной эксплуатации — взимание дани с покоренного населения. Давно известная на славянском юге эта форма эксплуатации в VII—IX вв. получила широкое распространение. Дань с покоренного населения послужила одним из существенных источников накопления богатства в руках феодализирующейся знати. Впоследствии, уже во времена Древней Руси, когда процесс превращения общинных земель в частную собственность близился к своему завершению, эксплуатация сельского населения путем сбора дани претерпела трансформацию, превратилась в ряде случаев в ренту продуктами[1].

Сбор дани был одной из архаических форм эксплуатации, которая существовала в истории многих народов. Дань — форма эксплуатации, имевшая место у всех племен с развитым «военно-демократическим» устройством. Во времена «великого переселения народов» даннические отношения получили очень широкое распространение. Требование платить дань являлось следствием любого завоевания или подчинения. Дань собирали готские «короли», Аттила, авары, подчинившие себе, в частности, и некоторые славянские племена. Основу общественной структуры антских и славянских племен в VI—VII вв. составляла, по-видимому, патриархальная община, находившаяся в состоянии распада и входившая в состав территориальной поземельной общины. Это была та самая «задруга» — большая семья, кото-

---

ного строя (на последней стадии его развития) к классовому, феодальному обществу, как переходный период от «военной демократии» к раннефеодальному относительно единому государству. Этот период можно назвать полупатриархальным — полуфеодальным». (Очерки истории СССР, IX—XV вв., ч. I. М., 1953, стр. 68).

[1] *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 281, 294, 296.

рая сохранялась в некоторых местах на Балканском полуострове до XIX — начала XX вв[1].

В VI—VII вв. славяне стали образовывать «полугосударственные объединения переходного типа». До IX века при оседлом земледельческом характере экономики и быта населения, при многочисленности племенных объединений и обширности территории «мелкий земледельческий производитель — общинник сохранял свою личную и экономическую свободу от небольшой верхушки господствующих классов и не был закрепощен ими»[2]. Киевское государство IX—X вв., которое во всех отношениях стояло на более высоком уровне развития по сравнению с любым кочевым обществом, Маркс все же считал «варварским» государством переходного типа, подобно империи Карла Великого на Западе, образовавшейся на почве объединения и завоевания «варварских» племенных государств франков, лангобардов, саксов, остготов, вестготов и др., возникших на развалинах Римского рабовладельческого государства.

Эти «варварские» племенные государства остготов, вестготов, лангобардов и др., по нашему мнению, находились примерно на одном уровне развития с племенно-феодальными, военно-кочевыми государственными образованиями, включая государственные образования, существовавшие у монголов эпохи Чингис-хана и кочевых ханств казахов XV—XVIII вв. Маркс кочевое общество монголов эпохи Чингис-хана не случайно называл «полуцивилизованным», то есть «полуварварским» обществом, в котором уже существовала эксплуататорская верхушка, пользовавшаяся привилегией, напоминающей в некотором отношении феодальное право; но это было полуфеодальное, патриархально-феодальное право, имевшее место «у всех полуцивилизованных народов в результате воинственного образа жизни»[3]. Слова «варварско-племенное» и «полуцивилизованное» Маркс употреблял по отношению к обществу, являвшемуся переходным к феодальному, и в этом смысле это понятие совпадает с понятием «патриархально-феодальное». Во

[1] *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена, М., 1953, стр. 175—176.

[2] *Ляшенко П. И.* История народного тозяйства СССР, т. I, М., 1952, стр. 101—102.

[3] Архив Маркса и Энгельса, т. V, 1938, стр. 220.

всех работах К. Маркса, Ф. Энгельса, где употребляются понятия «варварство» и «полуварварство», они употребляются как равнозначные понятиям «патриархальный» и «патриархально-феодальный». Следовательно, стадия исторического развития общества, названная Энгельсом «высшей ступенью варварства», мало чем отличается от стадии патриархально-феодальной.

К. Маркс и Ф. Энгельс придавали словам «варварские» и «полуварварские» тот же самый смысл, какой придавал В. И. Ленин словам «полуфеодальный» или «патриархально-феодальный».

Понятие «полуфеодальный» у В. И. Ленина всегда имело двоякое значение. В одном случае, оно означало явление, переходное от патриархального к феодальному, а в другом — переходное от феодального к капиталистическому. Оба эти явления параллельно существовали в разных районах обширной территории дореволюционного Казахстана. Если в чисто скотоводческом кочевом ауле мы могли видеть фигуру кочевого бая — скотовладельца, отсталого, патриархально-феодального типа, то в оседлом и полукочевом аулах мы видели баев, занимающихся земледелием, скотоводством и отчасти торговлей. Хозяйство и образ жизни делали их баями феодально-капиталистического типа, приближающегося к типу хозяйства кулака[1].

При всей однородности социально-экономического содержания патриархально-феодальных отношений как у оседлых земледельческих, так и у кочевых скотоводческих народов, они имели свои специфические особенности. Эта специфика заключалась в том, что оседлое земледельческое и кочевое скотоводческое хозяйства соз-

---

[1] «...Хозяйственный быт туркестанских казахов отличается от хозяйственного быта казахов северных областей и уездов: именно, в дифференциации казахов на несколько резко друг от друга отличающихся слоев или классов. Дифференциация, и тоже резкая, замечается и в северных степях; и там богачи-баи, резко выделяются из массы заурядных, средних казахов, и эти последние, опять-таки, резко отличаются от более или менее закабаленных байгушей или джатаков. Но на севере эта дифференциация — главным образом, если можно так выразиться, количественная: богач имеет всего *больше,* нежели среднесостоятельный казах, а тем более — нежели джатак; но он имеет *все то же,* что имеют они. Будучи крупным скотоводом и в силу этого совершая со своим скотом дальние перекочевки, он в то же время в больших размерах занимается земле-

давали различные потенциальные возможности для дальнейшего развития производительных сил общества. Разные виды материального производства — кочевое скотоводство и оседлое земледелие с присущей каждому из них технологией производства и социально-бытовым укладом жизни, обусловили различные формы земельных отношений. Специфические условия кочевого скотоводства и военно-походный образ жизни у кочевников создали широкую общинную форму землевладения при частной собственности на стада и табуны. Это ни в какой мере не противоречит общей закономерности общественного развития, а показывает лишь многогранность, сложность богатого своим содержанием процесса исторического развития.

Общую закономерность общественного развития абсолютно невозможно втиснуть в рамки какой-нибудь схемы, как это пытаются делать отдельные историки и юристы. Каждый народ в зависимости от преобладающего вида своего материального производства, от конкретно сложившихся социально-экономических, природных и прочих условий, совершает закономерный процесс развития от низшей стадии к высшей, создавая при этом свою собственную историю. История одного народа не может быть стереотипом истории другого народа.

Патриархально-феодальное общество является начальной, ранней стадией развития феодализма. Полного своего развития феодализм у кочевых народов достигает только тогда, когда происходит их оседание и скотоводство начинает сочетаться с земледелием и сенокошением. «Без перехода на оседлое состояние кочевники-скотоводы дальше патриархально-феодальных отношений не идут»[1]. Без оседания кочевые народы не могли перейти

делением, имеет большой дом, заготовляет много сена и во всем этом идет, обыкновенно, впереди своих среднесостоятельных и бедных сородичей. Совсем не то у туркестанских казахов: у них дифференциация является не только количественною но и, так сказать, *качественною:* богач имеет не только *большее по размерам,* но и *совершенно другое по характеру* хозяйство, и вместе с тем ведет и совершенно иной образ жизни, нежели бедняк, причем среди Сыр-Дарьинских казахов богачи являются не только прогрессивным, но наоборот — наиболее отсталым элементом». (Кауфман А. А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Спб., 1903, стр. 141—142).

[1] *Якубовский А.* Серьезное исследование по истории таджикского народа.— Коммунист, 1953, № I, стр. 109.

ни к античному рабовладельческому, ни к развитому феодальному обществу.

Отождествление патриархально-феодальных отношений с феодальными и переоценка возможности развития производительных сил кочевого общества вытекает из субъективного желания искусственно «выравнивать», то есть «нивелировать» уровень развития производительных сил и производственных отношений у кочевых полуфеодальных скотоводческих и оседлых феодальных земледельческих народов.

Следует обратить внимание на определение составных элементов производительных сил кочевого общества, которое дано Л. П. Потаповым: «Производительные силы у скотоводов-кочевников имели частный характер, а собственность на главное условие производства: кочевье, пастбища и т. д., то есть на землю — общинный, Это противоречие и было постепенно устранено новыми производственными отношениями, отношениями классовыми, которые нередко, впрочем, в течение долгого времени сосуществовали со старыми патриархальными отношениями»[1]. По Потапову основное средство производства в кочевом обществе — земля, но, оказывается, оно вне рамок производительных сил кочевого общества. Парадоксально, но факт, «главное условие производства» кочевника — земля исключена из понятия производительных сил. В действительности, как уже не раз нами отмечалось, землю — естественное пастбище у кочевников в единстве с пасущимся стадом нельзя исключить из производительных сил кочевого скотоводческого общества.

Л. П. Потапов ошибочно полагает, будто бы классовые отношения у кочевников не могли возникнуть до тех пор, пока существовало общинное владение землей. Он отвергает признание роли стад и табунов как средства производства вообще и отрицает возможность эксплуатации человека человеком на основе частной собственности на эти стада и табуны.

Как уже выяснилось, в условиях кочевого скотовод-

---

[1] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана (доклад). Материалы научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана. (Ташкент), 1954, стр. 27 (отдельная брошюра).

ческого общества эксплуатация человека человеком происходила на основе частной собственности на стада и табуны при общинном владении пастбищем. Поэтому классовые отношения складывались на основе частной собственности на стада и табуны, а общинное землевладение на «необитаемые пространства» всегда было лишь главным естественным условием существования кочевого скотоводства.

Теоретическое положение К. Маркса о том, что форма организации труда определяется средствами производства, блестяще подтверждается и в условиях кочевого скотоводства. Кочевое передвижение скотоводов было своеобразной формой организации их труда. Такая форма организации труда была вызвана к жизни тем, что основным средством производства выступал живой скот, посредством которого присваивалась дикорастущая трава. Известно, что «технология каждого производственного процесса и техника данного производства создают соответствующие себе ритм труда, следовательно, форму организации труда»[1]. Процесс воспроизводства стад и табунов был и процессом кочеваний. Полная зависимость существования кочевников от экстенсивного скотоводства, требовавшего постоянного передвижения с целью утилизации готовых плодов природы — дикорастущих трав естественного пастбища, определила и соответствующий жизненный уклад у кочевников.

Кочевники использовали естественное богатство земли и грабили готовые материальные ценности у оседлых жителей, уничтожали памятники культуры, созданные оседлой жизнью, и разрушали все преграды, препятствовавшие их свободному передвижению, сметали с лица земли все, что мешало земле стать естественным пастбищем. «У варварского народа-завоевателя сама война является еще... регулярной формой сношений, которая используется все шире, по мере того как прирост населения, при традиционном и единственно для него возможном примитивном способе производства, создает потребность в новых средствах производства»[2]. Этими обстоятельствами вызывались кровавые нашествия гуннов и монголов, а также беспрерывные войны и переселения

---

[1] *Плеханов Г. В.* Искусство и литература. М., 1948, стр. 66.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 3, стр. 21.

среди многих других кочевых народов. Их целью был захват новой территории, необходимой для кочевого передвижения, ограбление оседлого населения, порабощение и получение дани с покоренных народов.

Кочевое общество развивалось главным образом вширь. Пока оно оставалось кочевым, в нем отсутствовали экономические предпосылки для развития патриархально-феодальных отношений вглубь, то есть в развитую стадию феодализма. Об этом Маркс писал: «В древних государствах, в Греции и Риме, вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя... Недостаточное развитие производительных сил ставило права гражданства в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать. Единственным спасением была вынужденная эмиграция.

То же самое давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира. Здесь, хотя в другой форме, действовала та же причина. Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными. То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени, как это имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»[1].

Монголы Чингис-хана и другие кочевники увеличивали богатства своей патриархально-феодальной верхушки не только путем эксплуатации патриархальных рабов и полузависимых бедняков в своей среде, но в значительной мере грабежами скота и имущества у других народов. Чингис-хан, типичный военный авантюрист, вначале — вожак разбойничьей банды, умело использует недовольство обездоленных народных масс, выходит по-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 8, стр. 567—568.

бедителем из борьбы со своими могущественными противниками и создает военное полуфеодальное государство, сразу вступающее на путь широкой внешней экспансии, успех которой является условием самого его существования[1].

У гуннов, монголов и других кочевников не было и не могло быть развитых феодальных отношений, они не были носителями прогресса и культуры. Их нашествия и непосильные дани задерживали прогрессивное развитие других народов, стоявших на более высоком уровне социально-экономического развития. К. Маркс о нашествии монголов на Среднюю Азию писал: «...орды совершают варварства в Хорасане, Бухаре, Самарканде, Балхе и других известных городах. Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту»[2]. Следовательно, никакого «золотого века» в истории кочевников не было. Наоборот, все кочевники, которые завоевывали более культурные страны, сами подчинялись этой высокой культуре, переходили к оседлости и только в результате этого они могли достичь уровня развитого феодализма.

Кочевое скотоводческое общество в его чистом виде никак не могло дойти до уровня развитого рабовладельческого или феодального хозяйства без перехода к оседлости. Переход к оседлости был первым и основным условием дальнейшего развития кочевого общества.

Преобладающий вид материального производства в конечном счете определяет форму общества и темпы его прогрессивного развития. «Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных (то есть всех общественных явлений — *С. Т.*)... Это — особый эфир, который определяет удельный вес всякого существа, в нем находящегося»[3].

Вся история борьбы революционных классов, прогрессивных социальных групп, партий и передовых людей любой эпохи была по существу историей борьбы за замену отсталого вида общественного производства пе-

---

[1] *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации, М—Л., 1948, стр. 290.

[2] Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 221.

[3] *Маркс К.* К критике политической экономики. Л., 1952, стр. 220.

редовым, за замену отсталой материально-технической базы производства передовой, за замену старой отсталой формы собственности на средства производства новой, за замену отсталого образа жизни более прогрессивным.

Борьба могла происходить в самой разнообразной форме в зависимости от достигнутого уровня развития производительных сил общества и существующей исторической ситуации, но под каким бы мотивом она не выступала, она была всегда борьбой революционной. Л. П. Потапов, утверждает, что феодальные отношения у кочевников побеждают без революции, без революционной ломки и уничтожения старых общественных форм. Он пишет: «Феодальные по своему экономическому содержанию производственные отношения у кочевников выступают не только в формах, присущих феодальным отношениям, но и в значительной степени в старых, патриархальных родовых формах, характерных для первобытно-общинного строя. Почему это так происходит? Объяснение этому нужно искать не только в том, что эти формы всячески сохраняли и поддерживали феодалы в эксплуататорских целях, но также и в условиях зарождения феодальных отношений у кочевников, которые возникают в недрах первобытно-общинного строя, что дает возможность феодалам использовать его патриархальные формы. Зародившись в недрах первобытно-общинного строя, они, как и патриархально-рабовладельческие отношения, побеждают без революции, без революционной ломки и уничтожения старых общественных форм, а, напротив, используют их, приспосабливают к себе. Некоторые старые патриархальные формы, конечно, выгоднее было сохранить и использовать, а не разрушать»[1].

Таким образом, Л. П. Потапов отрицает возможность существования какого бы то ни было переходного этапа развития в истории кочевников. Получается какое-то «врастание» первобытно-общинного строя кочевников в феодализм без всяких переходных этапов развития, без революционных преобразований. У Л. П. Потапова

[1] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.— Вопросы истории, 1954, № 6, стр. 88.

получается, что у кочевников действие экономического закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил не ведет к революционной ломке старых общественных форм.

Л. П. Потапов своим утверждением о том, что феодальная форма производственных отношений у кочевников, «зародившись в недрах первобытно-общинного строя, как и патриархально-рабовладельческие отношения, побеждает без революционной ломки и уничтожения старых общественных форм», возвышает патриархально-рабовладельческие отношения до самостоятельной общественной формации. В действительности эти патриархально-рабовладельческие отношения существовали при переходе от первобытно-общинной формации к рабовладельческой точно так же, как патриархально-феодальные отношения являлись переходными к феодальным.

Нам представляется, что переход кочевников даже к патриархально-феодальному этапу развития был хотя и постепенным, но качественным скачком в виде перехода средств производства — стад и табунов из общественной (родовой) собственности в частную, образования социальных групп и классов, появления эксплуатации человека человеком в форме патриархального рабства и патриархально-феодальной эксплуатации, хотя полный переход кочевников к развитому феодализму не мог быть завершен без перехода их к оседлости. О глубоко революционном характере таких социально-экономических изменений, происшедших в кочевом скотоводческом обществе, Ф. Энгельс писал: «Как и когда перешли стада из общего владения племени или рода в собственность глав отдельных семей, об этом мы ничего до сих пор не знаем. Но в основном переход этот должен был произойти на этой ступени (т. е. в связи с первым крупным общественным разделением труда — *С. Т.*). *А с появлением стад и прочих новых богатств в семье произошла революция*»[1] (подчеркнуто нами — *С. Т.*).

Ошибочные утверждения Л. П. Потапова вытекают из неправильного определения сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников и отождествле-

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Л., 1953, стр. 166—167.

ния их с развитыми феодальными, из отрицания их переходного характера. Это привело к смешению двух различных форм производственных отношений. Одно дело, когда базис общества составляет переходная форма производственных отношений, когда борьба между новыми феодальными и старыми патриархально-родовыми отношениями еще продолжается. Другое дело, когда новая форма производственных отношений окончательно одерживает полную победу над старой, когда завершается переход от одной общественной формации к другой.

Смешение этих двух этапов исторического развития привело Л. П. Потапова к его ошибочной теории безреволюционного перехода кочевых народов от первобытно-общинной формации к так называемому «кочевому феодализму». Для нас бесспорным является тот факт, что как патриархально-рабовладельческие, так и патриархально-феодальные отношения, существовали тогда, когда революционные преобразования еще не были завершены, но экономическую основу их составляла уже частная собственность на средства производства. Рабство в кочевом обществе носило патриархальный характер, то есть рабы работали вместе с членами семьи кочевника-скотовладельца, как правило, имея возможности обзавестись семьей и хозяйством[1].

Полное абстрагирование от конкретных условий преобладающего вида материального производства кочевников привело Л. П. Потапова к возвеличиванию скотовладельческой верхушки патриархально-феодального кочевого общества в ранг типичных «феодалов», имевших якобы право сословно-монопольной, крупной феодальной земельной собственности. Л. П. Потапов полностью отрицает экономическое значение частной собственности на стада и табуны в условиях кочевого скотоводческого общества, являющиеся средством труда и средством существования кочевников, и упускает из

[1] «При отсутствии земельной собственности, при крайней простоте бытовых условий и при господстве патриархальных отношений не могло образоваться у кочевников чисто сословного развития, а также не могло возникнуть и рабства на почве аграрных отношений, так как и самого земледелия не существовало... Тем не менее рабство, хотя и в измененной форме, приспособленной к потребности кочевого быта, у казахов существовало». (Крафт И. И. Из киргизской старины. Оренбург, 1900, стр. 95).

виду, что сословно-монопольная собственность феодалов на землю могла возникнуть только в условиях оседлого земледельческого общества и только на зрелой стадии развития феодализма.

Эта стадия возникла тогда, когда вся или почти вся земля стала собственностью феодалов, а крестьяне, обрабатывающие ее, превращались в крепостных. Известно, что такая сословно-монопольная земельная собственность феодалов складывалась в Западной Европе в VII—VIII вв., в России не раньше IX—X вв. и процесс ее укрепления достиг своей кульминации только в XII—XIV вв.

Рассматривая сословно-монопольную феодальную земельную собственность не как продукт длительного исторического развития в условиях оседлого земледелия, а как категорию, появляющуюся чуть ли не с момента зарождения патриархально-рабовладельческой и патриархально-феодальной эксплуатации в условиях кочевого скотоводства, Л. П. Потапов постоянно оперирует только понятием феодально-крепостнического строя. Все признаки крепостничества он механически переносит на патриархально-феодальное кочевое общество. «Собственность на скот,— пишет он,— не могла служить основой феодализма у кочевников уже потому, что она не являлась монопольной собственностью феодалов. Скот был в частной собственности также рядового кочевника»[1]. У Л. П. Потапова все вращается вокруг схемы сословно-монопольного землевладения феодалов. Отрицая экономическое значение частной собственности на стада и табуны, как основы патриархально-феодальной эксплуатации в условиях кочевого скотоводства, Л. П. Потапов выдвигает в качестве основного доказательства своего мнения то положение, что в патриархально-феодальном кочевом обществе скот находился в частной собственности и у «рядовых кочевников». Далее он спрашивает: «Можно ли представить себе в условиях феодализма у земледельческих народов такое положение, при котором земля находится в частной

---

[1] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.— Вопросы истории, 1954, № 6, стр. 85.

собственности у помещика и крестьян?»[1]. Такая постановка вопроса сама по себе является неясной. Неизвестно: спрашивает ли Л. П. Потапов о возможности существования *частной собственности «и помещика и* крестьянина» на один и тот же участок земли одновременно, или же о возможности параллельного существования частной собственности феодала и крестьянина на разные участки земли. Мы склонны считать, что он имеет в виду второе. На этот вопрос можно ответить утвердительно. Все зависит от места и времени, от стадии развития феодализма, то есть от конкретно сложившихся социально-экономических условий. Безусловно был прав акад. В. Д. Греков, когда писал: «Оформление того или иного строя происходит не вдруг, что тут неизбежны более или менее длительные переходные моменты... От первобытно-общинного строя к феодальному славяне (так же, как и другие народы средневековья) перешли не сразу. «Варварские» государства, возникшие на развалинах античного рабовладельческого мира, не сразу стали феодальными. Это дофеодальный (или патриархально-феодальный — *С. Т.*) период в их истории, сущность которого состоит в том, что в основе производства этих государств еще не крепостной труд, а труд свободного общинника»[2]. Нет ничего недопустимого в том, чтобы провести известную параллель между частной собственностью обычных кочевников на скот и частной земельной собственностью крестьян под названием «аллод» образовавшуюся в среде германских и других племен в провинциях Западной Римской империи после ее падения в VI—VIII вв. По словам Ф. Энгельса, пахотная земля и луга, превратились в отчуждаемую частную собственность — «аллод» отдельных хозяйств общины[3]. По данным К. Н. Тарновского, в VIII—IX вв. на всей славянской территории соседская община совмещала в себе частное владение и индивидуальную обработку «доли» и «жребия» с коллективной собственностью на выгоны для скота. Такое частное

[1] *Потапов Л. П.* О сущности патриархально-феодальных отношений народов Средней Азии и Казахстана (доклад). Материалы научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1954, стр. 29 (отдельная брошюра).

[2] *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949, стр. 111.

[3] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Л., 1953, стр. 156.

землевладение крестьян представляло «собой не что иное, как аллод, свободно отчуждаемую земельную собственность»[1].

Такая же частная собственность на землю существовала еще в XIV—XVI вв. среди свободного крестьянства, например, в Белозерском крае. А. И. Копанев пишет: «Мы имеем многочисленные факты продажи, обмена и завещания в монастырь волостными крестьянами своих земель. Это указывает на то, что крестьяне владели землей на правах частной собственности»[2]. Существование «аллода» и частного землевладения у славянских крестьян убедительно показывает, что в эпоху становления феодализма, то есть на ранней, полуфеодальной или патриархально-феодальной стадии развития у земледельческих народов существовала мелкая крестьянская частная собственность на землю, наряду с зарождающейся феодальной земельной собственностью, которая в процессе дальнейшего развития ускорила классовую дифференцию населения и способствовала образованию крупной сословно-монопольной феодальной земельной собственности.

Возникновение аллода было неизбежным результатом перехода к оседлому образу жизни и земледелию германских и других племен, которые еще до падения Римской империи, оседая вперемежку с традиционными земледельцами — римлянами, постепенно усваивали римскую земледельческую технику, римские земельные порядки и многие другие элементы римской культуры.

Появление частной собственности на землю послужило прочной основой того процесса, при котором в обществе, где решающую роль играло земледелие, господствующим классом постепенно с ростом имущественного неравенства становился класс крупных землевладельцев. Но этот процесс в различных странах мира шел по-разному. Например, появление крупного сословного феодального землевладения в России не уничтожило сельскую крестьянскую общину, а превратило ее в

---

[1] *Тарновский К. Н.* Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян.— Вопросы истории, 1954, № 4, стр. 91.

[2] *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.— Л., 1951, стр. 190.

крепостную. Об историческом процессе появления русской крепостной крестьянской общины В. И. Ленин писал: «Если можно было говорить о родовом быте в древней Руси, то несомненно, что уже в середине века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных: помещики и монастыри принимали к себе крестьян из различных мест, и общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами»[1]. Такие территориальные общины, сохраняя внутри себя старые традиции общинников, правда, с некоторыми особенностями для различных этапов развития феодализма, находились под властью помещиков-землевладельцев, в крепостной зависимости от них. Это двойственное положение русской крестьянской общины, связанное, с одной стороны, с сохранением старых общинных традиций, с другой — с наличием феодальной собственности на землю, порождало у крестьян-общинников ложное представление о том, что земля якобы принадлежит им. Они не могли понять, что само крепостное право было только юридическим выражением крупной феодальной собственности на землю.

Такое представление русских крепостных крестьян, которые видели основу своей крепостной зависимости только лишь во внеэкономическом принуждении, ошибочно разделял и Г. В. Плеханов. Он писал: «Крепостное право сковало и принизило землевладельца, но не изменило его отношения к земле. «Мы ваши, а земля наша» — говорили крестьяне помещикам»[2]. Ошибка Г. В. Плеханова здесь заключается в том, что он русских крепостных крестьян считал собственниками феодальных земель и не видел того изменения в их правовом отношении к земле, которое произошло вместе с появлением крупного феодального землевладения. Г. В. Плеханов не понял, что сущность правовых отношений крестьян, как класса к земле, следовательно, сущность производственных отношений феодально-крепостнического общества России, определялась именно сословно-монопольной феодальной собственностью на землю. Классо-

---

[1] *Ленин В. И.* Соч., т. I, стр. 137.

[2] *Плеханов Г. В.* Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. Л., 1939, стр. 265.

вые отношения между земледельцами — крепостными крестьянами и помещиками в России определялись феодальной собственностью на землю.

В период ускоренного развития капитализма в России народники как идеологи мелкой буржуазии, боясь острых конфликтов и противоречий капитализма, кричали об «обезземеливании» и «потере самостоятельности» крестьянских хозяйств. Изображая развитие капитализма в России как «регресс» и «упадок», они доказывали, что совершается переход от «самостоятельного крестьянского хозяйства к подневольному», батрацкому. Такая точка зрения народников была подвергнута резкой критике В. И. Лениным, который показал, что батрацкому хозяйству, появившемуся в связи с развитием капиталистических отношений, предшествует не «самостоятельность» крестьянина, а крепостничество. «Поэтому ссылаться на крепостническое «наделение землей» для доказательства «исконности» принадлежности средств производства производителю — сплошная фальшь»[1].

На ноябрьской экономической дискуссии 1951 года высказывалась неверная точка зрения о том, что основой феодализма было внеэкономическое принуждение, то есть насилие, а не феодальная собственность на землю. И. В. Сталин, руководствуясь известным марксистско-ленинским положением, ответил на это: «Конечно, внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников, однако, не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю»[2].

В данном случае И. В. Сталин подчеркнул давно известное положение марксизма-ленинизма. К сожалению, ухватившись за эту цитату из работы И. В. Сталина, некоторые историки и юристы стали доказывать, что это новое открытие в марксизме, и на этой основе стали требовать пересмотра чуть ли не всех вопросов, связанных с феодальным способом производства.

При внимательном чтении этой цитаты видно, что Сталин здесь имеет в виду развитое феодальное обще-

---

[1] *Ленин В. И.* Соч., т. 1, стр. 469 (вторая сноска).

[2] *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952, стр. 41.

ство, где существует экономическая власть помещиков-крепостников, базирующаяся на феодальной собственности на землю. И. Я. Златкин дальше «расширяет» это высказывание И. В. Сталина. Он говорит: «Сказанное здесь товарищем Сталиным верно не только по отношению к странам земледельческим, но и странам кочевого скотоводства»[1].

В действительности И. В. Сталин, когда говорил о феодально-крепостническом обществе, основанном на крупном землевладении, не имел в виду переходную, патриархально-феодальную стадию его развития, тем более он не имел в виду кочевое скотоводческое общество.

«Можно ли перенести положение о феодальной собственности на землю в чистом виде с земледельческого общества целиком на общество кочевников-скотоводов? Нам представляется, что нельзя. Так как у кочевников-скотоводов нет непосредственного отношения к земле, т. е. к пастбищу, а имеется опосредствованное отношение через коллектив (через род и племя)»[2].

Основное положение марксизма-ленинизма, говорящее о том, что основой феодализма была феодальная собственность на землю, вовсе не исключает возможности существования в раннефеодальном обществе, наряду с феодальной и частной крестьянской земельной собственности.

Не следует забывать, что между появлением частной собственности на землю, обрабатываемую личным трудом крестьян, и появлением крупной сословно-монопольной собственности феодалов на землю, обрабатываемую трудом крепостных крестьян, лежит целая полоса исторического развития. Между этими двумя формами частной собственности на землю существует качественное различие. «Бесчисленные оттенки частной собственности, которые открываются нашему взору, отражают лишь промежуточные состояния, лежащие между обеими этими крайностями»[3].

---

[1] *Златкин И. Я.* О феодальной земельной собственности у кочевых народов. См. стенограмму доклада в Институте востоковедения 22/XII—1952 г.

[2] *Якубовский А. Ю.* Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в XIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 60.

[3] *Маркс К.* Капитал, т. I, 1952, стр. 764.

Говоря о монопольной собственности феодалов на землю, нельзя упускать из виду тот факт, что никогда, ни в одном из антагонистических обществ, ни у одного класса не существовало стопроцентной и абсолютной монополии на средства производства. Основа всякой монополии есть частная собственность. «...До тех пор, пока существует монополия собственности, до тех пор и собственность на монополию имеет одинаковое с ней оправдание, ибо раз уж дана монополия — она есть собственность»[1]. Поэтому нельзя фетишизировать монополию земельной собственности, рассматривая ее как явление, присущее всем стадиям развития феодального способа производства и связанное только с ним. Она в той или другой степени существует во всех антагонистических общественных формациях.

В. И. Ленин отмечает существование двоякого рода монополий в капиталистическом сельском хозяйстве, одна из которых вытекает из ограниченности земли, которая «совершенно независимо от какой бы то ни было *собственности* на землю — создает известного рода монополию, именно: так как земля вся занята фермами, так как спрос предъявляется на весь хлеб, производимый на всей земле»...[2], что порождает дифференциальную ренту с лучших участков земли. Здесь земля выступает как объект хозяйства, а не как объект частной собственности. Вторая монополия вытекает из существования частной собственности на землю, которая порождает абсолютную ренту со всех участков земли, вовлеченных в хозяйственный оборот. Абсолютная рента «не выплачивается там, где — фактически или юридически — *нет собственности на землю*»[3]. Ни логически, ни исторически эта монополия с предыдущей неразрывно не связана[4].

Капиталистическое общество в целом характеризуется монополией класса капиталистов и крупных землевладельцев на важнейшие средства материального производства. Значит, по словам В. И. Ленина, и в капиталистическом обществе не устраняется монополия на землю. И там мелкие земледельцы все более стано-

[1] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. I, стр. 560.
[2] *Ленин В. И.* Соч., т. 5, стр. 108.
[3] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные письма. М., 1947, стр. 131.
[4] *Ленин В. И.* Соч., т. 5, стр. 110.

вятся монополистами, мелкими аграриями[1]. Эту монополию может иметь любой владелец денег, который покупает землю, что объясняется отсутствием здесь связи между земельной собственностью и сословной привилегией, которая была характерна только для развитой стадии феодализма. Точно так же в любой отрасли капиталистического производства каждый владелец крупной суммы денег может стать монополистом, вложив эти деньги в производство. Следовательно, в основе монопольного положения любого собственника как при феодализме, так и при капитализме лежит концентрация в его руках основных средств производства в виде частной собственности. Большое количественное накопление в немногих руках стад и табунов в кочевом скотоводческом обществе при бедности основной массы населения тоже порождало своеобразную монополию.

Каждый крупный землевладелец мог превратиться в монополиста только в соответствующих условиях преобладающего вида материального производства. Сословно-монопольная крупная собственность на землю, которая является экономической основой крепостничества, возникла только на зрелой стадии развития феодализма. Поэтому сословно-монопольная собственность на землю не могла служить непременным критерием при определении сущности производственных отношений людей на начальных ступенях развития феодального общества. В условиях кочевого скотоводческого хозяйства ее вовсе не было.

Кочевое скотоводство крайне ограничивало возможность расширенного воспроизводства и роста общественного богатства.

Увеличение общественного богатства и темпы развития производительных сил общества в рамках антагонистических формаций определяются не продолжительностью прибавочного времени, а производительностью общественного труда, которая непосредственно связана с материально-технической базой данного общественного производства и уровнем развития культуры самих производителей. Применительно к казахским жузам XVII—XVIII вв. это означало, что ничем не ограниченные размеры рабочего времени патриархаль-

[1] *Ленин В. И.* Соч., т. 22, стр. 84.

ных рабов и бедных зависимых и полузависимых пастухов, затрачиваемого днем и ночью на уход за стадами и табунами степных богачей, не могли обеспечить воспроизводство более или менее прочного богатства общества из-за низкой производительности труда, несмотря на очень тяжелую форму патриархально-феодальной эксплуатации. А низкая производительность общественного труда обусловливалась примитивным характером кочевого скотоводства. Примитивность и рутина кочевого скотоводства определялись условиями труда, исключавшими возможность производства и использования более или менее сложных орудий труда и применения в процессе производства каких бы то ни было новых технических усовершенствований, которые в конце концов могли бы привести к изменению материальной основы производства и резкому повышению производительности общественного труда. Следовательно, при таких условиях производства существовавшая тяжелая эксплуатация труда патриархальных рабов, малаев и консы никак не могла обеспечить постоянное расширение процесса воспроизводства, рост материальной и духовной культуры общества.

Как уже выяснено, основным видом материального производства в патриархально-феодальном обществе казахов XV—XVIII вв. было кочевое скотоводство. Земля целиком использовалась как пастбище в ее естественном состоянии, люди вкладывали свой труд не в обработку земли, а в уход за скотом и его разведение. Подобное положение охарактеризовано К. Марксом следующим образом: «У кочевых пастушеских племен,— а все пастушеские племена первоначально кочевые,— земля, наравне с прочими природными условиями, представляется в своей первичной неограниченности, например, в степях Азии и на азиатском плоскогорье. Ее используют как пастбище и т. д., на ней кормятся стада, которыми, в свою очередь, существуют пастушеские народы. Они относятся к земле, как к своей собственности, хотя они никогда не фиксируют этой собственности»[1].

Слова: «они относятся к земле, как к своей собственности», в данном тексте мы понимаем как отношение

[1] *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 23—24.

людей к своей общинной собственности, а слова: «они никогда не фиксируют этой собственности», по-видимому, указывают на отсутствие частной земельной собственности, на отсутствие закрепления отдельных участков земли за теми или иными кочевниками[1].

Народ, занимающийся таким видом производства, стал целиком пастушеским народом. Скотоводы всегда были вместе со своими стадами, а землю — пастбище, меняли почти ежедневно. Они использовали землю до тех пор, пока на ней не была вытравлена вся дикорастущая трава. Такая специфика скотоводства с неизбежностью требовала широкой общинной формы землевладения[2].

Эту особенность скотоводческого хозяйства глубоко понимали классики научного коммунизма. «...У пастушеских народов, — писал К. Маркс, — собственность на естественные продукты земли — на овец, например,— это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются»[3].

Эти слова К. Маркса следует понимать не в том смысле, что овцы есть простой дар природы, а в том, что растения, как великие поглотители и хранители солнечной энергии в измененной форме служат кормом для скота, что при кочевом скотоводстве первичным и основным средством труда были стада и табуны. Без этого средства труда, то есть без стад и табунов, не было бы возможным присвоение таких предметов природы. Кочевой скотовод смотрел на естественные луга, пастбища как

---

[1] «Правовые отношения казахов, как вытекающие из обычая (адет), не знают формы частного владения землею, почему русская юрисдикция в статьях Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г. 270-й и последующих, признав все земли государственными, передала их в пользование всех кочевников без права отчуждения под видом частного владения». (Гейер И. И. Голод и колонизация в Сыр-Дарьинской области. Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. III, Ташкент, 1894, стр. 2).

[2] «Но прежде при совершенно кочевом образе жизни скотоводов, ... при частых перекочевках с одного урочища на другое, иногда расположенных на расстоянии сотен верст, фактически нельзя было отстаивать право пользования урочищем в течение круглого года, не существовало вообще каких-либо строгих земельных разграничений даже между крупными родами». (Материалы по киргизскому землепользованию... Кустанайский уезд, стр. 54).

[3] *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940, стр. 24.

на свою собственность до тех пор, пока он присваивал дикорастущую траву этих лугов путем пастьбы, до тех пор, пока паслись на этих лугах его стада и табуны.

К. Маркс, противопоставляя характер землевладения у кочевых монголов характеру землевладения у оседлых германцев, считая первых скотоводами, а вторых земледельцами, писал: «Монголы при опустошении России действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием. Германские варвары, для которых земледелие при помощи крепостных было традиционным способом производства, также как изолированная жизнь в деревне, тем легче могли подчинить этим условиям римские провинции, что происшедшая там концентрация земельной собственности уже совершенно опрокинула прежние отношения земледелия»[1].

Прежде всего, здесь К. Маркс подчеркивает существенное различие общественного производства у оседлых земледельцев и кочевых скотоводов. Первые были активными участниками образования новой прогрессивной общественно-экономической формации — западноевропейского феодализма; концентрируя в своих руках земельную собственность, они опрокинули старые античные и патриархально-феодальные формы земельных отношений. Что же касается монголов, то последние не были носителями чего-либо нового, наоборот, они разрушали более высокую культуру, опустошали прямым грабежом города и села, производили сбор дани с покоренных народов и племен, используя большие необитаемые пространства лишь как естественное пастбище для кочевого скотоводства. С течением времени под влиянием высокой культуры покоренных народов эти монголы частично осели и тем самым известная часть их могла достичь уровня развитого феодализма[2].

Как видно, нельзя ставить знак равенства между историческими последствиями двух разнохарактерных за-

---

[1] *Маркс К.* К критике политической экономии. Л., 1952, стр. 210.

[2] «В XII в. создаются предпосылки для выхода Хорезма из периода феодальной раздробленности и превращения его в ядро одной из наиболее ранних и могущественных феодальных монархий Востока, империи хорезмшахов, принявшей на себя первый удар полчищ Чингис-хана, разделив с Русью высокую заслугу спасения своей кровью европейской цивилизации». (Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 321—322).

воеваний, то есть между завоеваниями древними германцами и другими народами Римской империи и нашествием монголов на Среднюю Азию и Россию, происшедшими при господстве двух различных видов общественного производства и при различных социально-экономических условиях.

Существование кочевого хозяйства предполагает, что в каждый данный момент на всей территории постоянного кочевого передвижения населения должны быть пространства как пустующие, так и населенные, иначе существование кочевого скотоводства немыслимо. Общественно-экономическая жизнь кочевого общества казахов в значительной степени была обусловлена в прошлом обширностью территории казахских жузов, которая в современных границах превышает 2,7 млн. кв. километров. Эта территория, по размерам уступающая только территории РСФСР, и бóльшая, чем территория всех остальных союзных республик нашей страны вместе взятых, представляющая в основном степи и пустыни, где плотность населения в XV и первой половине XVIII вв. была ничтожна, является самой убедительной свидетельницей того способа ведения кочевого скотоводческого хозяйства, когда отсутствовала частная собственность на землю.

Одной из характерных черт военно-кочевой, патриархально-феодальной жизни казахов в XVII—XVIII веках было наличие у них патриархального рабства и работорговли. Грубое насилие, грабеж, патриархальное рабство и работорговля вытекали из самой социально-экономической сущности патриархально-феодального кочевого общества казахов. О фактах существования патриархального рабства и работорговли в XVIII и до 60-х годов XIX в. сообщается во многих источниках. В частности, в постановлении Сената от 9 января 1757 г. отмечается продажа на Сибирской линии казахами пленных людей из азиатских народов[1]. Казахи Среднего жуза, приезжая в Троицкую крепость для меновой торговли, «нередко привозили с собой и живой товар, состоявший из пленных калмык и особенно калмычат... В 1758 г. было выменено калмык и калмычат м. пола

[1] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 228—229.

44 чел., женского пола 21 чел., и, кроме того, двое персиан, а всего в этом году 67 человек; в 1760 г. было уже променено на половину меньше: м. пола 28 чел., ж. пола 7 чел.; в следующем 1761 г. число их сократилось до 9 чел., из них 7 м. пола и 2 ж. пола, а в 1762 г. их было только уже 5 чел., в том числе 3 м. пола и 2 ж. пола»[1]. В. Н. Витевский указывает, что в дальнейшем вывоз калмыков казахами в Троицкую крепость совершенно прекратился. Это было связано с окончательным разорением джунгаров и переселением оставшихся в Китай в 1758 году.

21 июня 1800 г. Мендей Ядыгеров на допросе в пограничной комиссии сообщил, что он 20 лет тому назад попался в работники с Сеитовского пасада купцу Мусе Улееву. Потом от купца бежал. В 3 верстах от г. Оренбурга его поймали казахи Младшего жуза Кетинского рода и привезли в свой аул. Он достался одному из батыров-воров Каракаю Картабаеву и стал его рабом[2].

Батыр Беркутбай из Каракетинского рода со своими сообщниками 6 апреля 1815 г. около Орской крепости напал на казачьего урядника Замятина и казака Гудошникова, забрал у них запряженных в телеге двух лошадей и увез их самих как пленных[3]. В 1805 году хивинцы, прибывшие с караванами к Оренбургу, «выменивают и покупают ежедневно за меновым двором от казахов обоего, а паче женского пола людей, под названием каракалпаков; хотя в самом существе сии несчастные суть истинные казахи, похищенные своими однопленниками и проданные хивинцам, или и самими родственниками, даже отцами, для укрытия себя и их от голодной смерти проданные в неволю»[4]. Хивинцы приобретали «через сей оборот за маловажные цены многих и вечных себе работников, из которых... женский и мужской пол не более стоит от 25-ти до 50-ти, повзрослее и 100 руб. душа»[5]. Источниками получения рабов были взаимный грабеж и захват людей в междоусобной борьбе между казахскими

---

[1] *Витевский Н. В.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., т. III. Казань, 1897, стр. 736, 739.

[2] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 197, св. 145, л. 57.

[3] Там же, лл. 91, 92.

[4] Материалы по истории Казахской ССР, т. IV. М.— Л., 1940. стр. 228.

[5] Там же.

родоплеменными группами, военные нападения, захват в плен людей из соседних народов. В 1825—26 гг. отмечается, что «дети казахские и калмыцкие, на сибирскую линию вывозимые для продажи, суть большею частью дети вместе с барымтою, то есть вместе с отгоном скота похищенные»[1].

Это не какие-то единичные и случайные эпизоды, а факты, характеризующие всю общественно-экономическую жизнь казахских кочевников в течение ряда веков.

После принятия подданства России Младшим жузом казахский народ еще долго «продолжал жить своей обычной жизнью, казахи не платили никаких ясаков, не признавали над собой русского господства, при удобном случае нападали на пограничные поселения и торговые караваны»[2]. Главными виновниками всех грабительских набегов на русские и другие населенные пункты были паразитирующие насильники — батыры, для которых грабежи и порабощение были основным и постоянным занятием. Они всеми средствами боролись против всего того нового и прогрессивного, что появлялось в казахском обществе в связи с присоединением Казахстана к России. Одним из таких реакционных грабителей-батыров был Срым Датов. «Восстание» Срыма Датова по существу было не чем иным, как грабежом, захватом в плен, продажей в рабство людей из пограничных русских населенных пунктов и борьбой против присоединения Младшего жуза к России. Его выступление в конце 1783 г. началось с пленения и продажи в рабство в Хиву одного из старшин уральского войска Чаганова.

Казахское батырство и патриархальное рабство в кочевом обществе казахов являлись двумя сторонами одной медали. Даже в 30-х годах XIX в. Оренбургский купец Зайчиков, имея тайный договор с казахскими батырами типа Срыма, организовывал систематический захват русских людей для продажи их в рабство в среднеазиатских городах, за что Зайчиков был сослан в Сибирь на каторжные работы[3].

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. I, д. 635, св. 97, л. 15.

[2] *Пистоленко В.* Из прошлого Оренбургского края. Чкалов, 1939, стр. 74—75.

[3] *Добросмыслов А. И.* Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1912, стр. 38 (сноска).

В условиях неустойчивого пастбищно-кочевого скотоводства, военного грабежа и необузданного насилия трудящиеся казахи влачили полурабское, нищенское существование и погибали с голоду. Нередко нищета и голод вынуждали бедняков продавать своих детей в рабство. Такие факты подтверждаются указом царского правительства от 23 мая 1808 г. Указом разрешалось «русским подданным свободных состояний выменивать казахских детей, которые по достижении 25-летнего возраста долженствуют быть свободными»[1], одновременно запрещалась покупка казахских детей среднеазиатскими купцами. Отмечая существование страшной нищеты среди казахского населения и наличие рабства и работорговли как явлений отрицательных, царское правительство, вместе с тем считало не зазорным покупать людей на ограниченный срок, рассматривая это как большое облегчение, по сравнению с вечным рабством, существовавшим в среднеазиатских ханствах.

В соответствии с этим указом в октябре того же года Оренбургской пограничной комиссией было отобрано от хивинских торговцев семь казахских девочек, купленных в разных родах Младшего жуза. Хивинец Мамет-Рахим Шите-Ниязов купил в Табынском роде 16-летнюю дочь казаха Юлдубая за 116 рублей, хивинец Гидният Ишметов купил в Кзыл-Курт Таминском роде 10-летнюю дочь казаха Акбуры за 130 рублей и два куска бязи, хивинец Мамет-Нияз Ишметов купил в Бюргу-Табынском роде 13-летнюю дочь казаха Утавлия за 100 руб. и конец выбойки, хивинец Ишниязов купил в Кенжебай-Таминском роде 13-летнюю дочь казаха Тукмака за 70 рублей и один халат, хивинец Нияз-Мет Ишметов купил в Атаган-Таминском роде 10-летнюю дочь казаха Тляса за 80 рублей, хивинец Упса Супхан-кул купил в Курак-Таминском роде 10-летнюю дочь казаха Чункая за 52 рубля, хивинец мулла Кутлумурат Муратов купил в Таминском роде 10-летнюю дочь умершего казаха Джаилгана за 45 рублей у вдовы матери[2].

---

[1] *Крафт И. И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898, стр. 146.

[2] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 1720, св. 307, лл. 4, 5.

Масса фактов, относящихся к XVIII и началу XIX века, говорит о продаже своих детей в рабство полунищими казахскими кочевниками. 7 сентября 1816 г. Оренбургской пограничной комиссией зафиксировано объяснение Петра Степанова, новокрещенного казаха. Он говорил, что ему от роду 19 лет, родное имя его Аманбай, что он из Кипчакского рода Среднего жуза. Отец его казах Джайлау и мать Кульмекен кочевали около Звериноголовской крепости и 13 лет тому назад «отец его по бедному состоянию продал неизвестному ему казаху со взятием от него одного жеребенка и одной коровы»[1].

В том же 1816 г. 17 июля в Оренбургскую пограничную комиссию явилась девушка Анна Андреева, новокрещенная казашка и объявила, что ей от роду 17 лет, 11 лет тому назад «отец ее казах Жемикий и мать Заузана, кочевавшие при Орской крепости, по бедному своему состоянию продали ее находящемуся в Орской крепости вахтеру Лисюкову; но за какую цену не помнит»[2]. 30 апреля 1823 года священник Троицкой церкви Г. Е. Ильин заявил, что 23 мая 1808 года он «у казаха Еманая Бызауова купил сына его родного Исенбая Еманаева, имеющего от роду семь лет ценою за сто пятьдесят рублей, которого он был обязан воспитывать, иметь в прислуге впредь до двадцатипятилетнего возраста»[3]. Другой священник Ф. П. Рычков заявил: «Казах Сарыкбай Ейкбаев... по случаю совершенной его бедности по доброй воле означенному Рычкову продал родного своего сына Сагынбаса Сарыкбаева, имеющего от роду пять лет ценою за сто пятьдесят рублей...»[4].

Только в одной части уральского войска, расположенной по реке Урал от гор. Уральск до городка Гурьев, по неполным данным, в 1817 г. зарегистрировано 72 случая продажи родителями казахами с ограниченным сроком в рабство своих детей (57 мальчиков и 15 девочек) в возрасте от 2 лет и старше разным чинам из числа военнослужащих. Почти все эти подростки и дети были крещены, имели христианские имена и фамилии[5]. Отра-

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 1173, св. 275, л. 419.
[2] Там же, л. 326.
[3] Там же, д. 4601, св. 597, л. 3 и об.
[4] Там же, л. 9.
[5] ЦГИА КазССР, ф. 4, оп. I, д. 4595, св. 596, лл. 2—8.

жением таких явлений в жизни патриархально-феодального кочевого общества казахов является сохранившаяся в памяти народа пословица: «Продав сына, имел лошадь; продав дочь, имел пищу»[1].

Продажа детей в рабство не было явлением новым, якобы возникшим в связи с присоединением Казахстана к России, как полагают некоторые историки и юристы. Она существовала у монголов эпохи Чингис-хана и у предков казахов-кочевников Дешт-и-Кипчак XIII—XIV веков. Об этом ал-Омари писал: «Во время голода и засухи они (кочевники Золотой орды — *С. Т.*) продают своих сыновей. При избытке же они охотно продают своих дочерей, но не сыновей, детей же мужского пола они продают не иначе, как в крайности»[2].

Ф. Зобнин в работе «К вопросу о невольниках и тюленгутах в киргизской степи» указывает, что в 1834 г. у султана Матаевской волости Даута Мамырканова оказалось во владении 5 семей невольников и девушка 14 лет, всего 12 душ мужского пола и 7 женщин; у султана Назаровской волости Ишима Ючина значилось по списку 39 слуг, составлявших 8 семей: 24 лица мужского пола и 15 женщин и т. д. В этот период казахские батыры и баи, имевшие в своем распоряжении излишнее количество рабов, продавали, обменивали их на скот и на всякие другие товары. Раб преподносился в подарок в знак родства (вместе с приданым), дружбы и приязни; его выставляли как приз на конских скачках (байги). «Природный казах шел также в невольники к другому богатому казаху за неоплаченный долг, бывший на его отце. Казах делался рабом султана другого рода, являясь искупительной жертвой за воровство и грабеж скота (барымту), произведенные обществом, к которому он принадлежал»[3].

Рабство у казахов, серьезно ограниченное Уставом

---

[1] Ұлымды сатып ат еттім, қызымды сатып ас еттім.

[2] Цит. по работе Грекова Б. Д. и Якубовского А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.— Л., 1950, стр. 118.

[3] *Зобнин Ф.* К вопросу о невольниках и тюленгутах в киргизской степи. В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 год. Семипалатинск, 1902, стр. 2.

Сперанского[1], официально запрещенное в годы отмены крепостного права в России, окончательно было ликвидировано только в 70-х годах XIX века в связи с завершением процесса добровольного присоединения к России всех трех казахских жузов.

Патриархальное рабство и работорговля в жизни казахов XV—XVIII вв. нашли свое выражение также в широком распространении многоженства среди патриархально-феодальной верхушки казахского общества и в существовании калыма — выкупной платы женихом за невесту ее родителям. Бессомненно, по своему происхождению калым был платой за девочку, продаваемую в рабство. Калым в аналогичных социально-экономических условиях существовал у многих народов. Казахский калым был самым ярким проявлением патриархального рабства, распространившегося на всю женскую половину общества. Калым стал условием для возникновения семьи, семейного очага среди всех слоев кочевого населения.

Основной формой семьи у казахов в XV—XVIII вв. была индивидуальная семья, которая появилась вместе с расколом общества на антагонистические классы. Частная собственность на основное средство труда кочевников — стада и табуны, требовала моногамную семью во главе с мужчиной. Скотоводство, ставшее единственным видом материального производства населения, в основном было делом мужчины. «Поэтому скот принадлежал ему; ему же принадлежали и полученные в обмен на скот товары и рабы. Весь избыток, который теперь давал промысел, доставался мужчине; женщина участвовала в потреблении его, но не имела доли в собственности»[2].

---

[1] «Уставом о сибирских казахах 22 июня 1822 года на основании коего ныне подтверждается повсеместно: прекращение торга детьми, вывозимыми из казахской степи, постановлено правилом: (§ 273) в волостях, образованных по сему уставу, сила и действие указа 1808 года о приобретении казахов в частное владение прекращается (§ 277). Невольники, ныне находящиеся у казахов, остаются при их владетелях с правом продажи, передачи и наследственного владения, но строго запрещается вновь приобретение в неволю природных казахов». (ЦГИА КазССР, ф. 338, оп. 1, д. 635, св. 97, лл. 17—18).

[2] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Л., 1953, стр. 167.

У казахов также было принято, что «никогда и ни в каком случае женщина не имеет собственности, это привилегия мужчин»[1]. Наследование у казахов происходило по мужской линии. Наследниками богатства отца являлись только сыновья, а не дочери. «Ни состояние отца и ни заработанное ее руками все это не ее; это наследство ее братьев, а нет их — наследство дяди. Родная дочь не наследница, все идет мимо ее»[2]. Главой семьи и господином над ее членами был муж-отец. Первым плодом господства отца в семье в истории было появление права его продавать своих детей. Отсюда казахская пословица: «Сын перед отцом — раб перед господином»[3].

Патриархально-феодальный характер семейно-брачных отношений выражался также в многоженстве у эксплуататорской полурабовладельческой верхушки кочевников. Это соответствует тому, что писал Ф. Энгельс: «Многоженство — привилегия богатых и знатных, и жены достаются главным образом путем покупки рабынь; большинство народа живет в моногамии»[4]. Казахские султаны, батыры, бии и баи приобретали вторых и третьих жен — полурабынь как путем войны, захвата пленниц, так и путем выплаты калыма за дочерей бескотных или малоскотных кочевников. Многоженство среди казахских эксплуататоров-кочевников преследовало троякую цель: во-первых, обеспечить домашнее хозяйство дополнительным количеством рабочих рук; во-вторых, удовлетворить желание скотовладельца быть отцом большого количества сыновей, что было одним из основных условий экономического и политического могущества среди кочевого населения; в-третьих, удовлетворить личную прихоть.

Рост поголовья скота, находящегося в частной собственности кочевой семьи, требовал увеличения числа членов семьи, вернее, рабочих рук в семье. Такая задача на первых порах разрешалась путем приобретения патриархальных рабов и рабынь или полурабынь-жен.

---

[1] ЦГИА КазССР, ф. 64, оп. I, д. 4236, св. 271, л. 48.

[2] Там же.

[3] Аталы ұл-хожалы құл.

[4] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, Л., 1953, стр. 61.

Казахские пословицы гласят: «Самая многолюдная семья может быть и самой богатой скотом»[1]; «Длинная кочерга руку не сожжет, имеющего братьев никто не тронет»[2].

Связь многоженства с патриархальным рабством выражалась еще в том, что первая жена, как правило, у казахских полуфеодалов именовалась байбише, то есть полноправная жена бая, а все остальные жены были неполноправными, имели презрительную кличку «тохал» (полурабыня)[3] и работали главным образом под командой байбише. Такое неравноправие между женами распространялось и на их детей. Преимущественным правом пользовались сыновья байбише, значительно меньшим — сыновья «тохал». Отсюда и оскорбительная фраза по адресу детей «тохал»: «Рожденный от тохал раб — чурбанная голова»[4]. Султан Букей Нуралиханов в одном из своих писем на имя русского царя не случайно писал: «...всеподданнейше прошу оказать мне высочайшую милость: ибо я по уважении состою наравне с прочими ханами и по знатности моего рода имею перед ними старшинство, тем что нас три брата, происходим же от отца хана и матери ханской дочери, а прочие султаны ведут свое происхождение от подлых матерей и ныне являются превосходнейшими»[5]. О сохранившейся еще в конце XIX века этой старинной традиции в быту казахов Внутренней Букеевской орды А. Харузин писал: «Если казах-букеевец имеет несколько жен, то первая считается старшей и называется «байбише»; ей прика-

---

[1] Мал басқа бітеді, хына тасқа бітеді.

[2] Көсеуің ұзын болса қолың күймес, атадан алтау тусаң адам тимес.

[3] Слово «тохал» соответствует слову «комолая», например, безрогую козу называют «тохал ешки». Происхождение этого слова, видимо, было связано с тем, что почти все младшие жены казахских полуфеодалов тогда доставались как военная добыча — «жесыр» или «ясыр» (то же самое, что и раб), или брались из бесправных бедных семей без приданого. Первым признаком такой бедности служило отутствие на голове невесты, когда она выходила замуж, богатого из бархата или парчи конусообразной формы головного убора саукеле с насечками из драгоценных металлов и камней, украшенного красивыми перьями филина. Отсутствие саукеле на голове невесты казалось убожеством и давало повод сравнивать ее с безрогой козой.

[4] Тохалдан туған томар бас-құл.

[5] Материалы по истории КазССР, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 268.

зать может только муж, она же распределяет работу между другими женами, которые считаются младше ее и носят название «тохал»[1]. «По древнему народному обычаю, только дети старшей жены сохраняют благородство отца, дети же младших жен суть — кулы (невольники) первых. Но это выходит из употребления и если поминается, то в брани и попреках»[2].

В 1880 г. в жизни семиреченских казахов отмечено, что богатые казахи «при всякой новой женитьбе отделяют жен, дают им имущество, скот. Размер надела зависит от усмотрения мужа и потому, конечно, различен. Однако все придерживаются обыкновения наделять первую жену большим прочих... У султана Найманхана Камбарова три жены. Первой — «байбише» — Джангумис дано: 60 лошадей, 200 баранов, 6 верблюдов, одна корова, юрта и имущества разного на сумму до 5 тыс. рублей. Второй — «уртанши» — Зияда дано: 20 лошадей, 150 баранов, 3 верблюда, юрта и имущество на пятьсот рублей. Третьей — «тохал» — Злихе дано: 10 лошадей, 100 баранов, 2 верблюда, юрта и имущество на двести рублей. Турспек Маманов дал женам, кроме юрт и имущества, первой — 60 лошадей, 300 баранов, 6 верблюдов и 10 коров; второй — 50 лошадей, 250 баранов, 5 верблюдов и 9 коров. Весь этот надел не составляет собственность жен, они им только распоряжаются, да и то не самостоятельно,— например, дарить и продавать без согласия мужа нельзя,— до совершеннолетия сыновей»[3].

Многоженство было условием многодетности; у кого было много сыновей, тот располагал и большим количеством пастухов и воинов. Авторитет и влияние человека среди населения определялись, наряду с богатством, количеством взрослых сыновей. Многодетность была одним из основных условий большой силы не только для рядовых казахов, но и для ханов. «Трудно и даже едва ли возможно определить степень власти начальников казахского народа. Границы оной зависят от множества обстоятельств частных и расширяются по боль-

---

[1] *Харузин А.* Киргизы Букеевской орды, вып. I. Спб., 1889, стр. 108.

[2] *Загряжский Г. С.* Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи.— Туркестанские ведомости, 1874, № 27.

[3] ЦГИА КазССР, ф. 64, оп. I, д. 4236, св. 271, л. 49 и об.

шей части не столько твердостью характера и правосудием лица повелевающего, *сколько многочисленностью его семейства, богатством, старостью лет, происхождением и умением пользоваться обстоятельствами,*— кстати льстить буйству, иногда покровительствовать оное, а иногда карать и преследовать без пощады»[1] (подчеркнуто нами —*С. Т.*). Все эти перечисленные А. Левшиным моменты, касавшиеся положения кочевого хана, объяснялись господством переходных, патриархально-феодальных отношений в кочевом обществе казахов. И. Г. Георги, который в 1771 году посетил аул хана Нурали, писал, что у этого хана «было четыре супруги и восемь наложниц, из коих первые были дочери знатных, наложницы же — простых казахов, отчасти и невольницы, а особливо похищенные калмычки»[2]. От этих 12 жен хан Нурали имел около 75 человек детей, из которых 40 было сыновей[3]. Хан Аблай имел 71 сына, надо полагать, что они родились тоже от большого количества жен[4]. Один из сильных батыров-биев в Кельдибаевском отделении Шомекейского рода, живший в конце XVIII и начале XIX вв. — Кетебай, упоминаемый Кобеком Шукурали-улы в 1803 г. в записке Оренбургскому губернатору Волконскому[5], по словам стариков Казалинского и Иргизского районов имел 30 сыновей.

Это было не только «казахским» явлением, оно имело место и у других народов на определенном этапе исторического развития. Например, у якутов в XVII веке об этом отмечается: «Из дальнего рода богатый человек брал себе трех жен за крупный калым, среднего состояния человек — двух жен, бедный человек — одну жену. Сильный человек — тот, который убивши мужа красивой женщины, брал ее вместе с богатством. Обычай многоженства объясняется желанием, чтобы родилось много детей»[6].

---

[1] Материалы по истории КазССР, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 435—436.

[2] *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II. Спб., 1799, стр. 136.

[3] Материалы по истории КазССР, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 66.

[4] *Валиханов Ч. Ч.* Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 12.

[5] Материалы по истории КазССР, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 514.

[6] *Пекарский Э. К.* Из преданий жизни якутов до встречи их с русскими.— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. XXXIV. Спб., 1909, стр. 148.

Представители патриархально-феодальной верхушки казахского кочевого общества покупали и продавали женщин как рабынь и полурабынь. Относительным почетом у мужа пользовалась та жена, которая больше других рожала сыновей. Отсюда благословение молодой женщине казахскими старцами, чтобы «она долго жила и рожала много сыновей», или чтобы «она долго жила и родила сына-батыра».

Патриархальный момент в семейно-брачных отношениях у казахов в этот период и позже заключался еще в их экзогамии. Были запрещены брак и половые сношения между членами одной и той же первичной родовой группы, считавшимися потомками одного общего предка, от которого их отделяло меньше семи поколений. «Обычай этот, по объяснению некоторых стариков казахов, вызван необходимостью, а именно: в те времена, когда казахи не были подданными России, набеги и барымта скота случались довольно часто и если бы при этом один из родовичей попался в беду, то на выручку его собирался целый род и брала верх сторона более сильная»[1].

Нарушение этого правила могло повлечь за собой выступление против виновных всей родовой группы, вплоть до их физического уничтожения. Этот запрет был освящен духом умерших предков и народ верил, что нарушители должны были быть подвергнуты гневом духа предков сверхъестественным карам.

Экзогамный род требовал, чтобы девушка, засватанная кем-нибудь из другого рода, считалась невестой (жесыр, ясыр) того рода, который ее засватал. Если почему-либо жених не мог жениться на невесте, или он умер, то тогда на ней должен был жениться один из его братьев; если их не было, то кто-нибудь из ближайших родственников по отцовской линии, если и их не было, то кто-нибудь из данного рода, но упускать из рода засватанную девушку считалось величайшим позором для всего рода, поэтому говорили: «невеста, ушедшая от жениха, не может уйти от рода»[2].

Многоженство, калым и экзогамия у казахских кочевников были ярким выражением существовавших тог-

[1] ЦГИА КазССР, ф. 64, оп. I, д. 4236, св. 271, л. 50.
[2] Жесір ерден кетседе, елден кетпейді.

да переходных патриархально-феодальных отношений, а не зрелых феодальных.

Все это также подтверждает, что общественно-экономический строй кочевого общества казахов в XVII—XVIII вв. был патриархально-феодальным, полуфеодальным. Все социальные группы этого общества отличались своей недоразвитостью. Господствующий класс был представлен в лице воинствующих полуфеодальных скотовладельцев: султанов, биев, баев и батыров, живущих, как правило, в многоженстве.

Эксплуатируемые прослойки были представлены патриархальными рабами и кочевой беднотой (малаи и консы), рекрутировавшейся из числа кочевых скотоводов — свободных общинников (шаруа).

Средства производства при оседлом земледелии и кочевом скотоводстве имеют существенные различия. Как уже сказано в первой главе, необходимыми элементами производительных сил в земледелии являются земледелец с определенными трудовыми навыками, орудия труда (соха, плуг, рабочий скот), предмет труда (семена и обрабатываемая почва). Необходимыми элементами производительных сил в кочевом скотоводстве являются пастух с определенными трудовыми навыками, орудия труда (стада, табуны и мелкий инвентарь) и предмет труда — пастбище. В этом различии элементов производительных сил в земледелии и в кочевом скотоводстве заложена разная потенциальная возможность развития этих обществ.

Развитие производства всегда происходит на основе развития и изменения производительных сил и начинается прежде всего с изменений и развития орудий производства. Орудия труда, их дееспособность являются показателем вооруженности человека в борьбе с окружающей природой. В патриархально-феодальном кочевом обществе в качестве основного средства производства выступал живой скот, который не поддавался быстрому усовершенствованию ни механическим, ни химическим путем. Это одно уже показывало ограниченную возможность поступательного развития кочевого скотоводческого общества.

Рост производительных сил кочевого общества выражался главным образом в усовершенствовании производственных навыков скотоводов, в более целесообраз-

ном использовании естественных пастбищ и водных источников. Здесь имеются в виду улучшение приемов пастьбы и поения скота; знание географии используемой территории, климатических условий, качества пастбищных трав в каждом сезоне для разных видов скота; весьма незначительное улучшение пород животных путем индивидуального отбора производителей и маточного поголовья; приобретение определенных навыков в выращивании молодняка; улучшение и приспособление к кочевой жизни всех мелких орудий и инвентаря; выработка определенных методов ухода за различными видами животных; создание народной ветеринарии и т. п. Но все эти достижения не вызывали и не могли вызвать без перехода к оседлости и земледелию коренного изменения материально-технической базы производства и организации труда, они не могли привести к коренной перестройке общественно-экономической жизни кочевников.

Изучение и анализ экономики кочевого скотоводческого хозяйства показывают, что производительные силы и производственные отношения кочевого общества никогда в своем развитии не достигали и не могли достигнуть того уровня, которым характеризовалось античное рабовладельческое или зрелое феодальное общество, где производительные силы создавались в условиях оседлости и земледелия. Кочевое скотоводство в основе своей было более отсталым и консервативным по сравнению с земледелием. Консервативность производительных сил кочевого общества проявлялась в следующих основных признаках.

Первый. Кочевое скотоводство исключало оседлый образ жизни, развитие земледелия, появление населенных пунктов — деревень и сел, появление частной собственности на землю, что имело в свое время большое прогрессивное значение. В основе всего этого лежала специфика средств труда кочевого скотоводства, специфика организации производства и труда, выразившаяся в опосредствованном производственном использовании земли людьми через стада и табуны, в вынужденном кратковременном пребывании их на одном месте, в отсутствии постоянного места жительства. Эти обстоятельства объективно закрывали путь людям для вложения своего труда непосредственно в землю, чтобы, кроме

утилизации дикорастущих трав путем пастьбы скота, извлечь из нее и другие полезные предметы природы, усовершенствовать свои средства труда. Относительно быстрое развитие средств труда, которое происходило в земледелии, не было присуще кочевому скотоводческому обществу. В силу своей отсталости кочевники не могли вести активной и интенсивной борьбы с природой, познать глубже ее законы, постепенно поставить их на службу людям. Кочевое скотоводство по своей специфике исключало появление городов — очагов промышленности и культурно-политической жизни, тем самым оно ставило весьма ограниченный предел экономическому развитию общества и прогрессу вообще.

Второй. Кочевое скотоводство по сравнению с земледелием имело значительно более продолжительный период производства. Это было обусловлено естественными и экономическими условиями кочевого хозяйства, которые тормозили развитие производительных сил общества и рост производительности общественного труда. Если в условиях кочевого скотоводства началом периода производства следует считать момент случки животных, то концом его надо считать момент получения взрослого производственного поголовья скота от этого приплода. Например, период котности у овец и коз длится пять месяцев. Это — естественный момент, который нельзя произвольно изменить, поэтому кочевник в нашем умеренном климате довольствовался получением в год одного приплода от овец и коз, тогда как в условиях оседлого интенсивного хозяйства можно получить три приплода за два года от одного и того же маточного поголовья овец и коз. На воспитание и выращивание ягненка и козленка, чтобы получить взрослые особи при отсталом кочевом скотоводстве, требовалось около 24 месяцев, тогда как при оседлом и интенсивном овцеводстве этот срок можно значительно сократить. Еще более длительным был период производства в коневодстве и верблюдоводстве. Например, период жеребости длится у кобылиц 11 и у верблюдиц 12—13 месяцев. Для получения полноценного маточного поголовья или рабочего скота от этого молодняка требовалось 5—6 лет. Это значит, что период производства в кочевом коневодстве равнялся 71—83 месяцам, а в верблюдоводстве — 73—85 месяцам. Между тем в земледелии период производства

зерновых, включая время подготовки к севу и уборке урожая, в нашем умеренном климате, за исключением озимой культуры, не превышал шести месяцев. Продолжительность периода производства в экстенсивном скотоводстве К. Маркс удачно сравнил с таким же периодом в лесоводстве и отметил, что «правильное лесное хозяйство требует, чтобы постоянно имелся запас леса на корню, превосходящий в 10—40 раз ежегодное пользование. Это значит, что один оборот приходится на 10—40 и более лет. То же самое и в скотоводстве»[1]. Отсюда ясно, что кочевое скотоводство по сравнению с земледелием было менее производительным, требующим беспрерывной затраты труда, легко подверженным природной стихии.

Третий. Кочевое скотоводство задерживало дальнейшее развитие общественного разделения труда. Каждый новый шаг в развитии общественного разделения труда показывает, как известно, новый высший уровень развития производительных сил общества. А всякая новая производительная сила неизбежно влечет за собой дальнейшее развитие общественного разделения труда. История кочевых народов показывает, что из кочевого скотоводческого хозяйства, как отрасли материального производства, не могли выделяться другие, новые отрасли общественного производства. Следовательно, оно задерживало дальнейший процесс роста производительных сил общества, классовой дифференциации населения, появления новых прогрессивных классов, консервируя веками характерные для этого общества более отсталые формы общественных отношений.

При кочевом обществе отсутствует промежуток свободного времени между периодом производства и рабочим периодом, дающий возможность заниматься ремеслом, тогда как в земледелии такой промежуток существует.

Известно, что период производства по яровой культуре, включая подготовку к севу и уборке урожая, составляет примерно 6, по озимой 11 месяцев; рабочий период после посева прерывается до момента созревания хлебов, если не считать полив и прополку там, где они

[1] *Маркс К.* Капитал, т. II. 1951, стр. 241.

потребуются. Кроме того, после снятия урожая до подготовки к следующему севу земледельцы опять имеют большой отрезок свободного от полевых работ времени, что дает им возможность заниматься ремеслом или другим видом трудовой деятельности. Это отмечено К. Марксом при рассмотрении экономики России. Он писал: «Например, Россия. Там в некоторых северных областях полевые работы возможны только в течение 130—150 дней в году... Существуют деревни, где все крестьяне из поколения в поколение являются ткачами, кожевниками, сапожниками, слесарями, ножовщиками и т. п.; в особенности это наблюдается в губерниях Московской, Владимирской, Калужской, Костромской и Петербургской»[1]. Что касается кочевого скотоводства, то здесь ввиду беспрерывности кочеваний и необходимости постоянного и круглосуточного ухода за скотом абсолютно нет разрыва между периодом производства и рабочим периодом. В этом лежала причина, мешавшая отделению ремесла от скотоводства.

Ремесло могло серьезно развиваться и превратиться в самостоятельную отрасль производства только при оседлом земледелии. Отделение ремесла от земледелия ознаменовало собой появление новой производительной силы общества и крупнейший прогресс в истории развития человечества. Ремесло же в условиях кочевого скотоводства никогда не достигает уровня развития самостоятельной отрасли общественного производства, оно не выходило за рамки примитивного домашнего промысла натурального хозяйства кочевников.

«Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также *отношения индивидов друг к другу* соответственно их отношению к материалам, орудиям и продуктам труда»[2]. Отделение ремесла от земледелия положило начало появлению различных отраслей промышленности, отделению города от деревни, интенсивному использованию самых разнообразных природных богатств. Появились города с каменными и кирпичными домами, что было показателем огромного прогресса в строительном

[1] *Марск К.* Капитал, т. II, 1951, стр. 237—238.
[2] *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч., т. 3, стр. 20.

искусстве. Человеческая деятельность становилась более разнообразной и богатой по своему содержанию. Этого не было и не могло быть в условиях кочевого скотоводства. Отсутствием ясного представления об экономике кочевого скотоводческого хозяйства как отрасли материального производства можно объяснить в корне неверное утверждение С. В. Юшкова о том, что и в условиях кочевого скотоводства возможно и неизбежно отделение ремесла от земледелия. Он писал: «В результате дальнейшего развития производительных сил, в частности, дальнейшего отделения торговли и ремесла от земледелия *или от кочевого скотоводства,* дальнейшего разложения первобытно-общинного строя, феодальный уклад превращается в феодальный, господствующий способ производства»[1] (подчеркнуто нами — *С. Т.*).

Четвертый. Кочевое скотоводство задерживало процесс отделения умственного труда от физического, не способствовало более интенсивному развитию материальной и духовной культуры. Кочевание как процесс труда есть отправление в путь всех людей кочевой общины в виде караванов. Во время движения караванов свободное от вьюков поголовье верблюдов, табуны лошадей, а также овцы и козы направлялись пастухами и табунщиками. Отправление целой общины караваном в путь так или иначе втягивало в процесс кочевания, то есть в процесс труда, почти всех трудоспособных людей. Даже сам глава богатого кочевого аула, пока он был трудоспособным, не мог стоять в стороне от процесса кочевания.

При таком образе жизни невозможно было серьезно заниматься наукой и искусством, не могло произойти отделения умственного труда от физического.

---

[1] *Юшков С. В.* Об основных моментах истории казахского государства.— Известия Академии наук Казахской ССР, серия историческая, вып. 4. Алма-Ата, 1948, стр. 46.

Данное высказывание С. В. Юшкова было развитием его ошибочной концепции в вопросах древней истории восточных славян и России. Об этой его ошибке В. В. Мавродин пишет: «...имеет место и модернизация, сказывающаяся в стремлении без каких-либо ссылок на источники утверждать развитие феодальных отношений и складывание государства у восточных славян в первые века н. э., чем повторяется ошибка, допущенная в свое время С. В. Юшковым, считавшим Киевское государство продолжением скифского государства... VIII в. до н. э.» (Советская этнография, 1954, № 2, стр. 33).

Вся духовная культура кочевого общества была сосредоточена в устном творчестве. В своих различных жанрах оно веками служило для казахов неписанным кодексом правил хозяйственной деятельности, обычного права, войны и мира, морали и быта. В нем, в особенности в пословицах и поговорках,— вся политика, экономика и даже история кочевого общества без даты. Основным лейтмотивом всего этого народного творчества был скот. Относительное богатство устного творчества казахов непосредственно вытекало из своеобразного материального производства и их образа жизни. Народ, веками ведший военно-кочевой образ жизни на необъятных просторах степей и пустынь, был тонким наблюдателем природы и хорошо знал технологию своего кочевого скотоводства.

Каждый неграмотный кочевник казах, как все кочевники мира, в XV—XVIII вв. был одновременно пастухом и воином, оратором и историком, поэтом и певцом. Вся народная мудрость, созданная веками, существовала только в устной форме.

Лирика была самым сильным и характерным жанром, наряду с эпосом устной поэзии.

Казахский эпос характеризуется всеми теми основными чертами, которые присущи эпосу других древних народов.

В казахском героическом эпосе ярко отразилась внутренняя социально-экономическая и внешне-политическая жизнь казахских племен XV—XVIII вв. «Эпос есть первый зрелый плод в сфере поэзии только что пробудившегося сознания народа. Эпопея может явиться только во времена младенчества народа, когда его жизнь не распалась на две противоположные стороны — *поэзию* и *прозу*, когда его история есть еще только предание, когда его понятия о мире суть еще религиозные представления, когда его сила, мощь и свежая деятельность проявляются только в героических подвигах»[1].

Казахские поэтические образы, в которых всюду присутствует скот, подтверждают, что на более низкой ступени исторического развития *«искусство — есть непосредственный образ процесса производства»*[2]. Здесь мы

[1] *Белинский В. Г.* Собрание сочинений. Спб., 1883, стр. 803.
[2] *Плеханов Г. В.* Искусство и литература. М., 1948, стр. 38.

видим неразрывную связь между трудом, музыкой и поэзией, где ведущим и определяющим элементом является труд. Казахи, находившиеся исключительно в условиях кочевого скотоводства, имели лишь те эстетические вкусы и понятия, которые могли быть порождены этими условиями жизни. Кое-кто, читая отрывки лирико-эпической поэмы, где самое грациозное движение красавицы Қыз-Жибек сравнивается с походкой трехгодовалого барана, может придти в полное недоумение от этого художественного образа, не находя в нем ничего красивого и поэтического. Но это может случиться с тем, кто не учитывает, что эстетические вкусы и понятия людей появляются и изменяются вместе с изменениями тех материальных условий жизни, в которых они живут.

Кочевые скотоводы, вся трудовая деятельность которых была связана со скотом, совершенно по-другому смотрели на домашних животных, чем, скажем, лесные охотники, оседлые земледельцы или же жители современных крупных городов.

Прежде всего, кочевые скотоводы больше и глубже знали различные свойства скота, разводимого и выращиваемого ими. Они очень дорожили этим основным средством существования. Именно поэтому они так правдиво и с большой любовью поэтизировали животных и их качества. Яркие краски и глубину чувств, которыми проникнуты многие казахские поэтические произведения, невозможно в переводе на другой язык передать полностью так, как они звучат на казахском языке.

К достоинствам джигита казахи относили: знание им способа ведения кочевого скотоводства, любовь к труду, стойкость при всякой невзгоде, силу и смелость, находчивость и остроумие, знание родословной своего рода и племени и поэтическое дарование. Отсюда казахская поговорка: «Джигит должен иметь твердый характер и восемь граней». Универсальность навыков, требуемая от кочевников, с одной стороны, была показателем того, что у кочевых скотоводческих племен не было достаточных условий для полного отделения умственного труда от физического, с другой стороны, сам процесс кочевого передвижения и пастьбы стад и табунов, в особенности в весенне-летний период, на широком бескрайнем просторе, под открытым небом, гораздо больше рас-

полагал кочевников к устному поэтическому и музыкальному творчеству, чем процесс труда земледельца по обработке клочка земли, или ремесленника по производству ручных изделий в своей крохотной хате. «Склонность к поэзии, особенно к импровизации, отличает все кочевые расы... Все путешественники, посещавшие аравийские пустыни и шатры, писали с удивлением о голых мальчишках, которые на все вопросы выпаливали правильно сложенными, размеренными четырехстишиями. Такие же явления представляют и монголо-тюркские поколения»[1].

Все сказанное дает основание заключить, что самым ярким выражением развития духовной культуры у кочевых народов является устное поэтическое и музыкальное творчество. В этом состояла сила и слабость духовной культуры всех кочевых народов различных исторических эпох.

Сила устного лирического или лирико-эпического произведения состоит в том, что сама по себе устная речь является общедоступной. Певец-импровизатор одновременно был и автором и исполнителем. Поэтическое произведение, исполненное искренне и прочувствованно, своими художественными образами и интонационной выразительностью обладало особой силой воздействия на массу. Именно этими качествами в основном и отличалась казахская устная поэзия.

Слабость поэтического и музыкального творчества кочевников состояла в том, что оно было только устным. Например, все казахские лирические или лирико-эпические произведения переходили устно из одного рода в другой, от одного племени к другому, из одного жуза в другой жуз, от поколения к поколению. В силу этого все они подвергались систематическому и повседневному изменению: или обогащались, или обеднялись.

Изменения произведений народного творчества были неизбежными, так как даже самая выдающаяся человеческая память не в состоянии точно воспроизвести устные повествования длинных эпических поэм. Все это не могло не придавать ей в большинстве случаев отрывочный и лоскутный характер.

---

[1] *Валиханов Ч. Ч.* Полное собрание сочинений.— Записки ИРГО, т. XXIX. Спб., 1904, стр. 192.

Пятый. Кочевое скотоводство всегда было связано с патриархально-родовым бытом. Кочевники в процессе своего круглогодичного кочевания могли обеспечить сохранность имущества и свою безопасность только путем союза родственных племен, поддержания родовых связей, только путем сохранения патриархально-родового быта.

Общая территория казахского народа никогда не была территорией народа, объединенного в одном государстве. Каждый из трех казахских жузов совершал кочевое передвижение в определенной зоне казахских степей без каких бы то ни было установленных границ с другими жузами. Каждое большое племя внутри жуза тоже кочевало в основном в зоне, местность которой была хорошо знакома каждому из кочевников данного племени. Каждый кочевой аул стремился не отставать от своих сородичей. В кочевом обществе с патриархально-родовым бытом никаких экономических и политических условий для раздела земель между полуфеодальными кочевыми султанами, батырами, баями и биями не было.

Главы родов — представители эксплуататорской верхушки в лице батыров, баев, биев под прикрытием патриархально-родовых традиций, эксплуатировали патриархальных рабов и бедных сородичей (малай и консы), под различными предлогами грабили более слабые роды[1]. На этой почве происходили межродовые распри, внутренние патриархально-феодальные междоусобные войны («жауласу»), от которых, в конечном счете, страдали эксплуатируемые массы населения. Открытое рабство мужского пола в казахской степи исчезло только после добровольного присоединения казахских жузов к России, которое в корне изменило политическую обстановку. «Прекратились войны и распри между племенами, поставлявшие контингент пленников-рабов, обеднел правящий класс, владевший вечными слугами (туленгутами), и не стало рабства в казахской степи»[2].

[1] «Стоя на низшей ступени гражданского развития, кочевой казах застыл на понятии о роде, далее этого он ничего не знает. Государство, народ — для него только звуки без значения. Один род грабит другой, даже родственный ему, а никто не помышляет о союзе, о слиянии в один крепкий и могучий народ». (Терентьев М. А. Очерк I. Сыр-Дарьинская линия в 1862, 1863 и 1864 годах.— Записки ИРГО по отделению статистики, т. 4. Спб., 1874, стр. 77).

[2] *Крафт И. И.* Из киргизской старины. Оренбург, 1900, стр. 105.

В степных просторах, где кочевые племена не могли обособиться друг от друга, они постоянно смешивались как в процессе своих кочевых передвижений, так и в результате войн. Общность языка, психического склада и обычаев у казахов на всей необъятной территории Казахстана объясняется именно этим фактом. Консервативность патриархально-родового быта заключалась в том, что «каждый жил так, как иостари жил весь род, как завещали отцы и деды. Теряя связь с родом, кочевник утрачивал свои права»[1].

Попытки отдельных казахских ханов организовать единое государство не могли увенчаться успехом именно вследствие родо-племенной обособленности казахского населения. Патриархально-родовой быт казахов объединял людей в роде, но разъединял их на мелкие родоплеменные группы.

Все эти охарактеризованные выше признаки кочевого скотоводства, вместе взятые, препятствовали развитию производительных сил и изменению производственных отношений кочевого общества, задерживали его развитие, веками консервируя патриархально-феодальные отношения.

* * *

Экстенсивно-пастбищное скотоводство прошло длинный путь своего развития от первобытного комплексного, сочетавшего в себе первобытное пастушество с мотыжным земледелием, до кочевого скотоводства, затем от круглый год кочевавшего скотоводческого хозяйства до полукочевого и оседлого экстенсивно-пастбищного скотоводческого хозяйства, сочетавшегося уже с сенокошением и хлебопашеством.

Существенная особенность экономического строя дореволюционного Казахстана в том и состояла, что он представлял собою конкретное целое в сложном многообразии, сочетавшем в себе признаки различных стадий экономического развития казахского народа. Это наглядно показывает весь путь исторического развития общественного производства, весь путь исторического развития

[1] *Коншин Н.* К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние. В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 год. Семипалатинск, 1898, стр. 30.

земельных отношений у казахов, по крайней мере с момента образования казахского кочевого ханства.

На обширной территории дореволюционного Казахстана существовали параллельно разные формы земельных отношений, начиная от древних, изживавших себя патриархально-феодальных отношений, характерных для периода господства круглый год кочевавшего скотоводческого хозяйства и кончая общинно-аульной формой земельных отношений, характерной для оседлого скотоводческо-земледельческого хозяйства, связанного с проникновением в аул элементов капиталистических производственных отношений. Между этими полярными формами земельных отношений существовала переходная или промежуточная форма, которая была характерна, главным образом, для полукочевого скотоводческого хозяйства, со свойственным ему образом жизни.

Общество казахов в XVII—XVIII вв. в своих основных чертах характеризовалось кочевым скотоводством с большим радиусом кочевания, частным скотовладением при общинном владении пастбищем, патриархальным рабством и полуфеодальной эксплуатацией, родоплеменным устройством с калымом и многоженством, выражавшими порабощенное положение женщин, военноплеменным полуфеодальным государственным образованием в виде кочевого ханства с данью и даннических отношениями, беспрерывными грабительскими внешними и внутренними войнами, неписанным обычным правом, культом предков и скота. Все эти явления были внутренне между собой связаны и в своей совокупности характеризовали достигнутый уровень развития кочевого скотоводческого общества, как патриархально-феодального.

Итак:

1. Низкий уровень развития производительных сил кочевого скотоводческого общества казахов XVII—XVIII вв. был обусловлен спецификой средств производства. Производительные силы этого общества складывались из таких элементов как: пастух с определенными трудовыми навыками (рабочая сила), стада и табуны, вместе с мелким инвентарем (орудия труда), естественное пастбище (предмет труда). Тот факт, что в качестве основного средства производства выступал живой скот, который не поддавался быстрому усовершенствованию ни механическим, ни химическим путем показывает исто-

рическую ограниченность возможности прогрессивного развития кочевого скотоводческого общества.

2. Производственные отношения казахских кочевников XVII—XVIII вв. были раннефеодальными, полуфеодальными, то есть патриархально-феодальными отношениями, в основе которых лежала частная собственность на стада и табуны при общинной форме владения пастбищем. Общинная форма землевладения при частной собственности на скот у кочевников, обусловленная спецификой скотоводческого хозяйства и низким уровнем развития производительных сил кочевого общества, в свою очередь тормозила процесс развития производительных сил и дальнейшую дифференциацию социальных отношений среди кочевников. Характерная особенность патриархально-феодальных отношений, как переходного типа производственных отношений, состоит в переплетении элементов раннефеодальных отношений с элементами рабовладельческих и патриархальных отношений.

3. Основными социальными группами кочевого общества казахов XVII—XVIII вв. были: патриархально-феодальные скотовладельцы, свободные общинники — трудовые скотоводы, полузависимые бедные кочевники и патриархальные рабы. Частное скотовладение было главным экономическим условием эксплуатации человека человеком и определяло имущественное положение людей в кочевом обществе. Присвоение скотовладельцами прибавочного продукта, созданного трудом патриархальных рабов и зависимой бедноты, характеризовалось как патриархально-феодальная форма эксплуатации в кочевом скотоводческом обществе казахов. Многоженство патриархально-феодальной верхушки и калым по своему происхождению и существу есть одна из форм конкретного проявления патриархального рабства.

4. Кочевое ханство казахов XV—XVIII вв. возникло на базе патриархально-феодальных отношений кочевого скотоводческого общества. Оно выступило как аппарат насилия в руках полуфеодального господствующего класса крупных скотовладельцев, представляя собой начальную стадию развития государственности, сохранившей в себе еще все основные черты и признаки «военной демократии». Война велась, главным образом, ради грабежа. Грабеж считался более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Существовала

дань и даннические отношения, которые следует рассматривать вместе с грабежом, как одно из проявлений патриархально-феодальных отношений.

5. Кочевое скотоводческое хозяйство тормозило процесс отделения умственного труда от физического, не способствовало накоплению богатств материальной и духовной культуры. Почти все кочевники не имели письменности, они были поголовно неграмотными.

6. Добровольное присоединение казахских жузов к России было выражением коренных интересов народных масс, их стремлений выйти из создавшегося критического как внутреннего социально-экономического, так и внешнеполитического положения. Это было большим прогрессивным явлением в исторической борьбе кочевого общества казахов. Экономическим результатом присоединения казахских жузов к России явились: рост производительных сил общества на основе оседания кочевников, появление полукочевого и оседлого скотоводческо-земледельческого и земледельческо-скотоводческого типа хозяйств, развитие общественного разделения труда в виде появления населенных пунктов и городов и постепенное перерастание патриархально-феодальных отношений кочевников в феодальные и капиталистические отношения.

7. Ошибочные положения теории «кочевого феодализма» Б. Я. Владимирцева и его последователей состоят: в отождествлении ими основных средств производства кочевого скотоводческого хозяйства и оседлого земледелия, которые были различными сферами материального производства, имевшими различные орудия и предметы труда, следовательно, различную технологию производства; в отождествлении патриархально-феодальных, переходного типа, производственных отношений кочевников с развитыми феодальными отношениями, характеризовавшимися сословно-монопольным землевладением и крепостничеством.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., тт. 1, 3, 8, XVI, XXIV, XXVII.

Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т. I. М., 1952.

Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма. М., 1947.

Архив Маркса и Энгельса, т. I, (VI). М., 1933.

Архив Маркса и Энгельса, т. V. М., 1938.

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951.

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1939.

Маркс К. К критике политической экономики. Л., 1952.

Маркс К. Капитал, т. I, 1952; т. II, 1951; т. III, 1951.

Маркс К. Нищета философии. М., 1938.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости, т. III. М., 1936.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV т. «Капитала»), ч. I. М., 1954.

Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV т. «Капитала»), ч. II. М., 1957.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.

Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии (664—1858). Л., 1947.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1955.

Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1935.

Энгельс Ф. К истории древних германцев. М., 1938.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Л., 1953.

Ленин В. И. Соч., тт. 1, 2, 3, 4, 5, 13, 14, 18, 21, 22, 25, 27, 29, 32, 33, 35.

Ленин В. И. Философские тетради. Л., 1947.

Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и Пленумов ИККИ (1919—1932 гг.). М., 1933.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, ч. I. М., 1953.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР об орошении и освоении целинных земель Голодной степи в Узбекской ССР и Казахской ССР для увеличения производства хлопка.— Правда, 1956, 11 августа.

Программа Коминтерна. М.— Л., 1931.
Резолюции XX съезда КПСС (14—25 февраля 1956 г.). М., 1956.
Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.
Хрущев Н. С. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XX съезду партии. М., 1956.
Хрущев Н. С. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 23 февраля 1954 года. М., 1954.
Хрущев Н. С. Доклад на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, посвященный 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957.
Хрущев Н. С. Речь на совещании строителей.— Правда, 1956, 1 августа.
Декларация совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 г.— Правда, 1957, 22 ноября.
Манифест мира, принятый делегациями коммунистических и рабочих партий на совещании в Москве 16—19 ноября.— Правда, 1957, 23 ноября.
Обращение КазЦИКа ко всем трудящимся Казахстана, ко всем аульным батракам, беднякам и середнякам от 30 августа 1928 г.— Народное хозяйство, 1928, № 8.
Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Казахстане и образование Казахской АССР. Алма-Ата, 1947.
Постановление СНК КАССР об установлении кочевых, полукочевых и оседлых районов Казахстана, от 30 августа 1928 г.— Народное хозяйство, 1928, № 8.
Стенографический отчет совещания передовиков животноводства с руководителями партии и правительства. М., 1936.

* * *

Авдиев В. И. История древнего Востока. Л., 1933.
Адрианов А. В. Айран в жизни минусинского инородца.— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. XXXIV. Спб., 1909.
Алекторов А. Очерки внутренней киргизской орды.— Известия Оренбургского отдела ИРГО, вып. II. Оренбург, 1893.
Айру А. Феллахи Египта. М., 1954.
Аничков И. Очерки народной жизни Северного Туркестана. Ташкент, 1899.
Анучин Д. Н. К древнейшей истории домашних животных в России.— Труды VI археологического съезда в Одессе (1884 г.), т. I. Одесса, 1886.
Апполова Н. Г. Присоединение Казахстана к России. Алма-Ата, 1948.
Аристов Н. А. Заметки об этническом составе турецких племен и народностей и сведения об их численности.— Живая старина, вып. III и IV. Спб., 1896.
Баллюзек Л. Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие, в Малой Киргизской Орде силу закона.— Записки Оренбургского отд. ИРГО. Казань, 1871.
Бартольд В. В. Из прошлого турок.— Журнал для всех, 1917, №№ 2, 3, 4.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928.
Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана. Спб., 1914.
Бартольд В. В. Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1927.
Бартольд В. В. Мусульманский мир. Пг., 1922.
Бартольд В. В. О Христианстве в Туркестане в домонгольский период. Спб., 1893.
Бартольд В. В. Очерки истории Семиречья. Фрунзе, 1948.
Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Спб., 1900.
Бахрушин С. В. и Токарев С. А. Якутия в XVII веке (очерки). Якутск, 1933.
Башарин Г. П. О Патриархально-феодальных отношениях в Якутии конца XVIII — первой половины XIX века.— Вопросы истории, 1955, № 3.
Бичурин Н. Я. (Иакинф) Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Спб., 1829.
Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, чч. I, II. М.—Л.—1952, ч. III. М.—Л., 1953.
Белинский В. Г. Собрание сочинений. Спб., 1883.
Белявский Ф. Ислам и культура арабов. Спб., 1913.
Бенькевич В. Я. Животноводство в Тургайской области и его экономическое и хозяйственное значение для населения.— Труды Тургайского областного земельного комитета, вып. 3. Оренбург, 1918.
Берг Л. С. Рыбы и рыболовство в устье Сыр-Дарьи и Аральском море.— Труды императорского общества судоходства, ч. II, вып. I. Спб., 1900.
Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.
Боголюбский С. Я. Александр Александрович Браунер (к восьмидесятилетию со дня рождения). В кн.: Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I. М.—Л., 1940.
Бродневъ М. М. От родового строя к социализму (по материалам Ямало-Ненецкого национального округа).— Советская этнография, 1950, № 1.
Броневский С. Б. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды.— Отечественные записки, ч. 43. Спб., 1830.
Валиханов Ч. Ч. Полное собрание сочинений.— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. XXIX. Спб., 1904.
Валиханов Ч. Ч. Статьи. Переписка. Алма-Ата, 1947.
Валь К. С. К истории экономических отношений у киргиз.— Научное обозрение, 1901, № 1.
Васильев А. В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896.
Васильев В. А. Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг., 1915.
Васильев Николай. Кочевники Туркестана (опыт экономического обзора). Самарканд, 1890.
Веит Е. Аравия. М., 1930.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о Касимовских царях и царевичах, чч. I—IV. Спб., 1864.

Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и отношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абул-Хайр-хана (1748—1765 гг.), т. I. Уфа, 1853.

Веселовский Н. И. Несколько пояснений касательно ярлыков, данных ханами Золотой орды русскому духовенству.— Записки этнографии, т. XXXIV. Спб., 1909.

Вильямс В. Р. Основы земледелия. М., 1947.

Виппер Р. Ю. История средних веков. М., 1947.

Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., т. III. Казань, 1897.

Владимирский В. А. К вопросу о переходе киргиз в оседлое состояние. В кн.: Отчет ИРГО за 1901 год. Спб., 1902.

Владимирцев Б. Я. Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). Л., 1934.

Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948.

Вяткин М. П. Батыр Срым. М.—Л., 1947.

Вяткин М. П. Очерки по истории КазССР, т. I. Л., 1941.

Вяткин М. П. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII — нач. XIX вв. Введение. В кн.: Материалы по истории КазССР, т. IV. М.—Л., 1940.

Даль В. И. Майна, Бикей и Мауляна. Соч., т. VII. М., Спб., 1898.

Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья. В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955.

Лама Галсан-Гомбоев. О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини.— Труды восточного отд. импер. археолог. об-ва, ч. 4. Спб., 1859.

Гейер И. И. В устье Сыр-Дарьи. Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. VII. Ташкент, 1899.

Гейер И. И. Голод и колонизация в Сыр-Дарьинской области. Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. III. Ташкент, 1894.

Гейнис А. К. Киргизские очерки.— Военный сборник, 1866, № 6.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. II. Спб., 1799.

Герберштейн С., Барон. Записки о московских делах (перевод Малеина). Спб., 1908.

Голощекин Ф. И. Партийное строительство в Казахстане. М., Алма-Ата, 1930.

Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX—XIII вв. Киев, 1884.

Гольмстен В. Возникновение скотоводства в восточном Египте. В кн.: Проблемы происхождения эволюции и породообразования домашних животных, т. I. М.—Л., 1940.

Гонтарев А. Ф. Описание естественноисторических условий Западного района Актюбинского уезда.— Первой Буртинской, Илекской, Тузтюбинской и Хобдинской волостей. В кн.: Очерки естественноисторических условий по волостям Актюбинского уезда. Оренбург, 1915.

Гордон Л. Р. Аграрные отношения в северно-западной провинции Индии (1914—1917 гг.), М., 1953.

Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949.

Довженок В. И. К истории земледелия у восточных славян в 1 тысячелетии н. э. и в эпоху Киевской Руси. В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, сб. I, М., 1952.

Григорьев В. В. О скифском народе саках.— Труды восточного отделения имп. русского археологического общества, ч. 16. Спб., 1872.

Григорьев В. В. Письма из Зауральской степи.— День, 1862, 1 сентября.

Гродеков Н. И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. I. Юридический быт. Ташкент, 1889.

Гурвич И. С. Социалистическое переустройство хозяйства и быта якутов бассейна Оленека и Анабары.— Советская этнография, 1950, № 1.

Даулбаев Б. Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год.— Записки Оренбургского отдела ИРГО, вып. IV. Оренбург, 1881.

Диваев А. Аткамнары (страница из жизни киргиз). Сб. материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. III. Ташкент, 1894.

Диваев А. Из области киргизского скотоводческого хозяйства.— Туркестанские ведомости, 1904, № 102, 1905, № 4.

Диваев А. Несколько слов о благосостоянии наших киргиз.— Окраина, 1894, № 65.

Джамбул Джабаев. Собрание сочинений. Алма-Ата, 1946.

Добросмыслов А. И. Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1912.

Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края, 1734, т. I. Оренбург, 1900.

Добросмыслов А. И. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург, 1895.

Дракин Л. Н., Цинков М. Ю. и Бегучев А. П. Увеличить производство продуктов животноводства. М., 1956.

Друвиль Госпар. Путешествие в Персию в 1812 и 1813 годах, ч. II. М., 1826.

Ежегодник Туркестанского статистического комитета, вып. IV. Спб., 1876.

Елисеев А. Обитатели Каменистой Аравии. Спб., 1883.

Жозуэ Де Кастро. География голода. М., 1954.

Журнал веденный при обозрении части киргизской степи в ученом отношении титулярным советником Карелиным в 1831 г.— Известия ИРГО, 1890, т. 25.

Журнал совещания о землеустройстве киргиз. Спб., 1907.

Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862.

Завалишин И. Описание Западной Сибири, т. III. Сибирско-киргизская степь. М., 1867.

Загряжский Г. С. Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи.— Туркестанские ведомости, 1874, № 27.

Записки ИРГО, кн. 4. Спб., 1861.

Земледельческий журнал, издаваемый Импер. Московск. обществом сельского хозяйства, т. XIX. М., 1827.

Зибер Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937.

Зиманов С. и Еренов А. О характере феодальной собственности на землю в Казахстане.— Труды Алма-Атинского юридического института, т. I. Алма-Ата, 1955.

Златкин И. Я. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов.— Вопросы истории, 1955, № 4.

Златкин И. Я. Монгольская Народная Республика — страна новой демократии. М.—Л., 1950.

Златкин И. Я. О феодальной земельной собственности у кочевых народов. Стенограмма доклада, прочитанного в Институте востоковедения, АН СССР 22/XII—1952 г.

Зобнин Ф. К вопросу о невольниках и тюленгутах в киргизской степи. В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 год. Семипалатинск, 1902.

Золотарева А. М. и Левин М. Г. К вопросу о древности и происхождении оленеводства. В кн.: Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I. М.—Л., 1940.

Иванов П. В. Верблюдоводство. Алма-Ата, 1934.

Иванов П. В. Верблюд и его изучение. Кзыл-Орда, 1926.

Иванов П. В. Джут 1927—28 г. в Сыр-Дарьинской губернии.— Труды общества изучения Казахстана, т. X. Алма-Ата, 1929.

Иванов П. П. Очерки истории каракалпаков. Материалы по истории каракалпаков.— Труды Института востоковедения, т. VII. М.—Л., 1935.

Индейцы Америки. Этнографический сборник. М., 1955.

История государства и права Казахстана, ч. I. Проспект, Алма-Ата, 1954.

История Монгольской Народной Республики. М., 1954.

Кажанов Н. Сельское хозяйство Туркестана. В кн.: Типы хозяйства Туркестана. Ташкент, 1924.

Караваев В. Ф. Голодная степь в ее прошлом и настоящем. Пг., 1914.

Карамзин Н. М. История государства Российского, тт. III, IV, X. М., 1903.

Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. Спб., 1910.

Кастанье И. А. Древности киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910.

Марк Порций Катон. Земледелие. Перевод и комментарии М. Е. Сергеенко. М.—Л., 1950.

Кауфман А. А. Русская община в процессе ее зарождения и роста. Спб., 1908.

Кауфман А. А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Спб., 1903.

Качинский Н. А. Происхождение и жизнь почвы. М., 1948.

Кашенко Н. О. Развитие человеческого господства над организованной природой. В кн.: Научные очерки Томского края. Сб. публичных лекций. Томск, 1898.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Кисловский Д. А. Материалы к построению теории племенной работы (анализ племенной работы в породе Redpool). В кн.: Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I. М.—Л., 1940.

Климович-Люциан. Происхождение ислама. В кн.: Ислам, М., 1931.

Колмогоров Г. О промышленности и торговле в киргизских степях Сибирского ведомства.— Вестник ИРГО, вып. I. Спб., 1855.

Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. Изд. Канцелярии Комитета Министров. Спб., 1900.

Коншин Н. Земледелие и хлебная производительность Семипалатинской области. В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г. Семипалатинск, 1898.

Коншин Н. К вопросу о переходе киргиз Семипалатинской области в оседлое состояние. В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 г. Семипалатинск, 1898.

Коншин Н. Материалы для истории степного края (открытие Аягузского округа). В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г., вып. II. Семипалатинск, 1900.

Коншин Н. Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г., вып. V. Семипалатинск, 1901.

Коншин Н. По Усть-Каменогорскому уезду (путевые заметки). В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1899 г. Семипалатинск, 1899.

Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951.

Корнеев А. К истории земледелия в России.— Вопросы экономии, 1949, № 7.

Косминский Е. А. История средних веков, т. I. М., 1952.

Костенков К. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. Спб., 1870.

Костенков К. Исторический очерк происхождения калмыцкого народа и отношение к нему русского правительства. Спб., 1870.

Костенко Л. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. Спб., 1870.

Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Материалы для географии и статистики России, т. III. Спб., 1880.

Кранихфельд В. П. Степное киргизское хозяйство в Уральском уезде. В кн.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 г. Саратов, 1898.

Красовский М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Область сибирских киргизов, чч. I, II, III. Спб., 1868.

Крафт И. И. Из киргизской старины (уничтожение рабства в киргизской степи),— Тургайские областные ведомости, 1899, №№ 50, 51.

Крафт И. И. Из киргизской старины (султаны, тарханы и бии). Оренбург, 1900.

Крафт И. И. К вопросу о телесном наказании.— Тургайские областные ведомости, 1899, № 40.

Крафт И. И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898.

Кудряшов К. В. Половецкая степь. М., 1948.

Культелеев Т. М. Уголовное обычное право казахов. Алма-Ата, 1955.

Кунанбаев Абай. Стихотворения, поэмы, проза. М., 1954.

Кучкин А. П. Ликвидация казахских баев-полуфеодалов в 1928 г.— Исторические записки, 1950, № 35.

Левшин А. Описание киргиз-кайсакских или киргиз-казачьих орд и степей, чч. 1, 2, 3. Сбп., 1832.

Леонтович О. И. Калмыцкое право, ч. I. Одесса, 1880.

Либералов П. Д. К истории земледелия у скифских племен подднепровья эпохи раннего железа в VI—II. вв. до нашей эры. В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, сб. I. М., 1952.

Давид Ливингстон. Путешествия и исследования в южной Африке с 1840 по 1855 гг. М., 1955.

Липперт Ю. История культуры. Спб., 1899.

Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатически-военном отношениях. Спб., 1900.

Люксембург Роза. Введение в политическую экономию. М.—Л., 1929.

Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. I. М., 1947.

Мавродин В. В. К вопросу об «антах» Псевдомаврикия.— Советская этнография, 1954, № 2.

Мавродин В. В. Образование единого русского государства. Л., 1951.

Маковецкий Н. Киргизские степи Акмолинской области.— Записки Западно-Сиб. отд. ИРГО, кн. XV, вып. III. Омск, 1893.

Максимов А. Н. Скотоводство малокультурных народов.— Ученые записки Института истории Рос. ассоц. научно-исследов. институтов общественных наук, т. II. М., 1927.

Макшеев А. И. Географические сведения книги Большого чертежа о киргизских степях в Туркестанском крае.— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. VI. Спб., 1880.

Макшеев А. И. Несколько замечаний о путешествии Дженкинсона в Хиву в 1559 году.— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. VI. Спб., 1880.

Малиновский И. А. Начальная страница истории смертной казни. (Кровавая месть).— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. XXIV. Спб., 1909.

Маев Н. Очерк истории киргизского народа с 1732 по 1866 гг.— Ежегодник Туркестанск. стат. комитета, вып. II. Спб., 1873.

Материалы для обсуждения. Очерки из истории туркестанского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., под ред. А. Ю. Якубовского. Ашхабад, 1954.

Материалы комиссии экспедиционных исследований, вып. 13, серия Казахстанская. Особенности сельского хозяйства Адаевского уезда. Л., 1928.

Материалы комиссии экспедиционных исследований. Казахи. Вып. 15. Л., 1930.

Материлы по истории земледелия СССР, Сб. I. М.—Л., 1952.

Материалы по истории каракалпаков.— Труды Института востоковедения, т. VII. М.—Л., 1935.

Материалы по истории Казахской ССР, т. II, ч. 2 (1741—1751 гг.). Алма-Ата, 1948.

Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.), т. IV, М.—Л., 1940.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Иранские, Бухарские и Хивинские источники XVI—XIX вв., т. II, — Труды Института востоковедения, т. VIII. М.—Л., 1938.

Материалы по казахскому обычному праву, сб., ч. I. Алма-Ата, 1948.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Уральский уезд. Оренбург, 1909.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Темирский уезд. Оренбург, 1910.

Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией Ф. А. Щербины, т. I. Воронеж, 1898; т. II, Воронеж, 1902; т. III. Спб., 1907; ч. 2, Чернигов, 1909; т. IV, Воронеж, 1903; т. V, Воронеж, 1903; т. VI. Спб., 1905; т. VII, Воронеж, 1903; т. VIII. Спб., 1909; т. IX. Спб., 1905; т. X. Спб., 1909, т. XI, Омск, 1902; т. XII, Спб., 1908; т. XIII. Спб., 1906.

Материалы по истории Татарии, вып. I. Казань, 1948.

Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева. Лепсинский уезд, т. I, вып. I. Киргизское хозяйство. Спб., 1911; Капальский уезд, т. II, Киргизское хозяйство. Спб., 1913; Джаркентский уезд, т. III, Киргизское хозяйство. Спб., 1912; Верненский уезд, т. IV, Киргизское хозяйство. Спб., 1913.

Материалы по киргизскому землепользованию Сыр-Дарьинской области, собранные и разработанные под руководством П. А. Скрыплева в 1906—1912 гг., т. I, Ташкент, 1903; т. II, Ташкент, 1910; т. III, Ташкент, 1911; т. IV, Ташкент, 1912; т. V, Ташкент, 1913.

Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.

Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865.

Мичурин И. В. Соч., т. IV, 1948.

Наливкин В. Краткая история кокандского ханства. Казань, 1886.

Народы Африки. М., 1954.

Нестерчук Ф. Я. Водное хозяйство Китая. Сб. Из истории науки и техники Китая. М., 1955.

Неусыхин А. И. К вопросу о первом этапе возникновения феодально-зависимого крестьянства как класса. Сб. Средние века, вып. VI. М., 1955.

Неусыхин А. И. Роль земледелия в хозяйственной жизни древних германцев.— Ученые записки Института истории Рос. ассоц. научно-исследов. институтов общественных наук, т. II. М., 1927.

Неусыхин А. И. Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII—XI веках. Сб., Средние века, вып. IV. М., 1953.

Никульшин Н. П. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939.

Обручев В. А. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. М., 1956.

Огановский Н. Краткий исторический очерк переселенческого дела в России. В кн.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 год. Уральск, 1900.

Огановский Н. Очерк развития торговли и промышленности. В кн.: Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1899 г. Саратов, 1899.

Орлов А. С. Казахский героический эпос. М.—Л., 1945.

Остафьев В. Колонизация степных областей. В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области, вып. V. Семипалатинск, 1901.

Островский О. В. Киргизы-земледельцы.— Туркестанские ведомости, 1897, 25 ноября.

Очерк истории СССР, IX—XV вв., ч. I. М., 1953.

Очерк киргизских степей в ветеринарно-санитарном отношении. Спб., 1890.

Очерк работ Тургайско-Уральской переселенческой организации. Оренбург, 1890.

Пальмов, проф. Очерки истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922.

Павлов Н. История Туркестана в связи с кратким историческим очерком сопредельных стран. Ташкент, 1910.

Павлушкова М. А. Крестьянская община в Венгрии в XI—XIII веках. Сб. Средние века, вып. VI. М., 1955.

Пален К. К. Переселенческое дело в Туркменском крае (отчет по ревизии Туркестанского края). Спб., 1910.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, тт. I, II. Спб., 1773.

Певцов М. В. Путешествия по Китаю и Монголии. М., 1951.

Пекарский Э. К. Из преданий о жизни якутов до встречи их с русскими.— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. XXXIV. Спб., 1909.

Першин П. Н. Перспективы развития колхозного производства юга Украинской ССР. Киев, 1952.

Петти Вильям. Экономические и статистические работы. М., 1940.

Переселенческое управление Главного Управления землеустройства и земледелия. Отвод наделов переходящим к оседлости киргизам и их переселение в скотоводческие районы. Спб., 1911.

Писарев Д. И. Избранные философские и общественно-политические статьи. Л., 1949.

Пистоленко В. Из прошлого Оренбургского края. Чкалов, 1939.

Плеханов Г. В. Искусство и литература. М., 1948.

Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. Л., 1939.

Полное собрание законов Российского империи, т. XXVI, № 19773. Спб., 1801.

Полянский Ф. Я. Экономическая история зарубежных стран. Эпоха феодализма. М., 1954.

Потанин Г. Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове.— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. XXIX. Спб., 1904.

Потанин Г. Н. Путешествия по Монголии. М., 1948.

Потанин Г. Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М., 1950.
Потапов Л. И. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии.— Вопросы истории, 1954, № 6.
Прошлое Казахстана в источниках и материалах, ч. I. М., 1935.
Прянишников Д. Н. Частное землевладение. М., 1931.
Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Спб., 1893.
Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. III. Киргизское наречие. Спб., 1870.
Радышева И. Киргизское равнинно-кочевое хозяйство. В кн.: Типы хозяйства Туркестана. Ташкент, 1924.
Рашид-Ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 1, 2. М.—Л., 1952.
Рейснер И. М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954.
Реклю Элизе. Человек и земля, т. I. Первобытный человек. Древняя история; т. 2. Древняя история. Спб., 1906; т. 3. Древняя и новая история; т. 4. Новая история. Спб., 1907; т. 5. Новая и современная история. Спб., 1908; Современная история. Спб., 1909.
Ровинский П. А. Из Нерчинска в Китай с караваном в 1871—72 гг.— Записки ИРГО по отделению этнографии, т. XXXIV. Спб., 1909.
Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. XVIII. Киргизский край. Спб., 1903.
Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. XIX. Туркестанский край. Спб., 1913.
Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.
Румянцев П. П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. Спб., 1910.
Русинов В. В. Водоземельные отношения и община у туркмен. Ташкент, 1918.
Русский вестник, т. 215. Спб., 1891.
Рычков Н. Дневные записи путешествия в Киргиз-Кайсапской степи в 1771 г. Спб., 1772.
Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии, соч. 1762 года. Оренбург, 1887.
Рябов Г. Г. Неиспользованные резервы животноводства в совхозах. М., 1952.
Рязанов А. Ф. Восстание Исатая Тайманова (1836—1837 гг.). Кзыл-Орда, 1927.
Рязанов А. Ф. Исторические предпосылки к вопросу о формировании национальных киргизских частей.— Советская Киргизия, 1924, № 3—4.
Рязанов А. Ф. Прошлое Кзыл-Орды (Ак-Мечеть).— Советская Киргизия, 1925, № 5, 6.
Себепов Г. Термины верблюдоводства у казахов.— Известия КазФАИ, серия языка и литературы, вып. I. Алма-Ата, 1944.
Северцов Н. А. Путешествия по Туркестанскому краю. М., 1947.
Седельников Т. Борьба за землю в киргизской степи. Спб., 1907.

Султан Сейдалин 2-й. О развитии хлебопашества по бассейну реки Тургая.— Записки Оренбургского отдела ИРГО, вып. I. Казань, 1870.

Семенов А. А. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбанихана.— АН Таджикской ССР, Институт истории, труды, т. XII. Сталинабад, 1954.

Сергеев В. История Древней Греции. М., 1939.

Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским, ч. 9. Спб., 1820.

Скалов Б. Естественноисторические условия и хозяйство киргиз южных волостей Темирского уезда.— Вопросы колонизации, 1910, № 6.

Скворцов А. И. Основы экономики земледелия. Л., 1925.

Слободин И. В. К вопросу о развитии и смене систем земледелия. В кн.: Материалы по истории земледелия СССР, сб. I. М., 1952.

Словохотов Л. А. Народный суд обычного права киргиз Малой орды. Оренбург, 1905.

Смирнов В. Д. Крымское ханство. Спб., 1887.

Смирнов Е. Т. Задичавшая страна. Сб. материалов Сыр-Дарьинской области, т. IV. Ташкент, 1895.

Смирнов Е. Т. Сыр-Дарьинская область (описание, составленное по официальным источникам). Спб., 1887.

Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов, чч. I и II. М., 1935.

Соколова М. Н. Свободная община и процесс закрепления крестьян в Кенте и Уэссексе в VII—X веках. Сб. Средние века, вып. VI. М., 1955.

Сосновский Г. Н. К истории скотоводства в Сибири. В кн.: Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I. М.—Л., 1940.

Статистико-экономический обзор Киргизской Советской Социалистической Республики. Оренбург, 1923.

Стеблин-Каменская М. И. К истории восстания султана Кенесары Касымова.— Исторические записки АН СССР, 1942, № 13.

Стеценко М. Горно-кочевое хозяйство. В кн.: Типы хозяйства Туркестана. Ташкент, 1924.

Струмилин С. Г. К истории земледельческого труда в России.— Вопросы экономики, 1949, № 2.

Стэнли Лэн-Пуль. Мусульманская династия. Перевод с английского В. Бартольда. Спб., 1899.

Тарновский К. Н. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян.— Вопросы истории, 1954, № 4.

Тахтарев К. М. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм, ч. II. Л., 1924.

Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии с картами и планами, т. I. Спб., 1906.

Терентьев М. А. Очерк. Сыр-Дарьинская линия в 1862, 1863 и 1864 годах.— Записки ИРГО по отделению статистики, т. 4. Спб., 1874.

Тихонов Т. И. Хозяйственный быт киргизов степного края. Тургайские ведомости, 1901, № 11—12.

Токарев С. А. О культурной общности восточнославянских народов.— Советская этнография, 1954, № 2.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.

Толыбеков С. Е. Вопросы экономики и организации кочевого скотоводческого хозяйства казахов в конце XIX — начале XX вв.— Труды Института экономики АН КазССР, т. II. Алма-Ата, 1957.

Толыбеков С. Е. Кочевое скотоводство и оседлое земледелие как различные сферы материального производства.— Вестник АН КазССР, 1955, № 8.

Толыбеков С. Е. О некоторых вопросах экономики дореволюционного кочевого аула казахов.— Вестник АН КазССР, 1951, № 8.

Толыбеков С. Е. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов.— Вопросы истории, 1955, № 1.

Толыбеков С. Е. О реакционной борьбе казахских султанов и батыров Младшего жуза против добровольного присоединения к России.— Вестник АН КазССР, 1955, № 6.

Томсон Дж. История древнейшей географии. М., 1953.

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена М.

Тураев Б. А. История Древнего Востока, т. I. Л., 1936.

Тургайская область. В кн.: Сибирский торгово-промышленный календарь. Томск, 1899.

Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. XV. Оренбург. 1905; вып. XXV. Оренбург. 1911.

Турсунбаев А. Б. Великий перелом в сельском хозяйстве Семиречья. Алма-Ата, 1950.

Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата, 1950.

Увицкий С. Туркменское пастбищно-земледельческое хозяйство. В кн.: Типы хозяйства Туркестана. Ташкент, 1924.

Удальцова З. Против идеализации гунских завоеваний.— Большевик, 1952, № 10.

Удальцова З., Потемкин Ф. и Крылов Б. Фальсификация исторических событий.— Коммунист, 1953, № 10.

Устав о сибирских киргизах. В кн.: Полное собрание законов Российской империи 1649 года. т. XXXVIII. Спб., 1822—1823.

Ученые записки Института истории Рос. ассоц. научно-исслед. институтов общественных наук, т. II, М., 1927.

Фальк И. Полное собрание ученых путешественников по России, т. V. Записки акад. Фалька. Спб., 1824.

Федоров Е. Материалы по истории Казахской ССР (1785—1825 гг.).— Большевик Казахстана, 1941, № 2.

Федорович Б. А. Лик пустыни. М., 1954.

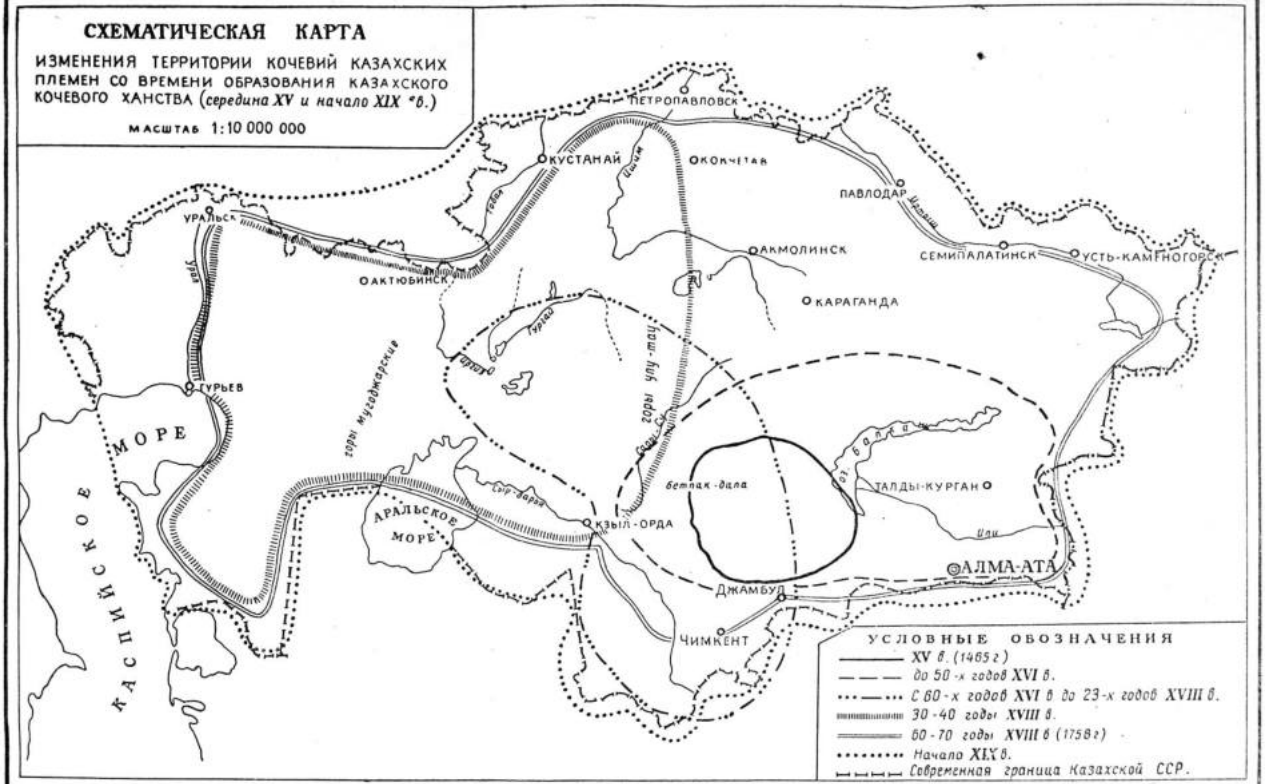
Федчин В. П. Китайский путешественник XIII в. Чан Чунь.— Сб. Из истории науки и техники Китая. М., 1955.

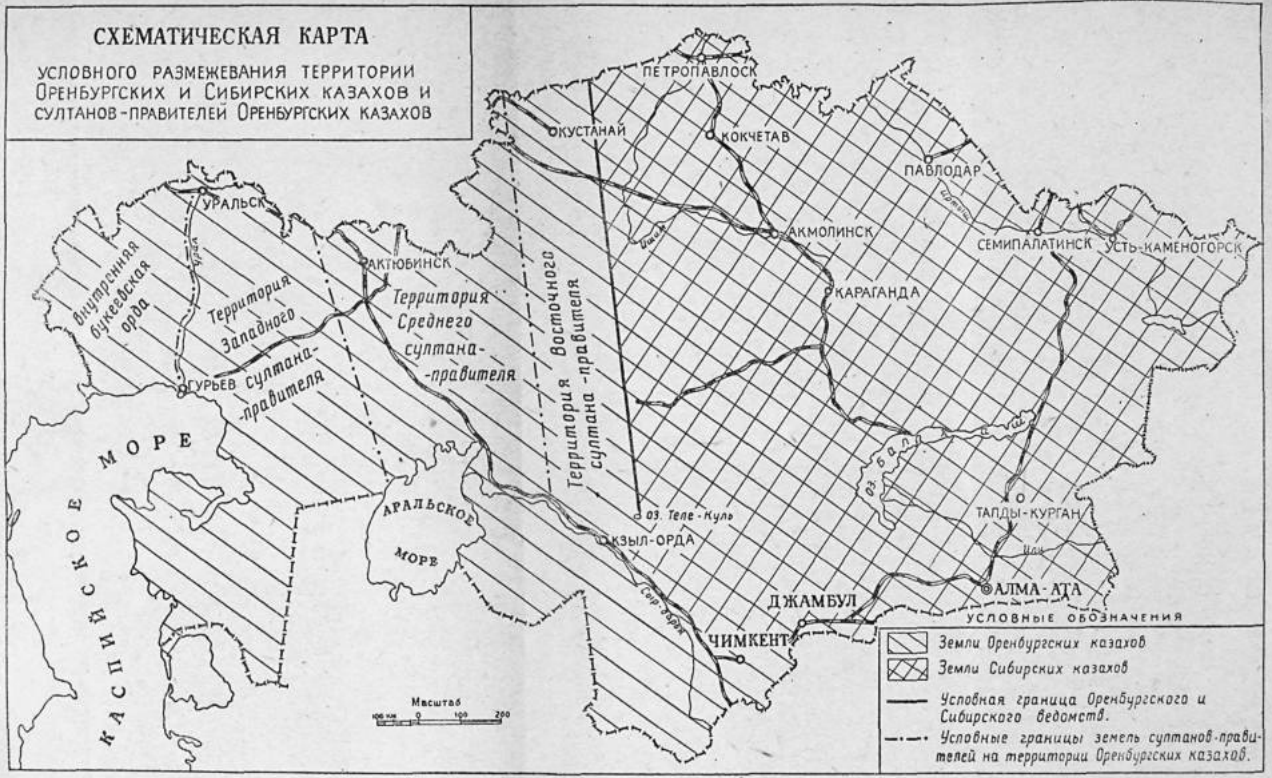
Фон-Герн Вл. Из записной книжки (этнографические заметки). В кн.: Памятная книжка Семипалатинской области на 1898 и 1899 гг. Семипалатинск, 1899.

Фостер Уильям З. Очерк политической истории Америки. М., 1955.

Фрейкин З. Г. Туркменская ССР (экономико-географическая характеристика). М., 1954.

Фукс С. Л. Некоторые вопросы истории казахского государ-

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
ИЗМЕНЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ КОЧЕВИЙ КАЗАХСКИХ ПЛЕМЕН СО ВРЕМЕНИ ОБРАЗОВАНИЯ КАЗАХСКОГО КОЧЕВОГО ХАНСТВА (середина XV и начало XIX в.)
МАСШТАБ 1:10 000 000
ПЕТРОПАВЛОВСК
КУСТАНАЙ
ОКОКЧЕТАВ
ПАВЛОДАР
УРАЛЬСК
АКМОЛИНСК
СЕМИПАЛАТИНСК
УСТЬ-КАМЕНОГОРСК
АКТЮБИНСК
КАРАГАНДА
ГУРЬЕВ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
горы Мугоджарские
горы Уш-тау
Бетпак-дала
ТАЛДЫ-КУРГАН
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
КЗЫЛ-ОРДА
АЛМА-АТА
ДЖАМБУЛ
ЧИМКЕНТ
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
XV в. (1465 г.)
до 50-х годов XVI в.
С 60-х годов XVI в. до 20-х годов XVIII в.
30-40 годы XVIII в.
60-70 годы XVIII в (1758 г.)
Начало XIX в.
Современная граница Казахской ССР.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
УСЛОВНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКИХ И СИБИРСКИХ КАЗАХОВ И СУЛТАНОВ-ПРАВИТЕЛЕЙ ОРЕНБУРГСКИХ КАЗАХОВ
ПЕТРОПАВЛОСК
ОКУСТАНАЙ
КОКЧЕТАВ
ПАВЛОДАР
АКМОЛИНСК
СЕМИПАЛАТИНСК
УСТЬ-КАМЕНОГОРСК
КАРАГАНДА
УРАЛЬСК
АКТЮБИНСК
ГУРЬЕВ
Территория Западного султана-правителя
Территория Среднего султана-правителя
Территория Восточного султана-правителя
Внутренняя букеевская орда
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
оз. Теле-Куль
КЗЫЛ-ОРДА
ТАЛДЫ-КУРГАН
АЛМА-АТА
ДЖАМБУЛ
ЧИМКЕНТ
Масштаб
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Земли Оренбургских казахов
Земли Сибирских казахов
Условная граница Оренбургского и Сибирского ведомств.
Условные границы земель султанов-правителей на территории Оренбургских казахов.

ства.— Известия АН КазССР, серия юридическая, вып. 3. Алма-Ата, 1951.

Харузин А. Киргизы Букеевской орды, т. I. Спб., 1889.

Хвостов М. М. История Древнего Востока. М.—Л., 1927.

Хворостанский П. Киргизский вопрос в связи с колонизацией, 1907, № 1.

Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся Туркестанского края. Спб., 1876.

Хоррабин Дж. Очерки историко-экономической географии мира. М., 1931.

Хохлов И. Тургайская область. Спб., 1906.

Худяков М. Мусульманская культура в Среднем Поволжье. Казань, 1922.

Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.

Чермак Л. К. Вымирают ли киргизы.— Сибирские вопросы, 1906, № 2.

Чермак Л. К. Киргизское хозяйство в степном крае (район железной дороги Петропавловск-Спасский завод в экономическом отношении). Спб., 1912.

Чермак Л. К. Оседлые киргизы-земледельцы на реке Чу.— Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО, кв. XXVII. Омск, 1900.

Чермак Л. К. Формы киргизского землепользования.— Сибирские вопросы, 1908, №№ 23, 24.

Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения, т. III, ч. I. М., 1948.

Чиркин Г. Ф. Положение переселенческого дела в Семиречье. Спб., 1908.

Чорманов И. Заметка о киргизах Павлодарского уезда.— Записки Зап.-Сиб. отд. ИРГО, кн. XXXII, Омск, 1906.

Чулошников А. П. Очерки по истории казах-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, ч. I. Оренбург, 1924.

Цветков П. Исламизм, тт. I—IV. Ашхабад, 1912.

Шарипов С. Ваганалинцы.— Советская Киргизия, 1924, № 3—4.

Шахматов В. Ф. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане.— Вестник АН КазССР, 1951, № 7.

Шахматов В. Ф. и Киреев Ф. Н. Журнал полковника А. З. Горихвостова — пристава при хане Малого жуза Ширгазы Айчувакова (1822—1823 гг.).— Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии и права, вып. 2(5). Алма-Ата, 1957.

Шахматов В. Ф. Внутренняя Букеевская орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946.

Шахматов В. Ф. Институт тюленгутства в патриархально-феодальном Казахстане.— Известия АН КазССР, серия истории, экономики, философии, права. Алма-Ата, 1955.

Шкапский О. Некоторые данные для освещения киргизского вопроса. — Русская мысль, 1897, № 7.

Шмидт Ю. Голодная степь, или пустыня Бетпак-Дала и Чуйская долина.— Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО, кн. XVII, вып. 1 и 2, 1894.

Шмидт Ю. Очерки Киргизской степи к югу Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области. Омск, 1894.

Шнэ В. Зимовки и другие постоянные сооружения кочевников Акмолинской области. — Записки Зап.-Сиб. отдела ИРГО, кн. XVII, вып. 1 и 2, 1894.

Штейнберг Е. Очерки истории Туркмении. М.—Л., 1934.

Щербатова О. А. Верхом на Родине бедуинов в поисках за кровными арабскими лошадьми. Спб., 1903.

Щербина Ф. Киргизская народность в местах крестьянских поселений. Спб., 1905.

Юзефович Б. Ю. О быте киргизов Тургайской области.— Русский вестник, т. 146, 1880.

Юшков С. В. Об основных моментах истории казахского государства.— Известия АН КазССР, серия историческая, вып. 4, 1948.

Якубовский А. Ю. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X веках. — Советская стенография, 1947, № 3.

Якубовский А. Ю. Серьезное исследование по истории таджикского народа.— Коммунист, 1953, № 1.

Фонды № 4, 40, 44, 64, 78, 338, 345, 374, 382, 383, ЦГИА КазССР.

Батырлар жыры, т. I. Алма-Ата, 1939.